

ВАХТАНГОВСКИЙ фронтОВОЙ ТЕАТР

70-летию Великой Победы посвящается

МАРШРУТЫ ПОЕЗДОК ФРОНТОВОГО ФИЛИАЛА ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА.

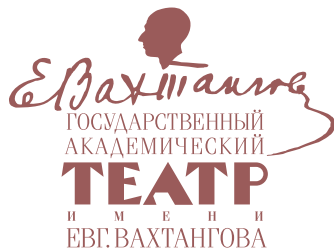

1. Город Тула и окрестности. Февраль-март 1942г.
2. Калининский фронт. Апрель-май 1942г.
3. Юго-Западный фронт. Июнь-июль-август 1942г.
4. Брянский фронт. Ноябрь 1942г.
5. Воронежский фронт. Декабрь 1942г. — март 1943г.
6. Курская дуга Воронежск. фронта. Май-июль 1943г.
7. 1-ый Украинский фронт. Август-ноябрь 1943г.
8. 1-ый Украинский фронт. Январь-май 1944г.
9. 1-ый Украинский фронт. Сентябрь-ноябрь 1944г.
10. 1-ый Украинский фронт. Февраль-июнь 1945г.

ДАНО НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
1941-1945

СПЕКТАКЛЕЙ И КОНЦЕРТОВ.

Издание Государственного академического театра
имени Евг. Вахтангова

ВАХТАНГОВСКИЙ
фронтальной
ТЕАТР

Москва
Издательство «Театралис»
2015

УДК 792.2(470-25)(093.3)
ББК 85.334.3(2)6ю14
В 22
ISBN 978-5-902492-33-7

**Вахтанговский фронтовой театр.
Фронтовые дневники. - М.: Театралис, 2015. 416 с. : ил.**

Большинству дневниковых записей, ставших теперь книгой, более семидесяти лет. И тех, кто когда-то химическим карандашом занес в тетрадь свои наблюдения и впечатления, уже нет с нами. Но, читая сейчас эти откровения, часто совершенно лишенные литературного мастерства, чувствуешь биение горячих сердец актеров-патриотов, пронесших через все ужасы войны веру в победу и желание в меру своего умения и таланта помогать воинам в их ратном подвиге.

УДК 792.2(470-25)(093.3)
ББК 85.334.3(2)6ю14
В 22
ISBN 978-5-902492-33-7

© Государственный академический
театр имени Евг. Вахтангова, тексты. 2015
© Осенева А. Б., дизайн. 2015
© Издательство «Театралис». 2015

Вместе с армией

Однажды, после спектакля, в одной из частей близ Днепра, в разгаре войны к нам подошел боец и очень вежливо, немного стесняясь, спросил: «Скажите, пожалуйста, что значит слово „вахтанговцы“». — Вопрос был для нас неожиданный. Мы знали, что на фронте, особенно на 1-м Украинском, это несколько непривычное для бойцов слово пользуется большой популярностью и даже (теперь это дело прошлое и можно об этом говорить) — любовью. Это мы чувствовали по тем улыбкам, которые появлялись на лицах даже уставших бойцов, когда они узнавали, что приехали наши актеры. Также это было ясно по поведению часовых, для которых слово «вахтанговец» было своего рода пропуском, и они очень мучились и переживали, что пропустить нас без специального пропуска все-таки не могли. И сами мы привыкли, что это слово на фронте стало звучать просто и обычно, как «танкист», «летчик» и т.д. Но тут был задан вопрос серьезно, и надо было на него ответить. Мы сказали, что Вахтангов — это фамилия основателя нашего театра и нашего учителя. На вопрос где сейчас Вахтангов, — мы сказали, что он умер 20 лет тому назад, что большинство актеров из нашего коллектива его даже не знали и учились у его учеников. Нельзя было говорить бойцу глубокомысленные фразы об особенностях театрального стиля Вахтангова, потому что товарищ театральной подготовкой явно не обладал. И мы сказали ему об одной

фразе из дневника Е. Б. Вахтангова: «Надо, чтобы сердце наполнялось радостью при мысли о победоносном пути народа. Надо, чтобы сердце сжималось от боли за тех, кто грубо и неталантливо, слишком поверхностно и эгоистично, недальновидно и малодушно отворачивается, бежит, прячется, уходит от народа,— от тех, кто строит жизнь. От тех, чьи руки создают ценности и выращивают хлеб насущный». И затем мы привели пример из жизни Вахтангова, когда он, будучи уже знаменитым артистом, играя спектакль «Потоп» тяжело больным, и когда дали занавес, он лежал на сцене без чувств, но спектакль доиграл. После этого боец сказал: «Теперь мне понятно, почему у вас хорошо получается на сцене». Этот простой пример железной дисциплины Вахтангова был ему близок и понятен, потому что это чувство выполнения своего долга, невзирая на опасность, было основным у бойцов на фронте. Остальное было объяснить нетрудно, тем более что эти заветы Вахтангова и были для нас той основой, на которой мы начали строить свою фронтową работу.

Фронтową коллектив Вахтанговского театра был организован в феврале 1942 года в городе Омске. Это еще не был тот фронтową театр, который в будущем возил с собой декорации, свою передвижную сценическую установку, имел специальный технических персонал, афиши и т. д. Назывались мы тогда «Фронтową бригадой театра Вахтангова». Состояла эта бригада из 12 человек. Организатором бригады и ответственным руководителем ее был актер И. И. Спектор. Состав был следующий: Т. И. Блажина, А. М. Данилович, В. И. Данчева, В. И. Васильева (только что окончившая школу театра), И. А. Соловьёв, Н. П. Яновский, Н. Н. Мозяйкин, А. К. Граве (тоже со школьной скамьи), баянист театра А. М. Голубев, режиссер А. М. Габович.

В репертуаре был спектакль «Свадебное путешествие» В. Дыховичного и концерт, который предстояло доработать в поездке.

До Москвы нужно было ехать 5–6 суток, так что времени для репетиций было много. Спектакль же был основой всей нашей работы и главной принципиальной установкой бригады. С самого начала нашей работы мы решили добиться возможности играть на фронте целый спектакль везде, где возможно, вплоть до передовой. Правда, что такое «передовая», мы тогда

представляли себе довольно смутно. Проводили нас родственники и товарищи, и будущие фронтовики тронулись в путь.

Едем в поезде, один из актеров, а именно Саша Граве, сочиняет песенку:

«А пока что до свиданья,
Шлем актерский свой привет
И желаем на прощанье
Замечательных побед!»

Тут же придумывается мелодия, и мы решаем, что словами этой песенки актеры будут прощаться со зрителем после каждого концерта. И тепло получается, и чем-то напоминает «Принцессу Турандот».

Купе превращается в репетиционные комнаты, где готовится наш будущий репертуар. Не дают покоя мысли о том, как правильнее нащупать основные принципы нашей будущей работы. Как сделать так, чтобы оказаться достойным великой нашей Армии и не уронить имени нашего театра. Определить идеалы было не очень трудно, найти же практическое решение представлялось делом более сложным. Одно было для нас ясно, это то, что мы хотим показать на фронте целый спектакль. Возможно ли это? Этого мы не знали. Три традиции, свойственные нашему театру, решено было положить в основу работы. Первая — это железная производственная дисциплина на сцене или на той площадке, которая нам заменит сцену. Было решено, что какая бы обстановка нас ни ждала, мы будем помнить, что пока актер на сцене, ничто не должно влиять на его работу. Ни снег, ни ветер, ни солнце, ни условия сцены, ни опасность. Это правило очень нам потом пригодилось. Все пришлось пережить за 3 года работы. Играли и в снег, и в мороз, и в ветер, и снаряды разрывались ближе от сцены, чем им это следовало бы. Но эти простые правила сценической дисциплины, усвоенные актерами еще со школьной скамьи, оказались сильнее всех трудностей.

< Утеряна одна страница >

Тула — это ведь не фронт. «Передовой», где мы так хотели играть спектакль, там быть не может, и потом, что в театре скажут — поехали на фронт, а попали в Тулу. Но с другой стороны, Тула — это особый город, город-герой, немцы были на окраинах города, их только что выгнали оттуда, и нам говорят, что назначение это почетное. Способ передвижения нам тоже не очень нравится. Обыкновенно привычный Курский вокзал, нормальный поезд, как-то не по-боевому. Приезжаем в Тулу и сразу ощущаем, что действительно не простой город, а почти что фронт. Весь город изрезан противотанковыми рвами, всюду надолбы и т. д. Кружат немецкие самолеты. В городе не было ни одного театра, ни одной актерской труппы, поэтому наш приезд явился большим и радостным событием для людей, только что избежавших страшной опасности, — прихода немцев. Обслуживаем мы все военные части в Туле и под Тулой. Играем для знаменитых рабочих батальонов, для геройского особого полка НКВД, которые удержали оборону на подступах к городу. Играем спектакль на торжественном открытии Тульского Дома Красной Армии. В заключение местная партийная и советская организации обращаются к нам с просьбой, чтобы мы открыли своим спектаклем Тульский Драматический Театр, так как труппа театра еще не вернулась. С радостью соглашаемся и на этом заканчиваем нашу работу в Туле. Чувствуем, что принесли большую пользу, но хочется на настоящий фронт.

И вот первая поездка на «настоящий» Калининский фронт. Приезжает за нами пятитонный трофейный «форд», и вечером трогаемся в путь.

Ночью едем по знакомому Ленинградскому шоссе, подъезжаем к Калининну. В темноте видны очертания разрушенных домов, уцелел на главной улице только Дом Красной Армии. Небольшой привал, едем дальше. К утру должны быть на месте. Проезжаем Торжок, который потрясает нас своим страшным видом. Беленький, прелестный городок, в котором не осталось ни одного целого дома. Это был первый пример варварства немцев, которое мы видели на фронте. Ранним утром приезжаем в Управление Калининского

фронта. Несколько дней обслуживаем штаб фронта и наконец получаем назначение в «Хозяйство» (то есть армию) генерал-лейтенанта Лелюшенко — это было на расстоянии 150-ти километров, эти 150 километров мы, вероятно, никогда в жизни не забудем. Распутица стояла такая, что мы добирались до армии 12 суток. Да еще все время шел дождь, но это была неплохая закладка для будущего. Прислан был за нами из Политотдела Армии политрук, звали его Ваню, он не скрывал своего явного недовольства тем, что его, боевого товарища, послали за артистами, поэтому он на всех наших привалах, а их было из-за распутицы примерно столько же, сколько километров, развлекался тем, что стрелял из нагана по воронам, когда же к нему присоединился наш актер Саша Лебедев и тоже стал стрелять, тогда он стал относиться к актерам более уважительно, а к концу поездки было уже условлено, что после войны мы приедем к нему под Тбилиси, где у него папа, мама, братья, сестры и целый гектар винограда, так что стали друзьями. Спасли нас танкисты, которых мы уже в полном отчаянии повстречали на дороге, была заключена сделка на 2 спектакля, они нас с гарантией обещали доставить в армию и они нас отправили на огромном немецком тягаче — это была машина вроде 2-этажного дома. Сваливая по дороге небольшие леса, легко переходя через речки, эта машина доставила нас на место. Началась наша работа на Калининском фронте, и вот настоящая проверка. Километрах в 6–8 немцы. Стало теплее, и мы на воздухе играем первый спектакль. Недалеке виден Ржев. Вряд ли была когда-либо премьера, перед которой так волновались бы наши актеры, как перед этим спектаклем. Сидят ожидающие бойцы. Мучительное чувство ответственности не дает нам покоя. Должен идти спектакль «Свадебное путешествие». Мы знаем, что на этом спектакле почти непрерывно смеются, но сейчас все кажется ужасным. Занавеса нет, дневной свет, маленькая полянка в лесу вместо площадки, гримироваться нельзя, и кажется, что вся затея с показом спектакля не оправдывает себя. Единственное утешение, что смогли аккуратно выгладить все костюмы.

Начинается спектакль. И вот мы видим, как на лицах бойцов появляется улыбка, потом раздается смех, и через пятнадцать-двадцать минут взрывы

хохота многочисленной нашей аудитории стали заглушать далекие разрывы снарядов. Контакт со зрителем был найден. Дружба и взаимная симпатия между актерами и зрителем росли с каждым актом спектакля. Мы чувствовали, что не подвели нашего зрителя и что, пожалуй, мы действительно здесь нужны. Верный наш товарищ на всем протяжении войны — смех, сделал свое дело. Бойцы ушли после спектакля в прекрасном расположении духа. И все трудности — отсутствие занавеса, и дневное освещение — все ушло на второй план. А следующий спектакль вечером состоялся в маленькой избушке, при свете керосиновой лампы, фитиль которой все время поправляли сами зрители. Так началась настоящая работа.

Калининский фронт был, можно сказать, нашей фронтовой весной. Все было впервые, все было интересно и волнующе. Вспоминается первое боевое крещение. Играем концерт для батальона «катюш». Немцы совсем близко. Вдруг недалеко начинают разрываться снаряды. Смотрим и думаем: совсем как в кино — и земля взлетает, и вообще все, как в хорошей картине, — и тут же стало ясно, что это не кино, осколки стали долетать до нашего «зрительного зала». Немцы начали артобстрел, и наш концерт попал в эту зону. Снаряды стали ложиться совсем близко. На сцене Т. И. Блажина и В. И. Васильева пели частушки, а почтенный наш баянист А. М. Голубев аккомпанировал им. Зрители уже, честно, стали ложиться на землю, но актрисы, не получая команды прекратить концерт, слегка дрожащими головами самоотверженно продолжали петь. Театральная дисциплина сказала. Концерт, конечно, прекратили и после окончания налета закончили его в другом месте. В этой поездке мы давали по 4–5 выступлений в день. Относились к нам не только внимательно, но с какой-то особой нежностью. Мы были как бы первые посланцы страны за 10 месяцев войны, страшных, тяжелых месяцев. Однажды одна из актрис спросила воды, и не оказалось кипяченой, когда же мы приехали в следующую часть, нам тут же предложили ведро кипяченой воды, оказывается, им сообщили по телефону, и они тут же ее приготовили. Не забудется чувство гордости, когда мы играли в части майора Жигорева, немцы начали артподготовку и им начали отвечать

наши «катюши», тогда мы впервые увидели эти фантастические, светящиеся снаряды. Вообще здесь мы сразу окунулись в настоящую военную жизнь. Работали напряженно, делая до 20 километров перехода пешком. Однажды попали в Московскую дивизию, где был поставлен рекорд близости к немцам (тогда мы весьма гордились этим обстоятельством). Играли в 500 метрах от них, и перед концертом был выслан разведчик послушать, не слышен ли немцам наш баян. Стали встречать московских друзей и однажды встретили бравого капитана, который оказался Ираклием Андрониковым, и целую ночь он рассказывал нам свои чудесные устные рассказы, тут же мы видели первого пленного немца — это был летчик Борман, которого сбили при нас, тогда это было событие, и на следующий день об этом писали в сводке Информбюро, а через два года мы видели их по 15–20 тысяч, и это было уже в порядке дня.

В результате этой поездки мы могли считать, что опыт показа целого спектакля пошел удачно. Спектакль был большим событием для бойцов.

Газета «Боевое знамя» писала: «Артисты не опустились до уровня примитивной сцены, а подняли эту сцену до уровня большой...» Д.Д. Лелюшенко в письме к И.И. Спектору писал: «Привет Вам, и благодарность всему коллективу во главе с Вами. Добросовестно и искусно работали все вы для нашего общего дела и дали хороший отдых и развлечение моим воинам. Спасибо».

Снова Москва. Небольшой перерыв и выезжаем в третью поездку на Юго-Западный фронт. Станция назначения Валуйки. По дороге читаем, что немцами взят Купянск, это где-то рядом с Валуйками. Доезжаем до станции Старый Оскол. Поезд дальше не идет. Высаживаемся. Официальное, так сказать, передвижение кончается. Решаем все-таки добираться до места согласно предписанию. Погружаемся в товарный пустой состав и доезжаем до Валук. Разгружаемся. Станция вдребезги разбита. Пусто. Город эвакуирован. Комендант в центре — это километров за 8. Погружаемся на грузовик и добираемся до центра города, никого из штаба фронта нет, штаб переехал. С большим трудом узнаем, куда он переехал, и едем обратно на вокзал. Выгружаемся. Оказывается, через 5 минут уезжает последний поезд

на станцию Лиски (Свобода). Бежим погружаться на поезд. Каким образом мы перетаскивали сами наши 25 чемоданов с вещами и костюмами с машины на машину, с поезда на поезд, до сих пор понять не можем. Добегаем до состава, погружаемся в совершенно разбитый товарный вагон и трогаемся по направлению на Лиски. В вагоне этом когда-то возили мел, так что к грязи и черноте актерских лиц и костюмов прибавляются белые, меловые штрихи. Доезжаем до станции Алексеевка, дальше поезд не идет. Сгружаемся, никто не знает, будет ли еще поезд, где-то недалеко немцы. Наконец приходит битком набитый состав, который стоит полторы минуты, молниеносно погружаемся и едем дальше, доезжаем до станции Лиски, воздушная тревога, налет на станцию, поезд угоняют дальше, разгружаемся больше через окна, чем через двери, но несколько чемоданов не успеваем выбросить, и Спектор и Граве едут дальше. Ночь, идем на площадь и ищем защиты от дождя, часа через два возвращаются Спектор и Граве — один чемодан (Ани Данилович) все-таки пропал. Наступает утро, и едем мы дальше на Россось. Доезжаем до станции Евдаково, дальше поезд не идет. Выгружаемся и ждем каких-нибудь составов, подходит состав с цистернами, сесть некуда, второй состав — холодильники, тоже сесть нельзя, наконец приходит третий состав, целая воинская часть, нам разрешают сесть на одну из платформ рядом с машинами, тут подходит комиссар части и говорит, чтобы мы немедленно выгружались, но узнав, что мы актеры, он вспоминает, как он был в Москве в театре Вахтангова, и все улаживается. Едем в Россось, вокруг да около летают немцы и потихоньку бомбят дорогу, глубокой ночью приезжаем в Россось. Сгружаемся, тащим по шпалам наши 25 чемоданов. Глубокая ночь. Станция разбита. Встречает нас патруль, приказывает уйти не ближе, чем 2 км от станции, но это уже физически невозможно, и мы тут же в разбитой поликлинике ложимся и засыпаем. Утром добираемся до Политуправления фронта. Тут выясняется, что от Валуек до Политуправления было по прямой всего 40 км, если ехать на машине. Недолго мы поработали здесь, началось немецкое наступление, почти последними покидаем «мученицу Россось», как назвал ее тогда И. Эренбург. Вокруг все горит.

На душе тяжесть и боль отступления. Едем через Дон. Немцы бомбят переправы. Останавливаемся в небольшом местечке. Просят дать спектакль. Быстро готовим сцену. Возникают сомнения, но мы верны себе, и основой нашего репертуара продолжает быть юмор. И вот думаем: удобно ли в этой, не очень-то веселой обстановке играть наше веселое «Свадебное путешествие». Актеры с особым увлечением, с особой четкостью и ответственностью сыграли спектакль. И не только не ругают нас, а руки жмут, благодарят, называют спектакль патриотическим. «Вы напомнили бойцам о радостной нашей жизни, которую прервала война. И они почувствовали еще раз, за что они дерутся».

Так, играя по дороге спектакли, доехали до Сталинграда. Город еще жил нормальной жизнью. Получили назначение ехать обратно на Дон. Обслуживать армию, занявшую оборону по Дону. Едем обратно. Работаем в армиях, которым впоследствии суждено было оборонять Сталинград. Заканчиваем свою работу, возвращаемся обратно в Сталинград. Все станции горят, и непрерывные налеты. Попадаем сами в один из таких налетов. Сталинград готовится к обороне.

Много было тяжелых моментов за время войны, не раз мы смотрели опасности в глаза, но мы видели, что бойцов никогда не покидало чувство юмора. А ведь юмор рождается от сознания силы, и вот это сознание своей силы, вера в конечную победу никогда не угасали у бойцов. Поэтому наши наполненные юмором спектакли и концерты так радостно принимались. И в эти тяжелые дни мы чувствовали, что нужны здесь, что наша работа помогает Армии.

По мере накопления у нас фронтового опыта уточнялся и увеличивался репертуар, многое становилось понятнее в нашей работе, и на основании наблюдений можно было делать некоторые выводы.

Мы видели, что аудитория на фронте находится в состоянии большого эмоционального напряжения. Бойцы спокойно сидят на спектакле, но все время ощущаешь, что они как бы готовы к прыжку. Война потребовала предельного напряжения всех человеческих сил. Мы видели, как на фронте все

второстепенное уходит на второй план. Большие, чистые мысли и чувства владеют человеком. О войне на фронте не думали — ею жили. Именно потому, что человек всего себя отдавал бою, сражению, именно потому, что весь он был проникнут ненавистью к врагу, в душе его особенно сильны и горячи привязанности к родному дому, к детям, к любимым, к той жизни, которую он защищает.

Эти образы всегда были в сердце бойца. Поэтому среди суровой походной жизни, бойца никогда не покидала потребность в лирике. Необходимо было ответить на эту потребность. Не так просто было это сделать. Одного только профессионального умения было недостаточно. Необходимо было так подобрать репертуар, найти такую простую, душевную и вместе с тем такую высокую художественную форму, чтобы слова, звучащие со сцены, были близкими и родными всей разнообразной аудитории бойцов. У нас в репертуаре была лирическая песенка о старой матери, ожидающей сына. В одной из дивизий солидный, боевой генерал с особым вниманием слушал эту песенку и не скрывал слез, которые навертывались у него на глаза. Рядом сидела старая колхозница (дело было в одной из освобожденных деревень) и тоже плакала. Что-то общее взволновало этих разных людей. Затронуты были простые и большие чувства. Генерал считал, что эта песенка рождает у бойцов гнев и ненависть к врагу больше, чем иная пьеса с большим количеством выстрелов. Мы с ним были совершенно согласны. Это частный пример, но он очень показателен. Нам было ясно, что душевность и простота, так же как и юмор, находят верный путь к сердцу бойца. Надо было добиться этой душевной простоты исполнения, не снижая мастерства и высокого вкуса. На овладение этим уходили те небольшие перерывы, которые у нас бывали между поездками на фронт.

Август 1942 года. Бригада наша реорганизована и превращена во фронтовую филиал Театра имени Евг. Вахтангова, художественным руководителем назначена А. А. Орочко. В труппу вливаются актеры-вахтанговцы, временно работавшие во 2-м фронтовом театре ВТО: И. К. Липский, В. А. Покровский, Р. Н. Оболенская, А. Н. Котрелёв. Из Омска приехали

И. А. Мочалов, Н. М. Лебедев, Б. М. Королёв. Вступила в нашу труппу Е. А. Фадеева. И. И. Спектор был назначен директором фронтового филиала, создается технический аппарат из работников театра Вахтангова. Зав. постановочной частью П. И. Сентюлёв, костюмерша С. В. Верейкина, гример Д. И. Ситнов, электротехник Г. В. Бутырсков. Ставим спектакль «Бессмертный» А. Арбузова и А. Гладкова и выезжаем в очередную поездку на Брянский фронт, где была произведена попытка играть на улице в ноябре, потому что уж очень обидно было, когда в сарае помещалось 300–400 человек, а желающих посмотреть спектакль буквально тысячи. Но дело это оказалось значительно опаснее для здоровья, чем различные обстрелы и бомбежки. В декабре мы выпускаем новый спектакль «Наш корреспондент» И. Меттера и Л. Левина, которому суждено было завоевать длительный и большой успех у фронтового нашего зрителя. Из Омска приехали к нам режиссер А. И. Ремизова и актриса-певица А. М. Бархударова.

В декабре выехали на Воронежский (впоследствии 1-й Украинский) фронт. Долго мы соображали в Москве, как бы попасть на такой фронт, который будет наступать, но, к сожалению, установить это при всей военной опытности мы не могли. И тут нам повезло. Воронежский фронт начал грандиозное наступление — это были дни, вернее дни и ночи, которые с полным правом можно назвать незабываемыми. Мы были прикреплены к танковой армии генерал-полковника, ныне маршала Рыбалко, и вместе с ней начали наступление.

Огромная машина наступления двигалась скрытно, только ночью, а днем все стихало и останавливалось. А мы начинали работать. Вот выдержка из фронтового дневника тех дней И. Мочалова. Дата этой записи 4 января 1943 года.

«...2 часа ночи... Мы все в тех же 2-х крытых брезентом полуторках едем по ровной степной дороге... Едем в колонне воинской части, которая составлена в строгом порядке военного времени. Пронеслись с грохотом и лязгом железа средние, легкие танки, за ними идут 4-тонные огромные американские машины, гремя надетыми на колеса цепями по обледеневшему

профилированному степному шоссе. Потом наши полторки „ГАЗ“, выкрашенные в белый цвет, и вместе с ними едем и мы. По краю шоссе вместе с нами движутся стрелковые части. Бойцы с автоматами, противотанковыми ружьями, со станковыми пулеметами и припасами, погруженными на лыжи, нескончаемой тонкой цепочкой в огромном пространстве степи идут молча, торжественно. Дорога идет с севера на юг. Прямо впереди, и оглянувшись назад, видим огни фар сотен танков и машин, которые мерцают вдали, как огромный город, горящий огнями вечером, когда к нему подъезжаешь, и теряется где-то далеко на горизонте. Только здесь, на фронте видишь эту силу, нашу военную мощь и технику, которая поистине в руках русских богатырей не имеет себе равной. Эта сила движется вперед, на запад, очищая советскую землю. Этой силе веришь, веришь, что она победит, и еще раз, может быть, в последний раз страницы мировой истории будут отданы славе русского оружия, славе русского народа.

Мы подъезжаем к месту очередной остановки, к селению, расположенному на крутых склонах оврагов с редкими островками небольших деревьев. Небольшие коричневые плодовые сады стоят на приусадебных участках, все это впитывает нас в себя, и колонна наша, маскируясь, постепенно стихает, расселяется по квартирам в белых, крытых соломой украинских домах. Дует теплый ветер, тучи низко нависли над белоснежной степью...»

В этой поездке были вознаграждены горечь и боль отступления нашей сталинградской поездки. Мы вместе с танкистами занимали те же города и села, из которых когда-то уходили. Наш коллектив приказом Политуправления был включен в оперативную группу работников Политуправления фронта, выполняя боевое задание по «...поднятию духа у бойцов и командиров в момент наступлений», помогая подъему и организации наступательного порыва. Все спектакли и концерты заканчивались политическими митингами.

Один из командиров, полковник Алексеев, категорически заявил, что все его бойцы без исключения перед наступлением должны посмотреть этот спектакль. Нам было очень радостно слышать, что наша работа становится на фронте необходимой.

Он осуществил это свое желание. Мы для его части играли «Наш корреспондент». Бойцы сидели в полном боевом вооружении. Мы уже знали, что все было подготовлено для удара. Ждали только часа. И вот в середине спектакля раздается резкая команда: «Батальон такой-то на выход». Часть зрителей уходит. Через пять минут опять команда: «На выход». И еще часть наших зрителей покидает зал. Через десять-пятнадцать минут зал был пуст. Зрители все ушли в бой. Но мы через два-три дня доиграли этот спектакль. Те же бойцы досмотрели его. Но многие уже были ранены, а иные уже досмотреть не могли.

Коллектив наш приводил в порядок и открывал Дома Культуры в освобожденных городах. Секретарь РК ВКП (б) г. Россошь тов. Друзь писал: «...Вы пришли к нам вместе с Красной Армией и вновь принесли населению нашего города советскую культуру, наряду с художественными выступлениями вы приняли активное участие в восстановлении городского театра, который начал свою новую жизнь с выступления вахтанговцев». Особым успехом пользовался спектакль «Наш корреспондент», который мы заканчивали словами Ильи Эренбурга: «Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

* * *

В этой поездке было такое огромное количество пленных, что некоторые группы итальянцев сдавались в плен даже нашим актерам, требуя, чтобы им скорее указали, где находится «турма».

Это была поэзия наступления, а была и проза. Одно время за наступающими танками угнаться все-таки мы не смогли и застряли в тылу армии. И вот однажды утром оказалось, что наши молодцы-шоферы, не выдержав того, что они отстали от своей части, сбежали на своих, т.е. наших, машинах, оставив актеров на произвол судьбы. Затем был такой случай. Актеры мылись в бане (а это было приятнейшим и большим событием на фронте). И вот пока они радостно мылись, раздался треск досок, оказывается, баню

стали разбирать, т. к. надо было двигаться дальше. Но так как в основе нашей работы лежал юмор, он и в жизни помогал нам переживать все эти мелкие неприятности, а когда нужно, то и большие.

Конец этой поездки был трудный и, пожалуй, самый опасный в истории нашей фронтовой жизни. Немцы прорвались в районе Белгорода. Надо было вырваться из кольца, и в этот момент у нас сломалась машина. Все части прошли, остались мы одни со сломанной машиной. Машина трофейная, запасных частей нет. Шофер беспомощен. Все мужчины во главе с актером И. А. Мочаловым становятся техниками, все лезут под машину, что-то лихорадочно отвинчивают, привинчивают, а время идет. Женщины притихли... Каждый думает о своем, и мысли эти все грустные... Время идет и идет. И вдруг раздается звук мотора... Заработал. Бешеная работа актеров-техников увенчалась успехом. На полном ходу понеслись вперед. Эту ночь на переправе через Западный Донец около сломанной машины участники долго не забудут.

В этой поездке началась наша дружба с 1-м Украинским фронтом, с которым мы и провели дальше всю войну, и личная наша дружба с начальником Политуправления фронта генерал-лейтенантом С. С. Шатиловым, непрерывная забота которого о нас очень помогла росту нашего Фронтового театра.

По тому приему, который нам оказывали на фронте, по тому приему, который мы получили в Москве на просмотре наших новых спектаклей, мы могли считать, что коллектив художественно растет, крепнет и что спектакли наши стоят на уровне настоящего Вахтанговского театра, без скидок на фронтовые трудности. Помогло нам добиться этого ясное сознание некоторых особенностей работы на фронте. Дело в том, что на фронте есть два пути для актеров. Один из них трудный путь — суровой, внутренней оценки своей работы, и другой, более легкий, — путь внешнего успеха. Нам стало ясно, что успех на фронте почти всегда обеспечен. Бойцы рады самому факту приезда актеров. Мы вовремя поняли, что не следует обольщаться внешним успехом. Бойцы, как правило, слишком добры к актерам, они деликатно скроют, что спектакль или концерт им не очень понравился,

и все равно наградят актеров горячими аплодисментами. Мы помнили об этом, и поэтому приучали себя быть вдвое, втрое придирчивее и строже к себе, чем в обычной обстановке. Мы старались точно различать, действительно ли, по-настоящему тронута и взволнована наша аудитория. Мы отделяли успех, полученный по заслугам, от успеха, рожденного самим фактом приезда актеров. Это позволило нам правильно оценивать как свои достижения, так и промахи.

Приготовили мы новый спектакль «Добро пожаловать» А. Штейна и З. Аграненко и в мае 1943 года снова выехали на Украинский фронт в район Курской дуги.

Театр впервые выехал с полным сценическим оформлением: передвижными конструкциями, кулисами, своими прожекторами, были введены афиши и программы всех спектаклей, все это делалось для того, чтобы у фронтового зрителя создавалось ощущение того, что он побывал в настоящем театре. В этой поездке мы были свидетелями последнего наступления немцев.

Август 1943 года. Снова 1-й Украинский фронт. Стремительное наступление наших войск.

Взят Харьков. Мы уже были в нем однажды. Но нам пришлось его покинуть. Теперь он взят навсегда.

И вот на второй день в театре имени Шевченко мы играем спектакль «Наш корреспондент». Площадь еще обстреливалась немецкой артиллерией, а в театре шел спектакль советских артистов. Попасты в театр было невозможно. Люди висели на окнах и, несмотря на обстрел, не уходили с площади. Трудно описать успех, который достался на долю наших актеров в тот день. После реплики Граве, игравшего роль журналиста Малолеткова в пьесе «Наш корреспондент»: «Я стою на клочке освобожденной советской земли», — зал разражался овациями. Тут мы окончательно почувствовали правильность нашей установки на целостный спектакль. К этому времени актеры наши стали уже весьма опытными военными людьми, надо сознаться, что была особая романтика в том, чтобы бывать на труднейших участках фронта. В этой

поездке мы играли на плацдарме на правом берегу Днепра. Это было задолго до взятия Киева. Вот выдержка из нашего дневника тех дней:

«29/Х-43 г. Сегодня знаменательная дата, едем на правый берег, наша „Коломбина“, как называют пятитонку „рено“ шоферы, плывет по пескам. Вот наконец открывается вид на Днепр. Подъезжаем к переправе... Вся земля изрыта воронками, сотни воронок, тут же валяются покрытые наполовину песком трупы убитых лошадей. У самой реки устроены дымовые завесы. Густой дым стелется по реке, маскируя переправу. Волнуемся. Ведь какое это большое событие. Мы уже на мосту. Незабываемое впечатление. Вот и правый берег. Очень красивый, гористый и дикий. Уже темно. Вдруг гул, а вслед за гулом вспышка и разрывы на левом берегу, это бомбит немец левый берег, примерно в 3 км от нас. Во тьме сверкает грандиозный факел, зажигательная бомба попала в какой-то дом, вызвала большой пожар. В небе, как светлячки, пролетают трассирующие пули, и прорезает его прожектор. Становится холодно, с реки тянет сыростью, опускается туман, идем в темноту, ноги вязнут в песке. Поднимаемся в гору, на горе домики. Входим в один из них, горит электричество, битком набито военными, и ужасно накурено. Обстановка боевая, и люди как будто совершенно другие, атмосфера напряженная...»

О радушном и горячем приеме, который был нам оказан на правом берегу Днепра, можно и не говорить — это понятно само собой.

Наступление продолжалось непрерывно. Мы входили вместе с войсками в города. В этих освобожденных городах тут же на площадях играли мы наши спектакли. И так вплоть до Киева. В телеграмме руководству театра Вахтангова, вернувшегося тогда в Москву начальник Политуправления 1-го Украинского фронта С. С. Шатилов писал:

«...От генералов, офицеров, сержантов и бойцов-воронежцев сердечно поздравляю родных вахтанговцев с возвращением в столицу и открытием сезона победоносного 1943 года.

У стен великого русского града Киева — помним о вас и искренно гордимся, что ваш коллектив своей замечательной, славной

бригадой — фронтовым театром, вместе с нами участвует в происходящих героических боях за освобождение Советской Украины».

Затем, продолжая свои традиции, мы первыми играли в освобожденном Киеве.

В следующей поездке наш коллектив по указанию Н.С. Хрущева был направлен на обслуживание населения освобожденных областей Украины для участия в городских митингах. Театр проделал огромный путь, играя в городах: Киеве, Староконстантинове, Славуте, Шепетовке, Изяславле, Проскурове, Каменец-Подольском, Ямполье, Черновицах и Одессе.

В мае 1944 года подготовили новый спектакль «Где-то в Москве» В. Масса и М. Червинского и опять выехали на фронт. Давно уже прошли тяжелые дни отступления, наши войска перешли границы родной страны, и пункт нашего назначения был уже где-то в Польше. И вот мы впервые переезжаем границу нашей страны. Это было примерно в 4 км от Перемышля. Едем дальше к Висле. Надо сказать, что от названия рек зависели заголовки статей о нас (а их было много) во фронтовой печати. Сперва статьи назывались «От Дона до Днепра», потом «От Дона до Вислы», а затем «от Дона до Одера», а нам надо было, чтобы последняя статья называлась «От Дона до Шпрее», так оно и получилось. В маленьком местечке Соколув показываем премьеру — «Где-то в Москве» — успех был совершенно исключительный. Этот спектакль быстро стал любимейшим на фронте, и всюду ему сопутствовал необычайный успех. Наши войска стояли на Висле, в одном месте форсировали ее и захватили плацдарм на том берегу — это был известный Сандомирский плацдарм, туда мы и поехали. Вот Висла уже позади, едем через густой, необычайно красивый лес. Дорогу размыло, один из грузовиков тихонько опрокидывается на бок, и актеры (в который раз за эти годы) высыпаются на мокрую землю, жертв не оказывается, едем дальше, и вот километров через 20 въезжаем в старый парк и останавливаемся перед небольшим белым дворцом — это дом одного из Радзивиллов. Идет заседание Военного совета армии генерала Жадова. Тут старый наш знакомый по Калининскому фронту генерал Сухарев, герой

Сталинграда генерал Родимцев, москвич генерал Бакланов и др. Играем для них спектакль.

В этой поездке нашим гостем был А. С. Гурвич, который по просьбе ВТО и «Литературной газеты» должен был написать о нас статьи. Предоставляем ему слово (из статьи А. С. Гурвича в «Литературной газете»):

«...6 ноября мы были на завислинском плацдарме 1-го Украинского фронта. Враг — в нескольких километрах. Вчера на этом участке была отражена крупная немецкая разведка. Сейчас — ночь. Война повисла в воздухе мраком и тишиной. Это мрак, который таит в себе море огня. Тишина, готовая ежесекундно взорваться всепотрясающим громом. Через каждые пять шагов вас окликает часовой. Часовых поминутно окликает патруль. Каждого по фамилии. На горизонте разливаются огни ракет. Это огни Гитлера, огни фашизма. Они совсем рядом. Неужели там, так близко, что хоть рукой подать, совсем другой мир. Неужели совсем рядом с нами, вот сейчас, в эту минуту, еще властвуют детоубийцы, горят печи Майданеков. Очевидная эта истина с трудом укладывается в сознании.

Бойцы ждали здесь вахтанговцев с нетерпением, которое не иссякло бы, если бы мы опоздали не только на три часа, как это случилось из-за неисправности машины, а даже на целые сутки. Мы прибыли еще засветло. Большой сарай, в котором давался концерт, был взят штурмом в течение одной минуты, после чего сюда не смог бы протиснуться даже бесплотный дух. Висят на стропилах, на перекладинах, подпирают стены, одно и то же место, вопреки закону физики, занимают два физических тела. Даже у накаленной железной бочки (печь) сгрудились бойцы. Им кричат: «Сгорите!» — но они, обливаясь потом, не отрывая глаз от закрытой еще сцены, только отмахиваются руками. В двух шагах от печи холодно. Холодно на сцене. Актрисы надевают шелковые платья на шерстяные джемперы. Но лишь только раздвигается занавес, как исчезает сарай и его температура. Зрители и актеры встретились глазами. Есть контакт! Каждая шутка, каждое смешное положение вызывают взрыв хохота, который раскатывается по всему залу. Ни один силомер не выдержал бы

этого мощного дыхания. Так смеются люди, пришедшие сюда, за Вислу, с медалями за оборону Сталинграда!

На обратном пути вахтанговцы играли в Дембо. Дембо — знаменитый лагерь, в котором немцы готовили армию вторжения в Россию. Это целый город в лесу, с прямыми улицами, с сотнями больших барачков, с многоэтажными зданиями. Здесь хозяйничал Паулюс. Его армия вторжения действительно вторглась в русскую землю, но глубже, чем предполагала. Это глубина могилы.

В Дембо армию убийц готовили не только на полигонах и в казармах. Но и в театре. Вот он, театр, выстроенный немцами для культа человеконенавистничества. Крылатая фраза — „Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за револьвер“ — не раз шипела слюной на этих подмостках.

Но уже давно выветрился из здания удушливый, мертвящий воздух немецчины, и сейчас наши актеры играют здесь свой веселый, трогательный и поистине вахтанговский спектакль „Где-то в Москве“. В зрительном зале — маршал Конев, офицеры и солдаты Красной Армии...»

В декабре 1944 года мы имели уже за плечами почти трехлетний стаж фронтовой работы. На фронте мы чувствовали себя своими, а в Москве — немножко гостями. Наш коллектив принял участие во всесоюзном смотре фронтовых театров. Показывали мы спектакль «Где-то в Москве» В. Масса и М. Червинского. Спектакль на фронте был принят с исключительным успехом. Как-то его примут в Москве? Удалось ли нам совместить душевность и простоту с настоящей вахтанговской формой, о чем мы мечтали вначале нашей работы на фронте? Театр получил признание и в Москве, и в результате смотра был признан лучшим фронтовым театром. Газета «Советское искусство» писала: «Давно мы не видели такой приподнятой, заразительно счастливой атмосферы искусства, как на спектакле фронтового филиала театра имени Вахтангова „Где-то в Москве“... Филиал Вахтанговского театра возник, вырос и окреп не в Москве, а в суровой фронтовой обстановке, в период боев 1942 года, в период великого наступления от Сталинграда и Воронежа на запад. Но именно эти трудные

условия, в которых проходила и проходит молодость театра, помогли создать ему дружный и необыкновенно слаженный ансамбль, поставить такой яркий и такой жизнерадостный спектакль».

Десятая поездка. Когда мы ее начинали, то не знали еще, что она окажется последней. В этой поездке мы дали возможность фронтовым корреспондентам назвать статьи о нас «От Дона до Озера» и «От Дона до Шпрее». Начали мы нашу работу в Кракове. Недавно отсюда выбиты немцы. На улицах можно встретить людей всех национальностей. Как тени бродят в полосатых куртках спасенные нашими войсками пленники из концентрационных лагерей. Тут же французские летчики, австралийцы, даже негры, освобожденные нашими бойцами. А фронт уже далеко в Германии. И вот в этом ограбленном, разбитом немцами холодном городе уже возрождается жизнь. Мы присутствуем на торжественном открытии драматического театра им. Юлиуша Словацкого. В труппе этого театра лучшие польские актеры, собравшиеся в Кракове. Руководитель театра и режиссер — знаменитый польский артист Юлиуш Остерва. Когда-то он провел два года в Московском художественном театре. Это влияние Художественного театра раннего периода сказывается на всем стиле спектакля. Пожалуй, натурализма в нем больше, чем было когда-то в самом МХАТе.

На следующий день, по просьбе нашей военной комендатуры, играем для краковской публики. Приходят актеры, режиссеры, критики. Все знают о Вахтангове, расспрашивают с интересом о советском театре. Перед началом спектакля нас приветствуют от имени польских актеров. Не думали мы, когда начинали свой фронтовой путь, что придется представлять советский театр перед зарубежными работниками искусства. Чувствуем огромную ответственность, потому что ко всему русскому, советскому здесь особый повышенный интерес. Играем «Где-то в Москве». Успех очень большой, все удачные актерские моменты принимаются аплодисментами. После спектакля к нам приходят за кулисы, жмут руки, благодарят за спектакль. Один из критиков — редактор краковской газеты — говорит, что наше ревью одно из лучших, какие ему приходилось видеть, а побывал

он во всех театрах Европы: «В первый раз вижу ревю без фривольности и скабрёзности, и вместе с тем сохранен в своей особенности жанр ревю».

Вот уже три года прошло с тех пор, как впервые коллектив вахтанговцев сыграл спектакль на Калининском фронте.

1945 год. Два могучих «студебекера» едут по шоссе. На них сидят притихшие актеры. Много было пережито за эти три года. И горе было, и радость, играли в самых невероятных условиях, и в прекрасных театрах, и в колхозной избе, и в бывшем лагере генерала Паулюса в Дембо, в Польше, и в Краковском городском театре, перед польскими актерами и критиками. Казалось бы, что и волноваться уже нечего. Вокруг тихо, никто нас не бомбит и не обстреливает. Но тем не менее все очень взволнованы. Объясняется это просто — мы приближаемся к границе Германии. Вот мы ее переехали.

С собой нежностью и волнением относились бойцы на чужой земле, в Германии, к спектаклю «Где-то в Москве». Само название пьесы, каждое упоминание о родной Москве вызывало подлинный энтузиазм в зрительном зале.

На одном из спектаклей пришел за кулисы офицер, стал говорить с нами, и мы видели, что он никак не может сдержать слезы. Мы спросили, что с ним. Причина оказалась несколько неожиданной. Выяснилось, что у нас в спектакле есть реплика о Красносельской улице и даже изображен на занавесе кусочек метро, а он живет как раз на Красносельской улице и с первого дня войны не видел родного города. Прошел человек через все опасности, а тут не выдержал. Мы ему рассказали все подробности про Москву, и он ушел от нас, как будто побывал дома...

Последним, по-настоящему боевым эпизодом в этой поездке была наша работа в осажденном нашими войсками Бреслау. Красная Армия уже подходила к Берлину, а в Бреслау шли ожесточеннейшие бои. Наши бойцы заняли предместье города и выбивали немцев из каждого дома. В одном доме наши, в другом немцы. Вот в одном из «наших домов» мы и играли свои спектакли. Но, несмотря на эти еще жестокие бои, всем нам становилось ясно, что фронтовая жизнь подходит к концу. Победа, о которой

ПРЕДВАРЯЯ ДНЕВНИК

мы пели в своей прощальной фронтовой песенке, в которую мы верили всегда и вместе с бойцами веру эту пронесли через всю войну,— эта победа наконец пришла.

В этой поездке приказом маршала Конева по войскам 1-го Украинского фронта коллектив вахтанговцев был награжден орденами и медалями Советского Союза. Награжден был весь состав коллектива без исключения. Вот этот состав:

Спектор И. И. — организатор и директор коллектива, Орочко А. А. — художественный руководитель, режиссеры А. И. Ремизова и А. М. Габович, артисты: Бархударова А., Блажина Т., Васильева В., Граве А., Данилович А., Данчева В., Королёв Б., Котрелёв А., Лебедев А., Лебедев Н., Липский И., Мозяйкин Н., Мочалов И., Оболенская Р., Покровский В., Соловьёв И., зав. постановочной частью — Сентюлёв П., гример — Ситнов Д., костюмерша Варейкина С., электротехник — Бутырсков Г.

Война окончилась. Вот уже приходят к нам в театр гости — наши фронтовые друзья — бойцы, офицеры, генералы.

Вахтанговский коллектив старался как мог помочь Армии в ее великом подвиге. Хотелось нам также, чтобы несколько странное для бойцов слово «вахтанговец» приобрело уважение и признание. Нам кажется, что и мы получили немало для своей работы в искусстве в результате огромного опыта фронтовой работы. Мы приучили себя к огромной внутренней ответственности. Мы научились работать быстро, четко и напряженно. Мы приобрели настоящее знание народа. Аудитория на фронте была огромна и разнообразна. Никогда театр не может иметь такой аудитории. И если нам удалось сделать свою работу понятной, доходчивой и волнующей для всей массы фронтового зрителя, сохранив при этом высокую художественную форму спектакля, сохранив вкус и стиль театра Вахтангова, — то это не мало. Ибо сочетание народности и высокой формы является одной из главных задач всего нашего искусства.

А. Габович
И. Спектор

Три с половиной года

Мне довелось три с половиной года работать во фронтовом филиале театра им. Евг. Вахтангова. Это совсем не то же, что спорадическая поездка, может быть и очень интересная по многим показателям, но все же и исключительная поездка — один раз и все, а мы работали во фронтовых условиях три с половиной года. Работали. И зимой, и летом, и под осенними дождями, и в весеннюю распутицу, когда машина ехала на нас, а не мы на машине. Работали и при наступлении наших войск, и при отступлении. Работали в любых условиях и при любых обстоятельствах. Но работали всегда памятуя о том, что мы представляем один из ведущих театров страны и, судя по отзывам очень строгих людей, мы достойно делали свое дело.

Ощущение, совершенная очевидность того, что наша работа нужна, что это не просто веселое развлечение, а выполнение нашего гражданского долга, помогали нам всегда, везде, во всех случаях, тогда в очень трудной и очень сложной обстановке. Никогда, ни у кого не было жалоб на тяготы фронтового быта, а тягот хватало. И хорошо поголодать — было, и покормить «автоматчиков» (насекомых) — было. Э, да чего только не было! Чего, например, стоит ночевать зимой где попало буквально. Есть крыша, и значит все в порядке, а то, что нет стекол в окнах и двери тоже либо нет, либо она символическая — это уже ерунда, частность, не стоящая внимания. А какое удовольствие — баня зимой после месяца – полутора перерыва. А и вся-то баня это большая палатка с печкой из железной бочки посередине. И нагишом в этой бане можно находиться только в непосредственной близости к печке, а брезентовые стены покрыты инеем.

Что там «Сандуны» с их бассейном и парилкой — пижонское занятие. А вот возможность в кои-то времена плеснуть на зудящее тело горячей водичкой — вот это истинное наслаждение.

Нет дождя, так спать можно и под синим небом, с месяцем вместо ночника. И спать прямо на земле, а если еще и чуток соломки подкинуть, то и вставать утром неохота.

И каждый день новые встречи, новые люди. Они подходили буквально толпами. И сразу же начинались разговоры и расспросы. И особенно легко и просто возникали разговоры с москвичами. — Из одной, так сказать, «деревни». Выясняли, кто где жил, и часто случалось, что помнили даже и дома. А однажды один парень, живший у Никитских ворот и узнав, что я живу на улице Вахтангова сказал: «У меня там друг живет», и тут же выяснилось, что я этого друга вроде как знаю — чуть не каждый день, идя в театр, встречал его, идущим на работу. И вот мы с этим солдатом-москвичом рады друг другу, как старые закадычные друзья. И очень тяжело было узнавать, что вот такой новый знакомый, ставший уже близким человеком, — погиб. Так вот было с командиром танковой части Алексеевым. Играли в его части спектакли, много общались, сроднились. После одного из спектаклей часть ушла в бой, и в этом бою погиб наш военный товарищ. А ведь с ним так задушевно разговаривали всего несколько часов назад — вчера, совсем недавно. Так вот бывало.

Когда наступил перелом в войне и Советская Армия стала освобождать наши земли, мы получили указание играть спектакли и для жителей освобожденных городов. Такие спектакли игрались в Киеве, в Сумах, в Одессе, в Львове, в Черновцах, в Кракове.

Вот что пишет о спектакле в Харькове известный писатель Б. Полевой:

«... на Сумской улице Харькова, только что освобожденного войсками Степного фронта, нам бросилась в глаза большая наспех написанная афиша: „Фронтной филиал театра им. Вахтангова в помещении Театра русской драмы дает спектакль“.

Я помню, как удивленно переглянулись мы с Миколой Платоновичем Бажаном, увидев эту афишу. Окраины Харькова еще горели. Трупы не были убраны с улиц. Немцы, уцепившись за Холодную гору, то и дело забрасывали оттуда центр города минами, а тут эта афиша. Но это было так...

...Во время этого спектакля случилось происшествие... Немцы начали интенсивный артиллерийский обстрел города. Все кругом загудело, заухало, посыпалась штукатурка, зазвенели стекла, и поднятая ужасом публика

интенсивно ринулась к проходам. Но актеры продолжали играть, продолжали действие, как ни в чем не бывало... И эта их самоотверженная работа загипнотизировала слушателей. Они отхлынули от дверей и понемногу заняли свои места. Спектакль продолжался под обстрелом...»

А я сейчас вспоминаю другой эпизод, из другого «спектакля», маленький эпизод из работы на Калининском фронте весной 1942 г. Мы отработали уже третье свое выступление, день шел на убыль, можно было и пообедать. Представьте себе такой чисто русский пейзаж: лесок на вершине холма, плавно спускающийся в широкую безбрежную равнину. Совсем недалеко равнину пересекает грядка кустов — там протекает какой-то ручеек. Это сейчас и есть граница, та линия, которая делит эту равнину на нашу и «их» территорию.

Сбоку от лесочка, почти на гребне холма, на открытом месте стоит изба, совершенно целая, даже стекла в окнах. Кругом нет никаких строений. Вот туда мы и идем на обед, возглавляемые командиром части майором Жигаревым и комиссаром части. Чтобы противник не заметил, что изба жилая, к ней издали ведут глубокие, извилистые траншеи.

Обедаем, как всегда идет оживленный разговор с нашими хозяевами-военными. Тишина, относительная, конечно, идет не очень интенсивная перестрелка, но это в стороне, а у нас громче звучит птичий гомон в лесочке. Еще светло, но вот-вот наступит вечер.

И вдруг эту тишину разрывает грохот арналета. Земля вздрагивает, с потолка сыпется мусор. Наш хозяин — майор Жигарев, чтобы не терять время, выпрыгивает в окно, а комиссар, спешно уводит нас по траншее в блиндаж.

Посмотреть хочется, и вот мы, человека три, в ответвлении траншеи через замаскированную щель смотрим в сторону равнины. По ней то тут, то там встают черные столбы и тут же доходит гром разрыва. Их много, и уже не различить отдельных разрывов, все слилось в сплошной гул.

Сколько прошло времени не могу сказать, но вдруг гул арналета перекрыл еще больший гул, и мы видим, как справа из «нашего» лесочка в сторону долины протянулись огненные хвосты. Их очень много. А потом мы

ПРЕДВАРЯЯ ДНЕВНИК

видим, как вдали, по ту сторону пограничного ручья, широко по фронту встает сплошная черная стена и через несколько секунд слышим мощнейший гул и грохот. Это был залп «катюш».

Что уж взбрело в тевтонские головы, но они двинули на этом участочке свою пехоту вперед, видимо, желая перебраться на «наш» берег ручья. И как водится предварили этот бросок артналетом. Но после «Катюшиного привета» все встало на место.

Артиллерийский и минометный огонь слабеет, но комиссар еще долго не разрешает нам покинуть блиндаж. И так сложилось, что мы не играли еще один, намеченный на сегодня, спектакль.

Много времени спустя, на другом фронте, значительно южнее, тоже отменился спектакль, так как противник, усмотрев, видимо, движение на этом участке, открыл интенсивный минометный огонь. Сначала, сидя в укрытии, мы считали разрывы, но, не добрав немного двух сотен, сбились. Когда все затихло, нам разрешили убраться из этого места, и вот вдруг застоявшийся мотор нашей машины громоподобно рванул глушителем, а один из нас, у которого очевидно реакция была лучше, чем у остальных, брякнулся на землю. На много дней нам хватило веселья. Вспоминали, варьировали этот случай так, что получалось, что тот товарищ упал на землю задолго до рывка глушителя. Что ж, мы веселили наших зрителей-солдат, но нам и самим нужно было посмеяться.

Предлагаю вниманию товарищей некоторые фотографии, сделанные мною в те годы.

Они далеки от совершенства. Тут виновато и «мастерство» фотографа, да и то, что снимать приходилось даже и на позитивную пленку. Но все же льщу себя надеждой, что и эти кадры могут вызвать некоторый интерес.

Н. Мозяйкин

Дневник

фронтового театра

1942–1945 годы

Ноябрь 1942

Брянский фронт

2 ноября 1942 г.

С утра обычные предотъездные заботы. Доукладка вещей. Около часу приходит автобус, погружаемся. Павелецкий вокзал. В ожидании поезда сидим на том же месте, где ждали отправки на Юго-Западный фронт.

В 2 ч. 55 м. поезд трогается. Провожающие машут нам вслед: «Счастливого пути!» Места плацкартные. Повторив текст «Свадебного путешествия» — новый профессор, Володя Покровский — укладываемся спать.

А. Данилович

3 ноября 1942 г.

В 5 час. утра приехали в Е. Выгрузились, сидели на лавочке на воздухе в ожидании машины из ДКА. В 5 ч. выехали и через 10 мин. были в ДКА. Разместились в 2-х комнатах не очень удобно, не хватило кроватей. В 10 ч. сытно позавтракали. После завтрака были на базаре (маленькое зеленое яблочко стоит 25 р. (!) Липский решил, что 25 коп. и на рубль потребовал 4 шт., был жестоко обруган).

Все были у нач. ДКА тов. <...> (*Неразборчиво*) в прошлом кинорежиссера, сказал нам несколько довольно стандартных слов. Обедали. Вечером играли «Свадебное путешествие». Спектакль начался в <...> (*Неразборчиво*). В первый раз роль профессора играл В.А. Покровский. Спектакль шел хорошо, в хорошем темпе, при хорошем приеме. Антракт был один после четвертой картины. Торопились кончить, т.к. по городу можно ходить только до 10 ч. Спектакль, по отзывам зрителей, очень понравился. Ужинали, легли спать, разместившись более удобно.

<Без подписи>

4 ноября 1942 г.

После завтрака опять были у нач. ДКА. Спектакль похвалил. Нельзя сказать, чтобы беседа носила характер задушевный, ему явно не до нас, приехал театр Райкина, его надо размещать. К нашей общей радости, сказал нам, что отъезжаем к фронту, что, посмотрев спектакль, посылает нас в особо ответственное хозяйство Королёва. Ждали машину. Выехали только в 4 ч. в большой американской удобной машине. Кое-как натянули брезент рваный, т.к. начал накрапывать дождь. Хотя дождь не разошелся, брезент очень пригодился, т.к. внутри было тепло, а в дырки высывались проветриться. ДКА не дало политрука — все оказались в разъезде, выехали без провожатого. До Е. километров сто с лишком, доехали хорошо и быстро. От Г. пошло дело хуже, без провожатого никак не могли найти хозяйство Королёва, даже не могли дознаться, в какую сторону податься. Темнота кромешная. Заехали в реку, и казалось, что дальше нет дороги. Наконец-то выехали, добрались до какой-то деревни. Спектор пошел обследовать. К великому счастью, оказалось, что это именно и есть хозяйство Королёва.

Часам к 12, поужинав, разместились в небольшой избушке на соломе, женщины за перегородкой. Было тепло. Данилович замучили мыши, которые все время копошились под головой.

Е. Фадеева

5 ноября 1942 г.

Заснули осенью — проснулись зимой. За день ничего не произошло.

В 7 ч. вечера поехали за 4 км обратно в Е., где играли «Свадебное путешествие» в бывшей церкви. Приехав в Е., застали еще в церкви торжественную часть. Был ужасающий холод, хотя и дымились во всю 2 печи.

Артистическими уборными служили закутки из 2-х плащ-палаток площадью в 2 кв. метра, на которых еще находилась дымящая круглая печь, сделанная из бензиновой бочки. Дым ел глаза. Кое-кто расположился на подоконнике, причем, чтобы меньше занимать места, приходилось гримироваться, стоя на подоконнике. Спектакль прошел прекрасно. Смотрело командование армии. Командующего не было.

И. Липский

6 ноября 1942 г.

Встали рано и отправились к связистам. Сегодня первый концерт в этой поездке. Необходимо еще раз проверить на публике порядок номеров в программе. Мне сегодня впервые нужно вести программу, немного волнуюсь. Приехали в школу. Длинный коридор. Народа полно. Проверяю готовность сцены и состава. Начинаем концерт. С самого начала прием очень хороший. Концерт проходит в хорошем нерве. После концерта командир части приглашает к себе. Завтракаем, беседуем о Москве, слушаем радио. Распроцавшись с гостеприимными хозяевами,

отправляемся домой. Мороз жуткий. Особенно мерзнут ноги. Машина открытая. У всех обветрились и потрескались губы. Отогреваемся, обедаем. Готовимся к концерту. Вечером играем для командования армии в той же церкви, где играли «Свадебное путешествие». О сцене беспокоиться приходится меньше. Вчера в разрушенной церкви вместе с бойцами мы строили ее в течение 6 часов.

Вечер. Садимся в машину. Тронулись. Ветер свистит. Все нахохлились, как воробьи. Приехали. О, ужас! Сцену раздели, и опять надо завешивать ее плащ-палатками, отгораживать уборные для актеров. Хорошо еще, что подмостки не разобрали. Лихорадочное восстановление сцены. Первые номера программы ушли гримироваться в медсанбат. Концерт немного запаздывает. Извиняемся перед публикой и начинаем концерт. Зверски холодно. Но концерт опять идет хорошо. Дружный прием. Накладок нет. Все идет чисто. К концу концерта публика превращается в сосульки, а актеры еле шевелили губами от холода. У Данчевой пропал голос, и она играла «с теплым ветром», издавая звуки испорченной граммофонной пластинки, и все же концерт прошел очень хорошо. После концерта командование пригласило нас совместно встретить великую годовщину. К двум часам ночи вернулись домой. Завтра уезжаем на передовую.

А. Граве

7 ноября 1942 г.

Выехали из У. Холодно. Мерзнут главным образом руки и ноги. Едем. В одном месте остановились узнать дорогу. Красивые места. Замерзший пруд. Стали кидать в него камешки, которые с жалобным визгом скользили по его поверхности. Вместо указания дороги нас перехватывают здесь. Играем концерт в каком-то темном непонятном помещении. Кажется, бывшая конюшня. «Зрительный зал» полон. Приносят скромный фитилек. Вешается лампа, от которой света столько же, сколько от огонька папиросы.

Закуток для переодевания тесен до невозможности. Пол сцены, как клавиши. Несмотря на трудные условия, концерт проходит хорошо, принимается зрителем очень тепло.

После концерта приглашают закусить. Затем двигаемся дальше. Выезжаем в чудную рощу. Развалины домов, разбитая церковь. Удивительно красиво здесь, несмотря на мертвую природу и разгром. Оказывается, мы в бывшей усадьбе Тургенева. Здесь были немцы, которые сожгли и разгромили место, где писал и творил великий русский писатель.

Нет слов, чтобы выразить все возмущение и отвращение к этим непрошеным гостям.

Женщины размещаются в маленькой комнатке, мужчины в большом зрительном зале — столовой. Отовсюду дует. Топятся печки. Зрители собираются задолго до начала представления.

В 7 ч. играем концерт. Бойцов набивается столько, что из женской комнаты, которая превращена в театральную уборную, — выйти невозможно. А проход за кулисы из нее только через зрительный зал, который набит до отказа.

Концерт проходит с большим успехом, принимают прекрасно, после концерта ужин.

У женщин в комнате тепло. У мужчин — холод. Приносят топчаны. Мужчины разыгрывают места, т. к. несколько топчанов стоят у печки, а остальные у дверей и окон. Счастливчики, выигравшие места у печки, торжествуют, остальные грустны. Наутро выясняется, что счастье было очень мимолетным, т. к. труба в печке не закрывается, и когда печка остыла, в нее дуло. Устраиваемся, кутаемся потеплее и засыпаем.

Так провели мы день 25-й годовщины Великой Октябрьской революции, в бывшей усадьбе Тургенева, в 2–3 километрах от передовой.

А. Данилович

8 ноября 1942 г.

Подъем в 10-м часу. Вставать не хочется. Холодно вылезать из-под груды одежды. Завтрак. В 11 ч. концерт. Зрителей опять полно. Концерт проходит с большим успехом. До начала его Граве, который ведет концерт, получает записку, в которой бойцы просят А. М. Голубева сыграть им что-нибудь на баяне. А. М. удовлетворяет их просьбу. После концерта снимаемся с поста и едем дальше. Опять мучительно холодно. Приезжаем в штаб дивизии. Домик стоит на горе, внизу речка, разбитая мельница. В доме тепло, печка натоплена, греемся, быстро устраиваемся, переодеваемся и начинаем концерт, который проходит очень хорошо. Идем обедать. Очень радушно, приветливо принимают. На ночлег устраиваемся в деревне, на расстоянии около километра отсюда. Идем туда. Помещение не готово, там еще ужинают бойцы. Идем обратно. В зрительном зале на скамейках устраиваемся отдохнуть. Не удается. Кто-то усиленно храпит. Зрители нетерпеливо рвутся уже, несмотря на то, что начало еще часа через два. Спектакль «Свадебное путешествие» начинаем в половине девятого. Смотрит комсостав дивизии. Принимают тепло. Спектакль, по-моему, идет пониженно. После спектакля ужин. Затем сон. Опять кто-то залиvisto храпит. Кто бы это?

А. Данилович

11 ноября 1942 г.

В 10 ч. утра, дружески распрощавшись с начальством, тронулись в дальнейший путь. Конечно, мерзли. Около 11 часов приехали в штаб другой дивизии. Нас провели в землянку — красный уголок. Чисто, просторно, светло, топилась русская печка, к которой все с жадностью прильнули. Прождав с час распоряжения, поехали к артиллеристам-гвардейцам играть концерт. На горе в лесу целый городок землянок. Все приятно поражены порядком,

организованностью, благоустроенностью. Чувствуется хороший хозяин. Играем три концерта подряд в землянке-клубе. Зрителей было полно. Концерты прошли хорошо.

На сцене по бокам — два крошечных закутка для переодевания, просто удивительно, как мы могли помещаться в них.

Таня Блажина сравнила нас с фокусами Кио, у которого из маленького ящика вылезают все его 75 ассистентов.

По окончании 3-го «сеанса» километра за 1½ поехали обедать. Подземный дворец. Царский обед! Все диву дались. Поблагодарив гостеприимных хозяев, вернулись в штаб. Здесь мы должны играть спектакль «Свадебное путешествие».

На сцене и в зрительном зале хвойный лес, холод собачий. Ничего не приготовлено, хотя зав. клубом был предупрежден обо всем. А зрители уже ждут. Занялись подготовкой сцены. Вытаскивали елки и сосны, вешали плащпалатки. Руки и ноги заоченели, страшно раздеваться. Печка страшно дымит на сцене. Все проливают невольные слезы. Глаза щиплет, носы вспухли, глаза покраснели. Единственный плюс — яркий свет от движка. Грим концертный, некогда. Женщины играли в одном туалете, без переодевания, в вязаных кофтах. Ноги в туфлях мерзли, с пола дуло, как на улице. За кулисами опять не повернуться, вдобавок еще темнота, потом принесли крошку-лампу, но, несмотря на трудные условия, спектакль шел хорошо, зрителем принимался очень тепло. По окончании выступил начальник политуправления, благодарил нас за отдых и удовольствие, которое мы доставили зрителю.

Ужин. Сон в уцелевшей избушке. Навалили соломы на пол, зарылись в нее. Очередной массовый храп. Разговоры во сне. На мышином фронте без перемен.

А. Данилович

12 ноября 1942 г.

Вернулись в У. в политотдел армии, в деревню, где были 5 и 6-го. Устроились в другой избе, хорошо, тепло и уютно. Женщины стирали, натопили печку до того, что ползали потом по комнате на четвереньках, встать во весь рост было невыносимо. Давали вечером заключительный концерт в столовой.

Маленькое помещение, а вместе с тем ощущение какой-то казенности. Плохой свет, занавеса нет, возвышения для сцены тоже нет. Вся почти публика уже видела концерт в Ч. В лучших условиях. Концерт идет вяло, принимается плохо. Публика недисциплинированная, разговаривает даже в первых рядах. Артисты играют, что называется, без огонька.

Е. Фадеева

13 ноября 1942 г.

Выезжаем в тыловые части армии. Опять мороз и тряска. На повороте с шоссе задерживает часовой — проезд закрыт. Долгая история с поисками разводящего, наконец находим, и нас пропускают. Прибываем в политотдел тыла. Ничего еще не устроено. Помещения для отдыха нет. Будем играть в холодной дымной церкви. В соседнем зале кухня. Чад невыносимый, с потолка капает. Начинаем сооружать сцену. Все очень плохо организовано — нет ни материалов, ни людей, комендант неуловим. Кое-как успеваем к 5 часам сделать неплохую сцену. Добиваемся света, начинаем концерт. Все очень устали и концерт проходит средне, публика ленивая с замедленными реакциями, концерт окончен в 8 ч. 30 м. Спектакль. Идем отдыхать, нас наконец устроили в не топленной школе. Все устраивается с небольшим опозданием. Начинаем спектакль, который в противоположность концерту проходит с большим подъемом. После спектакля присутствующие на спектакле

рассыпались в дифирамбах. Усталые, ужинаем и отправляемся спать. Завтра возвращаться в ДКА.

<Без подписи>

14 ноября 1942 г.

Подъем около 8 час. Ночевали в школе, и на улице уже ждали нашего пробуждения работники с красными, замерзшими носами, жаждущие просвещения. Быстро стали собираться, т.к. помещение еще надо было убрать после нашего ночлега для занятий. Произошел в спешке небольшой трагикомический инцидент: с вечера нам выдали продукты, в том числе масло. Я положила 2 порции, свою и Граве в кружку, поставила на печку, чтобы оно растопилось, и утром Граве водрузил кружку на окно, дабы масло застыло. Ваня Соловьёв схватил эту кружку, чтобы умыться, и выплеснул масло на улицу, не обошлось без легкой словесной перестрелки, в которой горячее участие принял Саша Лебедев. Всем известен его пылкий темперамент. Завтрак. Сегодня мы должны возвратиться в Ефремов, но предварительно заехав с концертом в госпиталь, до которого 9 км. Выясняется, что до госпиталя 25 км. Это хуже. Нам надо до ночи добраться до города. Наконец сходимся на 17 км. Госпиталь обогревается в громадной землянке-палате, где койки расположены в 2 яруса. Больных мало, да и те выздоравливающие, концерт в громадном сарае (столовая), который наполнен зрителями. Раненые, врачи, сестры. Холодно. В щелки дует. Концерт принимается очень-очень тепло. Идет по сокращенной программе без «Теплого ветра». После концерта обед. Верней, не обед, а объед, т.к. после него еле встали из-за стола и с трудом погрузились в машину. Благодарим хозяев и без четверти 4 прощаемся. Едем быстро. После плотного обеда ехать не так холодно. Когда уже совсем стемнело — остановились для согрева в деревушке. Трогаемся дальше. Около 9 часов прибываем в Ефремов. В ДКА

обогреваемся. В 11 часу ужинаем. Кусок хлеба с салом, стакан чая. Располагаемся спать в той же гостинице, на тех же постелях.

А. Данилович

15 ноября 1942 г.

Полный выходной день! С утра рыночный ажиотаж — воскресный, базарный. Съезжаются все окрестные деревни. В основном покупается лук, молоко и какой-то особенный варенец. Ходим и по барахолке, прицениваемся, заговариваем со словоохотливыми крестьянами. Все очень интересные и неожиданные. Вот например, идем — на земле провода, рядом со стариком лежит кепка. Т. е. этот предмет был когда-то кепкой, вероятно, до того, как ею не раз вымыли пол, в общем, убеждена, что она просто выброшена, оказывается, ничего подобного — стоит 30 руб. Молоко нам очень помогло, т. к. кормили нас в этот день в ДКА очень плохо. Хотя мы график выполнили точно, и давно было известно, что мы приедем в этот день, но тем не менее на нас не рассчитывали. Постарались пораньше лечь спать, т. к. надо встать в 3 часа ночи, в 5 часов идет поезд до С., куда мы отправляемся на 2 дня в инженерные части.

Е. Фадеева

16 ноября 1942 г.

Провели беспокойную ночь в насквозь прокуренном вагоне. Спать хочется до безумия. Томительные часы полудремы. К рассвету достигаем нужной станции, где нас уже ждет полуторка с очень симпатичным техником — зав. клубом. Через 20 минут мы уже на месте. Просторная хата директора местной школы. Радужные, приветливые люди. Сгружаем вещи и совершаем прогулку на другой конец села в столовую. Завтракать. Возвращаемся,

готовим вещи для концерта и до 12 часов сладко спим на соломе. Машина. Едем на концерт. Помещение маленькое и очень холодное, в каком-то каменном сарайчике, оборудованном под клуб с миниатюрной сценой, на которой мы с трудом помещаемся. Концерт проходит в толкотне в закулисах для переодевания. Все очень устали, не выспались, и голова, как в тумане. Концерт окончен. Едем «домой» отдыхать и обедать. Вечером спектакль в столь же холодном помещении местной школы. Освещение керосиновое, и душно до того, что гаснут лампы. Спектакль проходит нормально. Усталые идем спать. Завтра много работы, и надо выспаться.

<Без подписи>

17 ноября 1942 г.

Около 9 часов восстали от сна. Завтрак. За 1 ½ км поехали на концерт: концерт в школе. Вела Фадеева, т.к. Граве опять с флюсом. Играли без «Теплого ветра». Принимали очень хорошо, «зал» был переполнен. Перед началом выступил комиссар и предупредил, чтобы зрители вели себя спокойно, не двигались, а то «артисты ведь знаете — какие». Но аплодировать и смеяться разрешил. После концерта пригласили на стакан чая. Очень милые люди. Вечером концерт в школе в той деревне, где живем.

Полная программа с детскими стихами, зрителей полным-полно. Опять очень хороший прием.

А. Данилович

18 ноября 1942 г.

11 часов утра — концерт в той же школе для школьников, это первый концерт за нашу поездку для невоенной аудитории. Дети ужасно маленькие, сидят прямо на полу, ноги калачиком. Битком.

Концерт идет без «Буквы В», «Теплого ветра» и финальной общей песни. На свидание Вероника* тоже не приглашает. Концерт идет странно. Уж очень странные и неожиданные места приемов. В конце огорчение: когда я вышла объявить, что концерт окончен (вместо финальной песни).

<Без подписи>

19 ноября 1942 г.

В., штаб дивизии, 9 ч. утра. Подъем. Завтрак уже готов. Ночь прошла беспокойно и не только за счет Н. М. Лебедева — храпавицкого задавали мужчины, женщины отпугивали мышей. Спектор просит побыстрее. Ужасно тесно, путаемся в чужих вещах, но к этому уже успели привыкнуть. Бедный Епиходов-Данилович потеряла зубную щетку и шапку. Перерывает всю соломку. К пропаже щетки она относится трагически — лучше бы пропала шуба или еще что-нибудь тоже ценное — так она говорит. Вода со льдом. Покровскому воды уже не достается; чтобы умыться, греет лед в ладонях. За завтраком вспоминают Мозяйкина — дают гречневую кашу. Сразу после завтрака едем за несколько км к артиллеристам. Ездим мы все на той же машине, данной нам в ДКА. Брезент вовсе разорвался и бьет тряпками по лицу. Одеты все тепло, кроме ног, которые постоянно мерзнут. Одежда наша называется «простенько, но со вкусом». Это что-то невообразимое — и увековечил Липский своей лейкой.

Приехали на край глубокого оврага, сплошь поросшего дубняком. Очень красиво. По скату расположены землянки. На дне оврага ровная площадка — она и явилась сценой. Плащ-палатками оградили гримировальную комнату, т. е. сделали 4 стены без потолка и поставили 2 железные печурки, топились они с самого утра, о чем нам было доложено, как только мы приехали, но, к сожалению, войдя в это «натопленное помещение», мы

* Васильева В. И.

не ощутили разницы с улицей. В перерыве между двумя концертами тоже усиленно топили! Кстати, сегодня с утра было 17° мороза! К середине дня мороз уменьшился до 14°. В 1 час дня начали первый концерт на свежем воздухе. Солнце работало вместо прожекторов, в этом отношении площадка оказалась очень удобно расположенной. Зрители расположились амфитеатром по склону холма. Игнали в обычных костюмах. Концерт шел прекрасно и принимался на ура, после конца обедали и ждали начала 2-го концерта. Артполк расположен на протяжении 25 км, и люди не успели подойти ко 2-му концерту, и ждать не позволяла наступающая темнота. Концерт начался в 5 ч., шел без «Буквы В» и «Музыкального этюда», и все-таки не успели закончить дотемна. Зрителей было очень мало — человек 50. Ночевать возвратились в штаб дивизии.

Е. Фадеева

Утро. Подают закрытую машину. Еле вбиваемся. Ехать 50 км. От тряски становится свободнее. Зима, вроде. Едем не быстро, машина скользит. Около часу прибываем на место назначения. Принимают довольно радушно. Прямо в столовую. Повар готовит котлеты. Ноздри у всех раздуваются. Перспектива заманчивая, все проголодались. Но увы. Не знаю, кто ел эти котлеты, мы же получили черные червячки — макароны. Бывает. Освобождаем столовую. Деться некуда. Ждем на улице. Мерзнем. Наконец приглашают в землянку. Через полчаса едем в соседнюю деревню искать пристанища на ночлег. В хатах ужасающая грязь, кучи сопливых ребятишек спят в обнимку с овцами. Эта губерния отличается нечистоплотностью. Вспоминаем Калининский и Сталинградские фронты. Большие, просторные дома Калининской области, чистенькие, выбеленные хатки-мазанки. Воронежский и Сталинградский аккуратные и приветливые хозяйки.

Решаем лучше ночевать в столовой, хотя нас рано там поднимут.

Едем километра за 2 на концерт. Разбитый дом без окон и дверей. Холодно, как на улице, ничего не готово. Толчемся у дверей, вернее, у того места, где должны быть двери. Приглашают погреться в избу. Идем через

овраг, выпал снег, скользим, падаем. Ваня* и я вцепились в Сашу Лебедева, который ведет нас, как слепцов. Хохот, остроты. Я падаю, съезжаю на собственной спине вниз, как на санях. Игорь фотографирует особо интересные моменты.

У хозяйки внука — Ниночка, 5 лет, развлекает нас частушками, танцем. Наконец сцена готова. Играем подряд 2 концерта. В перерыве между ними приходит возмущенный Исай, рассказывает о разговоре с адъютантом генерала. Генерал и полковник просят «по парочке актрис, — посидеть, культурно выпить, времечко провести». Исай** ответил: «Актрисы не пойдут, а вот я с кем-нибудь из товарищей могу ночь провести в обществе генерала», адъютант помялся, улыбнулся: «Нет, так не выйдет».

Все возмутились, само собой я спросила: «Можно ли в случае чего дать по роже?» На что Исай справедливо ответил: «Если будет к тому повод».

Оба концерта прошли прекрасно, принимались восторженно. По приезде в столовую на ночлег генеральские предложения продолжались, но уже непосредственно актрисам. Отвечено было: «Мы живем коллективом и не разъединяемся».

А. Данилович

20 ноября 1942 г.

Пробуждение раннее. Едва-едва светает, нет 7 часов. Вставать не хочется. Еще чуть-чуть хотя бы подремать. Бойцы убирают солому с ворчанием. Отношение явно изменилось. Едем на концерт километра за 2. Сегодня должно быть 4 выступления. Школа. Очень мило, приветливо встречают, проводят в теплую комнату. Сцена рядом, через коридор, одеваемся, гримируемся, пока готовят сцену. Играем, концерт проходит и принимается очень хорошо.

* Мочалов И. А.

** Спектор И. И.

Хозяева-командиры приносят молока, яичницу и прочей снеди, предлагают портвейну — отказываемся, у нас еще 3 выступления. Закусываем. Вместо второго концерта играем «Свадебное путешествие». Идет хорошо, в бодром темпе. Зрители довольны. Прощаемся. Благодарим. Возвращаемся в столовую. Выясняется, что Саша Лебедев забыл свой костюм в школе. Первый раз такой случай, человек он аккуратный. Начинается волнение. Выговоры со стороны политрука. Обедаем. Надо уже ехать в другое место, а костюм еще не привезли. Ведь близко. Жалеют бензин или просто не хотят. Исая отказывается ехать, пока не привезут. Ждем. Наконец убеждают ехать. Костюм привезут. Едем. Темно уже. Путаемся в дороге. Наконец отыскиваем цель. Замерзли, проводят в землянку. Уютно, тепло, светло, опять очень радушные хозяева — танкисты. Ждем костюм, без него нельзя начинать. Звонят в ту часть, где он оставлен. Связь нарушена. Наконец появляется «авоська» с туалетами Саши Лебедева. Начинаем выступление. Рядом подземный «Дворец культуры», тоже тепло, светло. Порядок. Играем два концерта без «Теплого ветра». В перерыве беседуем с командиром, ужасный симпатяга, оба концерта смотрит с большим удовольствием.

Во время второго в «Букве В» Фадеева вдруг с ужасом шепчет за кулисы: «Забыла мел». Положение безвыходное, мела ни у кого нет. Приходится заканчивать скетч без начертания буквы на спине начальника гестапо. Вообще все проходит хорошо. Трогаемся, едем ужинать. День трудный. В столовой мерзость запустения. Семка-повар, «поникнув гордой головой», в свесившемся на бок колпаке, пьяно храпит, какие-то тени, тоже навеселе, пытаются его разбудить окриком «Семка!» Но, махнув рукой, уходят. Ужина артистам нет. Пайка тоже. Сидим ждем, что будет. Бешенство одолевает. Исая уходит к начальству. Говорят, оно распорядилось выдать нам по 100 г. водки и чаю. Возмутительно! Оттого что предложение генерала не прошло, нам так хамят. Такого отношения за 9 месяцев пребывания на фронте мы не видели нигде. Трудно понять, что такая гадость может иметь место. Исая все нет. Волнуемся. Очень все это неприятно. Выхожу на улицу. Зябко. Подходит какой-то тип: «Идите же ужинать, товарищ». — «Спасибо».

ДНЕВНИК

Наконец приходит Исай, бледный, озлобленный. Семка пробуждается. Выдает ужин: кусочки сала и колбасы и по 100 г водки. Холодный чай. Приходит начальник АХО. Орет на повара: «Почему чай холодный?» Повар виноват, оказывается. А ему не приказано было готовить нам ужин. Скорее, скорее уехать отсюда. Быстро закусываем и садимся в машину. Смилостивившись выдают по пачке табаку. Наконец в 11 часов трогаемся. Едем. Слава богу, покончено с ними. В 1 ч. ночи приезжаем в Ефремов. Работа на этом фронте закончена. Завтра уезжаем в Москву.

В этой поездке Исаем отмечена прекрасная работа Саши Граве как зав. постановочной частью, Коля Мозяйкин нашел себе хорошего заместителя, а также добросовестное отношение Володи Покровского, который в любых условиях не позволял небрежного отношения ни к гриму, ни к костюму.

А. Данилович

21 ноября 1942 г.

День проведя в Ефремове, собираемся в дорогу.

В гостинице большую заботу и внимание проявила, как и в прежнее пребывание здесь, комендантша Феня. Благодарим ее и отправляемся в путь. Железнодорожный курьез: нам предоставили два места в плацкартном вагоне, а остальные в общем, в плацкартном вагоне не оказалось ни одного места, а в общем все получили лежачие места.

<Без подписи>

22 ноября 1942 г.

В 8 часов 40 минут утра прибыли в Москву.

А. Данилович

Декабрь 1942 – март 1943

Воронежский фронт

24 декабря 1942 г.

День проходит в сверхобычных предотъездных хлопотах. Как никогда катастрофически не хватает времени. Наконец к 5 часам, запломбированы последние зубы, получены последние ватники, валенки и сухие пайки. Запакованы чемоданы, рюкзаки, авоськи, погружены на машину все вещи. (Впрочем, увы! Не все, как выяснится впоследствии.) В 7 часов 30 минут с Казанского вокзала мы отъезжаем на Воронежский фронт. Это уже наш 5-й выезд на фронт. Но как фронтовой театр мы выезжаем впервые.

В нашем составе 21 человек! Едем на 2 месяца. В этой поездке исполнится годовщина нашей работы на фронте.

Т. Блажина

25 декабря 1942 г.

В первый раз еду на фронт! Очень волнительно!

Приехав в Мичуринск, с ужасом обнаружили, что не захватили корзину с гримом. Связались с Москвой, оставили человека встречать корзину.

Еще одно огорчение. Уже частного порядка. Саша Лебедев разбил свою банку с икрой, у него от расстройства даже ушанка съехала на бок, и он ходил в таком виде некоторое время.

У нас были две пересадки, последняя на ст. Г., уже в темноте, была особенно суетливая и шумная. Наконец в 4 часа утра приехали на место назначения.

Пришли в ДКА, разместились на отдых.

А. Бархударова

26 декабря 1942 г.

3 ночи. Мороз. Поезд подъехал к станции А. Заспанные актеры после 2-х «сказочных» пересадок и езды в дачном вагоне, сонно выгружались. Исай Спектор пошел на розыски ДКА, через небольшой промежуток времени подошла машина, куда были погружены вещи, а актеры решили пройтись пешком, т. к. расстояние до ДКА оказалось очень небольшим. Быстро прибыли вещи, нас радушно встретили, и мы, усталые, улеглись спать. Яркое зимнее солнце разбудило нас довольно поздно. Из окна 2-го этажа открывается прелестный вид зимнего села. Белые покрытые снегом хатки, как игрушечные, приютились на горбатых холмах. Целый день прошел в организационных делах. Подыскивали жилье, репетировали вводы в «Наш корреспондент» и концертные номера. Женщины решили ночевать в помещении Сберкасы. Быстро началась уборка и отопление помещения, которое в результате оказалось непригодным для ночлега из-за холода и сырости, и поход в Сберкасу не состоялся. Вечером началось великое переселение народов из одной комнаты ДКА в другую. После чего слушали концерт фронтовой бригады ДКА. Вскоре после этого улеглись спать.

В. Васильева

27 декабря 1942 г.

Утро опять было занято переселением из одной комнаты в другую. Ночью все промерзли, и, пробудившись, вокалисты начали усиленно проверять голоса, но дефектов к счастью не обнаружили. Утром репетируем «Корреспондента» и концерт. Корзины с париками все еще нет. На вечер назначен концерт в 8 км от ДКА. Собираем вещи. Впервые за все время работы на фронте ездим с костюмершей. Софья Васильевна* проявляет максимум заботы о наших костюмах. Вечер, приходит маленький автобус. Максимально <...> (*Неразборчиво*) посадка. Софья Васильевна нежно оберегает зажженный уют. Радушный прием. Впервые разъезжаем с собственным занавесом. Концерт давно не играли, и он проходит, по актерскому самочувствию, — средне, без нерва, но на приеме это не отражается. Публика осталась очень довольна. Ужинаем, и в обратный путь. За горизонтом вспышки — там фронт. Скорей бы туда, ближе к нашим наступающим частям.

А. Граве

28 декабря 1942 г.

Ночью мерзли, хотя спали все в ватниках, шапках и даже в валенках. Приехал Бутырсков. Привез корзину с гримировальными принадлежностями и письма из Москвы. Отправились на спирто-водочный завод в баню. Километра за 2. Асмик, Таня, Люля и я. Женщины уже кончили мыться, в предбаннике полно командиров, жаждущих омовения. Поговорили с банщицей, обещала после уборки пустить нас первыми. Стоим, ждем. Среди военных ропот — явно первыми нам не быть. Вдруг с шумом появился еще один. Оказалось,

* Верейкина С. В.

наш знакомый, он провожал нас на Брянский фронт в Москве от ЦДКА. «А, артисты!» — завязалась общая дружеская беседа, расспрашивали нас о Москве, как всегда с большим интересом. Долго ждали уборки бани, как будто производился капитальный ремонт. Наконец молниеносное мытье под душем. Хорошо, но мало.

Вечером в ДКА спектакль «Свадебное путешествие», присутствовал сам генерал Ш., ансамбль Воронежского фронта и наши банные знакомцы. Спектакль шел пониженно, да и публика трудная. После спектакля нас посетил генерал, очень одобрительно отзывался о спектакле, хвалил за жизнерадостность, которую он несет. Затем совместный ужин-банкет и продолжение беседы.

Генерал вкратце рассказал историю Воронежского фронта и спросил, где бы мы хотели работать. Большинство высказали желание ехать на передовую. Беседа с ним носила очень дружеский, теплый характер.

После чего состоялось бурное собрание. Приятно, что у нас теперь имеются подсобные цеха, это облегчает работу и дает возможность актерам как следует подготовиться к спектаклю.

А. Данилович

29 декабря 1942 г.

После бурно проведенного ночного собрания проснулись в 9 час., умылись, привели себя в порядок и пошли завтракать. После завтрака Исай читал нам вслух газеты, после чтения газет часть товарищей пошла в баню, после бани обед и подготовка к спектаклю «Наш корреспондент». Мы все очень волновались, как пройдет спектакль, который в первый раз идет на фронте.

Ну вот приехал генерал-майор. Начали спектакль. Зал полон. Электрическое освещение. Первая картина прошла благополучно, в течение второй картины 2 раза тух свет, что очень нас огорчило, а что если и дальше пойдет так? Но дальше все прошло хорошо. Свет не гас, актеры играли собранно,

с волнением. В общем спектакль прошел с большим успехом. После спектакля за кулисы опять пришел генерал, ему очень понравился спектакль. Он сказал, что спектакль очень нужный в данное время, особенно нужный на фронте. Спектакль такой, что после него должны возникать митинги, призывающие бойцов к наступлению. Генерал сделал ряд замечаний, с которыми мы согласились. На прощание генерал пожелал нам счастливого пути и уехал. Такое впечатление после спектакля осталось не только у генерала, наши товарищи, не занятые в этом спектакле и сидящие в зале, рассказывали нам, как слушали, как переживали сидящие в зрительном зале военные, что они, видящие не один раз этот спектакль, заразились волнением зала и смотрели, как в первый раз. После спектакля было сказано столько хороших слов и пожеланий, что наше настроение, бывшее на высокой точке, поднялось еще выше, так как таких слов мы не ожидали. Вообще я должна сказать, мы были встречены здесь необычайно тепло и заботливо. После всех бесед разгримировались, пошли ужинать и спать, спать.

В. Данчева

30 декабря 1942 г.

Утро. Едем или не едем? На восток, на юг или на запад? Ничего не ясно. Так прошел весь день. Будет концерт или не будет? С утра поиски бани. Остались немывыми семь мужчин и одна женщина. Пошли на вокзал — бани нет, на завод — ремонт. Женщины устроили себе баню в соседнем доме, а мужчины так и остались немывыми. В середине дня выяснилось, что будет концерт, а после концерта, вероятно, поедем. На концерте нет начальства, и зрительный зал переполнен до отказа. Концерт проходит хорошо, прием очень хороший. Актеры успокоились и «дают дрозда». После концерта — новость: остаемся до утра. Все очень волнуются, что мы завтра будем весь день в дороге и вместо новогоднего концерта будем встречать Новый год в поле.

Б. Королёв

31 декабря 1942 г.

Этот последний день 1942 г. прошел у нас в дороге. Ранний подъем — в 7 ч.; и сборы к отъезду. Но намеченный план срывается: завтракаем вместо 8 ч. в 9 ч. Наконец к 11 ч. машина заправлена горючим. Длительная посадка в два крытых «драндулета» (полторатонки). Уселись, разместились-таки, минут 10 еще посидели в машине: спустил баллон, что-ли... И все-таки, облегченно вздохнув, в 12 ч. 07 м. тронулись в путь. Погода на наше счастье хорошая, мягкая зима. Едем в город Н 110 км. Задняя машина отстает, засорился карбюратор, целый час пришлось чинить, не проехав и треть пути. Первая машина идет хорошо и все время отрывается от второй. Пошла плохая дорога, машины вязнут в снегу, на дороге создаются пробки. Первой машине посчастливилось: половина девятого приехали-таки. Разместились в теплой чистой избе — греемся; второй машины нет... Неприятность. Где она? Очевидно, застряла, но сумеют ли выехать? Время томительного ожидания... Борис М.* и Т. Прокофьев поехали им на встречу, у них мало бензина. Наступает Новый год, время 22 ч. Наконец-то приехали и отставшие товарищи. Они несколько км ехали, буквально тащив машину на себе. Все мокрые — в снегу, грязные. Но нас ждут уже летчики. Должны были начать концерт в 10 ч. Сразу едем на место. Столовая летной части. Небольшой зал. Керосиновая лампа и две коптилки... битком набито, люди давно ждут. Быстро собрались, загримировались и в половине одиннадцатого начали новогодний концерт. Так вступили мы в 1943 г.

А. Котрелёв

* Королёв Б. М.

1 января 1943 г.

С утра у нас гости: нач. политотдела тов. С. со своим другом майором Х. Дружеская беседа с ними. Рассказали много интересного, показывали трофейное оружие, угощали трофейными сигаретами, обещали послать нас в интересные, ответственные места.

Вечером концерт у летчиков километра за 2–3. Огромный сарай — столовая. Холодно. Народу немного, но прием очень хороший.

В зале шумно, кому сзади не видно, те громко разговаривали, ходили, курили.

Закулисное помещение — огромная кухня, плита раскаленная, а кругом ветер ходуном ходит.

К Володе Покровскому, который был в гриме и костюме возницы из «Шила в мешке» пристал один служитель кухни: «Ты зачем сюда пришел, дед?» Володя в образе ответил: «Я дрова привез». Тогда другой еще более недоверчивый подскочил: «А где дрова, где?»

Наконец все разъяснилось. А меня приняли за повара, я в белой рубашке стоял в окне, из которого выдают пищу, и мне кричали: «Эй, повар, скоро ужин будешь выдавать?»

Для «Теплого ветра» нам нужны были 2 кружки. Мы попросили начальника ДКА достать, но он заявил: «Кружок нет и не будет, если нельзя без них, то номер надо отставить». Смешной тип, когда он узнал, что нас 21 человек, то воскликнул: «Ну вас надо переделать в ансамбль». После концерта поехали ужинать. Злополучная машина опять отстала, шофер не знал дорогу. Завез куда-то в поле, долго не могли добраться до города.

Н. Лебедев

2 января 1943 г.

Опять погрузка, опять машины, опять дорога... Тепло, оттепель, валенки заменяются кожаной обувью, у кого она есть... Едем к фронту!!! Сегодня нам везет — машины идут хорошо, поломок в пути нет, дорога ровная, не трясет... Два часа пути, и мы въезжаем в большой населенный пункт. Широкая улица одноэтажных беленьких хат, попадаются каменные дома, красные кирпичные. Проезжаем площадь с собором, построенным в греко-византийском стиле, большая колокольня, на шпиле стоя галок. Но в городке ни души, встречаем трех женщин и все: население эвакуировано. «Вот полк размещен по квартирам...» У нас в доме оказалась и хозяйка, она своих стариков увезла, а сама работает в госпитале. Простая чистая хата. Печь натоплена... Работа наша разворачивается: в 6 — концерт, в 9 — спектакль. Аудитория — бойцы, прием чудесный. Играем в школе, сцену оборудовали на партах, движок работает без перебоев — так приятно — горит электричество, и не моргает, и не тухнет во время действия и даже в антрактах. После спектакля короткий митинг. Возвращаемся на ночлег около полуночи, по дороге идти запрещено, идем вдоль заборов около хат.

А. Котрелёв

3 января 1943 г.

План работы этого дня должен был быть большим — 2 концерта и спектакль. Но после первого концерта все переменялось, и мы уехали вместе с частями <...> (*Неразборчиво*). Часов в 6 уже стемнело. Нашу машину включили в колонну, и мы тронулись. С каждой минутой машин становилось все больше и больше. Их фары освещали снег вокруг, и казалось, что смотришь на громадный город с морем огней. Рядом с нами шли танки разных размеров, и с одной стороны бесконечно, вереницей

шли войска — узкой темной лентой. Все шло в полном молчании. Широким потоком шли танки, орудия, машины с боеприпасами, войска. Торжественное волнующее зрелище! Ехали всю ночь, к утру остановились на ночевку в деревне, где в крошечной избе, вместе с хозяевами уместилась большая часть нашего народа.

Теперь о концерте. Он был в школе, где из 2-х классов был сделан зал на 250—300 человек. Была сделана под руководством Сентюлёва прекрасная сцена, и если бы было хорошо постелен очень яркий свет от движка, все было бы на месте. Свет светил с одной стороны, и были на лицах актеров большие тени. Концерт прошел прекрасно! Зритель был внимательный, благодарный и щедрый на прием и аплодисменты. Играя чувствовали, что делаем нужное дело. Во время концерта пришел бригадный командир Жуков, говорил с актерами и рассказывал разные истории из жизни фронта. Вот одна из них: вечером, когда уже стемнело, группа танков прорвала фронт и нагнала итальянские части, пройдя какой-то этап пути, остановилась в какой-то деревушке. Вдруг слышат танкисты, что снаружи танка кто-то царапается, осторожно открыв люк, один из танкистов увидел свой танк, облепленный итальянцами, они, думая, что это немецкий танк, припустились к нам, чтобы удирать.

<Без подписи>

4 января 1943 г.

2 ч. ночи. Мы все в тех же двух крытых брезентом полупортаках едем по ровной степной дороге... Едем в колонне воинской части, которая составлена в строгом порядке военного времени.

Пронеслись с грохотом и лязгом железа средние и легкие танки, за ними идут 4-хтонные огромные американские машины, гремя надетыми на колеса цепями по обледеневшему профилированному степному шоссе, потом наши полупортаки «ГАЗ», выкрашенные в белый цвет, и вместе с ними едем и мы.

По краю шоссе вместе с нами движутся стрелковые части. Бойцы с автоматами, противотанковыми ружьями, со станковыми пулеметами и припасами, погруженными на лыжи, нескончаемой тонкой цепочкой в огромном пространстве степи идут молча, торжественно.

Дорога идет с севера на юг, прямо впереди, и оглянувшись назад, видим огни фар сотен танков и машин, которые мерцают вдаль, как огромный город, зажженный вечером, когда к нему подъезжаешь, и теряются где-то далеко на горизонте.

Только здесь, на фронте, видишь эту силу, нашу военную мощь и технику, которая поистине в руках русских богатырей не имеет себе равной. Эта сила движется вперед, на запад, очищая советскую землю. Этой силе веришь, веришь, что она победит, и еще раз, может быть, в последний раз, страницы мировой истории будут отведены славе русского оружия, славе русского народа.

Мы подъезжаем к месту очередной остановки, к селению, расположенному на крутых склонах оврагов с редкими островками небольших деревьев. Небольшие коричневые плодовые сады стоят на приусадебных участках, все это впитывает нас в себя, и колонна наша, маскируясь, постепенно стихает, расселяется по квартирам в белых, крытых соломой украинских домах. Дует теплый ветер, тучи низко нависли над белоснежной степью.

Расположились в двух домах, подстелив солому, легли спать на глиняном полу и, утомившись с дороги, крепко спали до утра.

Утром завтрак из походной кухни. В 2 ч. концерт. И снова на машины, в путь, дальше на юг. Вечером в районном центре В. М. разместились в двух домах, в одном женщины, в другом мужчины. Сильный ветер и крепкий мороз. Ходили в поле за соломой, которую ветер вырывал из рук, и мы еле принесли по маленькой охачке.

В пути встретили пленных, очевидно, итальянцев, которых вели в тыл. Оборванные, в легких пилотках, в ботинках с деревянной подошвой. Судя по рассказам, в плен идут с большой охотой.

И. Мочалов

5 января 1943 г.

Глубоким сном спят кочевники, время подходит к 4 ч. утра, и вдруг приносятся, в связи с переездом, запоздалый ужин. Артисты, а как стало известно в последствии, и артистки, разбив на мелкие осколки сон, энергично принялись за пшеничную кашу, только больной Липский да Соловьёв, который продолжал пребывать в объятиях Морфея, не попробовали вкусной каши.

За ночь погода резко изменилась, подул резкий ветер, мороз крепчает, и к нашим трудностям прибавился еще один компонент — мороз. Я и Соловьёв отправились на поиски топлива и, вернувшись, затопили печь.

3 ч. дня. Уехала группа на спектакль «Свадебное путешествие», а нам, свободным от этого спектакля, надо снова заняться хоз. заботами: достать дров, принести воды, что и сделали я и А. Котрелёв.

Дрова нужны не только для общежития, но и для утепленной машины, в которую поставили жел. печку и приладили дверь. Меню нашего завтрака и обеда очень однообразны — один суп, чай отсутствует, что, конечно, очень жаль. Предполагавшийся наш отъезд не состоялся: придется провести еще одну ночь в том же помещении.

Вернулись участники спектакля, и, по их словам, спектакль прошел с успехом. Кухня уехала вперед, получив на руки крупу, общими усилиями варили кашу, которая не удалась. В 10 ч. 30 м. вечера состоялся сокращенный концерт, т. е. шли те номера, которые возможно дать в небольшой избе.

Еще прошел один день, все улеглось, и среди наступившей тишины я имел удовольствие слышать мягкий голос певца (Н. Лебедева), пока тихая рука «дяди Сна» не отвела меня в свои покои.

В. Покровский

6 января 1943 г.

На мою долю выпало описание довольно грустного дня, т. к. я лежала больная, и все приходится сообщать со слов других. День прошел тихо, без каких бы то ни было событий. Все ждали, надеялись, что уедем. Был спектакль «Свадебное путешествие», на котором произошло печальное событие — стало дурно Анне Михайловне Данилович. Очевидно, она угорела. Спектакль пришлось прервать, стали играть конец, а Анну Михайловну привезли домой. Вызвали доктора, который смело определил что-то вроде чумы. Смертельно напуганные, мы с Анной Михайловной уж и не надеялись увидеть утро, но все, слава богу, обошлось, хотя мы и волновались за наших уехавших в район из-за этой самой страшной и абсолютно нам неизвестной болезни. Когда наши вернулись, оказалось, что никуда они не ездили — концерт был в школе. Все очень волновались, т. к. Таня Блажина экстренно заменила Данилович в «Маляре». Все прошло совершенно благополучно. Вот и весь день — было много беспокойства, но все благополучно закончилось. Данилович к вечеру уже смеялась над нашими страхами, и я тоже уже была абсолютно бодра.

А. Ремизова

7 января 1943 г.

День Рождества Христова. Встали в 9 час утра и стали ждать машину, которая нас должна отвезти на спектакль к танкистам. Машина запоздала, вместо 10 утра пришла в 12 ч. К этому времени принесли завтрак из другой части, позавтракав, мы отправились в путь. Приехали на место, помещение было уже подготовлено, топились печи и готовился завтрак, это уже у танкистов, так что сегодня завтракали 2 раза. После трапезы мы начали спектакль «Наш корреспондент». Этот спектакль мы на фронте играли 1-й раз. Судя по приему

и необыкновенно внимательному отношению зрителей к спектаклю, премьера прошла хорошо. После спектакля пришли командиры, беседовали с коллективом и очень хвалили спектакль за его художественную и идейную ценность. Потом мы обедали, на первое ели суп-лапшу, всем очень понравилось, на второе ели пшеничную кашу, тоже ничего. Пообедав, приехали в нашу хату, затопили печь и долго пели старинные русские песни под аккомпанемент баяна А. М. Голубева. Запевал Сентюлёв. Хозяйка и ее 4-летний сын Вова были в восторге. В 9 ч. все легли спать, часть товарищей пошла гулять, т. к. погода была хорошая.

И. Соловьёв

8 января 1943 г.

Назначенный подъем в 8 ч. утра состоялся значительно раньше. А. Н. Котрелёв пел в 5 утра, взял верхний соль диез и разбудил всех, после всеобщего смеха уснули. В 9 ч. пришла машина, и все поехали на концерт. Приехали в школу и стали добавочно создавать тепло. Валя Данчева заняла свое любимое место у печки в качестве главного истопника. Привезли в школу завтрак, после завтрака состоялся концерт.

Концерт, как всегда, прошел с большим успехом. Хотя В. Васильева не пела, у нее пропал голос (временно).

После концерта нам объявили, что вечерний спектакль состояться не может, и предложили срочно упаковаться и ждать машины для дальнейшего продвижения к фронту. Обед принесли в школу. После всех сборов в 7 ч. 15 м. вечера двинулись в путь, но, увы, баллон у машины лопнул, пришлось задержаться. Сменили баллон, но ненадолго, пришлось его снять и ехать на одном баллоне.

В 8 ч. 30 м. вечера вступили на территорию, освобожденную нашей доблестной Красной Армией от немецких захватчиков. Наш путь лежит от Н. М. через Б. в К.

На место прибыли в 12 часов ночи. Через час были в теплых комнатах с сеном, после ужина из н. з. легли спать. Настроение в пути было бодрое — пели песни в машине № 2, а в 1-й машине вели дискуссию на разные темы.

П. Сентюлёв

9 января 1943 г.

Настал день моей записи в дневнике, и стало сразу непонятным, зачем я заставлял людей вести эти записки. О чем писать? Неизвестно. И на душе какой-то туман и грусть. Начало явно не мобилизующее для дальнейшего ведения дневника. Но, увы, за период войны охота писать пропала окончательно и бесповоротно. Обязанность писать письма эвакуированным родственникам раз и навсегда убила желание изливать мои мысли на бумаге, и больше чем слово «здоров», слов найти почти невозможно, еще иногда напишешь вечное, стандартное «целую», и уж на этом фантазия иссыкает. Но как быть с дневником? Если пишешь — то явно здоров, а кого «целовать» в составе нашей поездки, пока неизвестно — впереди еще 50 дней! Во всяком случае, писать надо. Пишу.

Мысли о нашей поездке, о наших делах не укладываются в рамки одного дня. Хочется сказать, что поездка эта чрезвычайно интересна — столько материала для рассказов где-нибудь в ВТО за хорошим ужином после войны. Сколько интересных событий! Иногда ощущаешь себя на экране. Как в кино, как в театре. Эта поездка, по сравнению с другими, представляет особый интерес. Во-первых, наш театр выехал с большим репертуаром, с новым спектаклем, и как примет зритель этот спектакль — это очень волнительно, не только потому что это решит успех данного спектакля, а интерес еще и в том, насколько мы правильно строим наш репертуар. Что нужно бойцу на фронте? Об этом очень много говорят, иногда даже слишком много, и не всегда эти разговоры способствуют успеху дела. Многие так напуганы, как бы не привезти не то, что надо, что привозят старую, правда,

проверенную халтуру. Во-вторых, мы впервые за все поездки находимся в армии, которая идет в наступление. Мы были и в обороне, и в отступлении. В наступательный же период мы наши войска не обслуживали, а как это проделать, чтобы было как можно эффективнее наше пребывание, вопрос очень важный и интересный. В-третьих, мы обычно приезжали в часть на место пребывания. Сейчас же мы включены в штат энной армии и двигаемся с ней вперед. В-четвертых, мы вступили на территорию, только что освобожденную от немецких и на данном участке фронта, главным образом, итальянских захватчиков (этих «захватчиков» мы встретили по пути). Вид у них был далеко не захватнический. Они шли гуртом, человек 500–600, вели их 2 автоматчика. Охраны почти нет. Батальон из пленных был предоставлен сам себе. Но ни один из них не думал бежать. Один даже приплясывал от удовольствия, что попал в плен. Мы находимся на Дону. И 2–3 недели тому назад здесь находились они, а сейчас мы. Этот дневник наш, поэтому я позволяю себе писать все, что я думаю, как писала Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Едва ли многоуважаемая Ольга Леонардовна предполагала, что ее «собака», «пупсик» и многое-многое другое станет достоянием тысячи читателей, и многие будут с недоумением разбираться в интимностях великой четы, и чеховеды будут заниматься разбором значения слова «собака» и отражением его на все творчество Антона Павловича, и гадать, не отсюда ли родилась у него мысль написать «Даму с собачкой».

Будучи руководителем данного коллектива, мне несколько неловко его хвалить, но я это должен сделать потому, что вижу, какую радость доставляют бойцам и командирам все наши выступления. Очень радостно, что наш коллектив так себя оправдывает на работе. Все выступления — это праздник. Мы привезли 2 спектакля и концерт. И если мы в одной части что-нибудь сыграли, то просят ничего другого не играть, а повторить именно это, считая, что лучше уже ничего быть не может. И приходится, буквально ломая сопротивление, в данном случае не противника, а комполитотделов, показывать другую программу, и уже тогда требуется именно эта вещь и уж никак не следующая. Так было с «Нашим корреспондентом». Этот наш новый

спектакль, мы как и всякую новую, еще необыгранную вещь, с одной стороны, хотели показать, с другой — побаивались и волновались, как она пройдет. Я счастлив, что все наши надежды оправдались, а вернее, тот прием, который получил этот спектакль, превзошел все наши ожидания. Это настоящий, хороший театральный спектакль! Это наша общая радость, что спектакль получился. А концовка с речью Соловьёва, касающаяся именно данного фронта, делает спектакль еще более волнующим, еще более современным. Так что комбриг, полковник Алексеев заявил, что ему необходимо, чтобы все танкисты увидели «Наш корреспондент». Для нас высшая похвала, когда этот спектакль объявляется чем-то необходимым.

Что же касается того, что мы выехали в количестве 21 чел., то это безусловно сопряжено с некоторыми трудностями. Главное же для меня стало ясно: фронт требует доброкачественной продукции, и он имеет на это полное право. Так что пусть товарищи из ЦДКА меньше заботятся о количестве состава бригады, что не так уж важно, а побольше о качестве. Что же касается выбора репертуара фронтовых театров, то действительно юмор решает успех коллектива на фронте. Зритель рад каждому случаю посмеяться. Хотя он и зритель, он человек, он хочет всего. Так надо ему давать хорошие, полезные, нужные, развлекательные, но обязательно разные представления как по жанру, так и по содержанию. Искусство всегда не терпело однообразия. Поменьше станет <...> (*Неразборчиво*) «12 чел. бригада, песни, частушки, баян, пляска» и побольше жизнеутверждающего искусства. Услышь меня, о ЦДКА! О Дирекция фронтовых театров!

Продвижение с нашей армией вперед, несмотря на то, что оно сопряжено с колоссальными трудностями (недоедание, недосыпание, постоянное передвижение), но это продвижение дает нам еще раз возможность убедиться в силе нашей армии. Причем я бы сказал, что то что я видел — я видел впервые. Это такая мощь, которая вызывает восхищение, уважение и радость. Я очень жалею всех моих друзей, не видевших это, и я очень рад, что наш враг скоро это увидит!

Итак, нас взяли в штат Н-ской части, и мы совершаем марш вместе с ней.

Впечатлений масса: мы свидетели чудесных событий: Советы штабов, поручения, боевые задания, приказы, разведчики в белых халатах, возвращающиеся из разведки в легковых машинах, для быстреего донесения, боевые донесения, выход в марш на оборону, немецкие разведывательные самолеты и бомбардировщики, питание из котла в котелках по очереди (не хватает котелков и ложек) и много другое, что заставляет радоваться, что ты находишься именно здесь.

Ночью мы приехали в К. 20 дней назад ее освободили от оккупантов — 19/XII, а 23/XII было в сводке информбюро. Колоссальное количество трофеев на дороге. 7-тонные «фиаты», итальянские машины неизвестных марок, самоходы, тракторы, немецкие дощечки с указаниями направлений и километража. На грузовиках провозят из трофейных складов итальянские галеты, макароны и др. продукты. Сегодня пробовали итальянскую пищу — ничего, но пресновато. Да, 6 янв. — один итальянский полковник со своим штабом забрел случайно сюда на машине. Его забрали. С утра занимались устройством людей по квартирам — ничего из этого не вышло, все заняты. Пришлось остаться в том доме, где остановились, в штабе батальона. Интересно, но очень неудобно. Занимательно, но не способствует отдыху. Питаться ходим к котлу километра за 1½, далековато, но желудок требует, и, перегоняя итальянских мулов, огорошенных переменой жительства и суровым климатом России, артисты с котелками бредут за положенной пищей (супом или пшенной кашей) и с надеждой думают о чае. На обратном пути были свидетелями обстрела немецкого бомбардировщика.

Вечером «Наш корреспондент». Спектакль шел немного понижено. Был очень плохой свет. Постановочная часть была не на высоте и не способствовала успеху спектакля. Наше скудное оформление заставляет думать о том, как можно его сделать аккуратнее и лучше. Чтобы вид сцены радовал глаз зрителя и напоминал бы ему о Москве, о Московском театре им. Вахтангова, а у нас зачастую не подметен пол. Надо ответственной относиться к своим обязанностям. С поклонами вечное любительское, непрофессиональное ломание. Надо с уважением относиться к зрителю — выходить на поклон,

а иногда и бисировать. После спектакля народ не хотел расходиться и просил дать концерт, что мы и сделали. Концерт прошел с шумным успехом. Немного усталые из «нашего стационарного (2–3 дня) театра» (бывший барак для военнопленных), возвращались домой, в далеко не уютную и в совершенно невместимую комнату. Вместились, полегли «штабелями». Есть возможность спать только боком, развернуться уже нельзя, иначе разбудишь всех. Актеры плохо отдыхают, и в обеспечении этого виноваты не только условия, но и администрация, в частности, я.

Вечером во время спектакля подружились с комбатом, молодым человеком, немного нервным, но резким и стремительным (рождения 1921 г.). При мне он отчитывал одного бойца за то, что он не пишет домой писем. Молодец! (Я мысленно отчитал себя).

Ну, вот как будто бы все. Что-то длинновато, но какой материал для дорогого Бор. Григ. Леви — это его обеспечит работой на всю жизнь.

И. Спектор

10 января 1943 г.

Утром проснулись злые. Мужчины, ночевавшие накануне ужасно тесно в одной штабной комнате, были уплотнены еще 5 женщинами. Спали так, что поворачиваться нужно было по команде. Утром прогуливались с котелками за кашей. После завтрака выяснилось, что будет «Корреспондент» в 2 часа дня там же, где и накануне — в бывшем бараке военнопленных. Начали только в 3 ч. 30 м. Ждали зрителя, занятого на танковых учениях. Спектакль шел прилично, но не более, играли без особого нерва. Ужасный был свет — 2 крохотные лампочки от аккумулятора делали из зала впечатление дымки на лицах, все было как-то серовато, и народу было неполно. По просьбе командования после спектакля (непосредственно) дали концерт, публика развеселилась, концерт прошел хорошо. Через 2½ часа после закрытого собрания в этом же помещении сыграли опять «Корреспондента» и концерт.

Вечером был движок, свет прекрасный, спектакль идет прекрасно, публики много, народ теплый, приемистый. Зрители не вмещаются в зале, закулисы также полны ими. Приехал Стороженко, тоже сидит все время за кулисами, рассказывает много интересного, изредка поглядывает на сцену, похихатывает, шуруется и подмигивает. Свет несколько раз гаснет, но это не мешает спектаклю идти с подъемом. После спектакля небольшой концерт, который кончили в первом часу.

Е. Фадеева

11 января 1943 г.

День начался, как и все предыдущие дни в этом пункте, — просыпались, распрямлялись, разминали свои затекшие после ночного «отдыха» тела, вытягивали свои скрюченные и отдавленные за ночь ноги, умывались кто снегом, кто холодной водой, а некоторые счастливицы даже горячей, делили сухари, суп и сахар, пристраивались на завоеванном пространстве позавтракать: кто на полу, кто на чемодане, кто на краешке стола, а кто и под столом — завтракали. Но вот наша мирная жизнь прерывается стрельбой; бьет зенитка по немецкому самолету, он пролетает низко-низко над домами и сбрасывает бомбы. Бросаем завтракать, выбегаем на улицу: совсем близко от нас на снежном поле с одной и с другой стороны взрываются и горят ярким зеленоватым пламенем зажигалки. Они сброшены целыми ящиками, как нам рассказывают после, сброшено также много осколочных бомб, но ни одна из них не принесла никакого вреда, самолет же подстрелили, как тоже узнали после. Переживаем это каждый соответственно своему темпераменту и возвращаемся к прерванному завтраку. Узнаем, что в 12 часов у нас выезд на передовую с маленьким концертом. Едут всего несколько номеров, всего 9 человек. Желающих гораздо больше, но увы! Больше не вмещает маленькая санитарная машина, больше не имеют времени наши зрители! Концерт проходит очень хорошо. Зрителей человек 50. Усталые, промерзшие,

закопченные лица к концу концерта оживляются и как-то оттаивают — это лучшая награда артистам за их работу. По окончании концерта зрители поспешно надевают свои мешки, свое оружие и уходят по своим местам. Дует ледяной ветер. Сильный мороз, глубокий-глубокий снег. Не успеваем мы оправиться от волнения, вызванного концертом в такой обстановке, как нам говорят, что сбили немецкий самолет, выбегаем все на улицу. Чудесное зрелище, объятый черным дымом пылает немецкий самолет совсем близко. Через лощину на бугре, к нему сбегаются со всех концов люди, окружают его цепочкой. Еще одним немецким самолетом меньше! Хочется смотреть и смотреть, но пора ехать, да и мороз загоняет в машину. Кое-как, застревая в снегу, выбираясь и опять застревая, замерзшие, но очень довольные, возвращаемся домой, предвкушая рассказ о всех своих впечатлениях оставшимся товарищам. Но дома узнаем, что сбито целых 2 самолета, и оставшимся дома посчастливилось наблюдать полную картину этого события. Ну что ж! Зато мы играли концерт на передовой. Съедаем холодный обед (все тот же суп с макаронами!), после чего Исай рассказывает нам о результате своих переговоров со Стороженко о том, что нас ожидает в ближайшие дни. Но что нас ожидает, не знает и сам Стороженко, слишком полна сейчас жизнь всякими неожиданностями. В 8 час. играем «Свадебное путешествие», спектакль идет тяжело, но прием замечательный! На спектакль приезжают, вернее, заезжают генерал-майор Шатилов, Стороженко, Александров, на сцене образуется целая «правительственная ложа». Тут наш молодой друг, капитан Глебов, который хохочет, как ребенок, приседает, подпрыгивает, хватается за живот и находится в совершенном восторге. После конца спектакля несколько речей смешноватых, неумелых и под конец прекрасное слово генерала Шатилова, которое скрашивает весь митинг, за организацию которого лейтенант получает тут же двое суток. После окончания Шатилов заходит на минуточку поприветствовать нас, на минуточку — для бесед нету времени, слишком серьезные сейчас дни, — несколько слов и до свиданья! До новой встречи! День, полный интереснейших впечатлений, подходит к концу. Но судьба готовит нам еще один сюрприз — наш милый хозяин,

капитан Глебов, приглашает нас к себе поужинать. Вызывают нашего «заведующего» и «начальника комедии» Исяя, и после небольших переговоров, в которых хозяева выражают искреннее сожаление, что у них нету спиртных напитков, просят гостей вооружиться своими ложками. Мы идем к ним в малюсенькую хатку. Но мы уже так привыкли уплотняться! За столом 26 человек, на столе итальянские макароны, галеты, консервы и сладкий-сладкий чай. Дружеской беседой и песнями заканчивается наш день. В 3 часа, усталые, укладываемся, скрючиваемся, складываемся, стискиваемся, чтобы всем хватило места, и засыпаем.

Т. Блажина

12 января 1943 г.

Очень много впечатлений от всего виденного. Хотелось бы написать обо всем, но сегодня мой день писать дневник, и мне нужно писать о событиях сегодняшнего дня.

10 час. утра. Приносят замечательную сводку: наши войска заняли Мин. Воды, Кисловодск, Железноводск, Пятигорск и много населенных пунктов. Это очень даже замечательно. Сев. Кавказ почти совершенно освобожден от немецких оккупантов. Настроение у всех повышенное, еще обещали нас свезти в долгожданную баню, поэтому начинается суэта.

В 12 час. везут мужчин мыться, а в 3 ч. едут женщины. «Баня» оказывается маленькой хатой: в первой комнатке плита с баком, в углу на полу другой бак с холодной водой. Обрадовались, что можно сделать постирушки, намочив и намылив бельишко, приходим в ужас, ничего не отстирывается, все покрывается серыми пятнами. Махнув на это дело рукой, начинаем мыться. Вдруг слышим из передней комнаты перебранку, оказывается, пришли две санитарки, разделись, свалив свое белье на наше и уронив в бак с холодной водой чистое белье Васильевой, стали требовать, чтобы мы кончали мыться. Убеждаем их, что баня приготовлена для нас, что даже генерал уступил нам

свою очередь, но их это совершенно не трогает. Занявшись одеванием, вдруг слышим истерические вопли, и из бани выскакивают в предбанник голые санитарки с криками: «Ой, там мимо окна прошли офицеры, заглянули в окно!» Мы возмутились, стали их стыдить. В это время входит красноармеец с ведрами холодной воды. Эти «барышни» начинают совершенно спокойно с ним разговаривать в костюме Евы, как ни в чем не бывало!

Наконец едем домой, оказывается, в наше отсутствие приезжал от полковника Алексеева командир и сказал, чтобы наши гостеприимные хозяйева, т. е. штаб капитана Глебова освободил для нас хату. Мы очень огорчились, что так нехорошо получилось, они нас приютили.

<Без подписи>

13 января 1943 г.

Сегодняшний день начался, как обычно, сутолокой, стуканьем котелков «ранних пташек», спешивших за традиционным супом. Вскоре выяснилось, что будут 2 концерта с выездом. Как обычно, машина пришла с опозданием на 1 ½ часа. Быстро погрузились на машину и отправились в путь. Не обошлось без несчастья, вместо 15 минут езды прогулялись час — «заблудились в трех соснах», наконец замерзшие, но бодрые заняли «населенный домик». Сценическая площадка очень маленькая — примерно квадратный метр. Очень трудно играть драматические сцены, где больше двух человек. Но мы уже быстро ориентируемся в любых условиях, и концерты проходят успешно. После концертов выступали бойцы и командиры: речи взволнованные, чувствуется крепкая вера в победу, бойцы горят желанием вступить в бой, чтобы громить ненавистных фашистов. Слова Багратиона звучат с новой силой: «Солдаты, мы сражались вместе, мы сотни верст прошли в пороховом дыму, отдайте жизнь, но родины и чести не отдавайте никому!» Домой уже доехали без плутания. Обед сегодня необычный — 2 блюда, очень вкусно. Вскоре выяснилось, что можно расселиться. О, наконец можно будет

поворачиваться с боку на бок без команды! Вечером назначен концерт. Легли отдохнуть и немного запоздали на концерт, где взволнованный по-реж Мочалов обрушился на вошедших «рабов божьих». Начали концерт, прошло 2 номера, и вдруг команда: «Отделение капитана Глебова в ружье по тревоге!» И через некоторое время на сцене было больше народа, чем в зрительном зале, а вскоре мы остались одни. Концерт прекратился. Необычайное оживление среди бойцов, собирают незамысловатые вещички, танки разогреваются, готовы в любую минуту вступить в бой. Расстроенные артисты вернулись в свою обитель.

В комнате шумно, оживленно, подготовка к отходу. Даются приказания заводить машины, строится пехота. Все торжественно, величаво. Наши друзья наспех, горячо с нами прощаются и идут на свои места. Впереди предстоят решительные бои. В самую последнюю минуту капитан Глебов обнаруживает пропажу варешек. Спектор быстро приносит ему «казенные» варешки, и все кончается благополучно. Капитан взволнован, глаза блестят, с мальчишеским задором жмет крепко всем руки и отправляется в путь. Стало пусто и грустно в нашей хате, нет оживленного говора и суеты, к которой мы так привыкли. Грустно актеры разбредаются по разным углам. Только небольшая группа энтузиастов ждет наступления старого Нового года, после чего идет на улицу наблюдать передвижение войск. Зрелище совершенно необыкновенное, описать все невозможно. Бесконечный поток людей, извивающийся, как огромный черный червяк, подымается в гору. Морозная ночь, снег хрустит под ногами. Танки освещены прожекторами фар, облепленные людьми в белых маскировочных халатах с лязгом выстраиваются в одну колонну. Все торжественно, грозно, величаво. Вот остановились с нами рядом 2 командира, поздравили нас с Новым годом, мы в свою очередь пожелали им счастливого пути и удач. Грустно расставаться с нашими друзьями. Замерзшие, но полные неповторимых впечатлений вернулись домой и улеглись спать по своим углам, но уже более свободно.

В. Васильева

14 января 1943 г.

12 часов ночи. Наступил старый Новый год. В хате накурено. В сизом дыму мигает бензиновый фитилек. Командиры прощаются с нами, в 3 ч. 30 м. ночи они идут в атаку. До тревоги можно отдохнуть пару часов. Хлопает дверь, морозный пар врывается с улицы. Все разошлись, только в углу, на скамье под образами, дремлет радист, склонившись над своей рацией. Часа в 4 надо ждать первые позывные, <...> (Неразборчиво) наполнена нервным ожиданием событий. Ложимся спать. В 3 ч. ночи еще раз заходят проститься. За стеной стоит тяжелый глухой рокот танковых колонн. Опять тяжелый нервный сон. Просыпаюсь — часа 4 утра. Рация заработала. Нач. связи расшифровывает первые донесения. Посапывают товарищи во сне, и что-то неразборчивое поскрипывает в наушниках радиста. Где-то далеко, нарастая, громыкает канонада. Наши друзья уже в бою... Просыпаемся рано. Масса слухов о исходе боя. Точных сведений пока нет. Радист со своим хозяйством уехал куда-то вперед. Ужасно хочется есть, а все кухни уехали на передний край. Наконец где-то достаем питание. Обед получаем сухим пайком, и Валя Данчева проявляет чудеса кулинарии. Изредка приезжают с передовой и рассказывают о ходе дела. Работы нет, все уехали. Ждем новых распоряжений. Канонада удаляется все дальше и дальше и к вечеру совсем затихает. Наши далеко впереди. Счастливого пути, счастливых боев! До скорой встречи в новых освобожденных городах!

А. Граве

15 января 1943 г.

8-й час утра. Розовый восход. В ясном голубом небе еще горят звезды. Морозно. Просыпаемся все от близких выстрелов — это хозяйка, старушка-резушка по ошибке положила в печку патроны, которые от огня взорвались.

Хорошо, что не гранату. Открывают ставни, солнце врывается в нашу «чистенькую, уютенькую комнатку». Вставать не хочется. Скорее бы узнать сводку. Щелкают семечки. На кухне Валя* и Люля** хлопчут с завтраком, который удастся на славу. Вкусно, сытно. Благодарим прекрасных кулинарок — слава ваша долго не померкнет.

День летный, наши самолеты без конца летят на запад. Серебряные птицы высоко парят в голубом небе. Красиво. Изредка проносятся стервятники, которых обстреливают зенитки.

Приезжает Исай. В 6 и 8 часов назначены концерты. Видел двух свеженьких пленных фрицев. Сообщает о разговоре с генерал-майором Ш., который хочет послать нас в освобожденные города для обслуживания населения, для составления актов о грабежах, зверствах фашистов, послать нас как представителей советской власти. Интересные, новые возможности расширения нашей работы.

В 5 ч. садимся в машину, едем на концерт. На полпути встречаем Бор. Меф., который сообщает об отмене концертов, т. к. части уходят в бой. Заезжаем в избу, где живут наши «семеро смелых», погреться в ожидании дальнейших распоряжений.

Хозяйка — красивая хохлушка с ласковой дочуркой — общей любимицей Зиной. Алекс. Мих.*** вынимает баян, начинается концерт. Исполняется несколько номеров на баяне, затем Асмик**** и Вероника поют. В дверях приютились хозяева, приходят еще какие-то люди — стоят, слушают. Концерт прерывается приходом нашего шофера Шуры, зовущего ехать домой.

Вечер. Коптилка. Также монотонно щелкают семечки. Готовится ужин. Опять безработный день. Зрителей нет. Они превратились в действующих лиц, за подвигами которых с волнением уже следим мы.

<Без подписи>

* Данчева В. И.

** Фадеева Е. А.

*** Голубев А. М.

**** Бархударова А. М.

16 января 1943 г.

Проснулась от того, что Оля уже начала готовить завтрак, мыла пшено, котлы. Вдруг, как по команде, проснулись все, скорее стали мыться, причесываться, и, — за котелки, скорее есть, но сегодняшний завтрак довольно скромный. Не рассчитали вчера, и на сегодня осталось очень мало продуктов, но ничего, съели, как говорит наша хозяйка, «по трошки» каши, но зато получилось приличное количество чая и сухарей. Хотя Коле Лебедеву оказалось тоже маловато, ну ничего, все веселы и острили по поводу того, что же будет с обедом? Но с обедом оказалось хорошо — вчерашние страшненькие курятки и банка консервов — это уже кое-что. Бо. Мефо.* достал еще картошки. Женщины дружно взялись за ножи, и обед был готов.

Вот приехал Исай, и — о, ужас! — у него распухший, отмороженный нос, который срочно намазали каким-то жиром, и теперь наш директор лежит с красным распухшим носом и рассказывает нам, что он слышал о наших частях, которые в бою. Слухи очень хорошие: наши знакомые части вошли в г. Россосшь, это слухи непроверенные, но все равно приятно! А мы пока сидим и не работаем, нет зрителей, все идет вперед. Очень обидно, как бы хотелось хоть одним глазком поглядеть, что там, на передовых, делается, но нельзя, обещают, что, может быть, завтра мы поедем по следам наших друзей вперед. Скорей бы! Это не только мои мечты, но мечты всей нашей группы, а пока Игорь** сидит на полу, т. е. на своей кровати и мастерит ручку для двери нашей хаты, остальные мужчины, лежа каждый в своем закутке, «консультируют» — как надо ее делать. Много острот и смеху. Но в это время открывается дверь, входит Коля Лебедев и сообщает, что продчасть бригады, к которой мы приписаны, уехала и увезла наш аттестат, хотя они должны были уехать завтра. Вот это номер!!! Что делать? Исай вскакивает

* Королёв Б. М.

** Липский И. К.

и, не обращая внимания на свой отмороженный нос, садится с Колей Лебедевым в машину и — вдогонку за нашим аттестатом, без которого мы <...> (Неразборчиво).

Не тиха украинская ночь, хотя дивно прозрачен воздух и блещут звезды. Луна заливает белоснежные хаты. Содрогаются земля от танков, изредка слышна канонада. Уже тише. Дальше фронт отодвигается.

А. Данилович

17 января 1943 г.

10-й день нашего пребывания в п. К. Много интересного видели, хорошо поработали, но все хотят перемены, хотят ехать дальше. Ночью Исая и Коля Лебедев привезли продукты, даже продукт 38, и потому все утро проходит в распределении продуктов, завтраке и рассказах Исая и Коли о виденном. Они были за п. М., видели места, где происходили бои, видели пленных, трофеи и их рассказы волнуют актеров, всем хочется дальше в путь. Днем Исая и В. Н. едут в политотдел и возвращаются с потрясающими новостями: нами занят п. Р. и ряд других мест, план выполнен и даже перевыполнен. Занятие п. Р. особенно волнительно для нас, бывших там в момент оставления нами этого пункта в июле. На завтра на 9 часов назначен наш выезд вперед, сначала в п. М., а затем в п. Р. Мы увидим места боев, мы побываем в только что освобожденном городе! Увлекательно! Весь день проходит в оживленных сборах, приготовлениях к переезду. Вечером новое событие; приехал старший лейтенант нашей части Миша. Он приехал из п. О., где находится сейчас наша часть. Они участвовали в нескольких напряженных боях. Погибло несколько товарищей, которых мы близко и хорошо узнали: тов. Остапенко, тов. Акулич и др. В первый раз так конкретно, так близко видим мы войну, конкретно ощущаем потери близких, ставших родными людьми. Миша рассказывает нам отдельные эпизоды боев, все с интересом слушают боевые эпизоды, участником которых был наш общий

любимец капитан Глебов, который, к общей радости, жив и здоров. Мы одновременно и радуемся нашим успехам, и грустим, вспоминая погибших товарищей. Вечер заканчивается трофейным ужином. Наши друзья не забыли нас даже и в боях и прислали нам итальянский ликер с итальянскими консервами. Поздно вечером все укладываются — завтра в путь.

Б. Королёв

<...> (Начало неразборчиво) а мы во главе с Бо-Ми-Фо едем в госпиталь с концертом, едем не все, несколько номеров: пение, пение и «Маляр».

Госпиталь полевой, куда попадают раненые прямо с передовой, еще в своих шинелях, ватниках, наскоро перебинтованные, замазанные, черные, утомленные. Бегают врачи, сестры, сиделки, но все рады нам, и концерты проходят очень хорошо. Мы взволнованны до слез, когда эти измученные болью и бессонными ночами глаза начинают постепенно улыбаться, лица светлеют, чувствуешь, что мы нужны, что приносим пользу, что на минутку отвлекаем их от болей. Во время концерта встретили одного раненого бойца, который сказал нам: «Вот не успел досмотреть тогда из-за тревоги ваш концерт, сейчас досмотрю». Итак, днем дали 2 концерта, поехали домой обедать, после обеда 1 час на отдых и в 7 часов снова в госпиталь, где дали еще один концерт. Из беседы с врачом узнали, что за два дня таких больших боев процент раненых очень невелик.

Вернувшись после концерта поужинали чаем и сухарями. Исая и Коли* все нет. Ну, пора спать. Только улеглись, приехали Исая и Коля. Рассказали, где были, очень интересно. Ну, спать.

В. Данчева

* Лебедев Н. М.

18 января 1943 г.

Вот история! Развязка которой будет впереди. А что произошло, и в толк не возьму, совершенно неожиданный оборот. Собрались мы рано поутру в некий населенный пункт Михайловский, или Михайловское, вернее, как предыдущий товарищ увековечил — в п. М., и все вещички упаковали, и трофеи увязаны, и НЗ уложен, вот и время погрузки, погода мягкая с ветерком. Но что-то произошло непонятное, а к концу дня, как выясняется, мало сказать неприятное: обе машины — фазтоны наши, ушли в неизвестном направлении... шоферы, молодчики наши, совершили-таки «побег», это ясно. Но что их побудило на это? Куда они укатили? Кто им мог приказать дать от нас «драпу». Ведь начальник над ними — наш уважаемый Владимир Ник., а они ему ни слова, взяли-таки и уехали. Зачем? Куда? Странно, и даже смешно. Обидно и горько... Пропал день, который проходит в догадках и предположениях. Все это выяснит и изложит «последующий товарищ». Атмосфера сгущается ко времени варки обеда: продукты были засыпаны в котел, то бишь в чугунок рано утром без учета «бегства», и в результате в мужском общезимовье (не знаю, что было у женщин и семейных) одни макароны в явно малом количестве. Выручает хозяйка, наша добрейшая Паша. Предложившая по этому поводу Петру Сентюлёву картофель. Зимний крещенский вечер прошел в ожидании директора и политрука, уехавших в политотдел.

В хату заходили обогреться раненые, едущие с поля боя в госпиталь, бойцы, направляющиеся к фронту, только что освобожденные из фашистского плена — наши бойцы.

А. Котрелёв

19 января 1943 г.

Весь день прошел в ожидании транспорта. Приказ генерал-майора Шатилова о переезде нашей группы в Россосшь задерживается, т. к. нет машин. Спектор и Прокофьев утром уехали в политотдел. А мы ждем, ждем... По нашей улице, мимо хаты, ведут пленных группами, человек по сто, сто пятьдесят. Если ведут немцев — сопровождающих автоматчиков десять-двенадцать, если итальянцев — два-три. Итальянцы идут бодрые, веселые, немцы хмурые, угрюмые, смотрят под ноги, исподлобья озираясь по сторонам. Попадают и смешанные группы, но редко.

В хату к нам зашли погреться два человека, оборванных, в лохмотьях, руки трясутся, глаза слезятся — это только что освобожденные из немецкого плена наши бойцы. Семь месяцев в плену у немцев. Семь месяцев военных лагерей, побегов из них, работа на строительстве укреплений, дорог. Долго мы слушали страшные рассказы... Не верится, что это 1942 год, пытки инквизиции, средневековые казни, глумление, издевательства, побои... Как раз в Кантемировке, где мы играли в бывшем колхозном клубе, немцы устроили концлагерь. В этом лагере находились наши рассказчики. Невозможно передать все ужасы, зверства, неистовства взбесившегося зверя. Похлебка из горелой пшеницы и 150 г. хлеба из мякины, опилок, соломы — вот вся суточная норма питания... больных не изолировали, а оставляли здесь в ужасной тесноте, иногда тяжело больных пристреливали. В сутки умирало десять-пятнадцать человек. За побег из лагеря одного заключенного расстреливали десять человек. За малейшееслушание стражи — побои палками, специально привезенными из леса хлыстами вербы. Пойманного беглеца подвешивали крючками за подбородок, под нижнюю челюсть, как тушу. Смерть наступает на вторые сутки. Что может быть мучительнее, страшнее?

Поздно вечером приехал Вл. Ник., мы уже спали, но радостное сообщение всех нас подняло на ноги: он сообщил нам, что Совинформбюро

передало по радио в «последний час» о занятии нашими частями Валук.
Завтра должны туда ехать.

<Без подписи>

20 января 1943 г.

В избе душно, пахнет печеным хлебом, на столе коптилка, свет то совсем затухает, то вспыхивает ярко, на мгновение, правда, освещает печь, облепленную кругом сохнувшими валенками (при помощи специального изобретения Бутырского Юры) и раскиданных повсюду — на кроватях, на полу, на скамейке актеров. Они спят, но, к сожалению, нельзя сказать — после трудов праведных: сегодня, как и вчера, мы ждали, ждали и к вечеру, утомившись ждать, заснули. Сегодня одиннадцать часов ночи. На кухне стоит великий храп: там спят пехотинцы, они лежат на полу, на печи, на плите, называемой здесь <...> (*Неразборчиво*), под столом, на столе, их много, так много, что пройти нам через кухню к двери на улицу нельзя, не наступив на руку, на ногу, на голову. Они спят три часа, в двенадцать их разбудят, придут другие на три часа, и так до утра, может быть, и больше. На дороге слышится скрип шагов — это идет пехота. Завтра она будет драться. Ночь морозная, звездная, светлая, светлая. Завтра должны же выехать!

А. Котрелёв

21 января 1943 г.

Продолжаем жить в каюте-Мировке, весь день ничего не делали, если не считать нашего нового основного занятия, как мы говорим — наблюдения за пленными, проходящими бесконечной вереницей. Вечером (о, счастье!) был концерт, шла вся программа, кроме «Теплого ветра». Играли в бараке, построенном итальянцами. Была сделана сцена, и работал движок.

Наш концерт смотрела приехавшая из Москвы эстрадная группа актеров, обслуживающих части Юго-Западного фронта. В этот вечер мы обслуживали части Юго-Западного фронта. Актеры-москвичи, почти все знакомые, пригласили нас на 22 ч. на концерт. К нашей общей радости идем ужинать, за последние дни отвыкли есть по-человечески за столами, ели все больше сидя на полу в своих углах, да и пища оставляла желать лучшего.

И. Липский

22 января 1943 г.

Очень трудно сейчас писать о 22/1-42 г., когда сегодня 12/II-43 г.

Помню, что был на пути из Кантемировка в Россось вместе с В. Н. Прокофьевым, откомандированным за получением автомашины для коллектива, имея на руках соответствующую бумагу на получение их (двух автобусов).

В Россоси еще только несколько дней назад были бои, и город еще дышал этим: собирались и сматывались оборванные телефонные провода, убиралась с дорог груды камней разрушенных зданий, автомашины, трупы фрицев. И через несколько дней город на скорую руку убранный, стал принимать вид и иметь ритм гражданского города. Появились вывески советских учреждений — райкома, горсовета и др. Люди стали появляться группами, еще несколько запуганные, но уже с ясным и радостным взглядом.

И. Мочалов

23 января 1943 г.

Еще раз дошла до меня очередь писать дневник, когда я писал в первый раз, я думал, что произойдет в нашей фронтовой жизни масса крупных событий, а вместо этого, помимо огорчений по поводу пропавших машин, есть еще то, что наша работа идет очень плохо (я лично уже который день

бездельничаю). Мы, как челюскинцы на льдине, ждем, чтоб нас сняли. Настроение у группы быстро падает, и наша бесперспективность наводит уныние. День проходил так, что о нем и писать не стоило. Но к концу дня события развернулись совершенно неожиданно: мы давали концерт для зенитной части, и вдруг... как бомба разорвалась — известие о том, что за нами приехали 2 машины со старым нашим знакомым Николаем Андреевым. Завтра выезжаем! Радости нет конца!!!

К концу нашего концерта за кулисы пришла группа актеров (рук. Шапиро), и мы, закончив свое дело, имели удовольствие видеть концерт.

В. Покровский

24 января 1943 г.

Наконец настало долгожданное утро — отъезд в Россошь. Встали в 7 часов, рвались уехать в 8, но, к сожалению, ничего не получилось, т. к. задержали наши жители другого дома — состоялся отъезд часов около 11, с неудачным заездом за нашими опаздывающими, с разваливающимися вещами в автобусе, с волнением, с шумом, но все-таки состоялся. Дорога красивая, снежная, с оврагами, спусками и подъемами, но какое мрачное окружение — трупы, вороны, сломанные машины. Первый раз едем мы по дорогам, где только что шли бои, и опять бесконечная вереница пленных. Их уже не тысячи, а десятки тысяч. Все идут, идут... Вот и Россошь. Город, так же как и дорога, еще полон воспоминаний о боях, на улицах сорванные провода, гранаты, взорванные и сломанные машины, мало жителей. Долго не могли расселиться. Комнат свободных много, поэтому так долго. Наша компания из трех женщин угомонилась только в третьей комнате поздно вечером. Мороз был страшный, мы совсем заоченели. С восторгом съели горячий обедо-ужин — соединенные пайки за целый день. О машинах для нас хлопчут, боимся верить, но как будто все идет хорошо. Работать как будто начинаем завтра. Еще ничего не ясно с размещением, нужно подыскать

и привести в порядок. Итак, ложимся спать в комнате, откуда только несколько часов назад удирали ничего не подозревавшие о нашем наступлении немцы. Ощущение приятное.

А. Ремизова

25 января 1943 г.

После завтрака начались поиски помещения для выступлений. Городской театр оказался разбитым и превращен в склад. Начали срочно приводить в порядок мед. школу, для чего были мобилизованы комсомолки, которые и убрали помещение. И. К. Липский обнаружил хорошее театральное помещение — клуб маслозавода, который оказался в хорошем состоянии, но занят под склад итальянцами, имущество которых досталось в качестве трофеев нашей армии: трикотаж, вино и т. д. И вообще немцы так поспешно убегали из города, что все склады оставили, а также много машин, танков. Из технических средств передвижения на нашу долю достались две машины, на которых и будем ездить, мечтаем их привезти в Москву.

По нашей просьбе начальник гарнизона приказал очистить клуб и передать помещение нам. Завтра предполагается его открыть. Вечером состоится концерт в мед. школе. Помещение было холодное и сырое, с потолка капала вода, стены были мокрые, но мы были рады что первые открыли театральный сезон в гор. Россоши после его освобождения, и концерт прошел с большим подъемом. Зритель был смешанный — часть военных, часть населения. Вечером беседовали с жителями города о том, как вели себя завоеватели.

П. Сентюлёв

26 января 1943 г.

Сегодня мы второй день находимся в городе Россоши. Всего десять дней тому назад здесь хозяйничали немцы... Повсюду следы войны, повсюду следы совсем недавних боев. Обгорелые дома, торчат сиротливо одни печи — это не во всех районах города, правда, развалины-таки попадаются частенько. Все больше каменные дома, как правило, сильно пострадали: выбиты стекла, рамы, провалены крыши, иногда оконные проемы заложены кирпичом, оставлены лишь небольшие отверстия для пулемета, автомата. Сильно пострадал центр города, собор и прилегающие к нему каменные постройки: амбары, торговые склады, магазины, городские учреждения. Здесь, рассказывают бойцы, бой за город задержался — на колокольне засели шестьдесят автоматчиков, державшие под огнем местность, они не сдавались.

Сегодня вечером было открытие театра города Россоши после его освобождения. Весь день Липский, Котрелёв, потом Сентюлёв, Т. Прокофьев, И. Дубов работали по очистке и приведению в порядок клуба Маслозавода. Здесь играли итальянцы, немцы, потом был устроен склад. Надо было очистить помещение от мусора, всевозможного хлама, гранат, мин, в зрительном зале лежал труп. По уборке здания помогали комсомольцу города. Несмотря на холод (натопить к вечеру здание не удалось) получился настоящий театр, горело электричество, занавес раздвигался на две стороны. Правда, само открытие омрачилось немного неорганизованностью Дома Красной Армии. «Свадебное путешествие» назначали на 9 вечера, начали в 11 часов, т. к. не было зрителя. Разбудили бойцов рядом расположенной гвардейской части, и зрительный зал почти полон.

А. Котрелёв

28 января 1943 г.

День начался приятным событием — привезли во все дома, где расквартированы артисты, дрова. Наша собственная (на данный период, а может быть, и совсем) громадная трофейная машина «рено» подъезжала к каждому дому, и Борис Мефодьевич и Алешка Котрелёв организованно получали дрова, выкидывали определенное количество поленьев. Иван Алексеевич Мочалов сидит рядом с шофером и пока ни на минуту не оставляет машину — это его детище, это он ее выхлопотал, выбрал и сейчас выбирает еще одну, одной нам мало. Конечно, заветная мечта каждого — приехать в Москву на собственной трофейной машине, полученной на войне.

Вечером, в 8 ч. 30 м., для комсостава Н-ской части было назначено «Свадебное», началось в 9 часов, присутствовал начальник политотдела Капник, на приеме у которого мы были накануне. Нельзя сказать, что спектакль шел очень хорошо. Капник за кулисы не зашел, попросил передать, что ему очень понравилось, и особенно понравилась игра актеров.

Е. Фадеева

29 января 1943 г.

День холодный, мрачный... Утром концерт для детей. В программе нет ничего для них подходящего, отчего после таких концертов мы всегда остаемся неудовлетворенными, как, думается мне, и публика. Вечером выезд на аэродром к летчикам-истребителям. Едем долго, плутаем, ищем дорогу, которую никто не знает. Злимся на ДКА, которое не сочло нужным дать нам провожатого, волнуемся, что опаздываем на концерт и, наконец с большим опозданием приезжаем на место.

Нас давно ждут. Мы проходим в большую землянку, выстроенную еще немцами. Вообще весь аэродром — немецкий. Все осталось после них

нетронутым и с удовольствием используется нами. Так стремительно было отступление, что они не успели ничего ни сломать, ни увезти. На кухне поражает глаз, вывезенная из Германии, громадная чугунная плита с красными дверцами. О концерте трудно что-нибудь сказать, так много мы его последнее время играем, что потеряли ощущение — хорошо или плохо. Как будто — нормально. После концерта наши летчики очень любезно просят нас задержаться, чтобы потанцевать вместе с ними под небольшой оркестр из двух баянов — наш и ихний. Мы остаемся в ожидании бурного веселья, но ничего не получается — все застеснялись: и они, и мы... Наш баян молчал и танцевали 2 или 3 пары из самых смелых. Нашей представительницей была Вероника, а их представитель — очень молоденький лейтенант, только сегодня получивший орден Отечественной войны, человек, безусловно, храбрый. Затем мы все были отправлены в землянку к подполковнику (командиру их полка). В ожидании ужина он всеми силами старался развлечь нашу мрачную компанию, даже не остановился перед тем, чтобы разбудить своих орденосцев и заставить их рассказать, за что и когда они получили свои ордена. Нас всех поражала их молодость, скромность и количество сбитых ими самолетов. Это их последние часы на аэродроме: на утро весь истребительный полк снимается и передвигается ближе к немцам. Фронт отодвигается все дальше, все вперед! Но нам положительно не везет: мы сидим целый час на страшном морозе в машине: ее разогревают, толкают, заводят и — ничего! Как будто она без мотора. Но всем несчастьям приходит конец, и мы после продолжительных поисков на нашей поехавшей наконец машине, находим столовую, которая, к нашему удивлению работает всю ночь. Для летчиков не существует ночи — круглые сутки день. А то, что в столовой был дикий холод и ужин ему соответствовал, не произвело уже на нас особенного впечатления: такой уж день был — незадачливый!

Т. Блажина

30 января 1943 г.

Пристал-таки ко мне проклятый трахеит! Его-то я больше всего боялась.

Вчера днем выступали в клубе маслозавода, я почувствовала уже простуду, а вечером поехали на аэродром, плутали долго, не знали дороги, все страшно замерзли. Приехав на место, почувствовала, что нет голоса, предупредила Ремизову, все же пришлось петь и о позор! Раскрыв рот, не поверила своим ушам, но зато поверила недоуменным лицам слушателей, что издаю звуки, похожие на хриплый лай собаки. Так произошло мое «позорное падение»!!! Сегодня для меня серый день, хотя на улице очаровательная, солнечная погода. Сижу дома, принимаю кодеин и без конца кашляю. Наши имели сегодня три выступления для бойцов и населения. Не могу не написать о встрече с итальянцами. Шли мы позавчера с Валеи в 8 часов вечера на спектакль, к нам на улице подошли двое, в темноте не видеть лиц, и спрашивают на ломаном языке, как пройти в лагерь для военнопленных. Мы даже обалдели в первую минуту, все это так поразительно, если бы мне рассказали в Москве, я бы не поверила. Сами добровольно идут сдаваться, как будто спрашивают, где гостиница для интуристов. Таких очень много — идут по одиночке, или группами, спрашивают где «турма» (тюрьма). Сейчас пришли хозяйские девочки с концерта. Больше всего им понравился «Маляр» — «Аж кишки порвали, так смеялись».

А. Бархударова

31 января 1943 г.

Последний день первого месяца 1943 г. Особенно он ничем выдающимся в нашей жизни не был. Разнообразие внес рынок, т. к. это было воскресенье — базарный день, и все актеры устремились рано утром именно в это место, в поисках подсолнечного масла и «заграничных» вещей. Как

всегда, в подобных делах, прогрессировали «братья Лебедевы», неудачники с завистью смотрели, на их приобретения. Закупив некоторые продукты, мы приготовили скромненький, но со вкусом завтрак и стали ждать концертов, которых намечалось на этот день 3. Вскоре выяснилось, что часть, где мы должны были играть 4-й концерт, уехала, и концерт отпал. В 5 часов подъехал роскошный трофейный автобус, и мы быстро погрузились в него, чтобы застать зрителей, для которых собирались играть. Автобус был действительно чудесный. Наша группа поместилась бы вся и даже со всеми вещами. Сразу наш «форд» Спектор предложил капитану части, которому принадлежал сей агрегат, в обмен на нашу пятитонку. Все актеры мысленно развешивали уже свои авоськи в машине, а некоторые даже громко стали распределять места. Но торг, к счастью, как выяснилось впоследствии, не состоялся. Оказалось, что наша машина не подошла, а их автобус заводился при помощи трактора, что, конечно, нам было весьма неудобно, т. к. иметь с. х. машины не входило в наш план. Вскоре приехали на концерт, который прошел хорошо, несмотря на неудобные сценические условия: плохой свет, ужасная теснота. После концерта поехали ужинать в новую столовую, где нас поразило разнообразие блюд и, главное, конфеты, которые быстро были ссыпаны в кулечки. Хорошо поужинав, поехали на 2-й концерт в ДКА, который, также как и первый прошел хорошо, если не считать технических неполадок — 2 раза гас свет. На этом наш трудовой день закончился.

В. Васильева

1 февраля 1943 г.

Утро было свободно. Днем поехали на своей машине обедать. После обеда играли концерт у призывников. Концерт прошел хорошо и кончился небольшим митингом. Вечером 2-й концерт в ДКА для партактива города. Город начинает жить нормальной жизнью. Сегодня открылась почта,

начинают работать различные учреждения и предприятия. Фронт далеко и совсем уже не чувствуется. Скорей бы снова догнать армию. Скучно сидеть на одном месте.

А. Граве

2 февраля 1943 г.

День, как и все предыдущие дни, ничем новым не знаменит. Было 2 концерта. Первый у бывших военнопленных, которые сегодня получают обмундирование, оружие и уходят на фронт. Концерт прошел хорошо, после концерта митинг, после митинга поехали на второй концерт для домохозяек г. Россоши, концерт прошел хорошо, нас огорчало только то, что на сцене было темно, потому что завод, который снабжал театр электричеством временно прекратил работу, а дирекция театра не обеспечила светом сцену, но несмотря на это концерт прошел хорошо... Сегодня заболела Аня Данилович, у нее грипп, и вместо нее играла Таня Блажина в «Маляре» и «С теплым ветром», все прошло благополучно.

В. Данчева

3 февраля 1943 г.

День ничем не отличающийся от десятка таких же. Морозно. Солнечно так, что глазам больно. Мои соседи притащили сухой паек. Зашел ко мне врач. Рассказал, какие здесь в Россоши были порядки при оккупантах. Два коменданта, немецкий и итальянский, и каждый считал себя главным. Что-то еще рассказывал словоохотливый доктор — не слышала, дремалось.

В 6 ч. (вместо 5, это уже обычное явление) пришла машина, все уехали на концерт.

Завтра уезжаем в Валуйки, пора уж, засиделись здесь. Пользуясь случаем, хочу высказать некоторые свои мысли.

Мне думается, что опыт выезда на фронт таким огромным коллективом не из удачных. Трудности с транспортом, а отсюда с горючим, необходимые всегда две машины, в которых едва умещаемся с большим количеством багажа (ящики с декорациями, костюмами, личные вещи и проч.), и главное, что такое количество людей себя не оправдывает, т. к. все равно основная творческая нагрузка падает на небольшую группу; концерт в большинстве случаев идет в сокращенной программе, спектакль «Наш корреспондент», в котором занята вся наша труппа за месяц с лишним прошел только 4 раза. Поэтому часть коллектива за это время не участвовала в творческой работе и, если проследить занятость каждого актера в выступлениях, то обнаружится огромная неравномерность нагрузки.

Теперь другое, т. к. наши выступления происходят в различных условиях (в большинстве случаев в трудных) то, мне кажется, присутствие художника необходимо, ибо только он может дать точные указания для приспособления спектакля или концерта к данной сценической площадке.

К сожалению, Александру Исааковну* мы видим очень редко. Сокращение и перемонтировка концертных номеров производится на месте, без санкции художника. Правда, в этом всегда помогает Исай, который сопровождает нас на все выступления, независимо от того занят ли он или нет, при его огромной административной загрузке. Среди актеров царит полная анархия. Часть из них гримируется, часть нет. Индивидуально утепляют костюмы в холодных помещениях. Иные позволяют себе слишком смелые краски. Правда, все мы люди взрослые, но без художественного глаза позволяем себе распускаться.

А. Данилович

* Ремизова А. И.

5 февраля 1943 г.

Вчера поздним морозным вечером в беленькие домики окраиной улицы города Россоши, где артисты мирно готовились после трудов праведных ко сну, заходил некто из репертуарной конторы и оглашал приказ об отъезде на запад, назначенный на 8 часов утра... то есть колонна, в которую должны войти и наши «боевые» машины, должна двинуться в путь от ДК в 8.00. Командир колонны начальник ДК майор Ананьев. А соответственно приказу нам надо быть готовым к погрузке к 7 ч. 30 м.

В нашем домике, где живут три неких актера, — утром произошла небольшая паника: проспали мы, проснулись — уже светло, 7 часов, а нам надо еще разогреть вчерашние макароны, вскипятить чайку горяченького на дорожку. Мигом повскакивали с постелей (а кто с пола), пока искали виновника, немножко побранились, поругались, а в 8 часов (в 7 ч. 30 м. — о радость! — машина за вещами не пришла) мы сидели на чемоданах. В 8 ч. 30 м. зашел И. И.* и попросил помочь погрузить театральные вещи. Но какой сюрприз ждал нас, собравшихся около реквизита, костюмов, декораций — ждать-пождать, а машины нет и нет... Наконец приходит из ДК расстроенный, растерянный Б. М.** и сообщает, что наш трофейный 5 тонный грузовик, наша надежда и все наши упования, плод столь долгих и тяжелых трудов И. А.***, наше настоящее, а быть может и будущее (затаим дыхание!) — отбыл в неизвестном направлении. Неужели повторилась старая страшная трагедия? Много пережили мы за полчаса, пока с шумом и грохотом не подошел к дому наш ковчег. Но опять неприятность — в машине много вещей ДК, за которыми она куда-то и ездила. Наши вещи явно все не уложить, что думает Ананьев, что думал, где был наш администратор? Но делать нечего,

* Спектор И. И.

** Королёв Б. М.

*** Мочалов И. А.

давай вытаскивать ящики, банки, баки и пр. Затем стали уже грузить. Работа кипела, и сильный мороз не чувствовался увлеченными артистами. К 11 часам все было слажено и ждем только «дамский драндулет» (немецкая санитарная машина — трофейная), которая запаздывала, да около пикета ком. кол. Ананьева возились еще люди. Распустили по домам... Ждать-пождать. Затем И. И. оповестил о возможности сварить что-нибудь, макароны, например, т. к. едем минут через сорок. Но вот и макароны съедены и солнце клонится к закату, а мы все ждем, ждем... Дело ясное — сегодня не едем, а едем завтра, в 8.00 отходит колонна. 3 ч. 30 м. — погрузка, комендант колонны — т. Ананьев. В шесть часов дамский драндулет, после ремонта, ведомый Ив. Ал. вышел в пробный рейс, и я там был. Машина удобная, легко могут ехать без вещей, правда, 8–10 человек. Спускаются сумерки, мы разгружаем машину, вытаскиваем чемоданы. Мороз, хотя немножечко и сдал, но работающим холодно, выгружаем медленно и вяло, настроение пониженное я бы сказал, но чтобы там ни было, а завтра в путь... Ночь звездная-звездная, появился молодой месяц.

А. Котрелёв

6 февраля 1943 г.

Сильный мороз. В нашем ковчеге топится печурка; около печурки жарко, чуть подальше уже свежо, к сидящим у заднего борта тепло еле доходит и то от трубы, иногда задувает нашу печурочку, и мы все плачем от дыма. Минут двадцать ждем в машинах. В дамском драндулете тоже тепло, он отапливается от выхлопной трубы. Моторы работают. Наконец (в 10 ч. 50 м.!) колонна трогается. Но через пять минут остановка: с командирским пикапом неполадки, командир колонны т. Ананьев волнуется. Опять трогаемся, километров через десять опять остановка. Ананьевская машина не хочет, видно, ехать с нами, с ней возятся шоферы. Мороз дает себя чувствовать больше, когда стоим. Решили ехать, командир колонны т. Ананьев догонит.

Едем в Валуйки по дороге, где совсем недавно прошел вихрь войны. За-морожены трупы в разных видах, одетые, полуодетые, принявшие подчас причудливые формы. Гонят пленных, кажется, им нет конца, вид жалкий, мороз, видно, с ними беспощаден, страшная картина. Остановка — в дамском драндулете вышел весь бензин. Единственный выход — взять машину вместе с пассажирами на буксир. Пробуем, едем потихоньку, грузовик наш тянет. Несколько раз трос обрывается. Едем медленно. К четырем часам проехали полпути. Погрелись с часик в избе. К вечеру, уже в полной темноте остановились в деревне. До Валук еще 25 км. В машине очень мало бензина! На ночевку разместились в двух домах. Тесновато.

А. Котрелёв

7 февраля 1943 г.

Горючего может не хватить. Но делать нечего, решили ехать. Утро ясное, морозное, в грузовике топится печурка, но кто ближе к огню, тому тепло... меняемся местами, к печке тянутся ноги, руки. В прицепе всем холодно, согреваются лишь толчками на ухабах. За пять км до Валук горючее кончилось, положение кажется безвыходным, но на дороге стоит поломавшийся грузовичок. Мигом сговорились: бензин перелит в наш ковчег, машину прицепили, едем в Валуйки целым поездом из трех машин. Надо отдать должное трофейному грузовику: по плохой снежной дороге легко тянет две прицепленные машины с грузом, да свой груз. К часу дня приезжаем на окраину Валук, до города еще километра четыре. Все гуртом греться в одну избу, где и пробыли до позднего вечера, пока не подыскали квартиры.

Уже поздно вечером въехали в центр города, так недавно взятого нашими войсками. Темно, очень холодно, стучим к новым хозяевам, у которых проживем, наверное, неделю.

<Без подписи>

8 февраля 1943 г.

У меня для дневника неудачный день: во-первых болен — не выхожу со дня приезда в Валуйки, а во-вторых в этот день не было ни одного выступления. День без событий, если не считать хождения завтракать за четыре километра.

И. Липский

9 февраля 1943 г.

Первый день начала работы в г. Валуйки. Дали два концерта.

<Без подписи>

10 февраля 1943 г.

Тоже два концерта. Один из них для школьников и педагогов.

И. Мочалов

11 февраля 1943 г.

Записывая этот день, мне приходится восстанавливать в памяти, что было в этот день, т. к. дневник получил с запозданием, но прошло всего несколько дней и события не испарились из моей памяти. Днем было 2 концерта: один в госпитале и другой в клубе для населения. Вечером состоялся спектакль «Наш корреспондент», который прошел с успехом — это чувствовалось по тому приему, который шел из зрительного зала, и рецензия

в местной газете на этот спектакль (о рецензии упоминаю потому, что как сказал выше — пишу с некоторым запозданием).

Придя на спектакль после обеда, мы увидели подполковника Стороженко, который заглянул к нам за кулисы, а после спектакля он имел с частью труппы дружескую беседу.

В. Покровский

12 февраля 1943 г.

Очень стало трудно писать. Жизнь как-то уж очень определенно наладилась. Играли, ходили обедать, опять играли. Стало спокойно. Фронт далеко — Куда ни приедем — кажется, вот-вот нагоним нашу армию — приехали уже в это место, где только что были немцы — это место стало глубоким тылом. О гуле пушек забыли. События летят с невероятной быстротой. Сейчас уже все мысли в Харькове. Приближается 1 марта — конец нашей командировки, но об отъезде пока невозможно думать. Уж очень интересно здесь, хочется двигаться все дальше и дальше. Я кажется отвлеклась от основной темы — события двенадцатого февраля. Ничего особенного, как я уже сообщила в начале своей записи, — не произошло. Чего-нибудь вроде исчезновения шоферов или переезда в другой пункт. Днем играли в госпитале. Шли два концерта параллельно наверху и внизу. Госпиталь для легко раненых и выздоравливающих. Лица веселые, персонал симпатичный. Мы были приняты очень хорошо.

Вечером для населения играли «Нашего корреспондента». Прошел с большим успехом. Хочется отметить, что все наши спектакли для населения идут здесь намного лучше, чем в Россоши. И народу больше и помещение уютнее. Там как-то не очень легко было раскатать зрителя. Так что вот как все было в этот день — благополучно. Скоро уж и дальше.

А. Ремизова

13 февраля 1943 г.

Пишу в день своего рождения, мне исполнилось 38 лет. В этот день нам не повезло организовать концерт для бывших военнопленных, концерт не состоялся — очевидно наложил запрет нач. ДКА Н-ской армии майор Ананьев, который не счел нужным дать проверить или прислать своего представителя, т. к. мы не знали с кем договаривался нач. ДКА. Пришлось разгримировываться. Вечером играли спектакль «Наш корреспондент» для летчиков и запасного полка. Спектакль прошел с большим успехом. Завтра воскресенье, предстоит «большая работа» — впервые открывается рынок и плюс 3 выступления. Трудный день. Вечером после спектакля справил день рождения в очень узкой компании, с очень малым количеством трофейного вина.

П. Сентюлёв

18 февраля 1943 г.

Сегодня годовщина нашего пребывания на фронте. Как все достопримечательные даты, этот день проходит в пути. Едем в Чугуев. По пути встречаются деревушки, окрашенные в ядовитый голубой цвет, с фруктовыми садами, явно напоминающие золотую Украину. Вот и Чугуев. Небольшой провинциальный городок, напоминающий скорее село. Как всегда долго размещаемся, мерзнем, мокнем. Настроение неважное. Наконец последние «авоськи» и трофейные ящики втиснуты в избы, и мы в жарко натопленной комнате прикидываем, как на одной постели разместить 6 человек. Характерны для нашей бригады эти неожиданные взлеты и быстрые падения. Вечером, как бомба, влетает Исай, а за ним виднеется красная с серым папаха генерала Шатилова. Все страшно оживились, заволновались и наперебой предлагали чай, вынимая свои трофейные шоколады.

Беседа прошла очень оживленно и дружески. Вскоре выяснилось, что вечером мы должны играть для командования армии, где должны присутствовать командующий армией генерал лейтенант Рыбалко. Это известие очень всех взволновало. Стали усиленно и усердно приводить себя в надлежащий вид после дороги и в 11 часов вечера отправились в резиденцию генерал-майора Шатилова. Оказалось, что зрителей будет 8 человек, и все — генералы. Волнуемся ужасно. Идет «Свадебное путешествие». Помещение очень маленькое, простая комната, на одной половине — сцена, на другой — зритель, который задерживается на 2 часа. Наконец 2.30 ночи, появляются 8 генералов и начинается спектакль. Несмотря на поздний час и усталость, спектакль идет неплохо, с нервом. После спектакля нас просят показать концерт, который тоже проходит хорошо. После окончания наши дорогие зрители искренне нас приветствуют и благодарят. Командиры приглашают нас на ужин, который проходит в оживленной беседе, поднимаются тосты за наших дорогих воинов, за работников искусства, за великого вождя т. Сталина. Спектакль наш очень понравился и вообще весь коллектив произвел неплохое впечатление. Ранним утром стали расходиться по домам, что было очень трудно, т. к. не все хорошо знали, где они живут, да и ужин немного затуманил голову, но об этом история умалчивает. Этот вечер у нас был знаменательным, он долго останется в памяти.

В. Васильева

20 февраля 1943 г.

На мою долю выпала очень трудная задача, с которой я едва ли справлюсь, записать этот знаменательный день — день нашего приезда в г. Харьков.

Еще в начале нашей поездки у нас у всех была страстная мечта попасть в этот крупнейший украинский город, куда несколько лет назад мы

приезжали с театром на гастроли, где у всех осталось столько дорогих радостных воспоминаний, и вот эта мечта сбылась.

Вот мы в машине, пролетают километры, и с жадным вниманием, смотря по сторонам, едем. Когда же наконец будет город? Но вот уже окраины, и перед нами появляются сожженные, разрушенные здания, и чем дальше, то все больше и больше чувство возмущения к тем, кто является виной этого разрушения, охватывает нас. Того города, который мы все любили, уже нет. Остались разрушенные, взорванные и сожженные здания, мосты, водопровод, электростанция.

Всего, чем гордились харьковчане, уже не осталось. Одиночками бродят запуганные, измученные немцами жители. После остановки нашей машины мы начали беседы с жителями, которые очень охотно рассказывали нам о тех бессмысленных, страшных зверствах, которые учинили здесь эти «культурные освободители Украины» — как себя называли гитлеровские садисты.

Простояв довольно долгое время, мы тронулись к месту нашего жилья. Вот лучшая улица Харькова — Сумская, по обе стороны исковерканные дома, вот гостиница «Красная», где некогда помещались наши актеры, она сгорела, дальше площадь Дзержинского, где также есть громадная гостиница «Интернациональ», где я много раз жил, она также сгорела, и не только она, а и все прекрасные здания на этой площади.

Размещались по квартирам в темноте с коптилками. Я и Соловьёв остались ночевать у школьной учительницы, которая очень радушно старалась нас устроить в своей нетопленной комнате (ужасно дымит печка), предложила подушки, одеяло, согрела у соседей чай, и у нас началась долгая беседа, вернее наши вопросы (с ней разговаривать довольно трудно: она оглохла от нервных потрясений) и длинный-длинный рассказ, который она время от времени прерывала, кусая губы и плача от воспоминания того страшного рабского плена, в котором она была. Она говорила, что все еще не может от радости прийти в себя, что наконец она свободна и навсегда миновал кровавый кошмар, когда тысячи беззащитных мирных жителей были расстреляны, гирлянды повешенных на балконах, погребла

на окраинах, где прятались женщины, дети, старики, и немцы поднимая половицы, бросали туда гранаты.

В. Покровский

21 февраля 1943 г.

Сегодня 28 число, а писать приходится за 21. Дня совсем не помню, а вечером был спектакль в Театре русской драмы. Играли для гвардейцев, которые брали Харьков.

Чудесная сцена, на которой мы выступали в 1938 г., когда были гастроли нашего театра. Очень обидно, что играли в темноте (освещение — керосиновые и карбидовые лампы). Несмотря на темноту на сцене и холод, спектакль шел в хорошем ритме и зрителем принимался очень тепло.

Перед 6-й картиной чуть не приключился пожар. Занавес при открытии опрокинул лампу, бензин вылился и вспыхнул. Вскоре было все ликвидировано. Очень волнительно было играть, ведь пять дней тому назад здесь еще были враги, которые хотели стереть с лица земли этот чудесный город. После спектакля за ужином состоялась дружеская встреча с гвардейцами.

А. Данилович

24 февраля 1943 г.

Замечательное солнечное утро... по улицам бегут веселые ручейки... тепло.

В 1 ч. дня играем в первый раз в Харькове «Корреспондент» в помещении Консерватории. Приходим туда, а там идет митинг. Кое-как разместившись за кулисами, стали ждать. Наконец начали спектакль в 2 ч. 30 м. Народу было много, играли при дневном свете. Перед началом Граве прочел

стихи Безыменского «Харьков взят», которые прерывались аплодисментами. Спектакль прошел с большим успехом. Были неполадки с реквизитом. После болезни Бутырскова, мне приходится заниматься реквизитом. Вскрыв ящик, обнаружила, что нет ни мешка, ни рюкзаков, да и вообще все вещи в ужасно хаотическом виде: вещи разрознены, много всякого хлама, не относящегося к спектаклю. Придется привести все в порядок, составить список. Кончили спектакль в шестом часу. Пришли домой наскоро пообедав, погрузились на машину и поехали на аэродром играть для летчиков «Свадебное путешествие». Стало темно, ехать было не особенно приятно. У моста скопились лошади, подводы, машины, шоферы нервничали и орали: «Гаси фары!», а над нами кружил немецкий самолет. Проехали мост, двинулись дальше. Ехали полем по каким-то ухабам, нас в машине подбрасывало из стороны в сторону и все это в абсолютной темноте. Наконец приехали на место. Публика стала уже расходиться. Оказывается, спектакль был назначен на 7 ч. вечера, а мы приехали в девятом часу. Вошли в помещение: прекрасный большой зал, большая сцена. Начали спектакль. Как и днем, народу было очень много. Играли при свете карбидных ламп, от которых исходил приятный, мягкий свет. Во время спектакля к нам за кулисы пришел генерал авиации Изотов, с которым мы познакомились в Чугуеве у генерал-майора Шатилова. Он долго с нами беседовал и сказал, что придет после спектакля с нами ужинать. Кончили играть в 12 часов. Подполковник (фамилию его не знаю) повел нас ужинать. Шли по прекрасному новому поселку, все дома трех-четырёх этажные, улицы строго распланированы. Вышла луна, в свете которой поселок стал еще красивее. Заледенело, идти было скользко. Пришли в новый дом, расселись, начали ужинать. Вдруг слышим: низко-низко пролетел самолет. Все подумали что это наш «огородник», а подполковник даже сказал: «Вот летит наш бомбить Красноград». Только он это сказал, как где-то совсем рядом, раздались шесть взрывов. От сотрясения с окна ушла на стул фанера, опрокинув коптилку, которая начала пылать, как факел. Соловьёв, сидевший у окна подумал, что это воздушная волна, сорвался со своего места,

а за ним и все повскакали со своих мест. Началось небольшое волнение, которое могло превратиться в панику (для убедительности сгущая краски). Исай, храбрый, испытанный в боях воин, скомандовал истерическим голосом: «Спокойствие!!!» Этот окрик всех отрезвил. Пожар был ликвидирован, все водворились на свои места и стали продолжать трапезу. Пуживав, распрощались с хозяевами, опять погрузились в наш «Ноев ковчег» и двинулись к городу. Ехать уже было приятно, Луна светила во всю и освещала нам путь. Приехали домой в третьем часу ночи.

А. Бархударова

25 февраля 1943 г.

Вот уже 5-й день мы в Харькове, облик города заметно меняется. С каждым днем прибавляется народ на улицах, начинают появляться старухи, уменьшается количество немецких надписей, вывесок, указателей, дорожных знаков. Сами жители удивляются, что так много народу на улицах, рассказывают, что при немцах жители не выходили из домов. Выходящие никогда не были уверены, что вернуться. Расстреливали на улицах без всякого повода. Старушка на детских салазках перевозит свой скарб. Полицией наводит на нее револьвер: «Не знаешь приказа не ездить на санях?» — «Я знаю приказ, ведь нельзя ездить на санях, на лошади, а это же детские салазки, я сама их везу по тротуару». Эта старушка не вернулась домой.

Одно из ужасных воспоминаний жителей — вывешенные на балконы трупы с надписями. Каждое утро на всех балконах главных улиц вывешивались новые трупы с надписями: «большевик», «партизан», трупы девушек с надписью: «Она ждет своего красного жениха». Харьковчане говорят прямо запоем. Взволнованные, радостные лица, обнимают, почти все женщины плачут, рассказывают, рассказывают без конца и все кончают один и тем же — если опять враг придет, уйдем за красными, лучше умрем дорогой, но с ним не останемся!

Утром играли концерт в школе для детей, попались очень маленькие, почему-то от 8 до 12 лет. Крик, шум, птичий базар, телячий восторг, хотя не поняли, конечно, ничего. Не знаю, как другие, а я стала привыкать к холоду, все время приходится играть в холодных помещениях и не страдаешь от этого.

Вечером тоже был концерт для партактива Октябрьского района. Больны и Данилович и Блажина. В «Маляре» играла Данчева, а в «Теплом ветре» — я. После нашего концерта выступал джаз, который работал при немцах преимущественно в ресторанах. Женщины откормленные, шикарно-безвкусные. Мужчины прилизанные, явно презирающие задрипанных московских артистов. Актеры джаза получали при немцах до 20 тысяч в месяц, выступая по ресторанам. Мы посмотрели кусочек их концерта. Джаз хороший, и голоса тоже, но репертуар старый-старый.

Е. Фадеева

28 февраля 1943 г.

Пришли завтракать в обкомовскую столовую, где мы питаемся уже несколько дней. Зав. столовой, воплощение подхалимства, сказал, что часы завтрака изменились и завтрака уже нет — «Но раз уж вы пришли, я вас накормлю». Кое как позавтракав, пришли домой, где нам объявили, что в 4 часа играем «Свадебное» в оперном театре.

Меня удивляют некоторые порядки в этом городе. Харьков оставляет удручающее впечатление. Многие дома сгорели, многие разбомблены, стекла во всех домах повыбиты, да плюс ко всему этому грязь на улицах, оборванные провода. А самое главное — это немецкие надписи на вывесках и указателях! Я думаю, что прошло достаточно времени для того, чтобы можно было снять все это. Почему-то не привлекают население для очистки своего же города от грязи. Общественность не принимает в этом деле участия, а жаль! К 4 часам приезжаем в театр. Оказывается, кроме нашего,

назначены выступления джаза, ансамбля песни и пляски оперных певцов. Опять задержка. Митинг еще не кончился. Нас отпускают до 3 час. Идем обедать, возвращаемся к 5 часам. Через полчаса начинается концерт. Времени мало. Программа должна уложиться в 2–2½ ч. Хождение по городу разрешается только до 8 часов, явно не уложимся. Исая договаривается о сокращении программы. Начинается концерт, выступает ансамбль украинской песни и пляски, очень слабый ансамбль: плохой хор, плохие танцоры, без задора, без фантазии, очень жалкое впечатление. Пела оперная певица, хорошее лирико-драматическое сопрано, выступление джаза отменили.

Наконец кончился концерт, нам остается времени на 2 ч. Мы, постановочная часть, показываем класс! Перестановки не отнимали абсолютно времени, спектакль шел в хорошем ритме, но все же после каждой картины по несколько человек, с сожалением, уходили из зрительного зала. Все же многие оказались храбрецами, досидели до конца спектакля. Очень хорошо прошел спектакль. По окончании из зрительного зала раздавались голоса «Спасибо, большое спасибо за спектакль». После спектакля пошли домой, по дороге уговорила Валю идти ко мне ночевать, так как Борис* уехал в Чугуев навестить Бутырскова и захватить Котреля. Но это отпало, Борис вернулся из Чугуева с Котрелем, который остался у нас ночевать. Поужинав легли спать. В эту ночь меня охраняли два молодых, могучих и храбрых богатыря.

А. Бархударова

27 февраля 1943 г.

С утра едем за водой. Сегодня очередь моя и Вероники. Нагружаем машину ведрами и бочками и со звоном и грохотом едем через весь город. Город еще весь в немецких надписях и вывесках, их не торопят снимать.

* Королёв Б. М.

Вон только какой то старичок залез на лесенку и старательно закрашивает на фонаре у своего дома какую-то «Герингштрассе». Побольше бы таких старичков! На обратном пути изо всех ведер и бачков немилосердно плещется вода, а в бочке просто какой-то смерч. Приезжаем домой изрядно промокшие. Ну, ничего...

В Харькове вода всем достается туго. Выступлений сегодня нету, вечером репетируем «Свадебное». Покровский вспоминает текст. Завтра ему играть профессора, т. к. Бор. Мефодьевич уехал в Чугуево к больному Юре Бутырскому. День проходит тихо, безо всяких событий.

Т. Блажина

1 марта 1943 г.

День начался вылазкой на базар, где была приобретена все та же паста для зубов, некоторые счастливики приобрели парижские духи. Концертов уже не было. Вечером был спектакль «Наш корреспондент» для комсомольцев одного района. Спектакль прошел очень хорошо, несмотря на преследующий нас везде холод. Комсомольцы тепло и дружески нас приветствовали. Вернувшись домой застали возвратившегося из Чугуева Б. М. Королёва, который привез покинутого Котрелёва и рассказал нам о здоровье Юры Бутырского. Сегодня последний вечер мы проводим с нашим капитаном. Решили устроить небольшой пир. Достали бутылку рома, сварили картошку. Вечер прошел в оживленной беседе, в пожеланиях всяческих удач и успехов. Капитан обещал бить врага до последней капли крови. В его речи много молодого задора и храбрости, чувствовалась уверенность в победе. За последнее время мы все так привязаны к нему, он вошел в нашу семью, так что завтра будет очень тяжело расставаться. Слушали патефон, любимые пластинки капитана. Ну завтра в путь, счастливой дороги! До скорой встречи.

<Без подписи>

2 марта 1943 г.

Настоящей работы в Харькове почти нет. Наша администрация с трудом организует выступления, и то не каждый день. Сегодня играли в госпитале. Являемся на концерт. Первые слова врачей: «А артисты, ну знаете нам не до вас». После активного нажима со стороны администрации, добиваемся разрешения выступить. В первой палате концерт идет очень плохо, и мы его прерываем не закончив. Все время ходит персонал через «сцену» и т. д. В двух других палатах концерт прошел более удачно. Вечером очередной «отдых».

А. Граве

3 марта 1943 г.

Сегодня в 10 утра должен приехать Лазинский за Исаем, чтобы ехать в Белгород в политотдел к Шатилову, но как и всегда Лазинского нет и Исай с т. Прокофьевым поехали на машине редакции.

Концерт в госпитале не состоялся, больна Асмик и у Люли Фадеевой случился приступ солнечного сплетения.

Вечером спектакля нет. И. А. Мочалов чинит весь день в ПРБ машину.

День получился вроде выходного. Все ходили на рынок и отдыхали.

В. Данчева

4 марта 1943 г.

Приехал Исай. 11 ч. дня собрал всех для информации. Шатилов очень доволен нашей работой и предлагает остаться еще месяца на полтора, но там уже близко будут майские праздники. Мнение большинства таково:

вернуться сейчас в Москву, несколько дней отдохнуть и приготовить новый репертуар, и вернуться сюда же.

В 2 ч. концерт в Госпитале. Очень хорошо слушают. Раненные остаются весьма довольны представленным им развлечением. После обеда приказ: быстро сложить вещи, уезжаем в Белгород. Молниеносно складываемся, ждем новых распоряжений. Отъезд переносится на завтра в 6 часов утра.

А. Данилович

Мне очень понравились записи в дневнике, когда я его читал в начале января (31.12.42 — это точно установлено). Там помнится запись за 25.12. Новичок фронтовик написал, «очень волнительно» ему было. Он только ехал на фронт. Теперь все вахтанговцы уезжают. Они зрелые стали. Даже шпиона поймали. Видели войну. В памяти останутся советские артисты — патриоты на фронте. На войне, в огне многие черствеют, грубеют от ненависти и злости к врагу, забывают даже любимых людей.

Вахтанговцы вызывали к жизни многие благородные чувства.

Они простое, обычное, к чему привыкли все на фронте, делали большим и значительным. Они воевали вместе с воинами России.

Н. Стороженко

9 марта 1943 г.

Все не попадаете мне интересный день. Кроме того уже второй раз свой день — болею, так что приходится писать о событиях со слов других. С утра были концерты в госпитале, прошли очень хорошо. Жалели, что не было времени, а то могли бы еще устроить концерта три.

Вечером для летчиков играли «Свадебное путешествие». Все прошло благополучно, не считая налета во время последней картины. Сильно очень

бомбили и все в районе театра. На спектакле все это не отразилось. Ни зрители, ни актеры не обратили на это внимание.

Работа наша приходит к концу. Скоро Москва, а уезжать не хочется. Что-то нам даст будущее?

А. Ремизова

11 марта 1943 г

Трудовой день одиннадцатого марта начался еще вчера, часов в девять вечера, когда упала первая фугаска... Спать мы легли еще в часов 7–8, т. к. утром рано назначен был отъезд. Горе в том, что машина сломалась как раз около моста на окраине Белгорода, который и был, очевидно, объектом бомбежки. Расквартировались все недалеко от этого моста, мы все достаточно чувствовали «ночную музыку», наконец самолёт улетел, ночь тревожная. Под руководством Ив. Ал. Мочалова начали чинить машину. К 5 часам утра сборка подходила к концу все уже собрались к машине... Нет только Бор. М. и Асмик М., они ночевали ближе к мосту, первая фугаска упала напротив их домика. Асмик очутилась на полу, но все обошлось благополучно, и они ушли на край деревни, не сказав никому, где остановились. Ночные розыски не дали результатов... К большинству домиков не подпускает часовой расквартированной в нем части, если в какой домик и достучишься, то «артиста в очках у них не стоит...». В пять часов начали заводить машину, если заведется придется уезжать без Королёва и Бархударовой. Машина не заводится. Собрали, у кого имелся бензин для зажигалок, у Липского пол-литра авиационного бензина... зажигание исправлено, мотор заработал. Шесть утра. Приходит Бор. М. с женой. Все в сборе. Садимся в «Ковчег». Мотор работает — 6 часов 20 минут, машина трогается. Глубоко вздохнули, тревожная ночь позади. Яркий, солнечный весенний день, едем без задержек, днем проезжаем г. Корога... в 5 часов — Н. Оскол. Опять расквартировка... нашли

квартиры на окраине города, за нашими домиками аэродром. Стоит несколько «У-2». Но усталость берет свое, спать!

<Без подписи>

17 марта 1943 г.

Весьма бурная и тревожная ночь кончилась. Около трех часов двинулись дальше. Утро проходило медленно. Немного постояли в Долгорукове. Начался день — тихий, спокойный, безоблачный. Днем ехали хорошо. Только одна длительная остановка, в Хитрово.

Хитрово — маленькая станция в 13 километрах от Ельца. С начала войны здесь не было ни одной бомбежки. Только мимо пролетают вражеские самолеты. Отсюда они делают разворот на Елец.

День выдался яркий. Солнечный, морозный. В вагоне обычная жизнь: варят, жарят, едят, сушат валенки, портянки, спят. Темнеет, наступает вечер. Предательница луна «запузыривает» всю. Светло, как днем. Хотя бы какое-нибудь бутафорское облако!

Около восьми часов над Ельцом замелькали огоньки от разрывов зениток. Послышался гул самолетов. Совсем близко... «бегуны» дружно покидают вагон. Уже фашистские самолеты показались над линией железной дороги. Идем в соседнюю деревню. Самолеты опускаются все ниже и ниже. Они кружат над головой. Совсем низко. И... свист падающей бомбы. Огонь, взрыв, другой, третий... много...

Ложимся в снег. Разрывы раздаются совсем близко. В короткие перемены, между взрывами поднимаемся. Бежим. Перед нами стелется большая заснеженная равнина, залитая луной. На ней черными пятнами выделяются только бегущие люди. Стервятники кружат над самой головой. И снова свист, огонь, разрывы... несколько бомб разрываются в стороне нашего состава. Неужели попал? Жутко от одной только мысли об этом. Ведь там остался кое-кто из наших.

Опять свист. Огонь. Разрывы. Начинается с самолета обстрел светящимися пулями. Они приближаются. Близко-близко. Летят над головой. Совсем рядом. Прыгают по снегу, в котором мы лежим. Никаких сил нет больше выносить эти «концерты». Ведь с 9 числа не было ни одной спокойной ночи. Но вот утихает бомбежка, смолкает пулеметная стрельба. И снова на белом, освещенном луной поле, замелькали черные пятна, — это люди торопящиеся добраться до деревни. Собираемся все в одной избе. Беспокоимся за судьбу оставшихся.

Кто-то приходит. Рассказывает, что бомбы разорвались рядом с соседним составом. Разбито несколько вагонов. Убит один мужчина.

Ранена одна женщина. Ранен и машинист, но он героически сам себе сделал перевязку и отказался покинуть пост, сказав, что доведет поезд до места назначения.

Приходит Исай, сообщает: около 12 часов, в полночь, поезд тронется. В половине двенадцатого возвращаемся на станцию.

Заходим к дежурному. Дежурный — девушка. Несмотря на бомбежку она не уходила со станции и своей распорядительностью и спокойствием поддерживала порядок.

В комнате дежурного по станции тускло горит лампа. В темном углу комнаты лежит труп убитого. Склонившись над ним рыдает жена. Ее горе очень свежо. Слезы безудержны. Всего лишь несколько минут назад они лежали рядом в снегу. Поблизости разорвалась бомба, осколком его ранило в живот на вылет. Но он еще дышал. Граве и один наш спутник осторожно подняли его и понесли на станцию. По дороге он умер.

У дежурного выясняется, что мы должны пропустить два встречных поезда, которые ожидаются не раньше, чем часа через 3–4. Идем снова ночевать в деревню. Все стихло. Бомбежка кончилась.

А. Данилович

18 марта 1943 г.

Были разбужены в 4 часа утра. Приказано переехать в другой город до рассвета, но, увы, задержал бензин. Выехали в 12.30, но нас по дороге подстерегали неприятности. Только выехали на трассу, у контрольного пункта стали заводить машину. Сломалась заводная ручка. Послали делегацию на вокзал в ремонтную мастерскую, через час ручка была отремонтирована. Завели машину, но, увы машина ни с места — выяснилось, что сгорел диск сцепления. К нашему счастью, оказалась метрах в 150 ремонтная мастерская. Трактор оттащил наш драндулет к мастерской, подобрали диск, но размер был велик, за 1 коробку консервов и пачку табаку была приклепана фибра к диску, но его нужно было убавить на 3 мм, отложили до утра. Разместились по квартирам, но обстановка заставила не спать и срочно вручную оттащить ящики под разрывами авиабомб в 150 метрах. Работа не прекращалась, но приходилось часто ложиться на землю. К 5 часам была собрана машина и начался сбор людей. Ждем Королёва и Бархударову. Обстановка не ждет. Пошли искать по домам. Не нашли. В 5 часов является Б. М. Оказывается, рядом в хату, где он остановился, попала бомба, и он ушел на другой конец деревни, подальше от моста, на который было сброшено не менее 15 бомб, но все мимо. В 6.30 утра поехали в Старый Оскол. Дорогой происшествий не было. Приехали на место в 12.30. Разместились по хатам. В деревне сварили, каждая группа для себя, ужин и заперто спать... ибо уже две ночи не спали.

Самое замечательное и волнительное в этот день было утро, когда после ремонта машины, все ждали, пойдёт она или нет. Мужчины все грязные, ибо в эту ночь были все ремонтными рабочими. Когда заведена была машина, с помощью собранного из маленьких бутылочек для зажигалок — бензина. К общей радости, была объявлена посадка.

П. Сентюлёв

20 марта 1943 г.

Проснулся в шесть, вышел из вагона, и все те же Грязи-товарные. Значит ночь простояли, как и предыдущую. Хорошо, что не бомбили... Варили кашу, кипятили чай, сегодня уже восьмой день, как мы живем в теплушке № 553259. Грязь, темнота, толкотня начинают надоедать, раздражать... В 11 дня поехали, пять минут ехали, приехали в Грязи-Воронежские, пять часов стоим... Приехали в Мичуринск в восемь. Прицепят ли к пассажирскому? Когда? Сегодня (о чем и не мечтаем), завтра, после завтра? Но здесь судьба нам улыбнулась: мы прицеплены к пассажирскому в 2 часа 21 минуту удалось выехать: Итак, завтра Москва!

А. Котрелёв

21 марта 1943 г.

Едем нормально, Ряжск, Рязань... Подсчитываем километры, прикидываем скорость. Должны засветло, часов в 6–7, быть на Казанском вокзале. Дачные поселки, Москва приближается. Затаив дыхание, сдерживая волнение собираем вещички... Люберцы... 15 км. Но, опять не везет, поезд остановился, да на подъеме, не может взять в гору. Стоим час, другой, темнеет... И только в девятом часу подъезжаем. Но, увы, до перрона не доехали, очень длинный состав. Вещи таскали по шпалам до перрона, метров 300, но это уже Москва!

А. Котрелёв

Май – июль 1943

Курская дуга
Воронежского фронта

16 мая 1943 г.

Рано утром отправляем багаж. У нас теплушка — это избавит нас от двух, а то и трех пересадок. Вещи погрузили утром, а сами под вечер (в 18.45) собрались у Казанского вокзала и под предводительством Б. М. Королёва пошли на посадку. Нам нетрудно было отыскать свой вагон — теплушка в конце пассажирского поезда. Набралось много провожающих. В 19.35 ушел наш поезд. Шестая поездка. Второй раз на Воронежский фронт. Эта поездка самая многолюдная — 25 человек, но зато и репертуар — 3 пьесы и сборная программа. Новую свою работу («Добро пожаловать») везем в полном оформлении. Правда, все это оформление очень портативно, но факт тот, что этот спектакль мы сможем играть где-нибудь на поляне, на передовой, в таком же виде, как и в Москве.

Дня за два до отъезда из армии пришло письмо от т. Стороженко, это один из фронтовых друзей нашего театра. Очень теплое, дружеское письмо.

Командировка у нас намечена до 1 июля, но надо думать, что при благоприятных условиях, в летнее время мы задержимся дольше.

Н. Мозяйкин

17 мая 1943 г.

Бывают дни, о которых очень трудно писать, так ничего, решительно ничего, в эти дни не происходит. День 17 мая, который я должна описать, — именно такой. Ну, едем. Едем очень хорошо. Тихо. Мирно. В вагоне чистота и образцовый порядок (Петя Сентюлёв!). Вещи уложены таким чудесным образом (он же!), что их совсем не видно. Только посередине вагона, в хорошеньком ящичке (он же) стоит наш новый, дорогой член бригады — аккордеон. Пока он скромно служит столом для преферанса. У него все впереди. У нас тоже все впереди. Хочется, чтобы эта поездка была удачной, интересной, плодотворной. У нас все основания рассчитывать на это, так как наш отъезд из Москвы сопровождался проливным дождем, а это, как известно, по примете, приносит счастье. Итак, едем, потихоньку приближаемся к своей цели, а пока стоим в Мичуринске, дожидаясь прицепки.

Т. Блажина

18 мая 1943 г.

Проснулась от того, что над моей головой равномерно капал дождик, который проник сквозь крышу «образцового», только что вышедшего из ремонта вагона. Холодно, серо, тоскливо ранее утро. Идет дождик, это особенно ощущаю я. Вскоре подошел Воронежский поезд, к которому нас должны прицепить. В 16 ч. 30 м. мы должны отправиться. День похож на предыдущий, как две капли воды. Тот же распорядок: сон, еда, «небольшие прогулки», обсуждаемые всеми. Наконец отъехали от Мичуринска. Поезд медленно, нехотя продвигается вперед, с многочисленными стоянками. Однообразная дорожная скука от ничего неделания. Наконец ложимся спать в 10 часов вечера. В этот момент начал

разъясняться Петей Сентюлёвым вопрос «о происхождении женщин из хвоста собаки, в котором были блохи». Все долго друг другу <...> (*Не-разборчиво*), кто и что откуда произошло. Утомленные этим занятием, все вскоре уснули.

<Без подписи>

19 мая 1943 г.

Наконец отъехав от Мичуринска несколько километров, переночевали на какой-то станции. В вагоне ужасно холодно, льет дождь, во сне все ежатся. Утром проснулись рано, выяснилось, что сегодня день рождения Коли Лебедева, оживились, поздравили его.

Боже мой, как долго стоим на одном месте. Позавтракали, поговорили и вдруг — ура!!! — поехали дальше, но не будем говорить «поехали», «передвигались» с огромными остановками на каждой станции. Наконец к 7-ми часам вечера подъехали к Воронежу, много разрушений, вокзал абсолютно разбомблен. Выходили на вокзальную площадь, вся площадь была покрыта асфальтом, от площади идут прямые, тоже покрытые асфальтом улицы. На вид очень красивый город, весь в зелени, несмотря на разрушения, он кажется очень чистеньким, освещение способствует этому красивому виду. Небо свинцовое, разорвав тучи, выглянуло солнце и осветило верхушки домов и деревьев — изумительно красиво! — вдруг вот там радостные крики: оказывается с нашим поездом приехала в свой родной город девушка; ее на площади встретили родственницы и стали так бурно проявлять свои восторги.

Вернулись в вагон, увезли нас на П-ю воронежскую, стали маневрировать, обещали отправить ночью. Рано легли спать. Около 12 часов ночи проснулась от зенитной пальбы, но вскоре же заснула.

<Без подписи>

20 мая 1943 г.

Пишу дневник, сидя на пробитой немецкой каске в поле, около нашего эшелона. Уехали из Воронежа П. в 9 часов утра. Продвигались очень медленно с огромными остановками. Вся энергия жителей нашей теплушки брошена на добывание пищи. Паек кончается, и в животе нестерпимо тоскливо. Поиски успехом не увенчались, все станции и близлежащие деревни разбомблены и сожжены. Проезжаем старые линии укреплений.

Они еще носят следы упорных боев... День был отмечен знаменательным фактом — установка печки из «Корреспондента» в вагоне. Пьем чай, варим и жарим скудные остатки пищи, мечтаем о сухом пайке, и Ирина Дитрих в течение дня употребила слово «квашонка» свыше 70 раз. Наконец дождались полного тепла и относительной светлости. Исай Спектор начинает читать исторические анекдоты. Вечер проходит весело, а ночью где-то рядом начинается бомбежка, которую я проспал. Разбуженный утром для дежурства, я обнаружил свой правый ботинок на ногах спящего Ивана Алексеевича Мочалова, а его правый под ногами рядом с моим вторым ботинком. О, проклятые фугаски, до чего они доводят людей. Больше ничего существенного не произошло.

<Без подписи>

21 мая 1943 г.

Жизнь началась в нашем «дворце» в 6-м часу утра. Вернее — она и не прекращалась, так как нас посетили наши старые «знакомые», да и очень холодно.

Сегодня солнечно, и к полудню становится жарко, на остановках вылезает погреться.

Едем в сутки часа 3, остальное время стоим. На каком-то разъезде была оркестровая репетиция (аккордеон и баян). На траве расположились мы, командиры из соседнего вагона подошли — привлеченные музыкой — остатки колхозников с продуктами (только на соль, ничего на деньги), «меняли», работали вовсю. Ушли вдаль зенитки. Движемся по-черепашьи... Жизнь однообразна, как монотонное падение капли. Ложусь поспать. Слышатся вперемешку фразы: «Я пасс!» — «Ну, как? Сварил!?» — «Дошел до семи червей»... «Как вкусно пахнет!» — «Сейчас. Я думаю».

Выстрел. Все вздрагивают, секундная пауза. Начинается все сначала. «Я пасс!» «Вист» и т. д.

Вечер. Стоим на станции Удобрительная. Рядом <...> (*Неразборчиво*), которые подвергаются бомбежке. Ураган зенитного огня. Ничего подобного мы еще не видели. Осколки, спустя много времени, падают на крышу вагона, в траву. В паузах кричит надрывно сова; беззаботно щелкает соловей. Появляется луна, свет которой виден через окна какого-то огромного разбитого здания, стоящего на горке. Засыпаем под соловьиные трели и совиные стоны... (слово «соль» при подсчете за день произнесено две с половиной тысячи раз).

А. Данилович

22 мая 1943 г.

День начался в 4 часа утра по возгласу дежурного по вагону: «Воздух!». Исая скомандовал: «По щелям!». И пришлось, поживаясь от утренней сырости, лезть в прорытые в близлежащей деревне щели. Все это происходило в 20 километрах от Курска. Из щелей мы наблюдали воздушный бой и падение сбитого самолета... Как выяснилось впоследствии, это была лишь небольшая часть грандиозного воздушного сражения, развернувшегося под Курском и окрестностями. Немцы налетали 3 раза, каждый — по 100 самолетов. Следующее событие было чрезвычайно

приятного характера — достали на всю проголодавшуюся братию картошки — за деньги. И добрую половину дня у нашего неугасающего очага царило веселое оживление. Картошку пекли, жарили, варили и т. д. Выяснилось, что застряли мы довольно основательно в результате повреждений на линии, нанесенных нашими утренними «гостями». И посоветовавшись, решили отправить в Курск ходоков для выявления дальнейшего и для получения продуктов. Отправились — Исай, Леша*, Женя Орочко. Вторую половину дня мы все провели в нетерпеливом ожидании известий из Курска. Пошел дождь, смерклось, последняя картофелина была давно уничтожена, и мы почувствовали себя примерно челюскинцами на льдине... как вдруг мокрые, обвешанные мешками усталые, но очень оживленные явились наши ходоки. Появились свежие газеты (мы их не читали неделю), появилась и надежда скоро добраться до места. И, кстати, горячий ужин. После ужина Борис Мефодьевич, учитывая, что дорога подвергается постоянным налетам, таким интенсивным, что жители близлежащей деревни ежедневно уходят ночевать в более безопасное место и даже увозят с собой скот, предложил желающим уйти ночевать в деревню, расположенную в 2 километрах от железнодорожного полотна. Назначили на случай нашего неожиданного отъезда место встречи в Курске, и партия из пяти человек под предводительством Бориса Мефодьевича отправилась. Ушли Анна Алексеевна**, Асмик, Иван Алексеевич*** и Юра Бутырсков.

И. Дитрих

* Котрелёв А. Н.

** Орочко А. А.

*** Мочалов И. А.

23 мая 1943 г.

Вчера утром, как известно, поезд наш остановился «на подступах к Курску». Километрах в двадцати от города... Директор разрешил мне с ним ехать на попутной машине в Курск, т. к. отправление поезда задерживается на неопределенное время, а у меня в городе родственники, которых повидать мне представился тоже случай... Пошли на шоссе ждать попутной машины... Мне не удалось сесть с Исаем в машину, она переполнена, сажусь на следующую и еду один... Красивые места, предместья Курска, дорога идет мелким лесом, поляна, то, по-видимому, в гору, то крутой спуск... По дороге следы неудавшегося налета на Курск, живыми свидетелями которого были мы сегодня утром: свежие воронки около шоссе, около полотна железной дороги, в одном месте вырван телеграфный столб и спутана проволока, но здесь уже работают человек 10 связистов, временка натянута, распутывают проволоку, закапывают воронку. Проезжали около вокзала — тут разрушено несколько маленьких одноэтажных домиков, пахнет гарью... обгорелый вагон, вот все, что я видел после налета, в котором сбили 65 немецких самолетов. На контрольном пункте сказали, что опять объявлена воздушная тревога, машина дальше не пошла, свернула под дерево; на улице ни души, до центра города еще километра полтора... Что же мне делать? Принимаю решение, пока не бомбят, идти к центру города, к коменданту, где должен встретиться с Исаем.

Город мне незнакомый, первый раз в жизни пошел в город, да еще в воздушную тревогу! Около коменданта загнали в убежище — подвал под полуразрушенным домом. Не понравилось. Вышел на двор, прошел за сарай — большой двор и окопчик. Здесь и решил ожидать налет. Но кроме наших «ястребков», я ничего не увидел. Накрапывает дождь. Ощущение неприятное — стою один в незнакомом городе где-то на заднем дворе, и единственное спасение в случае... окопчик вроде помойной ямки. Но, к счастью, отбой, и вздох облегчения... Центральная улица

города — улица Ленина в несколько минут принимает другой вид: машина, подвода, и, откуда ни возьмись, извозчик! У коменданта — Исая не застал. Ночевать остался у родственников. Утром 23-го опять тревога, но отбой дали быстро, прослушал последние известия из Москвы, направился опять к коменданту. Встречаю А. К. Граве: сюрприз — вагон наш вчера вечером перегнали через Курск в Рыжково. Человек пять, оставшихся ночевать в деревне, отстали. Теперь надо всем собраться и ехать в Рыжково, получив сухой паек, на попутных машинах. Граве, Евг. Орочко и я направилась на вокзал к военному коменданту. От вокзала осталось три стены и все. После долгих розысков, среди разрушенных станционных служб и строений где-то в подвале, под обломками кирпича, щебня, нашли коменданта, но он ничего не мог сказать о находении оставшихся товарищей. Значит, они еще не приехали. Выбираемся из подвала — тихо подходит товарный поезд, на тормозной площадке стоят Анна Алексеевна, Иван Алексеевич, Королёв, Бутырсков. Ура! Все встретились. Все собрались. На базар: редиска, лук, квашенка... Обед в прод. пункте, и, загрузив наши мешки сухим пайком, без особых приключений к вечеру на попутных машинах и пешком добрались до вагона. Наконец-то все в сборе!

А. Котрелёв

24 мая 1943 г.

Вчера Борис Мефодьевич сообщил, что поезда на Обоянь не идут и ехать вообще туда ж. д. сложно. Спектор по соседству зашел в одну воинскую часть, где его любезно приняли, предложив выгрузиться из вагона к ним на пару дней — сыграть спектакли, что мы и сделали сегодня утром. Разместились в деревне, вымылись в бане, пообедали в столовой этой части (впервые с 16 мая). Вечером играли спектакль в помещении большого сарая-гаража, который был очень хорошо оформлен

под спектакль нашей пост. частью. После некоторых неполадок в начале, (бойцы из-за недостатка мест забирались наверх, на стропила и др.) спектакль прошел хорошо. В 9 часов вечера ужин. Немного водки. Местные коменданты. Пели хоровые песни. Соло самодеятельности. Зав. Столовой — бывший оперный певец спел несколько песенок. Домой добирались в темноте по грязной дороге — под дождем и холодным ветром. Погода прескверная.

<Без подписи>

25 мая 1943 г.

Только сегодня утром мы смогли целиком понять, что за путь мы прошли вчера после ужина. Чернозем после дождя — страшная штука, а ночью по неизвестной нам дороге нас ждало столько луж, ухабов и канав, что нет ничего удивительного в том, что минимум по колено мы шли по черной жиже. Все, конечно, черпали ботинками, а В. Покровский оставил в этой грязюке свои калоши и сегодня утром ходил их искать. Хвала богам — нашел. Бог с ними, с этими ночными ужинами, если после них далеко под дождем идти по домам. Утром сегодня репетируем музыкальные куски из «Добро пожаловать» и, кроме того, прогоняем весь спектакль на малюсенькой сцене, устроенной в гараже (немецкой постройки — о нем после). Во время прогона приходит с Воронежского фронта та самая пятитонка, на которой наши ездили в прошлую поездку, побывали в Харькове и Белгороде. Теперь она послужит нам опять. Страшно оживленная встреча с шофером этой машины Николаем Маланьиным. Расспросы, новости о старых знакомых. Эти разговоры всех увлекают гораздо больше, чем прогон и во вред последнему, конечно.

На 18 часов назначен спектакль, но плохо со светом — вчерашний движок от кинопередвижки уже уехал. Кстати сказать, механик этой передвижки оказался тоже старым знакомым — мы проделали с ним всю

поездку по Юго-Западному фронту. Разыскивают четыре трофейных керосино-калильных лампы и будем играть при них.

Оформление выглядит очень хорошо — если бы его еще чуточку лучше осветить, было бы совсем как в «большом» театре.

Дождь, перемежающийся весь день. Когда же наконец погода будет нам благоприятствовать? Ведь этак мы не сможем работать на открытом воздухе.

Гараж, в котором мы играем, построен немцами. Это тоже «эрзац». Деревянная рама, с проемами, заложеными в один кирпич на песчаном растворе. Не известковом, а именно песчаном — песок чуть-чуть связанный чем-то. Это столь непрочно, что буквально при легком нажиме пальцем все выкрашивается. Порывы ветра, потрясая стены, осыпают этот состав из всех щелей. Здесь когда-то была усадьба совхоза. Все здания стояли в густом и очень обширном парке, но немцы, опасаясь партизан, вырубили весь парк до последнего куста, и теперь усадьба стоит среди унылой равнины, покрытой множеством огромных пней.

Спектакль «Добро пожаловать» прошел очень хорошо. Приемы были по существу, зрители хорошо следили за интригой. В зале сегодня был идеальный порядок. После спектакля опять ужин с разнообразным гарниром.

Н. Мозайкин

26 мая 1943 г.

После вчерашнего банкета многие остались ночевать в столовой, испугавшись перспективы второй раз ночью шлепать по грязи. Немногих храбрецов, решившихся идти домой, трогательно провожал один майор. Он провел нас по наиболее трудным местам, несмотря на поздний час. Предупредительно освещал дорогу, следил, чтобы никто не отстал, словом проявил максимум заботы — спасибо ему.

Ровно в семь пришла машина за вещами, и самые невыспавшиеся артисты потащили свои вещи в машину. Как водится, мы опоздали к завтраку и нам приходится ждать. После завтрака — в дальний путь. 25 человек с личными вещами и с оформлением поместились в нашу дорожную колымагу — и даже не очень тесно. Удобная все-таки машина! Едем. Кое-кто клюет носом, кое-кто пробует пристроиться подремать на ходу, с каждым километром настроение повышается: день обещает быть хорошим, после долгих дождей появляется солнышко, конец пути близок. Обоянь. Остановка у базара и завтрак на машине продуктами, закупленными тут же. Опять трогаемся в путь, но не проехали и 20 километров — авария: проклятый гвоздь, брошенный на дороге, проколол нам камеру. Запаса нет и поэтому 2-часовая остановка — заклейка камеры. Кто-то загорает на солнышке, моментально организуется «пулька», от участия в которой почему-то отказывается завсегдатай Коля Лебедев, что вызывает оживленные толки и догадки. Наконец колесо опять на месте, машина поднимается в гору, отводит в сторону другую машину, шофер которой оказал нам помощь и инструментом, и клеем, так как беспечный Коля Маланьин не имеет в запасе. Немного побуксовав, машина трогается в путь. Едем в сторону Ржавы. Везде посты, нас не пропускают, едем объездом. Опять остановка. Исай и предводитель ДКА Тришкин уходят на разведку.

Вторая половина дня оправдала все плохие опасения: и дождь был, и безрезультатные поиски квартиры. Через час примерно, вернулся Исай с Н. П. Стороженко. После бурной встречи с Н. П. нам сообщили, что идет совещание, что нам надо поехать устраиваться на квартиры за 7 километров. Поехали. Стал накрапывать дождик. Приехали в ДКА. Постояли немного и вместе с т. Яковенко поехали на «квартиры». Около самой линии ж. д. 7 домов, из которых 5 занято, а 2 негодны для жилья. Яковенко пошел «выселять» незаконных жильцов, но из этого ничего не получилось. Уже под дождем в 7 часов вечера вернулись в ДКА. Через два часа путем уплотнений и переселений все были устроены, и усталые и измученные,

улеглись спать. Переезд, который при благоприятных условиях мог быть завершенным за 4 часа, занял 12 часов.

<Без подписи>

27 мая 1943 г.

Ночь на 27-е прошла беспокойно и утомительно. Феноменальное количество блох... Не спали, метались, злились. Утро было хорошее, солнышко. День тоже светлый. Вечером играли спектакль под открытым небом в штабе — спектакль «Добро пожаловать». Хороший, даже больше, чем хороший был прием; я не видела ни одного лица, которое не улыбалось бы. Видимо очень рады нам, видимо очень тепло и ласково расположенные к нам люди. Генерал-майор Шатилов (я с ним впервые встретилась) сказал при мне одному из военных: «Я пришлю, пришлю к вам этих актеров — знайте, что они помимо того, что замечательные артисты, они еще и настоящие хорошие товарищи в полном смысле этого слова». Это было сказано с большой серьезностью и любовью. После спектакля на его машине и на двух штабных мы вместе с ним, теперь уже нашим гостем, поехали домой. Вот тут-то и началась срамота. Мы были голодные — это правда, но все же стоило бы собрать остатки своего воспитания и скрыть этого «незримого червя». Не успел наш генерал сесть за стол, как началась бешеная дележка продуктов: сала, повидла, табака, хлеба — все это хаотически делилось; слышались выкрики: «Это кому?» «Кто с кем?» и т. д. Громко, настырно, ожесточенно. И генерал в этом азарте бежал незаметно. Позже несколько человек, пожертвовав своим присутствием при дележке, успели все же провести с ним остаток вечера уже вне нашего дома, а где-то на воздухе — кончилось все, кажется, очень мило.

Р. Оболенская

28 мая 1943 г.

День начался со сборов в дорогу. Выезд в армию, к танкистам. Но, увы, ожидание обещанных машин поглотило все утро, машины пришли с опозданием, и люди томительно гуляли по деревне, опять ложились спать, пытались готовить завтрак... Но вот и машины. Одна грузовая, остальные легковые. Дорога по грязи, машину бросает и перекручивает, а одна даже застряла на несколько часов в дороге. Привезли в бывшую школу — политотдел. Встречают улыбающиеся, довольные командиры — у них впервые гастроль актеров. Строгое помещение политотдела преобразуется в хаотическую базу странствующих актеров. Все мы сразу набросились на газеты, за все время нашего пути. Любезные хозяева включают радио; слушаем Москву и музыку заграницы. А за окном поливает дождь. Играть будем «Свадебное» в помещении, здесь же. Так как в деревне какой-то тиф, то решили разместиться в двух каких-то больших комнатах на соломе. Обедать пришлось тоже ехать на машине по непролазной грязи длинной-длинной деревни. Спектакль начался в 9 часов вечера. В тесной комнате плечом к плечу сидят молодые командиры-танкисты — сплошь блестят ордена. Здоровый дружный молодой смех почти на каждую реплику. Свет от нескольких движков ярок, как на киносъёмках, но зрителям кажется, что его мало, так как у многих в руках фотоаппараты. И с боков, и в центре щелкают затворы, а иногда 2–3 сразу, как будто кругом фото. В антракте свет фонарей поворачивается в зрительный зал, и опять щелкают фотоаппараты. После спектакля, увы, горячего ужина нет. Веселые зрители, обсуждая спектакль и то, что многие из них 2 года не видели театра, расходятся. Усталые актеры ложатся спать, а вдалеке, на темном небе долго, ярко горит брошенная немцами осветительная ракета.

А. Орочко

29 мая 1943 г.

Утро началось рано. В восемь часов женщин повезли завтракать, а мужчинам пришлось идти пешком. После завтрака началась горячая работа по приготовлению декораций к спектаклю «Добро пожаловать». Начался в 2 часа. Поставили часть шестков. Мозьякин тут же щелкает своей лейкой, начался дождик. Сначала дождик, а потом уж и дождь. Пошли в помещение, а там парикмахер. В ожидании конца дождя я тоже решил стричься и бриться. Успел только постричься. Актеры все как один постриглись и побрились — помолодевшие, они хватают, кто буханку, кто полбуханки под мышку и идут менять на молоко, возвращаются обратно и спрашивают, кто как променял. Дождя нет. Время приближается к двум, актеры начинают садиться гримироваться. Сцена начинает преображаться. Появляется занавес, кулисы, начинают вешать занавески, но тут опять крапает дождь. Около половины второго небо очищается. Быстро доканчиваем сцену, и в два начало спектакля. Спектакль шел хорошо. Принимался вроде очень хорошо. Но вот дело идет к концу. Начинается третья картина, и все видят, как надвигается страшная туча — грозовая. Начался сильный ветер. Все рвет, занавески колышутся. Еле-еле сдерживают занавески. Актеры спешат кончить скорее — до дождя. И это удается. Кончили и начали быстро снимать занавески и носить в здание; там складывали все и укладывали. Не успели как следует убрать, как начался такой ливень, что страшно, потом пошел град. За время этого ливня все сложили и приготовили концерт. После обеда поедем давать концерт в часть. Кончили, и все поехали на обед. Пообедав, стали ждать машину для поездки в часть. В ожидании машины все легли спать. Только в 8 часов пришли машины. Погрузились за 20 минут. Поехали очень быстро и хорошо. Машина-вездеход американская. Приехав туда, начали готовиться к концерту. Сцена была сделана. Пол покрыли брезентом для меньшей грязи. Концерт

начался в 5 минут 11-го и шел почти 2 часа, очень хорошо. Принимался тоже хорошо. Немного было темно. После концерта повезли всех ужинать. Поужинав вкусно, и, попив чай, мы поехали домой, в деревню. Приехали. На улице темно. Небо чистое, все усыпано звездами, и виден «молочный путь», как называл млечный путь Петя Сентюлёв. Ехали очень долго, становилось холодно, качает, кто курит, а кто спит, наконец переезжаем мостик близко от нашего пристанища, и наконец — пристанище. Все бегут скорее спать. Выгрузили ящики из машины. Я тоже пошел спать, спать, спать...

Е. Орочко

30 мая 1943 г.

День прошел под знаком полной загрузки, насыщенный новыми встречами с замечательными людьми, для которых мы дали три выступления. Покинув на 2 дня более или менее насыщенную базу, мы, оставив на ней шесть человек, утром выехали дня обслуживания бригад; попав в первую часть, мы были очарованы приемом, месторасположением и людьми — гвардейцами части. Концерт прошел очень хорошо, и командир — полковник, выступивший с благодарственным словом в конце нашего концерта, сказал, что наше выступление доставило много радости, бодрости, веселья, нужного им в данный момент их боевой жизни. Во время исполнения «Со всяким может случиться» полил дождь, но Данилович и А. Лебедев мужественно закончили свой диалог под громкие аплодисменты благодарных зрителей.

Дав еще один концерт тоже в гвардейской части с успехом, мы переехали в третье место, где состоялся спектакль «Свадебное путешествие». Усталые, мы все же с подъемом сыграли этот спектакль, чем опять порадовали нашего дорогого зрителя, гвардейцев, во главе с упомянутым выше полковником, который весь день, а позднее и вечер,

провел с нами, передав на прощание благодарность за наши концерты и спектакли от себя лично и от той части, командиром которой он является. Вечер был закончен товарищеским ужином.

В. Покровский

31 мая 1943 г.

Пошел второй день нашего путешествия по гвардейским частям. Еще один спектакль и один концерт с таким же усилием. Необычайно теплый прием, радостные лица, приветственные речи; спектакли идут, как праздники. Вернулись домой. Уже выработано такое ощущение, если даже на два-три дня где-нибудь задерживаемся и постелили солому — уже ощущение дома, и туда хочется вернуться. Вечером прощались с нашими хозяевами. Был концерт, а потом банкет для всего командования. Опять все гостеприимно, весело. Много нам говорили хороших слов. Сейчас ощущение от фронта: все отдыхают и набирают новые силы для такого сильного и необычайного удара, какого еще не было. Правда, это ощущение, вероятно, всегда, когда ждут чего-то, а к особенной торжественности располагает и летняя природа — леса, поля, солнце. Что-то я ударилась в поэзию, значит, если говорить конкретно, закончились наши спектакли в гвардейских частях — завтра переезжаем в новую армию.

А. Ремизова

1 июня 1943 г.

Утром, правда с опозданием, выехали в ДКА. Жаль было расставаться в гвардейцами, с которыми за три дня так сжились. Хочется отметить Нач. Политотдела тов. Веттиченко за его внимание к нам и хорошую организацию нашей работы. В ДКА задержались недолго и поехали в новую

армию. Небольшая группа осталась в политуправлении для беседы с генералом. До Обояни доехали хорошо. Но по остановке выяснилось, что ехали обе машины на спущенных скатах, пришлось ремонтировать. Приехали на место все в разные часы, но уже утром были приготовлены комнаты, и мы крепко заснули.

П. Сентюлёв

2 июня 1943 г.

Разбуженные в начале 7-го, быстро встаем. Хочется умыться, хочется поесть, но и то, и другое — отпадает: поесть нечего, умыться некогда — мы и так задержались. Нужно скорее ехать вперед. Итак — по машинам. В путь! Едем быстро и хорошо. Поездка наша началась и проходит в очень хорошем темпе. Работаем четко, организованно, без всяких срывов и простоев. Можно только пожелать, чтобы все так и продолжалось. И так — едем. Прекрасное солнечное утро. Отличная дорога. Веселый симпатичный шофер. Но вот подъезжая к Обояни, видим на горизонте дым взрыва, один, затем другой, третий. Останавливаемся, спрашиваем регулировщика, не знает ли он в чем дело? Он отвечает, что только что был большой налет на Обоянь и подняли склады с боеприпасами! Решаем немного подождать. Осторожность — необходима. Рисковать — глупо. Взрывы продолжаются, но вот едут встречные машины — значит проехать можно. Движемся и мы. Въезжаем в город, переезжаем железную дорогу — горит большой состав с цистернами: черный дым, пламя огня. Едем дальше — навстречу по улице бежит испуганный мальчик — одна рука перевязана, в другой — скомканное одеяло; подъезжаем: горит дом, напротив — другой. На улице кучками народ. Смотрят, слушают — не летят ли еще. Проезжаем мимо с чувством глубокой горечи...

От Обояни 90 километров до места. Погода, дорога и шофер на прежней высоте, и через три часа мы легко доезжаем до места. Здесь ждет

нас обычная картина — квартир, которые нас «давно ждут», еще нету — и приехавшие ночью товарищи отдыхают на солнышке — на речке. Кое-кто из приехавших следуют их примеру, кое-кто укладывается прямо у машины в ожидании завтрака. Аппетит у всех прекрасный — выехали не поевши, а завтрак кислым молоком на базаре в Обояни сорвал нам проклятый немец. После небольшого ожидания идем завтракать и после довольно большого — расселяемся по домам. Вечером — спектакль «Свадебное путешествие» для командования. Играем в помещении школы там же, где помещается столовая. Гриммируемся рядом в избушке. (О! Эта избушка позже причинит мне большую беду!). Зал красиво убран — постелены ковры, чистота. Спектакль смотрят: командующий армией генерал-лейтенант Москаленко и еще 2 генерала, члены военного Совета. Спектакль, к сожалению, по актерскому самочувствию проходит неважно. По приему — нормально. В 5-й картине, уйдя переодеваться в избушку, я категорически опаздываю на выход — страшный момент — незабываемый. После конца спектакля — нам передают благодарность от военного Совета и пожелание хорошо поработать в армии. Расходимся по домам в довольно мрачном настроении. Спектакль прошел хуже, чем хотелось бы. А уж я, после своего опоздания, чувствую себя просто кошмарно. На улице холод. Небоясное, звездное — просто что-то вроде мороза. Воздух полон шумом моторов: один за другим летят и летят тяжелые, груженные самолеты. Дом далеко. Добираемся заочневшие, быстро укладываемся и засыпаем под непрекращающийся гул самолетов.

Т. Блажина

3 июня 1943 г.

Проснулась от жужжания мух, которых в нашей хате несметное количество. Спать невозможно! Одно утешение в этой деревне — речушка, где мы проводим свободное время, да еще прекрасный сеновал. Вечером

должны играть «Корреспондента», но у Оболенской флюс, и она не может играть. Заменяли на «Добро пожаловать». По этому поводу произошел спор в столовой с одним майором, который говорил, что актеры обязаны играть спектакль, не взирая ни на какие болезни, что мы все солдаты и должны вести себя по-солдатски и т. п. Я бы сказала довольно странный человек! Встав из-за стола, обратился к нам со словами: «Разрешите считать себя свободным». Мы весьма благосклонно разрешили ему удалиться.

Вечером спектакль прошел хорошо, присутствовали генералы, в зрительном зале было ужасно душно. Разгримировавшись, разошлись по своим конуркам.

А. Бархударова

4 июня 1943 г.

Вечером смотрел спектакль «Наш корреспондент». Исполнение хорошее. Постановка захватывающая и современная. Особенно хорошо играли (исполняли) Клава, Малолетков, Алеша.

От армейских генералов и всех присутствующих всем участникам выношу благодарность и генеральское спасибо.

Генерал-майор А. Б.

Сегодня должен идти первый раз в эту поездку «Наш корреспондент». Новая исполнительница роли Веры — Оболенская очень волнуется и нервно хватается за неожиданно появившийся флюс, который в данной роли ей никак не импонирует. В 11 часов назначена репетиция картин с ее участием, остальные счастливицы отправились на речку «жечь свое брненное тело» на солнышке! В 13 часов была очень интересная беседа с начальником политотдела тов. Севастьяновым. Он много рассказал об армии, которую мы обслуживаем. Далее нам сообщили план нашей работы, который оказывается тоже очень интересным. Мы должны обслужить ряд

дивизий, находящихся на переднем крае. Вечером шел «Наш корреспондент». Спектакль очень задержался, поэтому шел затянато и постепенно, несмотря на это, получил одобрительную оценку. После спектакля был устроен шикарный ужин, который прошел в оживленной беседе, пении и танцах. Завтра в путь.

В. Васильева

5 июня 1943 г.

Рано утром на трех машинах, «додже», полуторке и автобусе выехали в дивизию. Я ехал на передней полуторке на крыле и посему избежал жуткой пыли; задние машины форменным образом были еле видны сквозь пыль, поднятую нашей полуторкой. Проехали несколько линий обороны. Не обошлось и без неполадок; в середине пути у автобуса спустили два баллона, и шофер два часа занимался вулканизацией. Деревни кругом, как мертвые, ни одного человека; все население выселено из прифронтовой полосы. Приезжаем на место. И расселяемся в пустых домах. Днем в школе играем концерт, вечером — «Свадебное путешествие». Оба выступления проходят очень хорошо. Ночью в темноте возвращаемся со спектакля, повторяя, чтоб не сбиться, трудный пропуск «антанка».

А. Граве

6 июня 1943 г.

После завтрака в 10-м часу, надев костюмы, концертной группой отправились на передовую. Два провожатых, а дороги никто не знает. Ехать километров 6–8 до первой точки. Ближняя дорога заминирована. Швыряет в машине невыносимо, мало загружена. То овраги, то едем отвесно, как по треку. Решили сократить путь, и наш «додж» застревает в трясине.

Предлагаем идти пешком, но провожатые говорят, что осталось еще километра 4. Подходят вскоре автоматчики за нами (нас заметили с горы в бинокль). Оказывается, что первая точка на этой горе, спасибо трясине, а то мы бы прокатили мимо. Идем в лес. Густой орешник. Петя Сентюлёв сооружает сцену на поляне. Подходят бойцы, командиры, приезжают верхом.

Одеваемся, гримируемся в лесу, тут же рядом, стоят, пофыркивая, привязанные лошади.

Концерт проходит и принимается отлично, зрителей много, после конца нас тепло благодарят за отдых и радость, которые мы им доставили.

Едем дальше, на 2-й концерт. Опять невыносимо швыряет. Слышатся недалекие разрывы снарядов. Проезжаем по просматриваемым немцами местам. Въезжаем в лес. Свежевырытая могила, гроб в цветах, около стоят бойцы. Это хоронят бойца, который был убит сегодня утром, немножко дальше, в огромной дубовой роще нас ждут нетерпеливые зрители. Молодежь веселая, жизнерадостная, слышатся взрывы хохота. Жизнь и смерть бок-о-бок.

Появляется вражеский самолет, по которому открывают огонь.

Разрывы учащаются — это немцы заметили нашу машину, и «швыряют» по тому месту, где мы только что ехали. Вдруг сильный залп. Это последний, прощальный салют товарищу, которого хоронят совсем близко.

Концерт проходит с неменьшим успехом, зрители так хохочут, что сама теряешь серьезность. Бойцы остаются очень довольны, благодарят нас. Садимся в машину, капитан сопровождающий нас, предупреждает шофера: «Гони вовсю, в случае обстрела не останавливайся, меняй скорость». И поехали! Мало сказать — поехали, как будто нами зарядили пушку. Пыль столбом. Форменный самум в машине. Рот, нос, глаза все в песке. Ежесекундно менялись местами в машине, перелетая через голову сидящего визави. Благополучно миновав опасное место, выехали в лощину, где красиво расположилась деревушка. Обед. Беседа с боевыми девушками. Дождь. Дорога раскисла, ехать стало трудно. Не доехав до третьего пункта, пошли пешком. 3 концерта в 500 метрах от передовой

линии. Хвойный лес в долине. Несколько бойцов нас, видимо, не ждали здесь. Сидим в ожидании «чего будет». После дождя воздух изумительный. Над головой, через короткие промежутки времени хлопают вражеские снаряды. Разрывы. Дымок. «Чихают» отрывисто мины. Проходит полчаса, уже 6 час веч., а у нас в 9 ч. спектакль. На К. П. подходят еще несколько человек. Решаем играть концерт по сокращенной программе, без частушек (больна Вероника) и «Теплого ветра». Во время концерта подошли еще несколько человек, их поздно оповестили.

По окончании концерта командир выражал недовольство по поводу плохой его организации. Не знаю, кто виноват, что людей поздно оповестили. Вечером в 9 ч. 30 м. спектакль «Наш корреспондент» в клубе. Как прошел — трудно мне сказать, очень измучилась за дорогу и была в полусонном состоянии.

А. Данилович

7 июня 1943 г.

Сегодня мы выезжаем в полном составе. Должны дать концерт и спектакль. В 8 часов подъем, завтрак, и три наших машины двигаются в путь. Нас предупреждают — дорога просматривается немцами и есть участки, которые простреливают, так что ехать надо осторожно. Выезжаем. После вчерашнего дождя просохло и почти не трясет, несмотря на то, что путь наш проходит по горам и оврагам.

Через час-полтора въезжаем в чудесный дубовый лес. Приехали. Это уже передовая, немцы в полутора километрах в этом же лесу. Нас встречают бойцы и командиры. Собираются наши зрители и рассаживаются на поляне. Постановочная часть работает молниеносно. На поляне сооружается сцена, наши гримируются, одеваются. Начинаем концерт. Изредка пролетают немецкие самолеты, слышны разрывы мин, артиллерийская и пулеметная стрельба. Концерт проходит с большим успехом. Лица

у бойцов веселые, оживленные, хохочут до слез. Концерт кончается под бурные аплодисменты. Надо сейчас же готовить сцену для «Нашего корреспондента», но не тут-то было. Налетает форменный шквал и раздражается гроза. Еле успеваем убрать костюмы и декорации. Приходится пережидать. Гроза проходит довольно быстро, но основательно промочив землю, (а здешний чернозем после дождя страшно <...> (Неразборчиво)). Спектакль начинается с опозданием в 8 ч. (играют на мокрой скользкой траве). Зрители принимают отлично, смотрят внимательно, каждая картина кончается под аплодисменты. Кончаем уже в сумерки. Бойцы расходятся. Нам был обещан командиром киносеанс после работы и ночлег в землянках. В предвкушении всего этого идем ужинать и вдруг сюрприз. Приказано немедленно выезжать. Напрасно доказывают наши, что это невозможно, так как дорога размыта и машины застрянут, а может быть, и опрокинутся, что мы можем заночевать в дороге. Ничего не помогает, и мы принуждены ехать. Двигаемся в полной темноте. Фары потушены. Проезжаем с полкилометра и застреваем. После долгих попыток сдвинуться самостоятельно, посылают за бойцами на помощь. Сидим на машинах, сонные, усталые и ждем помощи. Приходят бойцы и убеждают оставаться ночевать. По их словам, мы застрянем обязательно. Наконец командир соглашается, и мы отправляемся по землянкам.

И. Дитрих

8 июня 1943 г.

После трудной и дающей мало отдыха ночевки в землянках все встают злые, усталые. После скудного завтрака и холодного прощания с негостеприимным и легкомысленным майором, отправляемся в путь. Едем ложиной, так как после дождя подъем на горы невозможен. Сначала все идет хорошо, но вот наша полуторка с движком делает на дороге непонятное сальто, от которого я внутри лечу из стороны в сторону,

и прочно садится в грязь. Все наши попытки ее вытянуть не приводят ни к чему. «Додж» и автобус забираются в гору, объезжают болото и благополучно взбираются на гору, в село, оставив полуторку с Женей*, Юрой** и киномехаником загорать. Уплотнившись, едем дальше. Снова болото, на этот раз совсем непроезжее. Поднимаемся в гору и останавливаемся опять. Ждем, пока неутомимый и энергичный Григорий Георгиевич идет в разведку. Кстати, должен особо отметить его работу. Сдержанный, приветливый, энергичный, быстро ориентирующийся в обстановке он является для нас неоценимым помощником в работе и, видимо, хорошим товарищем в быту. Итак, ждем, появляется лейтенант Гофман и предлагает поехать к нему в полк. Но наученные вчерашним горьким опытом, мы настаиваем, чтобы нас сначала разместили. Размещаемся в трех домиках у саперов. Опять ждем. Уйма дорогого времени проходит впустую. Наконец решают, что мы едем в полк с концертом. Но у нас в машине мало бензина, и мы опять ждем пока за нами придет машина из полка. Наконец состав концерта уезжает, А. А. с Колей Мозяйкиным уезжают смотреть помещение для вечернего спектакля, И. А. Мочалов на лошади едет за вещами, оставшимися на полуторке, и за Женей и Юрой. Сразу все наши домики пустеют. К 3-м часам все, кроме участников концерта, возвращаются и после обильного и вкусного обеда ложатся отдыхать. И, вдруг свист снаряда и разрыв поблизости — один, другой, третий... Алеша и Ирина по моей команде ложатся на пол, и мы все трое, лежа на полу, переживаем первую волну артобстрела. Вторую волну мы уже переживаем в подвале. После третьей волны иду проведать наших. Четвертая волна застает меня на улице. Мечусь от дома к дому и наконец добираюсь до блиндажа, где среди бойцов нахожу Колю Мозяйкина. В перерыве между двумя волнами обстрела мы с Колей перебираемся в другой блиндаж,

* Орочко Е. А.

** Бутырсков Ю. В.

где находим А. А.*, Ив. Ал. Мочалова, Колю Лебедева и Юру с Женей. Опять несколько волн обстрела. Летят осколки, один из которых ударяет в порог входа в наш блиндаж. Приходит наш капитан. Узнаем, что лошадь, которая должна была перевозить наши вещи на спектакль, разорвана снарядами на куски. Около семи часов обстрел затихает, и Коля Мозайкин с Женей и Юрой увозят на лошади вещи для вечернего спектакля. Наши все еще не вернулись с концерта.

Б. Королёв

9 июня 1943 г.

Вчера спектакль «Свадебное путешествие» начали в 23 ч. — кончили сегодня в 1 час, рабочий день, можно считать, начался. Большой сарай, приспособленный для театрального действия, крыт соломой, кое-где просвечивает яркий свет (работает движок), да и дверь не закрыта, вернее ее и нет, а ночь звездная, пролетает немецкий самолет, возвращается через 10 минут еще раз, через двадцать — в третий, а может быть, это и другой, но что немецкий — это факт (звук трассирующей пули). Спектакль идет своим чередом, принимают хорошо. Иногда ночная тишина нарушается далеким орудийным выстрелом, через две секунды протяжный свист, снаряд летит в нашу сторону и оглушительный разрыв, и раскатывается эхо. Попадает в метрах 200 от нас, приятно мало... Иногда в ночной темноте вспыхивает осветительная ракета, то зеленая, то красная, то белая — немцы в трех километрах за лесом. Около часа спектакль заканчивается. Актеры разгримировываются, постановочная часть разбирает сцену. Идем пешком ужинать, темно — хоть глаз выколи, наконец добираемся до столовой, ужин при свечах с ромом, к тому же гречневая каша, сосиски... папиросы «Беломор».

* Орочко А. А.

Возвращаемся в деревню на ночлег, светает, три часа. В семь часов баня. Первыми мужчины, с восьми женщины. Недалеко от бани следы вчерашнего артиллерийского налета. Но это было вчера. Как и всегда, опоздание: концерт вместо 10 ч. утра начался в 10 ч. 45 м. Задержались и уехавшие капитан с Б. М. за бензином... А тут еще пришлось заехать за забытой вчера в соседней части шинелью. В результате вместо часа дня добрались в новую часть в три. Здесь нас не встретили. Пока искали и переезжали с места на место, повезли обедать, еще не готово... Так только в половине восьмого начали опять «Свадебное» на свежем воздухе на опушке дубового леса для молодых младших командиров. Успели-таки до полной темноты добраться до ночлега. Расположились в просторных домиках в лесу.

А. Котрелёв

10 июня 1943 г.

День, как и все дни последней недели, хорошо загружен. Завтракаем, садимся в машины, и тут начинается дискуссия — куда ехать: и там простреливается, и тут простреливается. Ну, а раз везде простреливается, то не все ли равно куда ехать.

Здесь много дубовых лесов по склонам балочек. Сейчас все эти леса густо населены и похожи не на лес, а на запущенные парки со множеством тропинок и дорожек. В одном из таких лесочков на склоне мы играем концерт. Все идет как полагается. Во время действия на опушке несколько раз бахают разрывы мин. После концерта некий ст. лейтенант — мужчина огромного роста с орденом Кр. Звезды и со знаком Халхин-Гола, говорит короткую, но очень толковую речь. Говорит своими словами, очень тепло, искренне и логично, а не готовыми лозунгами и штампованными фразами, как это часто бывает в таких речах. Он же приглашает нас откусать чем бог послал. Это собственно для нас как будто сверхштатный

обед, т. к. говорили об обеде после второго концерта, но может быть, все перепутали, и чтобы не остаться совсем без обеда и еще, чтобы не обижать хозяев идем «рубать». В то время, как мы идем к кухне, через лесок на опушку опять летят мины. Две взрываются, а потом (уже во время обеда) одиннадцать штук подряд ложатся без разрывов. Одиннадцать из тринадцати. Неплохой процент.

Едем на второй концерт. Вон вдалеке в лощинке белеют домики и темнеют дубки, вот туда нам и нужно. На бугорке, километра за два до места, сопровождающий нас начальник клуба останавливает машину и говорит, что дальше дорога под минометным огнем и, что, может быть, лучше, рассредоточившись, пройти пешочком. Два километра. Это не будит в нас пехотного энтузиазма, и мы едем на машине. Машину маскируем в стороне под откосом, а сами даем концерт на склоне балочки под редкими дубками, с которых на нас сыплется дождь из гусениц. Заползают эти противные твари всюду. День на исходе, а у нас еще спектакль впереди и концерт идет без «Теплого ветра». Концерт кончился, и зрители расходятся по своим дотам и др. точкам. По русской беспечности большая группа идет на передний край строем. Старший командир заметил это и посылает лейтенанта с приказом рассредоточить людей, но уже поздно. Движущуюся колонну заметил неприятель и начинает беглый минометный огонь. Сначала по противоположному склону холма, потом по гребню, а затем и по склону обращенному к нам. Мы в это время на другом склоне этой балочки заняты вторым за сегодняшний день обедом. Мины ложатся сравнительно далеко от нас, но осколки падают вокруг домика, где мы обедаем. Дом каменный, старой постройки, такой, что ему не страшно и прямое попадание мины. Наши женщины ведут счет разрывам. Командир этой дивизии генерал-майор, пожилой, очень крупный дядя, похожий на Василия Егоровича Егорова. Когда огонек становится интенсивней, он садится на конягу и отбивает в более мирные палестины. Отобедали по второму разу (кстати сказать, в этой дивизии интенданты явные шляпы, так как с питанием

здесь хуже, чем у соседней). Погрузили вещи и тронулись в путь. Женщины насчитали сто двадцать семь разрывов. Разрывы продолжаются и еще, но мы уже уезжаем из этого места. Есть жертвы. Двоих ранило около нашей машины. Говорят, что командиру будет влет, но никаким влетом не вернешь невозвратимого.

Вот мы и в другом лесочке. Здесь мы должны играть «Добро пожаловать». Пока мы ездили с концертами (где я по старой памяти исполнял все постановочные работы) наша постановочная часть готовила спектакль. Час до начала, но нет еще Лебедева Н., который почему-то не пришел с места нашего ночлега за 2 км отсюда. Исая решает, что если он не придет (за ним ушел Б. Королёв) к 17.30, т. е. за полчаса до начала, то мы играем концерт. Досадно, столько уже проделано работы. Но ровно в 17.30 появляется Ник. Леб. и почему, дескать, его не взяли (за ручку, очевидно), когда уходили на спектакль.

Спектакль немного задерживаем, так как не успевают за полчаса все загримироваться. «Добро» идет совершенно чудесно. Принимают дружно, но существуют и даже такие тонкие краски, которые обычно проходят с более тихим приемом. Актеров это разумеется бодрит и играют хорошо. Я думаю, это впервые на передовых играется полный спектакль, в полном оформлении, в котором он шел и в Москве. Все было, как полагается в театре, только пол земляной и никакой крыши.

К слову, вообще в выступлениях на передовых буквально везде нам говорят, что за два года впервые видят выступление профессионалов. Довольно часто бывают армейские ансамбли, но актеров, да еще из Москвы, не видали.

А сколько бригад ежедневно выезжает из Москвы на фронт, но огромное большинство из них дальше расположения штаба фронта с округой, или в лучшем случае, штаба армии не ездят. Очень громко звучат, конечно, и поездки мхатовцев и Малого театра «на фронт» к летчикам, а, как известно, летчики, особенно тяжелая авиация, базируются довольно далеко от передовой.

Такие поездки, очевидно, уже стали правилом и в Пуре, например, думают, что и мы играем в штабах, и даже не очень верят как будто в то, что большинство своих выступлений мы проводим на передовых.

Спектакль очень понравился. Нас хотят задержать в этой дивизии еще, нам все равно, где играть, но у нас есть план. Звонят по телефону в политотдел армии, но там говорят, что мы должны ехать по плану, так как нас уже ждут в других местах.

Ужин и путешествие к месту ночлега, кто в машине, в объезд, а кто пешочком напрямки. Дома засветло. Можно пораньше залечь на боковую, а желающие идут смотреть кинокартину «Концерт — фронту».

Чудесное местечко, где мы живем. Несколько домиков на полянке в дубовом лесу. Рядом под горкой пруд. Жить бы да радоваться в этих местах, а сейчас здесь ни одного жителя.

Н. Мозяйкин

11 июня 1943 г.

Утро — подготовка к переезду в следующую дивизию. В 8 ч. подъем. Идем умываться в озеро, расположенное в ложине среди толстых дубов, клена и массы диких яблонь, слив и вишен. Чудесное солнечное утро, без умолку поющие курские соловьи, десяток строений бывшего лесхоза и вокруг пасущиеся мирно лошади. Вдруг еле слышный гул выстрела дальнего бойного немецкого орудия и достаточно ощутимый недалекий разрыв снаряда, где-то ответный ему наш выстрел, где-то пробуетесь автомат или пулемет и снова война (и страшно непонятное, и вместе с тем до чего простое слово) «война» на этой вот самой передовой, где мы только что сыграли несколько концертов и спектаклей.

Добрались до Н-ской дивизии. Ехали по так называемому «просматриваемому месту»... где-то вдалеке на горизонте юго-запада виднелся лес, там — немцы.

Разместились в деревне, и сразу же «концертники» поехали на передовые.

Вечером поздно вернувшись с концерта рассказали о чуть-чуть не свалившейся их машине в ров. Все обошлось благополучно.

И. Мочалов

12 июня 1943 г.

Сегодня на утреннем концерте было необычно много народу — больше 3-х тысяч, бойцы подходили и подходили, приходилось делать перерыв, чтобы подождать подходившую толпу. Позже на спектакле «Свадебное путешествие» было 4 тысячи. Несмотря на такую большую аудиторию, легко было играть, т. к. внимание их было максимально, а вечером дома нас огорчил подполковник — представитель, кажется, из Москвы. В частной беседе с ним я и Валя Д.* услышали его нелестное мнение о нас, он высказал его приблизительно так: «Я много видел актеров на фронте, я встречался со всякими проявлениями бесцеремонности, краснел не раз, но я всегда думал, что коллектив театра Вахтангова — иной. А сегодня я убедился в обратном. До меня дошли слухи, что вы грубо выражали недовольство по пустяковому поводу, что вам не подали чай, также открыто громко сердились на невкусный обед. Это плохо. Мы всегда хотим угодить вам, но не имеем возможности дать лучшего, не стоит так, это обидно для нас звучит. Я удивлен был, что коллектив о скромности которого я слышал, на самом деле проявил себя с обратной стороны, я сначала не верил, а сегодня вечером лично убедился в этом, слыша сам „возмущенные высказывания“». Мы всеми силами старались убедить его, что это единичный случай. Все же стоит об этом подумать и прекратить раз и навсегда подобную бестактность.

Р. Оболенская

* Данчева В. И.

13 июня 1943 г.

Как всегда, нечетный день начинается переездом в новую дивизию. На этот раз во 2-й эшелон, который кажется уже глубоким тылом. Конец «просматриваемым» дорогам и арт-обстрелу, но наш сугубо бесстрашный шофер Валерьян, как всегда, волнуется, когда незамаскированная машина задерживается на открытом месте. Только сошли с машины, как наши заинтересовались работами дивиз. газеты, уже перед приездом выпустившей заметку о нашем приезде. Исай Исаак. собрал летучее собрание, чтобы остановить коллектив от громких высказываний о недовольстве бытовыми неполадками. Поводом к этому был разговор с подполковником, который справедливо всех взволновал, т. к. его мнение о нескромности коллектива основано на случайных, подхваченных им фразах, а не на серьезном интересе к работе и жизни нашей группы. Я думаю, что подполковник составил бы более правильное представление о коллективе и его пребывании во всех дивизиях, если бы подробно поговорил с сопровождающим нас товарищем из штаба армии т. Собко, который как посторонний нам человек, постоянно находящийся с нами, смог бы дать ему объективную оценку. Думаю, что вовремя сделанное Исаем Исаак. предупреждение заставит всех более ответственно относиться к своему поведению, т. к. по каждому судят о всех. После собрания разбились на 2 группы — одна на размещение и подготовку спектакля «Добро пожаловать», другая в отъезд на концерт. Переезд на концерт был длинным. Концерт оказался не в том месте, куда нас привезли, и опять пришлось ехать, а на месте не оказалось собранной публики, и опять пришлось ждать, время тратилось зря, палило солнце... все устали, и концерт прошел вяло. Пришлось возвращаться для обеда на место 1-й остановки и ощущение того, что мы опаздываем на базу, где должен быть спектакль помешало нам быть достаточно любезными с хозяином — майором, который искренне жалел, что не мог нас угостить вином Кавказа. Здесь,

в Курской области! Наспех простившись, приехали с опозданием на спектакль, где уже давно ждали вовремя собравшиеся командиры. Спектакль прошел хорошо, несмотря на дождь в середине его. К счастью, туча прошла стороной и не рискнула испортить яркие декорации, красиво выделявшиеся в молодом дубовом лесу.

А. Орочко

14 июля 1943 г.

День начался с 7 часов. В 8 часов был завтрак и после него сразу же поехали на концерт. Во время завтрака был дождь, и все боялись, что он на целый день, но скоро он кончился. Ехать к месту, где должен быть концерт далеко. Когда приехали, Мозяйкин выбрал место, и мы повесили занавес. Красноармейцев было очень много. Очень хорошо принимали. После первого концерта поехали в другую часть. Когда ехали на второй концерт, мы попали под небольшой дождь. На месте нас встретили очень хорошо. Построили сцену, громадная площадка из досок. Даже кулисы были сделаны из двух плащ-палаток. Концерт прошел хорошо. Хорошо принимали. После концерта сразу же поехали к нашему пристанищу. Там должен быть спектакль «Свадебное путешествие». Ждали заместителя командующего армией. Ну, конечно, семья не без уroda. Что-то должно было случиться во время спектакля и случилось: Васильева пропала.

В остальном все шло хорошо.

Е. Орочко

15 июня 1943 г.

Еще обслужили одно соединение. Сборы, укладка вещей по машинам. Перед отъездом начальник клуба зачитал всей нашей группе приказ командования о проделанной нами работе в данной части, потом посадка, и тронулись в путь.

Приехали в танковую часть, где после размещения по квартирам выехали на концерт.

День солнечный, но очень ветреный, и наш «театр» сильно парусило и чуть ли не срывало ветром. Даже сломалась одна бамбуковая стойка, которую все же постарались частично использовать для вязальных спиц, для наших дам, а частью для игры в бирюльки. Концерт прошел с большим успехом, с большим вниманием и теплым товарищеским гостеприимством со стороны командиров этой части, прошел весь день и вечер.

Спектакль «Добро пожаловать», видимо, понравился: мы слышали много благодарных слов и шумный прием «зрительного зала». Уже почти стемнело и, сев на нашего «американца» под управлением «лихача», поехали на ночевку.

В. Покровский

16 июня 1943 г.

На мою долю выпало описание редкого дня (дня отдыха), так удивительно странно у нас протекшего. Приезд, устройства на квартире, обед, баня заняли такое количество времени, что казалось невероятным, как это мы успеваем в обыкновенные дни еще три раза выступить. Деревня, в которую мы приехали, большая, красивая, даже, скорее, небольшой городок с громадным сахарным заводом — взорванным, с большими садами,

огородами, хорошими домами и без людей. Так уже к этому привыкли, что отсутствие населения кажется нормальным, а какое тяжелое впечатление производили они вначале.

В части, которую мы будем обслуживать, встретили нас очень гостеприимно, устроили обед в саду, баню в лесу, одним словом обставили наш выходной день очень заботливо. Играть будем в очень хорошем клубе. Событий никаких не было, все улеглись спать, расположившись в домах по всей улице.

<Без подписи>

17 июня 1943 г.

После неудавшегося дня отдыха и после полевой и лесной работы очутились в хорошем театральном помещении, с хорошей сценой, и даже занавес открывался за веревку, все это очень благоприятно отразилось на нашей работе. Концерт прошел очень хорошо в концерт вошел новый номер «Последняя ночь». Но, на мой взгляд, не совсем удачный. Соловьёв опять в малярийном состоянии. Принимали все меры для выхода из малярийного состояния, вплоть до самогона с хиной, а последнее лекарство оказало чудодейственное свойство, и Соловьёв играл вечером спектакль «Наш корреспондент». Хочется отметить командира арт. полка, который блестяще организовал наш быт и плюс замечательное озеро, в котором купаемся, все это дает добавочный отдых после поездки по передовой. Рыбная ловля так и не удаётся, а мною было обещано свежей жареной рыбы. Вечером при полной луне купались, правда, не все, а любители вроде Вероники и Риты* и нашего замечательного нового товарища из Политуправления армии тов. Сойко.

П. Сентюлёв

* Оболенская Р. Н.

18 июня 1943 г.

Когда-то на занавесе экспериментального театра было написано: «Ярче». Именно это слово хочется мне написать сегодня на нашем занавесе. И день сегодня вроде как юбилейный. Все-таки год и четыре месяца, как мы уехали из Омска, и солнце светит ослепительно, и птицы роют, и лес благоухает, а концерты наши, а их три сегодня, идут тускло, тяжело, скучно. И придаться вроде не к чему, все как будто в порядке, все как будто честно стараются преодолеть свое разморенное состояние, но... чего-то не хватает...

Зато большое оживление наблюдается сегодня у стола за кулисами, где освещается новая китайская игра в палочки-бирюльки. Здесь нет той томительной скуки, печать которой лежит на сегодняшних концертах, здесь есть именно то, чего не хватает на сцене. И играем мы в полтора километрах от передовой, и проезжаем мы по простреливаемым немцами дорогам, и видим совсем близко лесок, который занимают немцы, и все-таки остаемся какими-то вялыми и равнодушными...

Некоторое оживление внесли еще яблоки, среди которых мы играли третий концерт, да еще пышки или коржики, которыми нас угостили после 1-го концерта, мы провели целый день у артиллеристов. Нам показали орудия и дали несколько показательных залпов, но даже это яркое событие как-то затерялось в этом унылом дне. Поменьше бы таких дней. Может быть, все и не так, и все это только мое личное ощущение и настроение, но ведь сегодня «мой день», и я пишу, как чувствую.

Уезжая утром на концерт, мы оставили «в сторожах» Юру Бутырскова, который проявил на этом поприще редкую находчивость: вернувшись вечером в свою деревню, мы все обнаружили на своих домах зловещую надпись: «Минировано»!

Т. Блажина

19 июня 1943 г.

Сегодня у нас три концерта в разных местах. В 8 ч. 30 м. сбор у машин. Тов. Собко, капитан, который нас сопровождает, обещал накануне разбудить товарищей, но почему-то не сделал этого, поэтому некоторые из актеров проспали и буквально за несколько минут до отхода машин побежали на озеро умыться. Сидящие уже в машинах поволновались. Решили подъехать к озеру и забрать их оттуда. В 9 ч. 30 м. отъехали. Приехали к гвардейцам. Первый концерт на самом солнцепеке. В овражке сделана площадка, обнесена дерном, веточками и посыпана желтеньким песочком, все очень любовно, заботливо. Одевались в чистеньком блиндаже. Концерт прошел хорошо. Бойцы разместились на пригорке. Солнце шпарило вовсю. После концерта уехали в другой дивизион, тоже гвардейский. Там также была сделана площадка, но уже в небольшом садочке, из какой-то платформы, так что получилась настоящая эстрада. Меня всегда очень волнует и трогает такая заботливость наших дорогих бойцов. Как они радостно нас встречают, как просят приехать еще. Лично очень горжусь тем, что мы им доставляем хоть какую то радость в их трудной жизни. В этом дивизионе после концерта обедаем и дальше уже в сопровождении капитана Гарина (зам. нач. политотдела) надо проехать километров шесть. На одном из поворотов нас остановил патруль, говорит, что сейчас идут тактические занятия и дорога обстреливается нашими же. Тут же задержана машина с лейтенантом который убеждает пропустить, так как он знает, занятия назначены на 18.30 вечера, а сейчас 17 час. Спрашиваем у патруля, давно ли они здесь, оказывается, уже около часа. Но все еще ни одного выстрела не было. Короче говоря, после небольших переговоров нас пропускают, и мы, как всегда, мчимся пулей с нашим лихачом Валерием по этой опасной дороге. От общения с ним мы все стали лихачами. Проскочив эту дорогу, миновав жел.-дорожный переезд, останавливаемся в лесочке, здесь наш третий концерт. Концерт

задерживается. Узнаем, что здесь большой праздник — четырем гвардейцам выдают правительственные награды.

Все концерты проходят хорошо, но актерам всегда к концу дня тяжело работать, утомительные переезды. Можно играть три-четыре концерта подряд на одной площадке и не устать. В перерывах шла «кровопролитная» игра в бирюльки. Очень многие бойцы переняли эту игру. Приятно — останется от нас на память.

А. Бархударова

20 июня 1943 г.

Утро началось с обычного моциона на пруд. После чего погрузились на наши «экспрессы». Отправились на утренний спектакль «Наш корреспондент». Завтрак несколько задержался, так как при нас достраивали столы, на которых мы должны питаться. Сели завтракать. Вдруг появился Исай, которому не хватило места, и с загадочной улыбкой сказал, что будут сливки, конечно, все не поверили, тогда он предложил поспорить на порцию сливок, на что я не подумав согласилась, и, конечно, проиграла, т. к. они действительно были, но Исай сделал благородный жест, и я спокойно их съела за его здоровье. Спектакль прошел очень хорошо. Было много ленинградцев. Очень волнительно все принимали. Вечером «Свадебное путешествие» в клубе, как приятно сыграть при свете и на деревянном полу в помещении. Начали спектакль, народу очень много, прямо съезд. Кругом машины. Сплошные орденосцы. Спектакль прошел очень хорошо. Зритель был в восторге. Действие все время прерывалось аплодисментами. В конце тепло благодарили. День был удачный.

В. Васильева

21 июня 1943 г.

Сегодня весь день в стационаре — заводском клубе «Красный Яр»... В 11 часов после купанья начинаем концерт, зрителей очень много. Концерт проходит с подъемом. Во время концерта помреж конфискует у актеров бирюльки — за шум за кулисами. Общее возмущение — у дитяти отняли соску. Вечером «Добро пожаловать» и душ. Оба мероприятия проходят хорошо. Только в начале спектакля был шум, т. к. собралось слишком много зрителей, не всем было видно. Под полой играли в бирюльки. Зрителей так много, что часть их висит на рамах выбитых окон, незабываемый кадр, увековеченный Николаем Никитичем*. После спектакля ужинаем и ложимся спать. Вдруг приезжает командир и увозит всех в свою резиденцию ВПУ — есть опасения, что начнутся активные действия немцев в ночь второй годовщины войны.

А. Граве

22 июня 1943 г.

2-я годовщина Отечественной войны и мы, фронтовой театр, проводим ее на фронте, почти на передовой.

Хочется отметить тот факт, что в серьезный момент, когда — зная слепой фанатизм немцев — ожидалось их наступление, командующий Москаленко, забывший, что такое сон, отдых, вспомнил о нас и увез нас в «тихий уголок».

Мужественность, строгость полководца, солдата гармонично сочетается в нем с необычайной человеческой теплотой, нежностью, с простотой великого человека. Предоставив нам, женщинам, свой дом, который

* Мозяйкин Н. Н.

внутри напоминал оранжерею, и разместив мужчин в землянках (здесь всего несколько домиков), он сам уехал.

Все стены, потолок его комнаты украшены ветками — свежесрубленного клена. Цветы в горшках, в банках, даже в малюсеньких пузырьках. Ромашки, колокольчики, душистая клубника... Его все очень любят. Даже в стоянии на вытяжку его подчиненных, в выслушивании приказа — чувствуется огромная любовь к нему и забота о нем.

План работы меняется. Едем к танкистам километров за 15, располагаемся в домиках. Спектакль «Свадебное» в огромном сарае, который весь украшен зеленью, хвоей. Пахнет елкой, как на Рождество. Сооружен помост, играем при электрическом свете от движка. Душный день. В зрительном зале — «баня». Зрителей очень много, человек 700. Для вентиляции продырявливают крышу, солома и мусор валяются на голову сидящих, они хохочут.

В час дня начинаем, актеров разморило, первые две картины идут вяловато, но дальше спектакль выравнивается, звучит бодрее. В зале непрерывный хохот. По окончании много раз дается занавес, аплодируют, никто не уходит. Обед, после которого сразу же едем обратно в резиденцию Москаленко играть концерт.

Выступление задерживается, ждут командования. Актеры разбрелись по лесу в поисках земляники. Тишину леса нарушает голос Клавдии Новиковой: «Какой обед нам подавали...» Это через усилитель механик пускает пластинки. Наконец приезжают генералы, занимают весь первый ряд и без четверти восемь начинаем концерт.

При объявлении пьесы Асмик Бархударовой вдруг раздался мощный рев коровы, которая позже, когда читала Анна Алексеевна*, рвалась как безумная с мычанием на сцену, насилие ее отогнали.

Несмотря на старания, концерт прошел средне, хотя принимался хорошо.

* Орочко А. А.

Ужин с командованием в саду затянулся допоздна. Садимся в машину, едем на ночевку. Темно, появляется остаток кроваво-желтой луны. Вот наконец мы дома. Спать! Спать!

А. Данилович

29 июня 1943 г.

Утром концерт. Уже второй концерт с моим участием в качестве аккордеонистки. Аккомпанирую Асмик. Это новый этап в моей аккордеонной профессии. После концерта часть нашего коллектива уезжает в соседний полк со «Свадебным путешествием». Часть остается здесь, в деревушке. Вторая половина дня у нас, оставшихся, проходит совсем особенно, очень интересно. Сегодня у красноармейцев намечен вечер самодеятельности. Нас просят помочь организовать концерт и принять в нем участие. За организацию всего этого берется Липский. Составляет программу, распределяет обязанности. Юра Бутырсков ведает постановочной частью, Алеша помреж, Рита ведет концерт. Наши номера — «Последняя ночь», читает Анна Алексеевна, поет Асмик и читает Рита. У красноармейцев пение, пляски — фокусы и акробатика.

Есть очень удачные номера, например, русская пляска — «Акробаты». Концерт проходит очень хорошо, нас благодарят за помощь и участие в программе.

И. Дитрих

24 июня 1943 г.

Кончается наша работа в хозяйстве т. Москаленко. Вчера два раза ездили в хозяйство: первый раз — подготовить помещение и питание, а второй раз — по вызову в Политотдел. Нет ясности, куда мы дальше едем:

на фронт или в минометные части. Сегодня утром наша часть театра (другая часть приедет в ДКА прямо из частей «катюш») после завтрака погрузилась и поехала в ДКА. Приезд, размещение, ожидание второй группы. Деревня на большой дороге, голая: ни сада, ни леса, вся пыль летит прямо в дом. Спасает только речка, на которую многие пошли отдыхать. После обеда Исай объявляет, что вечером спектакля не будет, все рано, вскоре после ужина, устраиваются на отдых. Завтра прощальный концерт, а послезавтра утром отъезд в часть «катюш». В этой армии проделана большая работа. Ни один другой коллектив не обслуживал эту армию так долго, не охватывал всех дивизий. Это приятно осознавать. В коллективе приподнятое настроение, осложненное еще сообщением начальника ДКА о закреплении нашего театра за Воронежским фронтом. Идут всякие догадки, предположения, шутки. Через несколько дней узнаем все точно, а пока отдыхать, тем более что есть вероятность спать без блох в клуне на соломе, которая пахнет горьким жнивьем, так что становится горько во рту.

Б. Королёв

25 июня 1943 г.

Что же, собственно, мало-мальски интересного произошло за двадцать пятое июня? Да вроде, собственно, мало-мальски примечательного ничего и не случилось. Хотя, может возразить другой, третий, особенно не пишущий в этой тетради в силу загруженности там, или плохого почерка... Да, интересные происшествия, приблизилось двадцать пятое, или безынтересно, а зафиксировать, так сказать, данный день выпало на вас и будьте любезны, как говорит директор этого предприятия Ник. Никитич, хотя сегодня уже и 28, хотя и задержали тетрадочку эту предыдущие товарищи, но... надо вспомнить... Итак, сегодня заключительный концерт в хозяйстве, которое мы обслуживаем около месяца. Концерт ориентировочно назначен сначала на 4 ч. дня, затем в шесть и, наконец в 9 вечера.

Проделав за день десятикилометровый моцион (это если считать до столовой 2 км — завтрак, обед и ужин, но с ужина нам посчастливилось на машине доехать... итого 10 километров, ну, а кто ежели не ходил питаться, то тому и считать разумеется нечего), вечером все собрались на прощальный концерт. Большой сарай убран свежей елкой, березкой и другой зеленью, впереди постелен ковер, горят разноцветные лампочки. Сцена хорошо сделана, на возвышении, за кулисами просторно, а самое главное на сцене много света, хотя раза два во время действия свет гас. Но быстро исправляли и устранялись дефекты в движке. По окончании концерта собрался коллектив в столовой на ужин. Посетил нач. полиотдела, тепло поблагодаривший театр за проделанную работу.

А. Котрелёв

26 июня 1943 г.

Из-за задержки дневника И. Дитрих, я пишу только 29-го. Мои предшественники писали по этой же причине тоже с опозданием. Подробности этого дня уже позабылись и, когда я пытаюсь их вспомнить, то они путаются с другими днями. Поэтому могу записать только то, что мы где-то играли концерт днем, а что было вечером, убей бог, не помню.

<Без подписи>

27 июня 1943 г.

В этот день (пишу тоже 29-го — ох Ирана, Ирина!) мы должны были, отыграв утром концерт, переехать в другой полк! С утра шел дождь, который изрядно испортил дороги, и мы ехали тремя машинами. Две машины

добрались, третья где-то застряла, и вечером концерта не было. Было много разных приключений, но подробности перепутались и, чтобы не наврать, я не пытаюсь их записывать.

Н. Мозяйкин

28 июня 1943 г.

Часть «РС» («катюши»). Утром приехала вторая половина актеров, застрявшая ночью в дороге.

Грязные, не выспавшиеся — наскоро умылись, позавтракали и в 12 ч. 30 м. стали играть «Добро пожаловать».

После спектакля пришли машины, и мы отправились в следующую часть. К вечеру были уже там.

Маленькая деревушка в зелени, балка зеленая (орешник и дуб), которая, говорят, тянется до Белгорода. Вечером концерт, который принимали очень хорошо.

И. Мочалов

29 июня 1943 г.

День хороший без всяких огорчений, напротив — приняты мы в этой гвардейской части (хутор Каменский) добром и вниманием. Игнали 2 спектакля утром — «Свадебное», вечером — «Добро пожаловать». Гвардии майор — хозяин сказал: «Так работают только патриоты, только любящие нас товарищи». Оба спектакля произвели на всех очень хорошее впечатление. Нас приглашают вернуться на праздник 5-го — годовщина полка и вручение Правительственных наград. Ждут нас.

Р. Оболенская

30 июня 1943 г.

День, как всегда, начался с переезда на машине, переезд, отразившийся на моей разбитой голове (3 дня назад машина, в кабине которой я сидела, попала в канаву из-за лихачества шофера и меня ударило по голове винтовкой и о кузов и, очевидно, — небольшое сотрясение мозга), я еле вышла из машины и была проведена в чистый дом, занимаемый штабом, где и пролежала по приказу директора весь день. Жизнь театра, состоящая из одного концерта и одного спектакля здесь же, рядом, прошла мимо меня, но зато я окунулась в интереснейшую жизнь полка и из телефонных звонков моих любезных хозяев знала о том, как дано было распоряжение засечь немецкую батарею, усиленно стрелявшую через наши головы, как ее засекли, куда летали немецкие самолеты, как ведут себя немцы на таком-то и на таком-то участке, кого и где поймали, и тут же рядом радостные вызовы по телефону частей к нам на спектакль. Сидящий парадный майор говорил: «У нас гости сегодня, радостный праздник, приезжайте кто может утром, 2-я часть вечером — все оставшиеся зорко гляди, чуть что — сообщать».

Торопитесь, ждем — очень будет интересно. Когда все были на спектакле, я подошла на один из звонков и долго беседовала с незнакомым мне командиром, очень обрадованным, что он говорит с приезжей актрисой... К вечеру из ДК фронта вернулся Борис Мефодьевич и привез большинству коллектива письма из дома... Обмен московскими новостями, после чего все разошлись спать, а у меня, у телефона тут же в комнате, сидит дежурный... настоящая ночь на передовой.

А. Орочко

1 июля 1943 г.

День начался с полвосьмого. Все поднялись, сложили вещи и завтракать. Ящики сложили на машину, и она поехала с Мозяйкиным и Бутырсковым вперед. Всего было четыре машины, в т. ч. штабной автобус, пришедший с ванной и уборной, но и там многих можно было усадить. После завтрака все сели и поехали. Ночью был дождь, и дорога была скользкая. Автобусу не везло. Один раз он застрял, и его пришлось вытаскивать при помощи американки, второй раз он проехал дорогу и пришлось пятиться назад. И раз...

<...> (Неразборчиво)

... и третье — проезжая через узкий мостик, она упала левыми колесами в реку. Так ее и оставили, пострадавших не было, исключая Блажину, ей на ногу упал ящик. Дальше мы ехали хорошо. Приехали наконец в деревню Мелихово. Деревня очень большая и красивая, но теперь остались только одни фундаменты и те разрушены. Домиков очень мало, и то построенные теперь. Концерт был в 7 км от деревни в лесу. Когда ехали на место, где должен быть концерт, виден Белгород и меловые горы. Концерт прошел очень хорошо. Вечером в 6 часов «Добро пожаловать». Перед концертом поставили почти всю сцену. Сыграли «Добро». После концерта поехали обратно в деревню обедать. После обеда сразу же поехали обратно в лес. Доставили сцену, актеры начали гримироваться, и в шесть начался спектакль. Спектакль идет хорошо. Спектаклю аккомпанирует наша артиллерия. Идет обстрел немецких позиций. Идет очень хорошо, принимают тоже хорошо. Даже аплодисменты во время действия. Спектакль кончился. Подали две машины. На одной уехали актеры, а на другую погрузили все ящики. Начался дождь. Нам пришлось еще ждать капитана какого-то, и мы попали

под самый ливень. Еле доехали. Приехали в деревню, было уже темно. Сгрузили ящики в домик пустой и пошли ужинать. Этим и кончился творческий день фронтового филиала театра Вахтангова.

Е. Орочко

2 июля 1943 г.

Покидаем село Х., некогда богатое, красивое с массой фруктовых садов, больницей, родильным домом, клубом, очень хорошими домами (по рассказам оставшихся жителей), а сейчас это полностью уничтожено: сады вырублены, а от артиллерийского огня уничтожены и разрушились все постройки.

Едем в следующую часть по дороге, которая прострелена и легко просматривается немцами, смотрим на лес, где сидят фрицы, очень хорошо виден Белгород: отдельные дома, фабричные трубы. Благополучно приезжаем на место, где должны будем дать 2 выступления. Место очаровательное, находится в лесу, очень много ягод, которые не преминули собрать. Сыграв концерт и спектакль «Свадебное путешествие», поехали за 7 км на ночевку. Деревня, где остановились на ночь, в противоположность описанной выше, вполне сохранившаяся, мы, например, четверо — я, Соловьёв и братья Лебедевы спали в очень культурных условиях с подушками, простынями, одеялами.

В. Покровский

3 июля 1943 г.

Уже второй раз на мою долю выпадает описывать выходной день. А о таком дне что скажешь? Он, правда, не совсем выходной, но — нет спектакля, вот почему он такой получился. С утра погрузились на машины

из последнего полка. Ощущение у нас от этих спектаклей на редкость приятное. Очень хорошо шли спектакли машины из части в часть привозили без перебоя, не успевали заканчивать в одном месте, как уже надо было ехать в другое. Было ощущение большой нужности, а после спектаклей абсолютная удовлетворенность нами. Итак, сегодня вернулись в штаб. Что нас ждет не знаем. Ехали очень хорошо, без приключений. Приехали в знакомую уже деревню. К сожалению одну из самых плохих. Деревни резко делятся на чистые уютные и грязные бедные. Отчего это происходит, понять трудно, как будто и условия жизни и качество земли одинаковые. Очевидно, от характера жителей. Сегодня вечером ждали распоряжений из Политуправления, но ничего так и не узнали, остаемся мы здесь еще, или едем в Москву. Завтра все должно решиться.

А. Ремизова

4 июля 1943 г.

День начался с хозяйственных работ, кто во что горазд, кто стирает в грязной речке, кто бреется, только Саша Граве так и не подстригся. Руководство поехало в Политуправление фронта для выяснения дальнейшей нашей работы. Все с нетерпением ждут их возвращения. В часы ожидания делились впечатлением о проведенной ночи. Оказывается блохи выжили всех из хат, а сараев мало и некоторые люди спали на улице, надев на себя весь запас белья и одежды, т. к. ночи почему-то стоят холодные. Около часа дня приехали наши руководители и через 23 минуты были все уже в сборе, около стога соломы. И. Спектор сделал подробную информацию о беседе с генералом Шатиловым. Работа наша, оказывается, не окончена, а некоторые об этом мечтали, и срок нашего пребывания на фронте, к удовольствию огромного большинства, продлен до 15 августа. Весь этот пресловутый разговор о закреплении, оказался не чем иным, как желанием командования фронтом о совместной и постоянной работе

на этом фронте, на что было дано согласие руководства и одобрено 95 % против 5 %. Вечером обещал приехать т. Шатилов для беседы с коллективом. На собрании было объявлено, что можно послать кое-чего в Москву с попутной машиной, и вот началась посылочная лихорадка. К вечеру это было упаковано в одну общую посылку, которую как говорится — не поднимать. Работники постановочной части начали приводить в порядок поизносившейся инвентарь и в перспективе еще 1 ½ месячная работа, решили сделать сюрприз для участников спектакля «Свадебное путешествие». Три койки, которые делались из случайных скамеек от 15 см ширина и выше. Эти «койки» доставляли много неудобств и раздражения как участникам спектакля, так и работникам постановочной части. Теперь будут хорошие широкие койки. После 6-ти вечера привезли сухой паек, быстро разделили и начали на кострах готовить себе обед, кстати, он же и ужин. Гречневое пюре так всех обрадовало, но пришлось разочароваться после первой пробы в готовом состоянии. Очевидно не сумели сварить. Часов в 9 приехал генерал, собрались опять у стога соломы.

Беседа продолжалась больше часа, на которой договорились, что мы работаем до 15 августа и что мы остаемся как бы штатным коллективом этого фронта, но организовано все остается, все как было. Дальнейшая наша работа будет протекать в тесном содружестве с войсками Северного фронта. Военный Совет ведет беседы с имеющимися в их распоряжении драматургами для заказа пьес для нашего коллектива, думается мне, что это должно получиться хорошо. Вызвали к себе Дыховичного. Завтра едем на праздник передачи танковой колонны, построенной на средства украинских горожан, и после четырех-пяти уже едем обслуживать танковую армию и, может быть, с ней будем двигаться вперед, как уже и было зимой, я не пророк, но время покажет, и думаю, что весь коллектив хотел бы, чтобы это пророчество сбылось, а не сбыться оно не может.

Этим я закончил не только свой день, но и всю книгу за № 1.

П. Сентюлёв

5 июля 1943 г.

Весь день отдыхали... Возле речки мылись, купались, стирали, загорали, лежали, гуляли, гадали, спали, читали и ждали... Ждали распоряжений Шатилова о нашем выезде. Но никаких распоряжений не последовало.

День прошел, не принеся ничего нового.

Обыкновенный, хороший день отдыха.

Т. Блажина

6 июля 1943 г.

Отъезд назначен на 7 часов утра. Все встали вовремя. Приехал с опозданием на полчаса наш старый знакомый шофер, Коля Маланин на нашей трофейной машине. Погрузились и в 8 ч. 15 м. двинулись. Исаю нужно было уточнить какие-то вопросы в ДК, заехали туда, но не застали товарища, с которым Исай должен был поговорить. Ровно в 9 часов поехали дальше. Едем к танкистам на празднество — вручения танков. Ехали хорошо. Над нами пролетали самолеты в разных направлениях. Видали вдали несколько разрывов от бомбежек. Проехав около 60-ти км, сделали небольшую остановку в Прохоровке — небольшое красивое село, тут же жел.-дорожная линия. Нам навстречу шли части, пушки, машины. Большое движение по шоссе. Спросили бойцов — куда идут, кто-то шутя сказал «на отдых».

Отдохнув, поехали дальше. Вот и городок — место нашего назначения. Подъехали к коменданту города, он указал, куда ехать, еще два километра. Сперва приехали в один колхоз, говорят, не туда, едем в другой, там не знают, где эти части. Прибыли новые части, которые и размещаются тут по квартирам. Обрато к коменданту. Исай пошел выяснять, что и как, а нас повели в питательный пункт обедать. Очень чистенькая столовая,

аккуратные и расторопные подавальщицы. В столовой висит газета. Читаем сообщение Информбюро. Вчера немец предпринял наступление в трех направлениях: Орловском, Курском, Белгородском, атаки в двух направлениях отбиты, в Белгородском противник с большими потерями вклинился в нашу оборону. Подбито 568 танков и сбито 200 с лишним самолетов противника. Тут же в столовой встретили только что раненых под Белгородом. Забыла сказать, когда ехали по дороге, обогнали грузовик с ранеными бойцами. Пообедав, вышли на лужайку — кто лег отдохнуть, кто почитать в ожидании Спектора. Наконец приходит Спектор и сообщает, что часть, которую мы должны были обслуживать, ушла вчера из этих мест и что надо возвращаться обратно в ДК. По этому поводу начались остроты, что коллектив устроил себе небольшой пикничок за 100 км с загородным ресторанчиком. Команда: «На машины». Разместившись в машине, поехали обратно. Выехали в 6 ч. вечера. Проехав несколько километров, машина стала капризничать. Остановились в какой-то деревушке. Стали прочищать карбюратор. Дул холодный ветер, самолеты непрерывно летали над нами. Наконец минут через 40, машина была исправлена, и мы поехали дальше. Вдруг видим: справа и слева от нас, на горизонте большие разрывы и клубы черного дыма. Проехали немного, видим: в кюветах лежат бойцы и смотрят вверх, в небо, а перед нами все черно от дыма, дым окутал все, пахнет порохом. Было такое впечатление, что горит буквально все. Машина наша остановилась. Момент нерешительности. Решение: едем дальше. Самолеты все кружат и кружат... Вот три немецких самолета пролетели над нами. Мы едем прямо туда, где все горит. Говорят, бомбили Прохоровку. Доехав до перекрестка дорог, где КПП, сворачиваем на другую дорогу, оказывается, действительно проклятый немец бомбил Прохоровку. С боковой дороги видим огромные языки пламени и черные клубы дыма. Кто мог, проезжая эту деревню утром, думать, что вечером ее настигнет такая участь! Нам посчастливилось — нет худа без добра. Не испортись наша машина, не задержись на час, мы бы, безусловно, поехали на Прохоровку и попали бы под бомбежку. Уже стемнело, когда

Фронтовой филиал Театра им. Евг. Вахтангова

... , ...
за , как и у всех у нас в дово-
освободившаяся роль. Масса амуни-
иногда боя. Поэтому всегда им
ка всем. Разделили с собой пог
всем, уехал куда-то вперед.
всего пошел и ешь, а все вы
уехали на передний фронт
старше где-то догадываю и т.

Репертуар фронтового театра

В ФОНД ОБОРОНЫ

45

Р.С.Ф.С.Р.
САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ГРАМАТИЧЕСКАЯ
ТЕАТР
В ГОР. АЛЕКСАНДРОВСКЕ

Александр
Слово

28. сентября 1941.
№ 28/935

БРИГАДИРУ ВОЕННО-ШЕФОННОЙ БРИГАДЫ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА ОПЕКТОР Н.И.

Выдана настоящая справка в том, что военно-шефской бригадой Московского театра им. ВАХТАНГОВА дан спектакль 24/УП-41 г. "Свадебное Путешествие" в пользу Обороны Отрания.

Выручка выраившаяся в сумме 4500 одна в Губбани в фонд Обороны Отрания.

ДИРЕКТОР ДРАМАТЕАТРА
САХС ВЛАСТИ *Митин* (ЗУБАНОВ)

ВУЖАТЛИВЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО
САХС ВЛАСТИ *Пилишова* (ПИШЫЛОВА)

Спектор И.И.

сон ра
на ~~на~~
и росина
бумала
ли пер
и мо ле
перло? до
уи лира
ло., каро.

Габович А.М.

Орочко А.А.

ан муда-то вав
рени и еми, а
на. и предни
где-то доина
о мурали су
анчеи. правн
интари. изред
от саваи и рас

...на, та
...на, кон св
...не...

Ремизова А.И.

Москвин В.И.

Концерт на лётном поле

Соловьев И.А.

Данчева В.И.

Липский И.К.

Королёв Б.М.

Лебедев А.М.

Прием Передача Передал	1106 го ч. м.	1990 пор. № пров. №	Бланк № 60 (1050) 1 Бродяк	= ВЛАДИВОСТОК ПОЧТАМЛТ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ СПЕКТОРУ ИСАИ ИСААКОВИЧУ
	ХАБАРОВСКА 22813 36 11/8 0850			
	ЛИЧНО ЕЩЕ БЛАГОДАРНЮ КОЛЛЕКТИВ БРИГАДЫ ЗА РАБОТУ ДРУЖБУ ЗАКОНЧАНИИ РАБОТЫ ВЛАДИВОСТОКЕ БУДУТЕ НАПРАВЛЕННЫ МЕСТУ РАБОТЫ СВОЕГО ТЕАТРА ЖЕЛАЮ УСПЕХА РАБОТЕ МУЖЕСТВЕННО ПЕРЕНОСИТЬ ТРУДНОСТИ ВСЕМ ПОЖИМАЮ РУКИ УВАЖАЮЩИЙ ВАС КУЛИГИН.			

СРОЧНО. ПРОВЕДИ

ДИРЕКТОРУ ТЕАТРА ВАХАНГОВА
РИМОНУ

УМОВЛЕННЯМ РИМОНОВИМ НАРОДНОМУ АРТИСТУ
СИМОНОВУ

От генералов, офицеров, сержантов и бойцов - Воронежцев
сердечно поздравляю родину пострадавшую с возвращением в свою
лицу и открытием сезона победоносного 1943 года.

У себя великого, русского города Киева - пашин о мне и
искренно гордился, что наш коллектив - своей отличительной,
славной бригадой - драгоны театром вместе с ними участвует
в драматических героических боях за освобождение Советской
Украины.

НАЧЕЛЬНИКА
ПРЕДПРИЯТИЯ

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

1.11.43 г. ПЕВЧАТА

МАР 1944	09/44	ИВЕСАРАТ
26		ДИРЕКТОРУ
		ТЕАТРА ВАХАНГОВА
		РИМОНУ
		УМОВЛЕННЯМ
		НАРОДНОМУ
ВОРОНЕЖ ДР.	353 69 2 0225	АРТИСТУ СИМОНОВУ СРОЧНО
ОТ ГЕНЕРАЛОВ ОФИЦЕРОВ СЕРЖАНТОВ И БОЙЦОВ ВОРОНЕЖЦЕВ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ РОДИНУ ВАХАНГОВЦЕВ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ		

Блажина Т.И.

Мозайкин Н.Н.

*Радісний со своїм
успехом куди-то вийде
можливо і сам, а в
самі напередні
де-то дошави*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ФРОНТ

7 ДИВЯ - 21 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ
Главное Управление Политической Пропаганды Красной Армии

Москва, ул. Фрунзе, 19, 1-й дом НКО. Тел. коммутатор № 1 0-03-30 до К 0-03-58

№ 297/3

ИЗМАНИРОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

г. СЕКРЕТОРУ И. И.

Ваша вместе с театральной бригадой Московского театра им. Е. Ваканго-ва в количестве 14 чел. / согласно прилагаемого списка / подлежит полкпропаганды Дальневосточного фронта для обслуживания частей фронта сроком до 20 июля 1941 года.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОБЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИПРОПАГАНДИ
КРАСНОЙ АРМИИ - АГЕНСКОГО КОМИССАРЪ ВЪ ВАНГА

Я
при этом обязательное согласие на пер

ок.

Смирнов

Данилович А.М.

Повелению Секретаря
Принять вас и благодарю
всем коллективу театра с вами.
Доброжелательно и желаю работать
вам во дни наших общих дел.
Ваш искренний друг - руководитель
моего театра.
Евгений Рейман
29.5.42

Ситнов Д.И.

Граве А.К.

Покровский В.А.

Сентюлёв П.И.

Верейкина С.В.

26/XII-42

Зночи. Мороз. Поеху под'ехать к стан-
ции А. Застанови ветерок, поше
2^й "казачий" персадох и едем в за-
ном вагоне, сонно во кругу мамины,
исад спектор пашии для рожики
небольшой прошему-
мени пошонал мамини
и пошунейт вещи, а
решили пройтись по
расходити до Д.К.Д
очень небольшими. Бюджет
вещи все радужно ветри-
о усталие ушение снай-
интел совете радужно
отно поздно. Из окна
са открываеи прелест-
и не в сила. Белом, по

Яновский Н.П.

Оболенская Р.Н.

сверкасе
"уборка
идеи, к
оказавше
поштра
и пошед
дуса. К
вешко
из Огю

Концерт в освобожденном селе

Голубев А.М.

Дитрих И.А.

Кирюхин А.В.

25/11/42г.

В первый раз еду на фронт! Очень волнительно!

Приехал в Жуковский с массой документов, что не сказалим корпусу с приком. Связались с Москвой, всё делал человек Вступаем корпусу

Все это оговорение. уже частично по разлука. сама Ледяной разбил свои банки с украин, у кого он расспрашивало даже ушанка сехала на бок и он сидит в таком виде некоторого времени.

У нас были две пересадки, последняя на ст. Т. у... считывала... цикам... 5. ринном

Бархударова А.М.

Мочалов И.А.

Котрелёв А.Н.

Лебедев Н.М.

Васильева В.И.

№ 432. 127. ноги. Кашиничи
Старый "навал" год" В камне
камуфле. В сизом давалу шина.
Син белоглазый гринчел. Кашиничи
дирн прокатается с камне, в
37. 30м. ноги они идут в ашаду.
То трешоги мотено ашодручел
мару часов. Кашиничи зверь, морозный
бор Вривалтел с ушниц. Вил
разомнел, мелкая в углу на
окаше ног одрозалии дремлет
разнет ашодручел каз свои
Кашиничи? Маса в 4. ного удрат

18 апр

Сезонная температура воздуха
предварительная на апрель как в
достовернейшие данные отсюда
приводит в книгу. Если в
по книге безразличия температуры
отражены в действительности
уже с фактическим началом
наименее значительных
вет и тучев. Предварительная
указанный период наименее
скорее всего. Так всегда
различиями и мерзлыми
нею. Температурные изменения
Температура наименее
и температурные минимумы
в недрах и на поверхности
нижней атмосферы при
как на поверхности земли
местами восточнее. Характер
для наших дней, а

Государственной театре
имени Эв. Златокова

Фрокиловой Фриши

Дневник первой поездки
артистов фронтового театра —
на театр на Воронежский
фронт.

Пейзаж № 3

Автографы

В. А. Фоковского, А. И. Мещого-
вой, И. И. Шкатора и др. участ-
ников поездки.

(на карандаше)

Арх № 2100

24 декабря 1942 г. —

Связка №

21 марта 1943 г.

Опис. № 1

на Убленская

Постоянное хранение.

мы приехали к штабу. Остановились. Спектор побежал звонить генерал-майору Шатилову. Через несколько минут в темноте раздается голос Исяя: «Товарищи, вот пришел товарищ Шатилов». Мы очень обрадовались и были тронуты его вниманием. Надо сказать, что у него было заседание, и он урвал минутку, чтоб повидать нас. Он к нам относится исключительно хорошо и тепло. Несмотря на всю свою занятость, он урывает минуты, чтобы подбодрить нас, сказать несколько теплых слов. Мы все его очень любим и уважаем. Сказал, что сам сегодня проделал 400 км. Сделал несколько указаний куда, когда ехать, сказал, что машину закрепляет за нами, попрощался и уехал. Еще один факт, который может характеризовать человека. Наш шофер объявил, что завтра должен вставить зуб, т. Шатилов спросил, сколько это отнимет времени и т. д. Это удивительно, другому генералу совершенно наплевать на какого-то шофера и на его зуб, приказ и все. По-моему, это и есть забота о человеке — чуткость, отзывчивость.

Приехали домой в 12-м часу ночи, поделили продукты, разошлись по домам. Легли спать в 12 часов, а ночной воздух полон беспокойным шумом моторов, вспышками ракет и трассирующих пуль.

А. Бархударова

7 июля 1943 г.

День прошел без всяких происшествий. Слонялись из угла в угол, варили обеды на улице, ходили по очереди в ДК. Вечером смотрели кинокартину «Она защищает родину». Всю ночь летали самолеты, сбрасывались осветительные ракеты. Вот и все, что можно отметить.

В. Васильева

8 июля 1943 г.

Получили маршрут. Утром отправляемся в часть. Пришла машина, погрузились. Вдруг Исаия вызывают в ДКА. Возвращается, сообщает, что пришла телеграмма от Шатилова «Вернуться в Москву». Разгружаемся, обсуждаем причину. Сводка — на Белгородском направлении опять потеснили. Всю ночь гудели в воздухе самолеты и работал вдалеке фронт. Начались суровые, решающие бои. Фронт ожил, и его суровый голос слышен на многие километры. Далекий горизонт заволокло мутное дымное марево, марево войны. Люди, делающие победу, забыли об отдыхе, началась суровая, героическая работа солдат. Днем уезжаем на спектакль в части. Спектакль проходит с большим подъемом. Возвращаемся ночью под проливным дождем. Далеко, сквозь косые полосы дождя дрожит далекая завеса непрерывных разрывов. Из-за дождя было не слышно, кажется, что там за холмами раскинулся огромный город в зареве освещенных улиц через фронт. Прибыли, по слякоти добираемся до своих хатенок. Укладываемся. Всю ночь фронт живет и напоминает о себе далеким, непрерывным гулом.

А. Граве

9 июля 1943 г.

Утром снова едем в Глав. Сан. Управление играть концерт. Это в 18 км от ДКА.

В связи с начавшимися боями, обстановка резко изменилась. На дороге оживление. Навстречу нам несутся машины с войсками, едут в тыл санитарные машины. На дороге стоят машины с ранеными, причем шофер тоже весь перевязан, и машина покорежена. Тарахтят невдалеке танки, жужжат самолеты. Госпиталь (в недалеком прошлом терапевтическая

военная больница, сейчас сюда уже прибывают раненые) — расположен в очаровательной деревушке: огороды, фруктовые сады. Плетеные из прутьев домики, палатки среди зелени, в которых лежат больные. Внутри стоят кровати, на них белоснежное белье. Внимательные врачи, сестры, хороший уход. Если бы все полевые госпитали были такими! К сожалению, быстро меняющаяся военная обстановка мешает этому.

Коля Лебедев встретил здесь своего знакомого, раненного в ногу, который был очень взволнован этой встречей, хотя внешне старался это скрыть.

Концерт в уютном, чистеньком дворике. Принимают очень хорошо, после конца подполковник, лечащийся здесь, благодарит нас. Его слова звучат очень тепло, человечно.

Переодеваемся, сцену убирают. Приглашают обедать. После обеда, в ожидании машины, валяемся под яблонями. В 6 ч. приезжает Борис Меф. с пайком на дорогу. Благодарим гостеприимных хозяев, которые дают нам две машины до Мичуринска. Желаем скорого выздоровления лечащимся здесь и едем домой. На полях устанавливают орудия, роют траншеи. Еще одна линия обороны. Дома дележка продуктов, собрание и сон. Завтра в 6 часов утра назначен отъезд.

А. Данилович

10 июля 1943 г.

Выезжаем в Москву. Последняя ночь в нашей хатке, на Аринкином хуторе и на рассвете поднимаемся в путь. Ни минуты опоздания. Ровно в 6 часов мы уже трогаемся. Как на зло, сегодня дождь льет как из ведра. Сплошная пелена. Иногда, правда, бывают небольшие дождевые паузы, мы немножко обсыхаем, и снова льет. Едем без приключений. Дорога приличная и не очень трясет. Резко чувствуется отдаление от фронта. Сначала мимо нас сплошной лентой шли танки, военные машины, шла пехота, над нами стоял гул самолетов. Чем дальше, тем меньше и наконец стали

проезжать по совершенно пустынной степи. Часам к пяти въехали в Воронеж. Страшное впечатление. Город в развалинах, ни одного целого дома. Поражает контраст — широкие асфальтированные улицы, зелень, цветы и по обе стороны улиц руины. Кое-где попадаются люди, кое-где построены хатенки, или заплатаны, зачинены какие-то части развалин. Пущен трамвай. Бегают детвора, по асфальту мальчишки гоняют на роллерах. Приспосабливаются воронежцы на старом пепелище. Отъехав, в последний раз оглядываемся. Город весь расположен на горе. Развалины резко вырисовываются на вечернем небе. Трагический город. Следующий — Усмань, совсем другое впечатление. Уютный городок. Едем вдоль бульвара, видимо, по главной улице, никаких разрушений. Даже стекла в окнах целы. Он, счастливец, избежал страшной участи своего соседа. Линия фронта здесь не проходила. Хочется записать разговор на КПП. Красноармеец, проверяя наш документ, сказал: «Не задерживайте их (шоферу). Вези осторожно. Ведь это же культура едет...»

Вечером остановка в деревушке, заправка горючим, мы пользуясь остановкой наскоро закусьиваем (опять яблоки). В темноте, уже часов в 11, останавливаемся на ночлег в деревне. Кто в хатах, кто в сарае. Мы — Соня*, Алеша** и я — остаемся ночевать в машине. День кончен. Завтра в Мичуринск и дальше в Москву.

И. Дитрих

11 июля 1943 г.

Едем, второй день едем в Москву. Встаем необычно рано: половина четвертого уже народ собирается и к 4 часам утра все в машине, но... опять неполадки с шоферами, они завтракают и задерживают на полчаса отъезд.

* Верейкина С. В.

** Котрелёв А. Н.

Идет слух, что в Грязях большой базар. Уговариваем Исаю остановить там машины, но... неполадки с шоферами, те не остановили машины, и мы проехали Грязи без остановки. Едем час, другой, оказывается, не туда, дали крюка. Возвращаемся обратно, выбираемся на большак. Избердей — станция и базар. Остановка на час. Все устремляются полакомиться деревенской снедью, но, увы, базар бедный и надежды наши рушатся. Еще два часа езды, и мы в Мичуринске. Наш постоянный шеф — Владимир Андреевич Михайлов, пассажирский диспетчер, заботливо устраивает нам помещение для вещей, помещение для нас и теплушку до Москвы. Петя Сентюлёв «сказочно» освещает вагон, мы его также быстро обживаем, все ужинают и рано, после утомительной двухдневной поездки на машинах, укладываемся спать. Поезд должен увезти нас ночью в Москву.

Б. Королёв

12 июля 1943 г.

К сожалению, дорогой Борис Мефодьевич, на этот раз вы оказались не правы, не совсем правы, вы не угадали, ваши расчеты, ваши предположения на отъезд ночью потерпели фиаско. Поезд воронежский, как узнали мы утром, не выходил еще из Грязей, а к этому-то поезду и должны прицепить наш вагончик. Мы свободны до 12 часов дня! Ура! Невольный крик радости у некоторых артистов, а, может быть, у многих? Во всяком случае не у всех — это правда, могу побожиться. Итак, ура! На базар, на базар, на базар!!! Отступление в некотором роде для будущего бытописателя эпохи: молоко 20 р. за литр, яички 120 р. десяток, курица живая 260 р., катушка ниток 40–50 р., ножик перочинный — 100 рублей, пустая бутылка или стеклянная тара, как говорят на языке домашних хозяек — 20–30 р., пшеница 2200 р. за пуд (16 кг)... Это курсовой бюллетень, если так можно выразиться на 12 июля 1943 г. в городе Б. Козлове, ныне Мичуринске, родине, кстати сказать, наших следующих товарищей:

Р. Н. Оболенской, Н. Н. Бубнова, его супруги. К 12 часам жаркого дня наш вагон обогатился: живой курицей, двумя кроликами — это из живности и еще у кой кого из мелочи. Кто черной смородины в мешочке принес (с тарой плохо, приходится изобретать), кто меду, кто маслица. Но, конечно, до полной загрузки вагона (18 тонн) еще очень далеко! Мечтаем о целом быке, баране, свинье, на всех, разумеется. Но, увы, к сожалению, это только мечта. Но, поезд в 12 часов еще, оказывается, и не приходил в Грязи. Значит мы прицепимся к московскому или тбилисскому? Делать нечего — идем обедать в командирскую что ли, или, кажется, для проезжающих военных — столовую. После обеда предприимчивый товарищ Н., которому и принадлежит упомянутая выше курочка, привязав к ножке метра в два бантик, пустил курочку попасться по перрону... Эх, жаль, что без цыпляток! Кролики тоже животные, Юркус чуть загляделся, а он уж и удрал за ящики и чемоданы, под кровать и нары. Определили их в печку из «Нашего корреспондента». В три часа пришел-таки воронежский поезд. Покатавшись по путям ст. Мичуринск, прицепили нас к хвосту, и в половине пятого мы наконец отбыли. Поезд идет быстро, дождь, осаждая пыль, делает наше путешествие приятным и милым, ведь мы в Москву! После почти двухмесячной работы на фронте... Актеры мирно беседуют друг с другом о предстоящих встречах с родными, друзьями, вспоминают былые поездки, покинутые места, новых фронтовых друзей. И даже преферансисты гораздо реже спорят: и умереннее, и тише, не так азартно, — хочу я сказать, переживают промахи своих партнеров... Ряжск проехали в восемь, очевидно, завтра будем в Москве...

Постепенно затихла курочка, угомонились кролики в печке. Засыпают и актеры, и актрисы.

А. Котрелёв

13 июля 1943 г.

Поезд шел всю ночь без задержек, и в Москву мы приехали рано-рано утром. С первым поездом метро по домам.

Кончилась шестая поездка нашей группы. Ездили почти два месяца, но в летних условиях это совсем немного. Работали как будто неплохо. Лично мне жаль, что работа на этом фронте не продолжилась еще. Ну, начальству виднее.

Очевидно, в настоящий момент нас не могли бы использовать в полной мере, а потому Шатилов и прислал телеграмму об отправке в Москву.

Играли мы много, и как особенность этой поездки я бы отметил, что мы играли очень много спектаклей. Думаю, что нам принадлежит первенство показа на передовой спектакля в полном московском оформлении. Я говорю о «Добро пожаловать». Мне кажется, что учитывая насколько спектакль выигрывает при наличии оформления, следовало бы подумать о том, чтобы и «Свадебное путешествие» (которое, наверное, долго еще пойдет) как-то оформить. Опрятные кулисы и занавес — это уже большой шаг вперед по сравнению с тем, как мы играли год-полтора назад, когда весь спектакль шел без занавеса на фоне двух-трех плащ-палаток.

В случае, если потребуется, мы и опять сможем так играть, но опыт этой поездки показывает, что установка кулис и занавеса очень удобна, занимает немного времени и, безусловно, очень импонирует зрителям. Мне кажется, что легко можно сделать вместо наших сукон цветные занавески два комплекта — общежитие и комната профессора. Не говоря о том, что смена декораций поможет зрителям быстрее ориентироваться, спектакль в целом очень выигрывает, и у зрителей повысится ощущение театра, которое сейчас им дает один занавес.

ДНЕВНИК

Может быть, следует пойти еще дальше и ввести хотя бы небольшие детали оформления в концертные номера. Какую-то зимнюю деталь для «Шило в мешке», деталь избы в «Шел солдат», скажем, березка для музыкальной шутки и т. д.

Довольно много раз нам пришлось играть при электроосвещении, и тут наша аппаратура оказалась не на высоте. Прежде всего нужно учесть, что движки по большей части маломощны и в соответствии с этим брать лампы. Киловатные лампы совершенно не подходят. Нужны либо кинопроекторные, либо точечные пятисетки под нормальный патрон. Можно и простые лампы по 200–300 ватт. Необходимо иметь также комплект ламп для аккумуляторного источника. Наши фонари непригодны, они слишком громоздки с одной стороны, и их очень неудобно крепить на месте.

Как сложится наша дальнейшая работа, ясное дело, еще неизвестно. И вряд ли сегодня, что-либо выяснится. Мне кажется, что нам не следует задерживаться в Москве, дабы не упускать летнего сезона, а нужно как можно скорее ехать еще куда-нибудь. У нас ведь нет никакой пьесы для работы, поиски пьес всегда отнимают много времени. Хорошо бы через неделю уехать, а на репетиции новой пьесы (если такая будет) или какой-либо пьесы классической, приехать в сырой сезон, в конце сентября и на октябрь.

Н. Мозяйкин

Август – ноябрь 1943

1-й Украинский фронт

10 августа 1943 г.

Мною было предложено начать дневник кому-нибудь добровольно, но никого желающих не было и начинаю я сам.

С Павелецкого вокзала в 14 ч. 35 м. поездом, следующим на Елец, мы выехали в седьмую поездку на фронт.

Едем опять к старым знакомым. Уже третий раз к ним. В этой поездке двадцать четыре человека. Нет двух: Орочек — Анны Алексеевны и Жени и едет Ильич Ситнов.

Командировка выписана до 1 октября, но... если даст бог, мы к этому числу будем под каким-нибудь городом Н, то я думаю, Москва сможет и подождать.

Едем опять в теплушке, и через два-три часа путешествия все настолько вошло в дорожную колею, что как будто мы еще продолжаем свое прошлое путешествие.

Маленький междусобойчик по поводу распределения мест, и все занялись своими обыкновенными делами. Кто быстренько устроился спать, кто с места в карьер есть (эту группу возглавляет Дитрих). На станциях новый продукт — яблоки и следовательно, некоторый ажиотаж. Та же Дитрих (эфирное создание) на весь поезд «стонет» — «квашенка, квашенка». Вагон

нам попался необыкновенно трясучий, а может быть, еще и дорога поизби-лась, но трясет и подкидывает страшно.

В Москве за пять минут до отхода поезда не было еще В. Васильевой, но она приехала, и следовательно, никаких происшествий не было.

Н. Мозяйкин

11 августа 1943 г.

Утро. Елец. Веселое оживление по поводу яблок и помидор на базаре. Недлительное ожидание, и в 3 часа дня прицепляемся к поезду на ст. Оскол.

Едем, вспоминая зимнее возвращение в Москву под бомбежкой по этой же дороге.

И. Мочалов

12 августа 1943 г.

Прибыли в Старый Оскол — отцепили нашу теплушку, и началось томительное ожидание машин. Всякие предположения были по поводу того, что нас не встречают: и не дошла наша телеграмма, и далеко ушел штаб фронта, и трудно сейчас с машинами и т. д. Но от всех этих предположений не было легче. Ждали безнадежно долго. Часть ушла в город обедать. Часть маялась в жаре и мухах. К вечеру Борис Меф. и часть ушедших товарищей вернулись на машине, которая могла забрать с собой немного вещей и не занятых в концерте людей, чтоб везти их в Солнцево, путь, который нас устраивал, а остальным было предложено в Осколе играть концерт с тем, чтобы на утро их всех отправить туда же. Спешно стали готовиться к выступлению, проводив первую машину. Играли в школе. Было темно и душно, принимали хорошо, несмотря на то что было очень немного публики. На утро объезженных машин не было, часть, в который мы были, эвакуировалась — торопливо

и весьма неорганизованно, понятно, что им было не до нас, и мы с огромным количеством вещей остались без всяких перспектив и возможности уехать. *(Часть не эвакуировалась, а передвигалась вперед).*

Р. Оболенская

13 августа 1943 г.

Прошло очень немного времени и выход нашелся: был дан бензин, нашлись свободные (следовавшие по пути) 2 машины, и мы снова двигаемся вперед к месту назначения.

Наш путь продолжался только километров 80–100, и мы снова, разгрузив наши вещи, живописным лагерем, вызывая недоумение, массу любопытных догадок у проходивших по шоссе воинских частей, расположились прочно и думали надолго, т. к. ждем пока подберется, поехавшая вперед группа, которая осталась теперь сзади нас на 4 км, и главное, достать машины, а надежда получить проходящие машины, чтобы они были по пути, свободные, да не одну, а 2 — это очень сложно. И. И. Спектор предпринял вылазку на ближайший аэродром, прозондировал почву: — нельзя ли сыграть для них концерт, за то, чтобы они доставили нас, куда нам надо. Вернувшись, наш директор сказал, что на завтра есть надежда (сделав, конечно, выступление), что нас отвезут. Кроме того, случайная встреча и переговоры, для страховки, с генералом, принимавшим парад своей дивизии, окончательно нас окрылил, вдохнув в нас надежду на скорый отъезд.

Волнительное, глубокое и интересно впечатление произвел на нас проход нашей Красной Армии. Усталые, запыленные, нагруженные вооружением, части проходя мимо командования преобразались, лица делались бодрыми, шаг тверже, а командиры, т. е. офицеры, восхищали нас своим молодцеватым видом и церемониальным шагом. Наконец стемнело, все распределились кто где будет спать. Я и Саша Граве устроились

под открытым небом на соломе. Если не будет дождя, то проспим отлично. То и дело потемневшее небо прорезают длинные огненные струи трассирующих пуль и слышится рокотание зениток.

В. Покровский

14 августа 1943 г.

Все-таки Исаю удалось уговорить летчиков устроить товарообмен. Мы им — спектакль, а они нас довозят до штаба фронта. Сделка состоялась с большой выгодой для нас, да еще накормили обедом, да каким! После подготовки начался спектакль. Правда, зрителя было не очень много, но спектакль принимали очень хорошо. Во время спектакля над аэродромом появился самолет противника. Дежурные летчики быстро сели на самолеты и поднялись в воздух. Очевидно ожидали налета, но все обошлось благополучно. Погрузились на три машины и тронулись в путь. Наш путь лежал через Обоянь. В Обояни видели много пленных и группу немецких офицеров, шедших с одним работником НКВД и без всякой охраны и так беседовали, что можно подумать, что это старые друзья. При выезде из города всех поразила, во всяком случае, мужскую часть, девушка-регулировщик, необыкновенной красоты, это доставило много удовольствия и завязалась оживленная беседа по адресу красавицы.

Приезжаем в селение, где должен быть штаб фронта, но увы, его уже нет, ушел вперед, но судьба нам улыбнулась, и мы нашли старых друзей в лице генерала медицинской службы т. Семека, он нас приютил в двух больших палатках, где мы и разместились. Я очень плохо себя чувствовал и поставил градусник, но когда стали проверять, то оказалось, что градусник показывает 42,5... Полный градусник, но второй показал уже 38. Вот на этом и закончился наш удачный день, завтра едем на машинах Сануправления фронта до места, километров 8.

П. Сентюлёв

16 августа 1943 г.

Раннее солнышко долго не могло пробудиться «измученных» актеров. Отдохнули прелестно. Я лично спала на перине в чистой комнате без блох и мух. Скромненько поужинав в столовой ДК (каша с маслом «инкогнито»), начали репетировать новые номера концерта. Площадка весьма неудобная. Репетировали в 2 приема, днем и вечером. После ужина решили поехать на концерт бригады т-ра Станиславского, но не оказалось транспорта, и выезд в «свет» офицерского собрания был отменен. Лунная тихая ночь не давала долго уснуть. Разговаривали, гуляли, обсуждали до утра.

В. Васильева

17 августа 1943 г.

После утреннего завтрака собираемся в просторном дворе одного из домов для прогона новых номеров концерта. Работаем до обеда. Потом короткий отдых, и машина везет нас на спектакль в Офицерское собрание. В нашем доме с утра радость, волнение, заехал на день хозяин, которого не видели более полугода, все время последней оккупации этого селения немцами. Его часть стоит рядом, и он пришел навестить семью.

Вечером спектакль проходит с большим подъемом, после спектакля много наших старых знакомых заходит за кулисы. Радостные, сердечные встречи.

Опять на машины и домой. За время нашего отсутствия ребяташки за домом в подсолнухах поймали немца. Это один из многих представителей разбежавшихся в этом районе двух немецких дивизий. Ежедневно их вылавливают целыми группами.

А. Граве

18 августа 1943 г.

Встав рано утром, в 5 часов, приготовились и стали ждать машины. В 5 ч. 30 м. прибыли машины. Погрузились и поехали к месту назначения. До 11 часов утра было очень приятно ехать — прохладно, чистый воздух, нет пыли. Приехав во вновь освобожденный населенный пункт «Б», сделали остановку у базаров (не ели ничего с утра). На базарной площади три подбитых «тигра», стоит часовой. Это громадные неуклюжие танки. Представляю, какой поднимают шум. Опять видели пленных арийцев. Солнце стало сильно припекать. После получасовой остановки двинулись дальше. Чувствуется юг, душно, пыльно. Встречные машины и обгоняющие поднимали такую пыль, что не видно дороги. Дорога очень живописная, масса зелени. По дороге кое-где видели неубранных убитых фрицев и лошадей, от них исходил отвратительный запах. Этот запах меня преследовал весь день. Приехали наконец в деревню (освобожденную 7 дней назад), где нашли своих, т. е. ДК и начальство. Нас очень хорошо встретили декавские работники, которые приехали в этот же день. Мы всегда чувствуем себя как дома на этом фронте. Разместились. Кто пошел на речку мыться, а кто устроил баню у себя на квартире. Здесь очень красиво, много зелени, цветов. Отдохнув, вечером пошли смотреть картину «В старом Чикаго». Народу много, преимущественно актеры (ансамбль, бригада и т. д.).

А. Бархударова

20 августа 1943 г.

После тревожной и почти бессонной ночи все встали поздно. Прошел слух, что из армии вчера за нами пришли машины, но потом оказалось, что это приезжали машины за нами на спектакль для пограничников. Этот спектакль перешел на сегодня. В час дня приехали машины ДКА за оформлением

и постановочной частью. Они отправились готовить спектакль. За актерами машину обещали прислать не позднее трех, но прислали в пятом часу, во второй половине. Погрузились, едем. Вместо сказанных 8–9 километров, оказывается 20 километров, приезжаем. Играть будем в помещении конюшни колхозной, которую пограничники прибрали и приспособили для клуба. Загримировались и долго ждали приезда генерала. Потом начали, т. к. выяснилось, что генерал не приедет. Публика сначала шумела и плохо слушала, но потом заинтересовались и хорошо слушали спектакль. Во второй картине, во время ужина у профессора, у стола собралось столько мух, что актеры даже серьез потеряли. А в общем, спектакль прошел хорошо. После спектакля нам зачитали и передали благодарность от командования и, после ужина, в темноте две машины потихоньку отправились в обратный путь. В половине первого добрались домой и улеглись спать. Машин из армии все еще нет!

Б. Королёв

21 августа 1943 г.

Наше пребывание в этой милой, почти украинской деревне более напоминает санаторий для тяжелых форм туберкулеза, третьей, что ли там стадии, или даже больше. Сами посудите: прогулки в лес запрещены или не рекомендуются ввиду того, что можно повстречаться с разбежавшимися фрицами, причем пища строго в определенное время — в 10 завтрак, в три обед, в 20.00 — ужин. Прогулки к реке, на огород, на опушку леса — безусловно, рекомендуются: меньше надоедим друг другу и хозяевам. О фронте не напоминает ничто. С утра пасмурно, потом ветрено, к вечеру жарко и пыльно. Лето идет к концу. В двадцать третий раз сыграли вечером в Офицерском клубе «Нашего корреспондента». Но первый раз начался спектакль звонким ударом помощника режиссера в гонг. Конец же первой картины настанет немного раньше, чем ему следовало бы было быть: помреж ударил в гонг

раньше на несколько реплик и занавес закрылся (наконец-то у нас занавес закрывается как в театре! Один человек стоит сбоку и тянет веревку). Конец спектакля гонгом не обозначился. Спектакль, несмотря на плохие шумы, прошел неплохо. Ужинаем поздно — в одиннадцать (распорядок санатория немного нарушился), ну да, ничего, завтра отдохнем!!!

А. Котрелёв

22 августа 1943 г.

Санаторная, как пишет Котрелёв, обстановка действительно существует, но она охватывает не всех. Постановочная часть и состав «Свадебного», будучи заняты и в других программах, имеют этого санатория в гораздо меньших дозах, особенно постановочная часть.

До сих пор живем в ДК. Собирались ехать в танковое хозяйство к Стороженко, но получили сообщение, что они в бою, и эту поездку пришлось временно отставить.

Поездка в Н-скую армию пока тоже состояться не может. Площадка в некоем городе икс обещанная нам Сергеем Савельевичем*, еще не очищена от всякой нечисти, и мы занимаемся тем, что обслуживаем разные штабы и управления, расположенные вокруг нашего жилья в радиусе до 30 км.

Сегодня по случаю воскресенья состоялся массовый поход на базар в Грайворон за 7 км. Отправились в путь в пять утра, т. к. были отпущены только до часа дня. На мой взгляд, базар был неинтересный. «Заведывали» братья Лебедевы и прогулялись либо просто за так, либо с небольшим интересом. По возвращении с базара часть участвовавших в походе завалилась спать, а часть пошла освежиться на речку Вороклу.

Во второй половине дня километров за пять в одном из Управлений спектакль «Свадебное». Играем в саду. Спектакль идет неплохо, но, к сожалению,

* Шатилов С. С.

сравнительно мало зрителей. После спектакля совершенно неожиданно получаем приглашение откусать «чем бог послал». Старик в данном случае послал очень неплохо. Наши хозяева два дня назад участвовали в заятии гор. Лебедадь и это отозвалось на меню, главным образом на карте вин и на десерте. Главный хозяин, генерал-лейтенант Андрей Дмитриевич на редкость хлебосольный, радушный и общительный человек. Провели время непринужденно и весело, это свидетельствую я — не ахти какой любитель всяких таких банкетуль.

Самое главное на таких ужинах не меню и возлияние, а радушие и такт хозяев, а в данном случае все эти составные элементы были на редкость на высоком уровне, потому, мне кажется, мы надолго запоем этот вечер и симпатичных хозяев. Андрей Дмитриевич много и интересно рассказывал разных разностей и из военной жизни, и вспоминая старую мирную жизнь.

Игорь Липский получил из Москвы письмо с сообщением о том, что 15-го числа уже приехала из Омска техническая часть, а 5 сентября выедет последняя группа. Наконец-то.

Н. Мозяйкин

23 августа 1943 г.

После завтрака в 11 ч. весь коллектив собрался на просторном дворе, где квартирует постановочная часть. Несколько необычное «собрание» вел не Спектор, как обычно, а В. И. Данчева, объявив себя членом месткома театра, сообщила, что нам, фронтовой группе, нужно выбрать цехком из 3 человек. Сообщив несколько слов о задачах цехкома — борьба с дирекцией и разбор кинофильмов — приступила к списку кандидатов. После всех полагающихся процедур тайного голосования выбраны: Граве, Покровский и Лебедев Н. Острили долго и много. Веселились, словно на празднике. Все это было заснято Н. Н. Мозяйкиным. Многие жалели, что не было кинооператора (хотя бы Кауфмана).

Спектакля не было. Солнечный, теплый день провели в отдыхе на «Горке» и у речки. К вечеру поползли настойчивые слухи «Харьков взят».

И. Мочалов

24 августа 1943 г.

День начался, как обычно и, казалось, не предвещал ничего нового и интересного. После утреннего завтрака собрались кто куда, одни хотели идти купаться, а другие смотреть (кинопередвижку) кинофильм «Таинственный остров», как вдруг пришедший И. И. Спектор сообщил потрясающую новость: «Мы сегодня едем в Харьков!!!» Нет слов описать радостное волнение, которое охватило нас после этого известия. Мы надеялись попасть туда, но когда — этого никто не мог сказать, и вдруг... едем! Тысячи воспоминаний возникли у всех о нашем последнем пребывании там в марте месяце. Остались ли в живых и живут ли в городе наши знакомые? Что стало с городом!? и т. д. и т. д. Пишу эти строчки находясь еще в ДКА, мы еще не выехали, т. к. меняют у машины баллоны. Ехать придется в трудных условиях, 2 машины, одна из них 3-х тон. «Зис» и другая полуторка, а поедет человек 30, да масса вещей (театральное имущество и личные вещи), но трудность, конечно, никого не смущает, к ней привыкли, да и радость побывать в Харькове (одному из первых театральных коллективов — Украинский ансамбль, да мы) стирает на нет все лишнее. Машины задержали нас довольно долго и только в 7 часов вечера тронулись в путь. Мне хочется отметить, что в феврале месяце на мою долю выпал день записи в дневнике приезд в Харьков — это было 20 февраля и теперь пишу опять же я, но... моя запись оканчивается, не доезжая 50 км до города, потому что очень стемнело, и мы разместившись по избушкам, и распределив дежурства по охране машин на ночь, улеглись спать. Ночь тихая, звездная, выстрелов не слышно, но на ночном горизонте

непрерывно вспыхивают отсветы — то ли это зенитки и авиабомбы, то ли артиллерия долбит и гонит немцев дальше от Харькова.

В. Покровский

25 августа 1943 г.

Приехали в Харьков. Играли «Свадебное путешествие» на огневых позициях артиллеристов западнее города.

<Без подписи>

26 августа 1943 г.

Наш трудовой день в Харькове начался с обзора города, сопоставляли зимний город с летним, есть новые разрушения, но не очень. Побывали на рынках, ничего интересного нет.

Постановочная часть с А. И. Ремизовой подбирала монтировку в театре им. Шевченко для спектакля «Наш корреспондент», подбор получился удачный. Спектакль играли для населения. Театр не вместил и половины желающих, огромная толпа, так и разошлись.

Спектакль начали приветствием от имени работников искусств столицы. Выступал Граве. Зрители устроили бурную овацию с криками «ура». После приветствия Граве прочитал стихотворение Безымянского «Харьков взят», частые овации прерывали чтеца. Спектакль прошел с большим подъемом. Зритель щедро награждал актеров аплодисментами. У нас сложилось такое впечатление, что жителям Харькова при немцах не приходилось смеяться. Бросается в глаза ревность местной администрации по отношению к нам. Мы горды, что на третий день после освобождения Харькова, мы уже играли в театре им. Шевченко.

П. Сентюлёв

27 августа 1943 г.

Играли «Свадебное» для штаба и разных управлений Степного фронта, под городом.

<Без подписи>

28 августа 1943 г.

В 9 ч. утра поехали в одну из частей, которую мы в эти дни обслуживали. Тропическая жара, пылица. Едем около часу, приезжаем на место. Сегодня концерт, но необычный, а со всеми новыми номерами. Все ужасно волнуются. До начала еще много времени. Наскоро вытаскиваются из футляров баян и аккордеон. Наши «Курские соловьи» приступают к делу. Играем в помещении, это хорошо, особенно для танцующих. Народу собралось много, в помещении очень душно. Концерт прошел хорошо для зрителя, для нас же, я считаю, средне, это вполне естественно. В 3 ч. 30 м. возвращаемся в город Харьков, а в 5 часов — «Свадебное путешествие» в театре им. Шевченко. В театре аншлаг. Спектакль идет очень хорошо, публика принимает отлично, реагирует на каждую реплику весьма бурно. В зале такой хохот, что актерам трудно играть. В 6 ч. 30 м. минут начинается обстрел города снарядами. Снаряды разрываются в 100 метрах от театра. Очень неприятное ощущение, но зрительный зал увлечен, ничего не слышит. В 7 часов все прекращается и через минут 15–20 вдруг гаснет свет, а впереди еще 3 картины. Приходит директор театра и совершенно спокойно объявляет, что кончился бензин и кинотеатр выключил свет (театр им. Шевченко получает ток от кинотеатра). Наши все ужасно заволновались, стали доказывать директору, что это возмутительно и т. д., но никакие угрозы, просьбы не привели ни к чему и только после того, как им дали десять литров бензина из нашей машины, все

пришло в норму. Через 40 минут дали свет. Стали гнать последние картины галопом и благополучно кончили ровно в 8 часов вечера. Вернулись домой, поужинали, легли спать в 11 час.

<Без подписи>

29 августа 1943 г.

С утра, как всегда, отправились на обычную прогулку. Вечером играли «Наш корреспондент». Спектакль прошел очень хорошо. Зал встретил финальную речь Тимохина овациями. После спектакля разошлись по домам.

<Без подписи>

31 августа 1943 г.

Утром ждали распоряжений, отсиживаясь на квартирах. Возможен концерт в частях. В 10 репертуар выясняется: свободны до вечернего спектакля. Занимаемся закупкой зелени на обед, чтением, ничегонеделанием. Вечерний спектакль проходит без особых происшествий с хорошим, дружным приемом зала. Кончаем спектакль, прощаемся с актерами-шевченковцами, и — на машины. Завтра утром уезжаем в ДКА.

Во время спектакля за кулисы заходит один из старейших актеров Театра русской драмы. Он прожил в Харькове всю оккупацию. Потерял жену, которая умерла от голода, и сам еле жив. Мы, по мере сил, помогли ему деньгами и продуктами.

А. Граве

1 сентября 1943 г.

Отъезд назначен был в половине 11-го, но уже скоро 12, а мы еще все в ожидании.

Этот раз покидаем этот многострадальный город при других условиях. Нормально. Без чувства горечи, без досады. За 7 дней пребывания в нем мы дали 7 выступлений, обслужили население и части РККА. Наши войска продвигаются вперед и вперед. Сердце переполняется счастьем и гордостью, каждый день сводка приносит радостные вести. Вперед, вперед! А мы пока поедем немножко назад, в ДКА, но там нас ждут письма, известия от наших близких и новое назначение. Впереди еще много работы. В первом часу тронулись в путь, провожаемые нашими хозяйками, которые были весьма гостеприимны. Уже очень жарко, печет солнце по-летнему. Проехали вокзал (разрушен окончательно), и машины наши стали выявлять свои дурные характеры. Несколько минут чинимся. Тронулись дальше. Отъехали километров 18, и у передней машины лопнула камера. Деревушка, в которой остановились, совершенно разрушена, немцев выгнали отсюда дня 3 назад. Населения осталась горсточка, около месяца они жили в подвалах.

Простояв более часа, двинулись. Уже 4-й час. Еще немного проехали, опять та же история. Еще одна камера приказала долго жить. Добрались до ближайшего населенного пункта, въехали в сад. 5 час. дня, 6 час., 7 час. Починка продолжается, добыли клею, — чинят, продувают баллоны. Уже совсем стемнело. Лучше бы переночевать здесь, а с рассветом двинуться в путь. Я не охотница ездить в темноте без света. Но приказ есть приказ, и мы трогаемся дальше. Невдалеке передовая, там шла бомбежка. Мальчик — местный житель, говорит, что это наши самолеты, он определил по темному дымку от разрывов зениток. Только стали выезжать на шоссе, на дорогу — вдруг треск, нашу машину качнуло, оказывается налетели на встречную, которая неслась как угорелая. Ту машину страшно отдернуло в бок, чуть не перевернуло, и, конечно, сильно расшибло. Пострадавших нет. Начался дикий ор,

ругань. Рядом КПП (контрольно-пропускной пункт), принеслись регулировщики, начался спор — кто виноват. Пришлось повернуть опять в этот же сад, мы устроились в огромной комнате на ночлег, а Исай с шофером ушли к дорожному коменданту. До полночи выяснялись обстоятельства, нашего шофера хотели арестовать, и Исаю стоило больших трудностей вызволить его.

Оказывается, мы едем вперед, а не назад, как я думала, ДКА уже перевели на новое место. Спать было душно, жарко, беспокойно. До рассвета тронемся дальше.

А. Данилович

2 сентября 1943 г.

Чуть рассветало, когда мы двинулись в путь. Ехали на этот раз без аварий. Первым населенным пунктом был город Богодухов. Сильно разрушенный немецкими бомбежками, он был, по-видимому, приметным городком. Весь в зелени, на холмах. Есть очень хорошие дома, большая трехэтажная школа, театр. Населения почти не видно, но базар существует. Останавливаемся на базаре позавтракать. Тем временем Исай выясняет, где находится цель нашего путешествия — переехавший на новое место ДК. Едем дальше в Ахтырку, только что освобожденную. В Ахтырке сюрприз. Встречаем знакомых: поэта Безыменского и полковника Плотникова, у которого мы были в предыдущую поездку. Приглашает нас опять к себе и рассказывает последние военные новости. Радуемся новым большим победам, читаем фронтовую газету и двигаемся дальше. Наконец к вечеру добираемся до ДК. Начинается обычный процесс расселения, дележка продуктов, полученных в продпункте в Ахтырке, и отдых. День кончается — спать.

И. Дитрих

3 сентября 1943 г.

Весь день прошел незаметно, серо, только хорошая сводка Информбюро (взяты Сумы) взволновала коллектив. Но в Сумы мы не едем — едет ансамбль и бригада уральцев. Мы же завтра утром уезжаем обслуживать летчиков. Вечером был просмотр новой программы фронтового ансамбля. Некоторые наши артисты были на просмотре и отзываются о нем очень хорошо. Хорошие голоса, есть хорошие танцоры, хорошо ансамбль работает.

В заключение несколько слов о порядке ведения дневника. Вот уже второй раз я получил дневник и предложение сделать запись на следующий день. Это только надо накануне предупреждать товарищей, что завтра его очередь писать дневник, и дневник передавать не позднее вечера того же дня, а не на следующий день.

Б. Королёв

4 сентября 1943 г.

Встали в семь, в восемь, как вчера было приказано, собрались в столовой ДКА, чтобы в девять выехать к летчикам. Но завтрак для нас не приготовили, сидели и ждали до 9, до 9 ч. 30 м. и обсуждали хорошие вести из-за границы (высадка союзников в южной Италии) и сводка Совинформбюро (освобождение Донбасса и Брянской области). Затем получали сухой паек на 2 дня и... в двенадцать часов выехали. Машины, наши старые друзья (мы на этих машинах ездили в Харьков) бежали бойко, но тридцатикилометровый путь, как нам сказали в ДКА, что-то растянулся. Много мы проехали деревень, лесхозов и балочек, и в три часа остановились, но оказалось, что это штаб, а нам еще восемь км. Спектор ушел составлять план, мы остались в машинах. Два часа прошли не очень быстро, и мы едем наши восемь

километров... Но, конечно, и эти восемь фронтовых километров растянулись до 25, и в семь вечера мы приехали... Деревенька небольшая, но чистенькая и хорошо расположенная. Здесь мы должны жить 4 дня.

В девять приступили к работе: «Свадебное путешествие». В 11 вечера собрались на ужин. Завтра предполагаются два спектакля.

А. Котрелёв

5 сентября 1943 г.

Вчера легли во втором часу, а сегодня в 8 часов 30 минут уже пришла машина, так что народ не выспался. Сначала едем на завтрак. Затем едем за 20 км в одну из частей, где предстоит играть «Корреспондента» и «Свадебное». Играли на огороде, оба спектакля на одном месте. После многочисленных зрительных зал в пехотных частях, у летчиков нам кажется малоллюдно.

После первого спектакля происходит церемония вручения ордена. Почти все наши идут смотреть, как это происходит. Это тут же рядом, на лужайке.

Затем обед (сверхдовоенного качества) и через полчаса <...> (*Неразборчиво*) «Свадебного».

Домой возвращаемся уже затемно и спать, спать, спать. Денек у нас получился очень уплотненный.

Н. Мозяйкин

6 сентября 1943 г.

Ясное солнечное утро «бабьего» лета. В 8 ч. 30 м. хороший завтрак летного состава и едем в часть играть «Добро пожаловать» на чудесной итальянской автомашине «Дизель Ом», которая несмотря шеститонную грузоподъемность, едет, как легковая, и все мы с завистью думаем, как бы ее заполучить совсем.

Спектакль играли на воздухе в яблочном саду. После обильного и вкусного обеда, даже с водкой, неожиданно состоялся футбольный матч между «вахтанговцами» и летчиками.

Играли с нашей стороны почти все мужчины, и под руководством довольно-таки сильного игрока в прошлом Соловьёва И. А. матч прошел очень напряженно и волнительно.

Во всяком случае веселья и удовольствия было много и для игроков, и для зрителей. А. Н. Котрелёв просил меня отметить его в дневнике как участника матча, что я и делаю.

Вечером состоялся второй спектакль «Свадебное» и только поздней ночью усталые вернулись «на квартиры».

И. Мочалов

7 сентября 1943 г.

Последний день в летной части, где мы хорошо поработали и, где нас замечательно приняли и у всех осталось в памяти много хороших воспоминаний. Утром играли спектакль «Наш корреспондент» и сейчас же после спектакля состоялся второй футбольный матч с летчиками. «Болельщики», в том числе и я, бурно переживали, следя за ходом матча, а игроки, войдя в азарт, не хотели остановить игру (а надо ехать обедать и на вечерний заключительный концерт), так что пришлось на пятитонке въезжать на футбольное поле. Во время соревнования происходили полеты на У-2, в которых приняли участие 4 женщины, а именно: Данчева, Васильева (первый в жизни полет), Бархударова и Данилович. Вечером был концерт, а утром поехали в ДКА, на фронт.

В. Покровский

8 сентября 1943 г.

День переезда, с утра прекрасная погода. Прощались с летчиками. Прощание было таким же приятным, как и пребывание у них. Едем в ДКА, по приезде туда узнаем, что было распоряжение об нашей отправке в Сумы. Не разгружаясь, немного отдохнув, отправляемся в Сумы. Дорога хорошая, едем очень быстро. Только конец дороги был слегка омрачен мостом над оврагом, около которого мы стояли в раздумье — выдержит ли нас мост, жители, собравшись около нас считали, что выдержит, но не наверное. Шофер нам попался очень осторожный, даже лазил проверять стропила, и наконец мы решились пронестись, как видно из дальнейшей нашей жизни — благополучно. Когда мы уже проехали, шофер нам сказал, что, строго говоря, это было не страшно, т.к. мосты рушатся после проезда машины, если уж такая их судьба — рухнуть.

Сумы очень красивый город, даже ночью видим, какие хорошие дома, улицы, много зелени. Он мало пострадал, пожалуй, меньше всех городов, которые мы за это время видели. Разместились все на одной улице. Вот как будто и все, что было 8 сентября 1943 г.

А. Ремизова

<Большой пропуск в записях>

16 сентября 1943 г.

Выехали в Дом Кр. Армии за новым назначением. Шел дождь, машины были плохие, шофер тоже какой-то странноватый... И сели. Первая машина ушла, а вторая застряла напрочь. Как ни бились мужчины, как ни тащили ее из ужасающей грязи — ничего не вышло. Ночь, которая здесь осенью

наступает мгновенно, застала нас на дороге, где далеко не было никакого селения. Идти нельзя было, вылезая из машины мы падали или погружались по щиколотку в жидкую грязь. Стали почему-то поперек дороги, рискуя в темноте быть сбитыми проходящими машинами. Дождь шел, ветер был сильный, мы мокрые, холодные, беспомощно сидели дожидаясь утра и выхода. Часть ушла спать в сено — но они не спаслись — сено было мокрое до земли, и они бедняги так же мучились, как и те, которые остались сидеть в мокрой машине. — Ох, холодно было и противно — а главное, ночь наша длилась с 8 ч. вечера и до 7 — когда мы и двинули дальше. Утро тоже было дождливое и серое, а впереди такая же плохая размытая дорога, и та же машина, и тот же шофер.

Р. Оболенская

17 сентября 1943 г.

Просыпаюсь после беспокойной ночи и не могу понять, почему так темно, такое ощущение, как будто нахожусь в сырой могиле. Соображаю, оказывается, Королёв, чтоб я не простудилась, навалил на меня столько снопов, что я не могу ни встать, ни пошевелить головой или рукой. Кричу чтобы меня выкопали. Вылезаю из своей конуры, вижу стоит Данилович рядом в копнах и делает нечто вроде гимнастики, сильно напоминая своим видом сумасшедшую. Кругом серо, грязно, моросит дождь. Стали заводить машину. Опять Данилович проявила себя странно, у самой машины поскользнувшись шлепнулась в грязь измазавшись окончательно. Выпихнули на дорогу машину, влезли в нее и поехали. Слава Аллаху! Добрались до Ахтырки. Подъехали к питат. пункту — рано, не кормят, и нет нашей второй машины, которая пришла вчера. Едем на базар. Шофер нас покидает. А дождь все льет и льет. Товарищи возвращаются с базара, закусьваем, ждем шофера. Встретили наших товарищей, приехавших вчера — связь налажена. Лопнуло терпение. Идем греться в дом Лесничества. Мочалов заводит машину

и пригоняет во двор. Весело трещат дрова в печке. Отдохнув и обсушившись (наконец появился шофер), едем обедать. После обеда размещаемся по квартирам на той же улице, где остальные.

Вечером приходит наш хозяин, ветеринарный врач, симпатичный старик. Он нам рассказывает как было тяжело при немцах, особенно интеллигенции, как они голодали, как ему приходилось «стрелять» продукты. Например, он где-нибудь находил корову, отобранную немцами, и сам ее доил и приносил несколько литров молока, немцы его иначе не звали как свистом, имени отчества не существовало. Дочерей своих прятал на чердаке и т. д.

Проболтав до 9 ч. вечера, легли спать.

А. Бархударова

18 сентября 1943 г.

Погода начинает улучшаться, есть надежда уехать. Машины разобраны по винтику, по кирпичику. Лично я провожу время, лежа в постели, т. к. нахожусь в больном состоянии, но и небольшие так же проводят свое время, которое без работы тянется безумно долго и нудно. Надежды на отъезд рухнули. Перенесено на завтра. Погода окончательно улучшилась.

В. Васильева

19 сентября 1943 г.

Утром одна из машин готова и прибывает из техпомощи домой. Шофер второй машины является с опозданием и в довольно нетрезвом виде. Заявляет, что ехать не хочет. Отправляем первую машину в ДКА. К середине дня вторая машина готова. Шофер протрезвился, и мы трогаемся. С различными перипетиями добираемся до Лебедина. Город весь утопает

в зелени, чудесные чистые домики. Расселяемся, ужинаем и ложимся спать. Из писем узнаем о торжественном возвращении нашего театра из Омска в Москву.

А. Граве

20 сентября 1943 г.

Что писать, когда нечего писать?

День очаровательный, городок тоже. Хозяйка наша тоже. После завтрака идем в город, но он так невелик, что прогулка скоро кончается. Вечером предполагается спектакль. Лежим, читаем, обедаем. Опять лежим, опять читаем. Все бы хорошо, если бы у меня не болело и не дергало в ухе (нарыв — следствие ночевки в сырых снопах). Вероника тоже больна (желудочное заболевание). О Мозяе известно, что он лежит в штабном госпитале, км. за 20–30 отсюда. Больше ничего.

Выступлений сегодня нет.

А. Данилович

21 сентября 1943 г.

Солнышко светит. Тепло. Еще держится «бабье лето». Сегодня один из таких дней, о которых трудно писать. Ничего не свершилось мало-мальски интересного. Зато стоит упомянуть вечер. У нас вечером спектакль в городском театре «Свадебное путешествие» для высшего командного состава. Спектакль прошел с большим успехом, в зале стоял нескончаемый смех, каждая картина кончалась под аплодисменты. После спектакля зрителями были мы сами. Ансамбль Воронежского фронта давал концерт. Очень хороший, серьезный, хорошего вкуса коллектив. Хоровая танцевальная и оркестровая группа с солистами. Особенно хорош бас, некто Статнин. У него

совершенно необыкновенный бархатный, глубокий голос и большая музыкальность, тонкость фразировки. Нас он просто привел в восторг. Особенно своим исполнением «Мишки одессита». Вообще от концерта осталось у всех очень хорошее впечатление. Сегодняшний однообразный день закончился неожиданно очень интересно.

И. Дитрих

22 сентября 1943 г.

Встали и позавтракали рано: в десять часов утра концерт в театре для гвардейского подразделения. Перевезли оформление, пришли актеры, начали репетировать музыкальные номера, и вдруг явился подполковник и сообщил, что наши зрители уже уехали в другое место, и концерт отменяется. Сергей Савельевич обещал сегодня встретиться с нами, а с другой стороны ДКА, и мы вместе с ними должны переехать дальше на запад. Ждем и того, и другого. После обеда приехал Сергей Савельевич. Беседа началась с его информации о положении на фронтах. Во время его беседы о партизанах, неожиданно возникла мысль о переброске нашего театра в тыл врага для обслуживания партизан. Среди шуток и смеха мысль эта росла, укреплялась, все почти единодушно выразили желание быть «переброшенными» к партизанам. К концу беседы условились, что в девять часов вечера встретимся опять у Сергея Савельевича и там подтвердим наше желание. Обсуждаем просмотр двух-трех фильмов. Половина восьмого, собираемся, и Исай предлагает всем оформить свое желание работать у партизан подпиской. Очередь у столика. Один за другим подписываются наши фронтовики. После некоторых колебаний подписываются А. М. Голубев и И. А. Соловьёв. В восемь часов идем к Сергею Савельевичу смотреть фильм. Сначала смотрим пустенькую, пошленькую немецкую комедию, а затем наш фильм «Бравый солдат Швейк». Оба фильма не понравились. Швейк — Канцель играет плохо, получается

пошлый образ, неубедительный, ходульный. В одиннадцать часов расходимся спать. Завтра утром переезжаем.

Б. Королёв

23 сентября 1943 г.

21 сентября утром я воссоединился со своей группой после девятидневной разлуки — лежания в госпитале по случаю ангины. И как же вовремя. Тут назревают такие важные события, и было бы так досадно остаться за бортом. Сегодня Сергей Савельевич должен был согласовать этот вопрос с Никитой Сергеевичем. Что-то будет решено.

Мы, наверное, узнаем результат, приехав на новые квартиры ДКА. С переездом не все благополучно — отъезд, как полагается, задержался против назначенного часа на три, вот дождь, и сравнительно небольшой, задержал нас километров за 35 до места назначения. На нашу беду у одной из машин так стал стучать мотор, что она просто вышла из строя. Исправная, часов в 17 пошла дальше, а десять человек остались здесь ждать присылки другой машины. Село Петровки, зажиточное, с хорошими хатами, и мы неплохо здесь расположились, но когда мы отсюда выберемся, бог весть. Ушедшая машина тоже вряд ли доберется сегодня, значит — завтра, да пока организуют посылку машины за нами — долга песня — может быть, послезавтра.

Н. Мозяйкин

24 сентября 1943 г.

После вчерашнего дождя и холодного ветра сегодняшняя погода прекрасная. Показалось солнце, дорога просохла и застревавшие вчера машины — сегодня идут полным ходом на запад. Тяжелые «Т-34» обгоняют все

машины и исчезают впереди, оставляя за собой сизый дымок и пыль. В 2 ч. дня пришла машина из ДКА. Перегружаемся и едем вместе с колоннами машин и повозок,двигающихся на запад.

Вечером около Песков!

Взята Полтава. Форсирован Днепр. Значит — в Киев!

И. Мочалов

25 сентября 1943 г.

После длинного пути, дрожания в мокрой одежде под пронизывающим холодным ветром, неудобной ночевки, плюс ночного дежурства у нашей загруженной машины, приятно отдохнуть и удобно расположиться в чистой избе, где мы провели сегодняшней день, а вечером поехали зарабатывать себе транспорт для переезда на другое место, т. к. ДКА имеет очень небольшой парк автомашин, едва-едва уместились сами, а у нас осталась надежда получить машину из санбата, куда мы поехали — это примерно километров за 30, — где дали спектакль «Наш корреспондент». В полной темноте ехали обратно. Но дорога была очень хорошая, так что без всяких приключений благополучно добрались до дому. Когда ехали на спектакль по шоссе, бросалось в глаза громадное движение встречных машин на запад, груженых самыми разными боеприпасами, и наши сердца радовались, глядя на этот поток, который давал нам некоторое представление о масштабах грандиозности наступления на врага.

Засыпая, задавали себе вопрос, что придут ли? А вовремя ли пошлет за нами машину санбат?

В. Покровский

26 сентября 1943 г.

Сегодня должны были уехать на машинах Сануправления, ДКА все уехало, правда, довольно странно — не сообщив нам об этом. Очевидно, они считали, что машины за нами придут обязательно. И так, остались в глубоко, теперь, тыловой деревне (только две недели назад освобожденной) тихой и спокойной. По ней даже машины не ходят — она в стороне от тракта. Были мы абсолютно спокойны до середины дня, но постепенно стало закрадываться в сердце беспокойство: не случилось ли чего с машинами. К вечеру стало ясно, что остаемся ночевать. Настроение пока хорошее, только одна неприятность, а вдруг Киев уже взяли, а мы тут застрянем на несколько дней. Здесь никаких сводок, никаких газет. Что-то даст нам завтра?

А. Ремизова

27 сентября 1943 г.

Обещанных машин все нет, но коллектив не унывает, надеется на быстрое прибытие в ДКА, а там, может быть, и Киев. Часть коллектива занялась общественно-полезным трудом: рыли картофель, молотили коноплю и просо и, кстати, заваливали воронки от бомб в огородах. Вот так весь день и прошел. Спать легли рано, т. к. думаем завтра уехать.

П. Сентюлёв

29 октября 1943 г.

Сегодня знаменательная дата. Едем на правый берег! Проезжаем город Богдана Хмельницкого. Много разрушений. Нам навстречу идут машины с вооружением, понтонами, зенитками. Поворот на Козинцы, а оттуда

на переправу. Наша «Коломбина», так называют пятитонку «рено» шоферы, плывет по пескам, чувствуется близость реки. Вот наконец открывается вид на Днепр! Спокойно, величаво течет красавица река. Подъезжаем ближе к переправе... Вся земля изрыта воронками, сотни воронок. Тут же валяются наполовину покрытые песком трупы убитых лошадей.

Наша машина стала в хвост колонны, ожидая очереди для переправы. У самой реки устроены дымовые завесы. Густой дым стелется по реке, маскируя переправу. Пошли машины; волнуемся, ведь какое это большое событие. Мы уже на мосту. Незабываемое впечатление. Вот и правый берег, очень красивый, гористый и дикий. У подножия горы приютилась маленькая деревушка Зарубенцы, в которой мы должны найти нашего адресата. Но, увы! Оказывается, они вчера уехали отсюда с новым заданием, и нам уже не угнаться за ними. Узнаем, что в 8 км отсюда, на этом же берегу находятся наши старые знакомые, к которым мы едем. Доехав до дер. Трахтомировка, останавливаемся. Исай идет на поиски. Уже темно. Вдруг гул, а вслед за гулом вспышки и разрывы на левом берегу, примерно в 3-х км от нас. Во тьме сверкает грандиозный факел, зажигательная бомба попала в какой-то дом, вызвав большой пожар. В небе, как светлячки, пролетают трассирующие пули и прорезает тьму прожектор. Становится холодно, с реки тянет сыростью, опускается туман. Нас зовут идти куда-то. Идем в темноту ночи, ноги вязнут в песке. Поднимаемся в гору, на горе домики, входим в один из домиков. Горит электричество, битком набито военными и ужасно накурено. Обстановка боевая и люди как будто совершенно другие, атмосфера напряженная. Тут же армейский ансамбль тоже выступает после лекции, которая идет рядом в клубе в честь 25-й годовщины Ленинского комсомола. Нам негде разместиться, все хаты, блиндажи набиты бойцами.

<...> (Неразборчиво) барахлом, с четырьмя сентюлёвскими кроватками-раскладушками, с культурой водителя (который вначале умолял едущих не прикасаться к его творению, а вскоре из-за дикой тесноты сам сел на него). Машины напоминали московские трамваи в дни сенсационных футбольных матчей, сидели на кабинах, на фарах, висели

гроздьями на бортах. В нашей машине был испорчен радиатор и через каждые 5–6 минут останавливались у колодцев — машина просила пить. И на одной из остановок потеряли двух шоферов (едущих пассажирами). В ночь на 8-е состоялся торжественный въезд в деревню Красиловка (27 км от Киева), где мы пребываем уже скоро месяц. Почти ежедневно выезжали на работу в ближайшие части, были у летчиков, артиллеристов. Обслуживали госпиталь, за что имели удовольствие мыться в госпитальной бане. Благодаря этим поездкам видели много незабываемых картин: село Ядловка, в котором насчитывалось около 2000 домов, целиком выжжено за связь с партизанами немецким карательным отрядом и только на горке сиротливо стоит чудом уцелевшая церквушка. Районный центр Гоголевка, на площади на фоне обгорелых развалин, стоит виселица как символ справедливой народной мести предателям родины, виновникам всех этих разрушений, холодный ветер покачивает труп, на груди надпись «Изменник родины. Предатель». Это гоголевский полицмейстер.

В Красиловке, где мы сейчас обосновались, с нами вместе живут войска НКВД. Это будущий Киевский гарнизон. Деревня переполнена, живем очень тесно, у нас, например, в хатке 9 человек с хозяйкой. Старший лейтенант, младший (который слывет Дон Жуаном и ходит в белых дамских перчатках) и старшие <...> *(Неразборчиво)*

Начинаются поиски помещения, где бы нас разместить.

После довольно большого ожидания нас опять ведут куда-то. Ужасно темно, в двух шагах ничего не видно. Кто-то говорит: «Прыгайте, здесь речка» и мы, как оголтелые, перепрыгиваем через какие-то «бурные» реки. «Форсировав» несколько скудных ручейков (как оказалось утром) вваливаемся в какую-то хату. Здесь живут три майора и хозяйка с двумя детьми. Обитатели этой избушки поражены то ли количеством людей, то ли нашим видом (театрализованные костюмы — защита от холода). Наскоро поужинав, чем бог послал (сухой паек) начинаем укладываться — сложная задача — буквально вповалку, кто на нарах, кто на узеньких

и малюсеньких скамеечках, кто на полу и под столом. Майоры, уступив нары женщинам, укладываются на грубке. Все острят, смеются. Входит хозяин помещения — майор, при виде тридцати лежавших, как после Мамаева побоища людей, застывает в дверях с вытянутым лицом. Его встречаем градом острот, объясняем, что за люди, одним словом приводим его в чувство, он же, пожелав нам спокойной ночи, уходит искать себе пристанища.

Проболтав еще немного, засыпаем богатырским сном.

А. Бархударова

30 октября 1943 г.

День пасмурный, и вражеская авиация бездействует, по этому случаю оружейная стрельба не прекращается ни на минуту.

Очень красиво, здесь небольшая лощинка, в которой уютятся уцелевшие от пожаров хатенки, полукругом высятся горы, верхушки которых сегодня покрыты сизым туманом. По склонам гор зеленые всходы, золотистые березки с белыми стволами, почерневшие обнаженные деревья — все это дает красочный колорит. И совсем рядом — мощный батька Днепр.

Мочалов, Граве и я совершаем небольшую прогулку на гору.

Там стоит часовой, следящий за «воздухом». Разговорились. Вчера немец предпринял несколько атак, которые были отбиты. Здесь тяжелые условия для войны, — отвесные скалы, трудно идти танкам, враг засел в ущельях; но это никого не смущает, и наши бойцы творят чудеса храбрости. Эта война превратила их в чудо-богатырей, они не боятся ни пресловутых «тигров», ни «ванюш». Под градом пуль, под бомбежкой, на виду у врага в свободное время они живут своей жизнью, варят обед, стирают белье, не кланяются вражеским снарядам. «Это — говорит часовой — не те бойцы, что были в 41-м году». Война научила их презирать смерть во имя победы, искусство, которым они овладели в совершенстве. Я у него спросила, как он

дает знать о воздушной тревоге? «А вот», — и он показал на свое хозяйство: на палке висела большая гильза от снаряда. В качестве колотушки находчивый боец использовал лентообразный осколок от «ванюши». «Охраняю покой начальства», — с юморком сказал он.

Долго беседовали мы с ним, угостили табачком. Хорошо он говорил, просто, от души, уверенно.

В 4 часа едем на концерт к танкистам. Дорога идет по берегу; валяются трупы лошадей, стоят разбитые танки, все изрыто, кругом следы недавних боев.

Танкисты принимают нас радостно (отсюда 4 км до передовой). Генерал же воспринимает как личное оскорбление известие о том, что мы приехали не на весь день, что дав концерт должны уехать, (у нас в 9 ч. назначен спектакль в штабе) и выражает свое недовольство Исаю в не совсем литературной форме, шуточно, конечно.

Полковник звонит в штаб, прося нас оставить, но ответом служил приказ о нашем возвращении. Что же делать?! Приказ есть приказ, хозяева подчиняются. Софа приехала с «разгоряченным» уюгом, костюмы в момент выглажены, актеры быстро одеваются, Мозяй в хлевике-театре молниеносно оформляет сцену, и начинаем концерт, который принимается очень хорошо, зрители хохочут и посылают с мест реплики, идущие от души, но не совсем цензурные, что невольно теряешь серьез.

Уже совсем стемнело. Вспыхивают ракеты. Частые разрывы. Звенят стекла. Какой-то майор интервьюирует Исаю, это для Москвы. Мы первые на Правом берегу.

Ужинаем, благодарим радушных хозяев и едем на спектакль. Чертовски темно, хоть глаз коли. В такой тьме чувствуешь себя совершенно беспомощной.

В 10 час веч. спектакль «Свадебное» в клуне. Зрителей полно, принимают нас очень хорошо, хотя многие уже видели этот спектакль весной, когда мы обслуживали эту армию.

На спектакле встречаем нашего старого знакомого — шофера Валерия, который был к нам прикреплен в прошлую поездку, и были глубоко обрадованы той сердечностью, с которой он нас встретил.

А. Данилович

31 октября 1943 г.

Горячее есть, машина в порядке — можно ехать.

До отъезда иду в санчасть на перевязку (палец нарывает), второй день пытаюсь попасть туда, но очень много раненых. Это полевой походный госпиталь, несколько палаток — операционная, перевязочная и палаты, где лежат раненые.

Вхожу в перевязочную — она очень большая и состоит из нескольких отделений, заглядываю в самое большое — там начинают операцию. Поскольку меня никто не просит уйти — с волнением и интересом смотрю. Над операционным столом горит маленькая, но яркая лампочка от аккумулятора; женщина-хирург, несколько сестер и санитар обступили раненого. Слышу его голос «Доктор, вы будете по локоть отнимать?» — «Нет, голубчик нет». Я вся обращаюсь во внимание. Вижу окровавленную руку, кисти уже нет, вероятно оторвало снарядом. Дают наркоз. Хирург делает надрез; много постанав, раненый безмятежно засыпает. Когда санитар отходит — я вижу оперируемого. Ему лет 18–19, круглое, мальчишеское лицо, по пояс он раздет, на нем ватные, грязные штаны и американские ботинки. Хирургу подают пилу, начинается пилка кости (никогда не забуду этот звук). Отпиливают кусок кости, зашивают, операция в общем проходит очень быстро.

С правой стороны лежат трое, уже оперированные, стонут, просят пить. Наконец меня спрашивает какая-то женщина в шинели: «А вам что?» Говорю — палец перевязать. Она надевает халат и приглашает меня войти туда, где оперируют. Пристраиваемся у окошка, вскрывает мне нарыв. Раненые лежат рядом, я оборачиваюсь и вижу, что близлежащий мертв.

Глаза у него открыты, челюсть отвисла и мухи ползают по лицу. Чувствую после всех переживаний и испытываемой боли вдруг подступающую дурноту, в глазах темнеет, ноги подкашиваются, в ушах как будто вата и легкий звон. Вот еще глупость какая, только бы не упасть! Не сдаюсь. Держусь изо всех сил, но дурнота усиливается. Шепчу доктору — мне что-то нехорошо... Она улыбается — это от непривычки, ничего. Благодарю ее и как во сне ухожу. На свежем воздухе прихожу в себя. Мне очень стыдно за свою слабость.

Наконец трогаемся, и тем же маршрутом. Поздно вечером возвращаемся в ДКА.

Здесь нас ждет сюрприз. Хаты наши заняты частями НКВД.

Узнав о нашем приезде, они расставляют караул по улице, часовые у домов и никого из нас не пускают. «В случае чего», — говорят, «будем стрелять». Это все «милые шутки» нашего лейтенанта в белых перчатках. Наконец после часового «боя», мы побеждаем, и части НКВД, выстроившись, отступают на другую улицу.

Тяжелый денек!

<Без подписи>

6 ноября 1943 г.

Всю ночь в стороне Киева зарево. И вдруг радостная весть: войска 1-го Украинского фронта сегодня на рассвете штурмом овладели городом Киев. Нету слов, чтобы выразить всю радость и волнение, которые овладевают нами. Носимся из хаты в хату, хочется кричать от этой огромной радости, которая переполняет все существо.

В столовой организуют радиоустановку, туда собираются все, чтобы послушать трансляцию торжественного заседания из Москвы.

В 4 ч. диктор взволнованным голосом читает приказ Ватутину. Знакомые имена: объявляется благодарность командарму Москаленко, Рыбалко и др.

В столовой необычно празднично, светло, висят плакаты, настроение у всех приподнятое. Исая объявляет, что завтра мы уезжаем в Киев.

В 8 час. вечера начинается передача торжественного заседания. Выбирается почетный президиум. Долгие аплодисменты, и наконец слышится голос нашего родного Сталина. В столовой воцаряется тишина, где-то рядом рвутся фугаски, хатка вздрагивает, стекла звенят. Много бросает разъяренный немец. Еще бы — Киев-то наш!

<Без подписи>

7 ноября 1943 г.

Отъезд в Киев перенесен. Под вечер в наш узенький переулочек въезжает «виллис» и появляется Сергей Сав. Собираемся у Исаея. Шатилов объясняет нам, почему мы сегодня не уехали в Киев, там не для кого еще играть, город пустой. Поврежден он мало. Поздравляет нас с праздником и зачитывает нам приказ командования фронтом Ватутина об объявлении нам благодарности за нашу работу и о переименовании нас в театр при Полит. управлении 1-го Украинского фронта. Приказ подписан Ватутиным и Хрущевым.

В день праздника, в день взятия Киева — нам такой подарок. Необыкновенно радостно, приятно, волнительно!

<Без подписи>

10 ноября 1943 г.

Пасмурно, грязно, наконец сегодня едем в Киев на нашем «рено». Выезжаем рано, после завтрака. «Мастера», приехавшие для обслуживания штаба, тоже едут в своей машине. Приезжаем в Дарницы. Мост, по которому ходил трамвай, — взорван. Ждем, когда установят переправу. Длинная очередь машин, мы близко стоим.

ДНЕВНИК

Вот он Киев перед нами, в тумане, через Днепр, совсем рядом, видим дома, Киево-Печерскую лавру. Греемся в единственном уцелевшем домике, все сожжено, на огородах копошатся жители. В 5-м часу переправа готова. Машины, в первую очередь «катюши», двигаются медленно вперед.

Перед нами застревает машина, и мы, несколько человек, идем пешком. Дует сильный ветер, понтоны качаются, на Днепре барашки. Переправа у самого моста, у разбитых, огромных быков, которые высятся, как скалы. Уже совсем темно — вот мы и в Киеве! Волнение наше трудно описать. Сердце бешено колотится.

Бойцы жгут костры, очень холодно, погода не летняя, безопасно. Наконец появляется наш «рено», садимся и едем в гору, в гору. Дома все целы, на улицах ни души. Вот Крещатик, он весь взорван, груды развалин. Поворачиваем на бульв. Шевченко, там благополучнее, даже стекла в домах есть.

Комендант города посылает нас в общежитие Театра русской драмы. Чудесные, чистенькие квартиры, но хоо-лоод! Эти квартиры, оказывается, были приготовлены для немецкого фронтового театра. Достаем дров, топим всю ночь печку, не раздеваясь, ложимся спать.

<Без подписи>

Январь – май 1944

1-й Украинский фронт

14 января 1944 г.

После небольшого отдыха нас срочно вызывают на фронт. Начались бурные дни по подготовке к отъезду. Опять не хватает дней, часов, минут. Тревоги о билетах, багаже. Сегодня с утра все вдруг встало на место. Багаж отправлен, люди едут в пассажирском вагоне с плацкартными местами. Это большое достижение. Как все-таки хорошо ехать в человеческих условиях! Вся бригада в прекрасных белых полушубках, ушанках, валенках. Правда, на улице на нас все обращали внимание, а нищий даже обратился к нам с просьбой «Товарищи командиры, подайте бедному».

После бурного прощания (родственников набралось на вокзале много) поехали. Первым делом, устроившись, набросились на еду, с утра ничего не ели. Хороший день сегодня, солнце светит вовсю. Прекрасное настроение. Забыла написать — нас на вокзале провожал Я. Ф. Ростакон. Очень жаль, что не была А. А. Орочко.

А. Бархударова

15 января 1944 г.

Благодаря тому, что Новый год нами встречен (не в пример предыдущему) и встречен со всем вниманием и почтением, как по новому, так, на всякий случай и по старому стилю, жизнь нам улыбается.

Едем великолепно: отсыпаемся, отдыхаем, литерно питаемся — набираемся сил на «новые подвиги». Одна беда — у меня болит зуб и пухнет щека, что страшно веселит Сашу Граве, вырвавшего наконец свой знаменитый одиннадцатую флюсами зуб. Итак, проехали Орел, Курск, завтра утром Харьков, где нас ожидает пересадка, улыбнется ли нам и тут жизнь — неизвестно.

Т. Блажина

16 января 1944 г.

Харьков встретил весьма приветливо, солнышко, мороз пощипывает щеки, первые выстрелы зениток по немецкому самолету, которые мы давно отвыкли слышать. Быстро выгрузились на платформу. Белые полушубки так и сияют на солнышке, за два квартала видно, что идут наши, (слава богу не потерялись), вскоре выясняется, что нам подыскивают вагон и в 16.00 мы должны отправиться в Киев. Все отправляются гулять по Харькову, кто посещает знакомых, кто базар, кто что, но вот первый удар — у Исаея вытащили большую сумму денег, все страшно расстроены и изыскивают различные способы помощи. Но это не все. Подали состав и тут началось. Долго искали вагон «специальный» и стали сказочно «грузиться» — лезть через головы. Наконец будто все уладилось — заняли полки, определились по купе. Но не тут-то было. Вдруг прорыв и врывается группа командиров, которые устраивают Мамаеву битву, и после них, благодаря «бдительному проводнику» — лезли все, кто мог и кто не мог, в результате набилось столько народу, что не пройти не продохнуть. На моих ногах спали двое, на полу тоже

«энное» количество. В общем «Варфоломеевская ночь». Что будет дальше неизвестно, если принять во внимание, что на каждой станции садятся по 10 человек, а вагон вмещает 40 плацкартных мест.

В. Васильева

17 января 1944 г.

Дикая духота в вагоне. В Ворожбе поезд стоит 5 часов. Все время согнутые ноги немеют и болят. Войти и выйти из вагона почти невозможно. Вагон форменным образом разрывается от жуткого количества набившегося в него народа. Изредка удается достать кипятку. Жажда и духота мучают все время. Вечером наконец достигаем Конотопа, где опять застреваем на «энное» количество времени. Трогаемся дальше и наступает вторая «Варфоломеевская ночь» или вернее сказать «Вальпургиева» со всеми ее адскими персонажами и диким шатаньем.

Дышать абсолютно нечем. Утро застало всех в сатанинских позах. Тело болело, как после длительного избияния палками. Лица у всех опухли. Где ты, где ты наша родная, забытая теплушка!

А. Граве

18 января 1944 г.

Часов около 9 в Бахмаче. Дальше станция Плиски. Здесь базар и неограниченное количество самогонки. Весь поезд пропитывается алкоголем, даже вагоны покачиваются на месте. Начинается дикий разгул. Невообразимая ругань, драки, резня, к вечеру на платформе валялись пьяные трупы, на четвереньках вползали в вагон, тут же тошнили на головы пассажиров. Какая-то вонючая личность раз 15 молча врывается в наш вагон, ее вышибали, она через несколько минут опять, как тень, появлялась тут, и снова

выставлялась. Трезвых же было очень мало, они в конвульсиях корчились на своих местах, зажатые алкоголиками, то задыхаясь от смеха, то нервно дергаясь, как на веревочке, когда становилось совсем жутко.

Медицинская сестра, едущая в нашем трезвом отделении, проклинала день и час своего рождения, за что подверглась страшной брани со стороны «блевунов».

Неизвестно, когда бы кончилась эта оргия (описать ее нет возможности), если бы не один майор, едущий у нас с женой (которая стонала и казалось — вот-вот отдаст богу душу) и с двумя детьми, не спрыгнул с третьей полки и, выхватив револьвер, чуть не убил пьяного грузина. Жена майора (которая еще не совсем «преставилась»), собрав остатки сил, выхватила у него револьвер, и все затихло.

Все присмирели. Нервных только пронизывала дрожь.

В 11 часов вечера, после 12-ти часовой стоянки на этой милой, уютной станции, тронулись дальше. Проехав 3 километра, опять остановка. Ночь прошла в жуткой тишине, прерываемой изредка храпом и другими звуками. Еще несколько таких дней и...

А. Данилович

19 января 1944 г.

За ночь проехали километров 20–30 и только; очень жарко в вагоне, особенно на третьем этаже, где лежим мы — мужчины и женщины — и еле дышим: махорка душит и курящих, и некурящих, кашляем, чихаем, а внизу все смолят и смолят; самосад на редкость едучий, когда же конец? А бедные наши актеры, занявшие нижние места!

Где им заснуть, когда на их лавочках сидят по четыре человека, а на полу между лавочек тоже лежат... а поезд стоит и стоит... Чтoб пройти к выходу надо потерять много времени, нервов, силы, как в московском трамвае, только здесь абсолютно темно, душно до нельзя, и храпят, храпят... Чуть

брезжит свет. Восьмой час утра, стоим на небольшом разъезде, до Нежина рукой подать. Основная задача всей массы пассажиров перепереполненного поезда достать себе пропитание, (ведь продпункты проезжали уж давно, а в Нежин никак не доедем) воду, самогончку от головной боли и просто так самогонку. С водой трудно — из колодца все вычерпано, машинист больше не дает, зато много снега. Снегом и умываться хорошо! Наши многие уже перешли на умывание снегом. С едой труднее — как только появится с картофельными пирогами, начиненными маком, фасолью, — крестьянка, ее в один миг окружает толпа, и пирогов как не бывало. Обидно, когда нас перегоняют эшелоны, а с другой стороны, и очень радостно, они нужнее, видимо, нас, а мы там будем. К вечеру совсем близко подъехали к Нежину. Б. М. берет с собой Юру и Митю*, и они отправляются на эшелоне в Нежин за продуктами. В вагоне подметено и стало свободнее: все бойцы, не имевшие места на лавочках и сидевшие на полу, стоявшие в проходах и тамбурах, уехали на перегнавших нас поездах, Остались командиры, с которыми в течение трех суток мы достаточно познакомились, сдружились. Теперь можно ехать мало-мальски по-человечески, но только бы ехать, а мы все стоим, стоим... Появилась и свечечка, кто играет в карты, кто в великих людей, а кто уже спит сном переутомленного. Все кончилось благополучно. Поздно вечером доехали-таки до Нежина, где нас ждали наши товарищи с сухарями, мясными консервами и сахаром.

Что еще нам надо? Киев!

А. Котрелёв

* Ситнов Д. И.

20 января 1944 г.

Ночью тронулись из Нежина. Все полны надежд, что теперь поедем быстро. Но, увы! В течение всего дня поезд почти все время стоял. За сутки проехали не больше 50-ти километров. Четверо суток едем от Харькова! Все устали, нервничают. Иссакают запасы пищи, плохо с водой, только одно облегчение: наш вагон постепенно пустеет и мы, кажется, будем спать в человеческих условиях. Заболела Вероника, аптечка, первый раз от Москвы, понадобилась. Неужели и завтра мы не приедем в Киев?

Б. Королёв

21 января 1944 г.

Ночь на 21 янв., по сравнению с предыдущими, прошла хорошо, в вагоне народу заметно уменьшилось, под утро стало даже холодно, пришлось из-под себя вынуть полушубки и укрыться ими. День весь почти стояли, с утра жили надеждой, что сегодня наконец будем в Киеве, но днем было уже ясно, что придется переночевать еще ночь на старом месте. Дорога до Дарницы очень красивая, по обе стороны дороги — сосновые леса. Стоим все время между станциями, и все вечно находятся в поисках воды. Единственный источник воды оказался паровоз, который «доили» все жители нашего состава. Под все краники и под все трубочки подставлялись: кружки, котомки, фляжки и т. п. Вода очень невкусная, с примесью соды, нашатыря и др. веществ, которые машинист подсыпает в котел для нержавения. Погода весенняя, на улице оттепель, кожаная обувь и то мокрая. За целый день к Дарнице так мы и не доехали, ночевали в 4 км от нее, в поле. Впереди нас стоял неразлучный с нами товарный состав, и сзади присоединились еще 2 состава.

Ну, конец, надеемся, последняя ночь; в вагоне темно и холодно.

Д. Марковина

22 января 1944 г.

Ночью доползли до Дарницы. Здесь много попорченных вагонов — это результат бомбежки в ночь на 7-е, когда бомба угодила в состав с боеприпасами.

С момента выезда из Дарницы укрепляется надежда попасть в Киев именно сегодня. Подвигаемся опять очень медленно, но вот наконец и мост. Временный деревянный мост идет рядом со старым, взорванные фермы которого загромождали всю реку.

Виден Киев — Лавра.

После моста еще несколько задержек и наконец остановка метрах в 800-х от вокзала. Приходит Юра Бутырсков, от него узнаем, что наши передовые (Бо. Мифо, В. Москвин и Ю. Бутырсков) вчера же еще добрались до города, продуктов получить не сумели (продпункт где-то очень далеко), машин, конечно, нет.

Подъехали к вокзалу (около 14 час.) и здесь встретили Бо. Мефо. и Москвина. Бо. Мефо. связался через какую-то воинскую часть с политуправлением, и наше дело теперь ждать. На этот предмет намечено расселиться по квартирам.

Дежурный этапный комендант, не доверяя документам (очевидно, на свой аршин мерит), не оформляет нам получение питания без личной явки всего нашего состава.

Являемся пред ясны очи сего ревностного служаки. Талон на обеды в столовую. Часть людей интересуется поесть горячего — ведь с Москвы даже чая настоящего выпить не удавалось, а часть (дискантовая) настаивает на первоочередности размещения по квартирам. Идем размещаться. Часть вещей несем сами, а часть перевозит «кули» на тележке.

По указанию военного коменданта нам надлежит расселиться в домах № 104 и № 106 по ул. Саксаганского. Слава богу, это близко от вокзала. Часам к 16-ти расселение закончено, и теперь можно пообедать. Меню нам уже известно — борщ и вареная картошка, залитая сметаной. Большинство из алчущих с вожделием думает главным образом о борще. Приходим на вокзал и узнаем, что обеды тю-тю — кончились.

Трах-тара-рах!!!

Обратно на ул. Саксаганского. Не знаю, как обстояло дело у других, а меня примирил с жизнью горячий самовар, приготовленный хозяйкой. Напиваюсь настоящего чая впервые за восемь суток, и от этого горячего чая остываю сам.

Рынок рядом, почти все уже навестили его. Он стал изобильнее. Хлеб сравнительно дешев — 60 руб. кило, и хорошего качества. Дорого масло — 800 р., и его очень много. Много колбас — 450 р. Почти в прежней (ноябрьской) цене соль — 7–10 руб. стакан и сахар — 35 р. стакан. Остальное обследование базара будет, конечно, завтра в воскресенье, а сегодня спать, спать, спать. Я и мои сожители по квартире — Оболенская, Покровский, Соловьёв — ложимся спать на исходе восьмого часа вечера. С темнотой несколько раз принимаются тявкать зенитки. Моя хозяйка зенитную стрельбу упорно называет «бомбежкой». Зенитки не могут помешать заснуть мне еще до девяти вечера.

По сравнению с ноябрьскими днями Киев сейчас неузнаваем. Тогда было удручающее безлюдье, а сейчас много народа, много машин, ходят трамваи, работает водопровод и частично электрическое освещение. Одним словом, город живет настоящей деловой жизнью. Говорят, что в доме, где мы останавливались в прошлый раз (ул. Ленина, рядом с Т-ром русской драмы), и в соседних домах выбиты все стекла. Очевидно, уже после нас, где-нибудь напротив, там была бомбочка. Работают оперный и драматический театры и кино.

Н. Мозайкин

23 января 1944 г.

В Киеве. Приехал Румянцев. Отъезд назначен на завтра. Первый путь на машинах. Свободный день и базар.

Город не пришел еще в себя — беспокойные люди, неустроение благополучия, грязные квартиры — измученный народ, здесь женщины и дети все время ждут бомбежки, и от этого нет покоя в городе — нет даже налаживания жизни. Все как-то на ходу. Только погода здесь замечательная.

Р. Оболенская

24 января 1944 г.

Живем второй день в Киеве. Уедем, вероятно, завтра. В дни ожидания отъезда как-то не находится дела — ходим по городу — уже совсем не похожему на город месяц тому назад. Жизнь еще не налажена, но народу много, ходит трамвай, работает водопровод, но во всем этом еще ощущается двухлетнее пребывание немцев: все еще неспокойное настроение — согласна с автором записи от 23 января. Вечером пошли в театр на «Гейшу». Зрительный зал полон. Спектакль не слишком блестит актерскими дарованиями, но все очень богато, многолюдно, шумно — одним словом постановочно. Спектакль вполне достойный. Возвращались в абсолютной темноте. На улице стреляли, кажется, в нас, но ничего — дошли. Ложимся спать в надежде на завтрашний отъезд.

А. Ремизова

27 января 1944 г.

Первый рабочий день. Первый спектакль «Саней». С утра едем репетировать в клуб, где будем вечером играть для работников политуправления. Нужно прогнать «Гравины куски». Прогоняем. Уезжаем домой. Пообедав и отдохнув, возвращаемся обратно, уже на спектакль. Помещение теплое, чистое, удобное. Спектакль проходит очень хорошо, в хорошей, дружной атмосфере с хорошим нервом.

Юный дебютант Граве отлично справляется с трудной ролью Вихорева. Не менее юная Дизи также молодцом. Зрители очень довольны и горячо благодарят нас за новую постановку.

Т. Блажина

28 января 1944 г.

Утром собрание. На повестке дня репертуарный план. Сергей Савельич отсутствует, и без него трудно окончательно решить этот вопрос. Вечером должен быть концерт в инженерных частях. Днем идут репетиции по вводу Москвина в «Корреспондента». В 5 ч. ждем обещанную машину для концерта. Она приходит только в 8 ч. В полной темноте грузимся. Погода ветреная и холодная. Проехав энное количество километров в энную сторону, выясняем, что шофер не знает дороги. Долго плуаем во мраке. Наконец находим место концерта. Маленькая комната, тусклый свет, народу не очень много. Нечем разжечь уют, Дизи в отчаянии. Наконец все устраивается. Костюмы готовы. Начинаем концерт. Он проходит очень хорошо. После концерта танцы с публикой под аккомпанемент Александра Михайловича* в ожидании машин. Подходит долгожданная машина. Домой. Где-то рядом крепко

* Лебедев А. М.

бомбят. Вдруг слышим над головой знакомый завывающий рокот моторов «Фрица». Останавливаем машину, тушим фары. «Воздух!» Томительная пауза. «Пронесло!» Часа в 2 ночи наконец достигаем своих кроваток и погружаемся в богатырский сон.

А. Граве

29 января 1944 г.

Утром репетиция водевиля «Аз и Ферт» в нашей хате. Репетиция в «полный тон», с «оркестром». Ор стоит невообразимый, и хозяйские дети перепуганы ужасно. Они подумали, что мы все перепились, и испугались.

Погода кошмарная, несуразная, то выглядывает солнце, то темно делается от нависших туч, сыплется горох с неба, поле белеет, потом все тает. Грязь. Ветер.

К вечеру посещают «летаки», как здесь называют самолеты, бьют зенитки, в стороне Истомира бомбят. Население пугается, сбиваются все в кучу, младший сын хозяйки очень боится, да и ему под пару собака Букет, которая тоже вся дрожит. 27 декабря, на другой день после отступления отсюда, немцы очень бомбили этот пункт, и поэтому все очень напуганы. Вечером выяснилось, что подбили 1 вражеский самолет.

Выступлений сегодня у нас нет.

А. Данилович

30 января 1944 г.

Погода весенняя, — днем тепло, солнечно, грязь по щиколотку, ночью и утром заморозки, иногда снег, иногда дождь... Приятно утречком по легонькому-легонькому морозцу пройтись в столовую ДКА... Здесь теперь и чище, и просторнее, и больше порядку, и кормят повкуснее. План

на рабочий день наш: с 2 репетиция «Аз и Ферт», в 13 ч. должна прийти машина, и в 14.15, сразу после обеда, из столовой едем на концерт. Вечером, возможно, будет спектакль.

Да, забыл, ну уж это вне плана, встреча на базаре! Хотя сегодня и воскресенье, и погода благоприятная, но базар здесь не тот, что, например, в Киеве. Артисты, посетившие здешний базар, были грустны, невеселы и долго вспоминали Еврейский базар в Киеве.

Последняя-таки репетиция водевиля прошла без каких-либо инцидентов, и в 14.00 весь состав Фронтового филиала, и занятых, и не занятых в концерте, сидел уже за столами в ожидании обеда... А в 14.15 все уже, и занятые в концерте, и не занятые, — были готовы к отъезду, к работе, рвались что-нибудь сыграть. Но здесь трудовой план нарушается — машина опаздывает, все отпущены по домам — на мертвый час! А в пять часов машины пришли.

В шесть занятые счастливцы выехали, а не занятые (их оказалось семь) просмотрели вместе с начальником ДКА майором Румянцевым художественный фильм «Фронт».

К двенадцати часам возвратились с концерта, озябшие и вялые. Оказывается, они могли бы вернуться часа на полтора раньше, но им пришлось ждать пока нерасторопные хозяйственники накормят своих, а это продолжалось полтора часа, а артисты стояли в коридоре и ждали. Но машина везла быстро и ни разу во всю дорогу не заплуталась и 15 км пролетели как мгновенье.

А. Котрелёв

31 января 1944 г.

Живем все там же. Туда же ходил завтракать, обедать, ужинать. Та же погода — днем грязь, к вечеру подмораживает. Ждем плана на дальнейшую работу нашу.

Вечером состоялся в офицерском клубе концерт. Публика почти вся знакомая нам. Сколько раз видали они и «Маляра», и «Шило», сколько раз прослушали «Сумку почтальона»!?! Все ждали «Новый номер программы» — старинный русский водевиль «Аз и Ферт». Не пела Асмик М. — она заболела.

Завтра в 10.00 назначен отъезд. Едем на три дня в Н-скую часть.

На дворе очень ветрено, погода нелетная...

А. Котрелёв

I февраля 1944 г.

Сегодня едем на работу ближе к фронту. Обслуживать будем ГМЧ — это приятно. К 10 часам все позавтракали, уложили вещи — ждем. Проходит час, другой, машин все нет. И только к часу дня они приходят — три штабных крытых машины. В два часа все обедают — обед запоздал — в три часа выезжаем.

Едем в город Т. По словам шоферов, это 80 километров. Едем долго, ищем дорогу и опять едем. Машина с имуществом отстала, ждем ее с полчаса и решаем ехать дальше, а за этой машиной вернуться с места назначения. Около семи часов вечера приезжаем в город С. Ехать, оказывается, еще 50 километров. Народ устал, голодный. Решаем здесь ночевать, а завтра ехать дальше. За оставшей машиной отправляют полуторку, я еду с ней. Проезжаем две трети пути обратно — нашей машины не видно. Решили заночевать в Котлярке, чтобы с рассветом ехать обратно и при дневном свете проверить, не стоит ли где наша машина. А она, не успели мы выехать из города С., оказалось застряла в том же городе, на соседней улице, и мы случайно разъехались.

В общем, в этих районах дороги хорошие, по большей части, шоссе. Места красивые, много искусственных водоемов, сахарных заводов. В городах много каменных домов, опрятно, чисто, гораздо культурнее, чем на левом

берегу Днепра. Но среди народа, к сожалению, больше людей, сдержанно относящихся к советской власти.

Б. Королёв

2 февраля 1944 г.

Переночевали благополучно. Всю ночь стучались бойцы проходящей части, просившиеся ночевать. Изба наша была полна, но местные жители сочувственно относятся к ним, и не могут отказать в ночлеге, хотя и некуда впустить.

Встали все в 8 ч. утра, к 9 утра собрались с вещами в столовой. Позавтракали, с полчаса пришлось подождать, пока заправляли машины, и вместе со штабом этой части отправились за 50 км к передовой. Дорога ужасная, грязь по колено. Когда мы отъехали километров с 10, с одной из наших машин случилась авария. Встречная машина врезалась в нос нашей машины и сломала ей ось передних колес. Опять стоянка. Делать нечего, пришлось машину разгружать и заполнять вещами другие. Уладив все, тронулись дальше. Ехали очень долго, машины все время ждали друг друга, чтобы не получилась вчерашняя история. К месту приехали в 2 ч. дня. Все стремились в избу, чтобы отогреть замерзшие ноги. Попали к милой хозяйке, которая угощала нас настоенной вишней. Часов в 5 веч. нас повезли размещать по избам, после чего поехали обедать. Проголодавшиеся за целый день, все с нетерпением ждали еды. Столы оказались уже накрытыми, стояла вкусная кислая капуста, студень, отварная картошка, все ели с большим аппетитом. Это было первым блюдом, на второе подали «курей». Вкусных жареных курочек в подливке. Кто выискивал ножки, кто белого мяса, кто «шашку архиерея». После еды стало приятно и весело на душе.

Спектакль назначен на 8 ч. вечера. После обеда небольшой отдых.

Уже в 7 ч. зал был переполнен. Шел спектакль «Свадебное путешествие». Прошел успешно. В 11 час нас снова повезли в столовую ужинать. Некоторые

не поехали, так как не могли очухаться от обеда. На ужин были опять куры. По домам развезли к 12 часам. После дороги и работы всем хотелось поскорее лечь отдохнуть. Всю ночь грохотали танки, машины и орудия проходивших мимо частей.

Д. Марковина

3 февраля 1944 г.

План на сегодня такой: днем — в 12 ч. — концерт, а вечером «Сани». Утром завтракаем в «куриной» столовой, но уже не курицей. Дальнейшее наше питание будет происходить уже в другом хозяйстве, а это хозяйство снимается по боевому заданию. Грязь, слякоть удручающие. На полях снега почти нет, так кое-где по овражкам. Пейзаж апрельский, а не февральский. У большинства из нас сапоги плохие — промокают.

Когда мы уже были готовы к концерту, пришел связной и передал просьбу начальства перенести концерт на 13 ч. Начинаем же концерт в 13.35. Идет концерт средне, долгое ожидание никогда не украшает выступлений. Концерт окончен, ждем машины, чтобы ехать на обед. Получасовое опоздание — вещь законная. Если верить майору Румянцеву, эти опоздания происходят потому, что машины выполняют какие-либо боевые задания — возят боеприпасы. Если послушать Румянцева, то опоздание ДКовских машин происходит по этой же причине, а не из-за плохой организации хозяйства ДКА.

Итак, проходят «законные» полчаса, дальнейшее опоздание начинает нас волновать не на шутку. Наше начальство идет выяснять обстановку.

Всех распускают по домам. Через некоторое время обстановка выясняется — в штабе дивизии не очень внимательно отнеслись к делу временных «сотрапезников», поручили организацию обеда людям, которые должны были уезжать, и уехали.

По напоминанию нашей администрации дан приказ об обеде заново. Часов в 16 Бо. Мефо. радует нас известием, что сейчас начинают варить

обед. Юра Бутырсков высказывает предположение, что, может быть, пошли только еще выписывать продукты. Так, видимо, оно и было. Поручения накормить нас передавались из рук в руки, и чем больше инстанций, тем дальше отодвигался обед. Короче говоря, мы так и не пообедали 3 февраля сего года. Ничего, бывает хуже.

Вечером играем «Сани». По-моему, спектакль идет значительно хуже, чем может. Всех нас волнует предстоящий завтра отъезд. Опыт четкой организации обеда вселяет в нас разные мрачные мысли.

После спектакля едем (слава те, господи) ужинать и полностью компенсируем отсутствие обеда. В меню опять куры. Думаю, что никто из нас, никогда еще не съедал за один прием такое количество курятины, как вчера и сегодня.

В этом районе немцы заготовили много кур, но не успели их вывезти, и мы теперь и поедаем эти запасы. Дебатируется вопрос, что эти куры трофейные или нет... Этот вопрос мы не разрешили, но курочек съели исправно.

Совсем уже поздно Сентюлёв разносит радостную весть о том, что 1-й и 2-й Украинские фронты сомкнулись, окружив одновременно крупные силы противника.

Называется огромное число пленных (9 пехотных див. и одна танковая).

Цифры будем проверять по газетам, а то по опыту знаем, что значит слухи.

Н. Мозяйкин

P. S. Сего числа обнаружено хищение бумаги из ст. тетрадки. В двух местах кто-то резанул ножом. Позор! Позор! Нужно перенумеровать страницы.

4 февраля 1944 г.

Утром выехали из Тетиева. Неудачная дорога — грязь и машины вязли через каждый шаг, в результате одна машина встала совсем — испортилась — шли до ближайшей деревни пешком, мокрые ноги у всех, холодно

и грязно. Вечером кое-как разместились в школе, затопили печь и спали на партах — надежд на возможность скоро и удобно выбраться из этой деревни, никаких. Одна плохенькая полуторка осталась в нашем распоряжении — думаем выбраться пораньше завтра, не все, конечно, — впервые разделяемся за эту поездку.

Дорога — ужас.

<Без подписи>

5 и 6 февраля 1944 г.

Продолжаем наше путешествие. Дорога за ночь стала еще хуже. Машину мужчины прямо несут на себе, мы, женщины, ощущаем себя ненужным грузом, отчего на сердце тяжесть. Компания из пяти человек, в которую вошла я, решила идти пешком и ждать машину в соседней деревне. Этот план мы осуществили довольно быстро и расположились на отдых в теплой избе. Тепло ли, хороший ли прием, горячая ли картошка, разморили нас так, что мы приняли решение не садиться в подъехавшую машину, а поев и отдохнув, пешком догонять наших. Решение было, безусловно, безумное, но нам оно казалось необычайно правильным. Итак, (в количестве четырех человек) мы, веселые и довольные, через час отправились догонять нашу почти не двигающуюся с места машину. Каково же было наше удивление, когда мы ее никакими силами не могли догнать — она рванула и понеслась, с легкостью преодолевая грязь и горы. Положение наше было весьма печальным. Мы прошли уже семь километров по страшной дороге, ночь спустилась на землю, туман покрыл поле, а с неба моросил дождь. Решили заночевать в деревне, где совершенно неожиданно обнаружили оставшегося для нашего спасения Б. Королёва. Стыд и раскаяние охватили нас, а когда утром за нами на лошади приехал И. Спектор — стыд перешел в отчаяние. Мы чувствовали себя нашалившими детишками, из-за которых бедные родители терпят столько беспокойств

и неприятностей. Наконец после долгих мытарств, мы соединились с нашей полуторкой и через трое суток прибыли наконец в ДКА. Опять была ночь, туман и дождь. Заснули измученные, но довольные.

А. Ремизова

P.S. Оглашаю фамилии отставшей четверки, может кому интересно — Соловьёв, Оболенская, Блажина, Ремизова.

7 и 8 февраля 1944 г.

Началась жизнь в ДК. Делать нечего — приходится ждать наших, отставших от нас еще за 120 километров. Это очень грустное событие, т. к. у них нет никаких продуктов и никаких надежд на попутные машины. По этим страшным дорогам сейчас стараются не ездить. Организовали машину, на которой поехал наш любитель путешественник Борис Мефодьевич и Яковенко. Кроме того, обещал послать машину за ними генерал тех частей, что мы только что обслуживали. Все как будто уладили. Вот только они, несчастные, ничего не знают об этом и, наверное, сходят с ума — уже шестой день они там сидят. Мы уж сидим здесь. Может, и досидимся, что соединимся.

А. Ремизова

9 февраля 1944 г.

Пишу день челюскинцев, т. к. 9 человек, оставшихся в необитаемом селе Рудое, были почти в безнадежном положении, но вот пришел «Ермак», и мы быстро снялись из хаты в Рудом. Настроение бодрое, дорога хорошая, машина тоже, все как будто бы обещает доехать до недосыгаемой Сквары. 12 часов дня. Солнце вынырнуло из-за облаков и дорогу развезло, но мы

едем километр за километром на 1-й скорости, нас обгоняют на лошадях и чуть ли не пешеходы, но мы двигаемся уверенно. Взятые многие препятствия, остается одно наиболее трудное — гора. На спуске к этой горе обгоняет нас капитан, который нас привез из ДКА. Просим у него бензина, не дает. Умчал вперед, но застревает на горе. Наша старушка ЗиС медленно проходит мимо застрявшего капитана, и вот мы на горе.

Наше восхищение продолжалось недолго. Капитан приказывает шоферу сдать машину назад и подцепить полуторку. Наши возражения не помогают. Посажена и наша старушка, да как!

После этого все челюскинцы набрасываются на капитана, но с него, как с гуся вода. За 2½ часа усилиями всех открыта машина и выведена наверх. Капитан дает распоряжение отлить у нас бензин, он нам дал 5 литров, а взял тоже 5. Ну, мы оторвались от этого капитана, но потеряли цепь. Доехали до деревни, поставили новую цепь и подстрелили 20 литров бензина.

Доехали до Сквары. Бо. Мефо. нас уже ждет на «шевроле».

Полковник Белов дал в честь нашего спасения ужин, прекрасный ужин с водкой. Большое спасибо полковнику Белову.

После ужина уехали. Ночь лунная, в 2 часа ночи были в ДКА.

П. Сентюлёв

10 февраля 1944 г.

Опять ДКА. Мы все не любим задерживаться в ДКА. Но на этот раз мы здесь проводим время с пользой и приятностью — отставшие едут в баню на сах. заводе.

Правда, вода всего градуса на 2–3 теплее тела, но все же помыться и такой водой большое удовольствие. Последний раз мы получали это удовольствие в этой же бане четырнадцать дней тому назад.

Пока девять человек отсиживались в с. Рудое, в ДКА три раза приезжали за нами из арт. корпуса.

И сегодня опять (в 4-й раз) пришла машина. Майор, приехавший с машиной, получил от своего начальства приказ обязательно привезти артистов, хотя бы и не в полном составе. Поэтому рвение он проявлял страшное.

Надо сказать, что майор этот, мягко выражаясь, — странный человек. Узнав, что отставшие приехали, он стал требовать немедленной отправки к ним в корпус. Исай сказал, что люди в бане. Последовала буквально следующая реплика: «Прекратить мытье, у нас баня лучше, там и домоетесь». Дальше разговор происходил в том же духе. Машина была одна, всех, да еще с вещами, забрать она не могла. Встал вопрос, что и кого отправлять вперед. И этот вопрос майор разрешал очень просто — едут люди, а багаж не нужен.

Как же, мол, багаж не нужен, ведь у нас там костюмы и реквизит. «Ничего, там достанем». Где спрашивается достанем, ведь у нас, например, в «Санях» действуют купцы. «Ну что там, подумаешь купцы. Вот на вас ватники, так и играйте». Исай говорит, что, кроме купцов, одно действующее лицо — военный. «Это мы вам можем достать костюм летчика». Самое страшное, что человек все это говорит совершенно серьезно.

Кончается все тем, что выдержанный Исай делает майору маленькое «осаже» и поступает так, как надо нам для дела.

В расположение корпуса мы попадаем довольно поздно, так как в дороге долго занимаемся выпрямлением погнувшейся рулевой тяги.

Оказывается, что спектакль предполагается только на завтра, а сейчас — «Вон в ту избу можно человек семь, в эту человек пять, ну и сюда остальных». Здесь лихого майора сменяет не менее лихой капитан. Наш вопрос об ужине у этого капитана рождает такую реплику: «А разве нельзя без ужина?» Исай спрашивает его, ужинал ли он сам — молчание, а потом после паузы начинаются ссылки на обстоятельства военного времени. Следует аргументация, излюбленная бездельниками, дураками и трепачами. Создается несколько странное положение — абсолютно ничего не организовав, привезли актеров для завтрашнего дня. Прямой смысл был оставить нас до завтра в А., где у нас были и ужин, и квартиры.

Так или иначе, все утрясается. Размещаемся со всячинкой, на ужин получаем банку консервов на пять человек и хлеб. Червячков заморить хватает. Отходим ко сну, кто как может.

Считаю, что лучше всех с этим делом обстоит у меня. У меня своя полная постель: соломенный мат и самодельный спальный мешок. Это нехитрое приспособление дает возможность спать мне в любом углу на полу, а потому я более гарантирован от заповзания многоногих существ, которыми легче обзавестись на кроватях, печках и так далее. К сожалению, эти многоножки появляются чаще и больше, чем это допустимо.

Н. Мозяйкин

11 февраля 1944 г.

Наконец подморозило, и яркое солнышко ослепляло глаза. Позавтракав, все разбрелись по разным сторонам. День прошел без особых происшествий. Вечером играли спектакль «Свадебное путешествие», который прошел хорошо, только 2 раза гас свет.

В. Васильева

Не могу не добавить, что 11 февр. прошло под знаком Меркурия. Дело в том, что местное население при отступлении немцев «попользовалось» продукцией сахарного завода (300 тонн) и теперь с готовностью меняют этот сахар на спички и другие вещи. Ясное дело, что грех было упустить такой случай, гоголь-моголистам и сладостям рай.

Н. Мозяйкин

12 февраля 1944 г.

Утром Исай и постановочная часть уехали за второй группой наших и оставшимся оформлением. Мне пришлось заниматься администрацией: подбирать квартиры для вновь прибывающих, договариваться о питании и спектакле. Целый день промотался с этими делами. Наши задержались в дороге, и спектакль запоздал. Сценические условия очень неудобны для спектакля: сцена маленькая, уборных нет (гримируемся и одеваемся на «сцене»). И перед самым занавесом в центре торчит назойливый столб. Вчера Оболенская, передавая приветствие от театра, с треском налетела на него. Играем «Сани». Первый акт из-за трудных условий проходит немного вяло, но потом разыгрываемся и спектакль кончаем с подъемом. Зрители очень довольны. Генерал-полковник, «хозяин» части, горячо благодарил за спектакль. Часам к 12 ночи добрались до своих хозяек и заснули богатырским сном под вой ветра. Погода все хуже и хуже, все дороги развезло, наверное, придется еще не раз «загорать» в дороге.

А. Граве

13 февраля 1944 г.

Разбудил Мозяй (правда, уже в первом часу дня) своим мощным гласом, рассказывавший о майоре, который восхвалял наш спектакль: «Как будто я в Москве побывал в настоящем, хорошем театре, трудно сказать даже, что понравилось больше. Позабыл обо всем на свете! И все то прекрасное впечатление, которое осталось от спектакля, испортило кино. (Показывали „Насреддин в Бухаре“, или как иногда здесь называют этот фильм — «На середине в Бухаре») Сразу почувствовал, что я в клубе, что надо идти по колону в грязи в свою хатенку с тусклым фитильком».

Так говорил майор.

А грязь действительно феерическая, непролазная, всасывающая идущие конечности. И конца ей не предвидится.

Вечером в клубе концерт. Сделали помост, зрителям стало виднее; яркий свет, это очень приятно, поднимает настроение у зрителей и у актеров. Только очень тесно за кулисами, приходится извиваться, чтобы не задевать занавески.

Хочется отметить молодую дебютантку Дизи, достойную заместительницу Софьи Васильевны. Она справляется с работой молодцом, спокойно, быстро, аккуратно.

Концерт проходит нормально, хорошо принимается как всегда. С особенным подъемом идет «Теплый ветер», актеры соревнуются в «давании темперамента» («дрозда»). Затем обычное: ужин, сон.

А. Данилович

14 февраля 1944 г.

Сегодня месяц, как мы выехали из Москвы. Итоги за месяц подводить трудно, т. к. много времени прошло в пути. Утром все были предупреждены, что завтрак назначается позднее — на 10 ч. 30 м. и для всех сразу, будет кто-то от командования, а затем поедем в часть.

Завтрак действительно удался на славу! — Вкусная водка, крепкая, ароматная, к тому же мясные биточки с картофелем, пельмени сибирские и соленьишки помидорчики. Шумно и весело, разумеется, прошел завтрак. В конце завтрака появляется полковник Н. Он искренне благодарит актеров, делает несколько замечаний и, пожелав плодотворной работы, огорчил всех тем, что переменял свое решение о посылке нас под Бердичев... Или остаемся еще здесь играть «Нашего корреспондента», или уедем в др. часть... Расходимся; я и мои однокотомочники Липский и Марковина решили отдохнуть, прилечь. Я сразу заснул богатырски. Не знаю, долог ли был сон или короток, но разбужен я был шумом мотора автомобиля, стоящего у хаты.

Обстановка переменялась, и нас могут принять в Бердичеве, где уже ждут три дня. Все вещи уже погружены, люди в машинах, не все, правда, и еще идет легкая перебранка в машине, где главным едет Сентюлёв. Хорошо, что у нас вещи были собраны, мы их быстро закинули в машину. И вот уже два «студебекера» легко катят по вязкой грязи актеров с их пожитками, работников постановочной части с декорациями. Машинам нашим не страшна и грязь! Через часа два–три проезжаем Бердичев. Город в развалинах, населения мало, немного домов со стеклами! Несколько раздавшихся взрывов нашими специалистами были приняты за выстрелы нашей артиллерии, а поздно вечером старшина и боец какой-то клялись, что обстреливали город из дальнобойных орудий. Кто ж тут разберется, что это были за взрывы? Быстро проехав город, остановились где-то на пустыре за городом. Минут 10 постояли, сопровождавший нас старшина бежит с новым известием: едем еще километров 10–15, где уже нас ждут и зритель, и почти обед! Едем по шоссе, много валяется разбитых машин, тракторов. Засветло доехали до деревни Моркуши, кажется, но размещаться пришлось, когда уже совсем стемнело. Отведенные здешним комендантом хаты для нас были почти все заняты военными. Коменданта пустили куда-то, а бедный Граве бегаёт из дома в дом, ничего не может сделать... А из клуба пришел какой-то военный — кричит: «Люди собрались, три часа уж ждут вас, поезжайте без обеда давать концерт!»

Приехали в столовую в девять часов вечера, надеясь на горячий супчик, проголодались с утренних пельменей, да и продрогли за длинную дорогу порядочно. Но и здесь не повезло: холодная ячневая каша, холодная сладкая водичка вместо чая.

А в зрительном зале (большая комната в школе) хотя и ждали нас четыре часа и зрителей полным-полно, но, а ничего не готово. Нет ни света, ни стола, ни стула... Оборудовали сцену, свет оказался плохой — одна тускло горящая лампочка от аккумулятора. Спектакль играется без грима — только наклейки. Начали в 10.30.

А. Котрелёв

15 февраля 1944 г.

Еще с вечера были разговоры, что ночью нас отправят обратно, но все-таки ночь прошла спокойно, и мы уезжаем утром, правда, без завтрака, так как наши хозяева или уехали, или собираются уезжать. Едем опять через разрушенный Бердичев за 7 километров от города, в деревню Хажин. Приезжаем, квартир нет. Нас ждали, говорят, два дня, забронировали квартиры, но они заняты. Граве со старшиной уходят в одну сторону, я с нач. клуба в другую, на поиски квартир. А актеры ютятся в одной хатке, греются. Уже два часа, время обедать, а квартир все еще нет. Наконец решаем сначала пообедать, а потом разместиться. Возвращается Граве с плохими вестьюми — квартир мало и разместить людей трудно. В отступление от правила размещаемся в разных концах деревни. После небольшого отдыха едем на спектакль. Спектакль играем в бывшем немецком бараке, на третьем этаже. Помещение небольшое, но уютное, тепло. Спектакль смотрит А. И. Ремизова и после спектакля делает замечания. Спектакль прошел очень хорошо. В заключение несколько слов о наших внутренних делах. Вчера произошло несколько инцидентов, о которых не хочется упоминать, но которые прошли без всякой реакции со стороны руководства и месткома нашего. Хотелось бы, чтобы в нашем коллективе актерам почаще напоминали, что актеру недостаточно быть талантливым, а надо быть культурным и воспитанным. Иначе наш хороший коллектив может скатиться до уровня обычного профессионального театра.

Б. Королёв

16 февраля 1944 г.

На сегодняшний день с вечера ничего не было известно. Либо мы уезжаем, либо остаемся еще на день. Утром в 9 ч. все были разбужены Котрелёвым, который сообщил о прибытии машин и о нашем срочном отъезде в Червонное. План нашей работы в дальнейшем должен выясниться в Червонном, можем отправиться обслуживать еще какую-нибудь дивизию, а можем попасть в Андрушевку. Все собрались быстро, часть отправилась пешком, а остальные на машине в столовую, где нас очень скромно покормили. Наконец все готово, вещи погружены, люди на своих местах, и машины трогаются. Узнаем несчастье: у Блажиной потерян паспорт, придется в Бердичеве заезжать в Управление НКВД.

В Бердичеве остановка у базара, все сделали покупки, в основном свечи. Дорога хорошая — шоссе. На повороте с шоссе на плохую дорогу в Червонное остановилась 2-я машина, наша проскочила. Шофер убеждал, что шоссе идет до Червонного, только дорога длиннее. Все решили, что лучше дольше ехать, но по хорошей дороге. Так мы разделились на 2 группы. 2-я машина оказалась вправо. Через 40 мин. она была на месте. А мы сбились с пути, потом потеряли совершенно дорогу и часа два с половиной кружились в поле, отыскивая выход на дорогу. Все замерзли, погода испортилась, сильный ветер, пошел снег. После ада путешествия в 8 ч. вечера мы наконец добрались до места. Усталых и голодных, нас накормили гречневой кашей и сладким чаем. На 10 ч. вечера назначен «Наш корреспондент», а завтра с утра отправимся дальше. Спектакль шел в страшной тесноте и холоде, потому что нас не ждали и ничего не приготовили. Но прошел спектакль успешно, принимали хорошо. Уставшие актеры за целый день дороги и после спектакля, сыгранного в наитруднейших условиях, в 2 ч. ночи разошлись по своим хатам на покой.

Д. Марковина

17 февраля 1944 г.

Переночевав в Червоном и там же сегодня позавтракав, мы едем в одну из дивизий. Машин две — с крытым верхом «форд» и открытая «студебекер». На открытую грузим все имущество и личные вещи, на ней едут три человека (Сентюлёв, Голубев, Мозяйкин), а остальные в закрытой. Дорога через Андрушевку. Там заехали в ДКА. При нас туда приехала опереточная группа. Из ДКА «форд» едет к клубу, где на минуточку повидались с Сергей Савельевичем.

Обе машины пошаливают. «Студебекер» по невниманию шофера вышел из Червоного без воды в радиаторе. Шофер — аховый, вроде Гриши с Калининского фронта. Испортив радиатор, он всю дорогу занимается подливанием воды. Но так или иначе, мы едем. Хуже оказалось дело с «фордом» — отказала подача бензина, и он сильно задержался в дороге.

К месту назначения — Андрушки — «студебекер» пришел в 18.10, а «форд» в 20.30, так что никаких выступлений не было. Хорошо еще, что «форд» добрался сегодня, а то сейчас сильнейший снегопад и метель, и «загорать» в такую погоду в поле — плохое удовольствие.

По приезде всех в Андрушки — ужин (он же и обед на сегодня), а потом кое-как уже ночью размещаемся по комнаткам работников сахарного завода.

Завтра будем доразмещаться. Кажется, еще будет баня.

Завтра исполняется два года с момента как театр им. Евг. Вахтангова выделил специальную бригаду, выросшую теперь до фронтового филиала, для планомерного обслуживания частей Действующей Красной Армии.

Это, так сказать, наш юбилей. Десять человек ездят два года — Блажина, Васильева, Граве, Голубев, Данилович, Данчева, Лебедев А., Мозяйкин, Соловьёв и Спектор.

Н. Мозяйкин

18 февраля 1944 г.

Два года работы на фронте.

Вечерний спектакль «Свадебное путешествие» прошел особенно хорошо, к тому же сцена с хорошим светом.

На спектакле присутствовало все командование дивизии. После спектакля генерал пригласил всех на ужин по случаю двухлетней работы не фронте. Ужин был скромно сервирован, но с большим содержанием и вкусом. Начальник штаба — полковник поздравил коллектив с юбилейной датой и пожелал дальнейших успехов, затем выступил Спектор.

Ужин продолжался до 3 час. утра. Пели песни, плясали и т. д. Некоторые товарищи не могли осилить спирт.

Вьюга и метель заставили несколько человек остаться ночевать в столовой, а группа, идущая домой, шла цепочкой, чтоб не растеряться и не замерзнуть. Кстати, сегодня замерз на дороге один боец, причина не выяснена.

П. Сентюлёв

19 февраля 1944 г.

С утра концерт, а вечером спектакль «Сани». День настолько оказался наполнен работой, что нельзя отмечать в нашем быту. Спектакли же идут здесь очень хорошо. Удобная, большая сцена, яркий настоящий свет, прекрасный прием у зрителей. Чего же еще желать? Правда, холодно очень, но печка сегодня уже горит лучше, чем вчера, т. ч. жить можно. Должны 21-го уехать в другую часть, но есть надежда, что часть приедет к нам, очень бы этого хотелось. Такие хорошие условия для работы — редкость. Итак, день нормально удачный.

А. Ремизова

20 февраля 1944 г.

Живем на сах. заводе. Играем в заводском клубе. День свободный, вечером «Свадебное».

<Без подписи>

21 февраля 1944 г.

Утром концерт, вечером «Наш корреспондент», и после спектакля баня.

<Без подписи>

22 февраля 1944 г.

Утро концерт, вечером «Сани».

<Без подписи>

23 февраля 1944 г.

Маленький выезд — за 12 км. Играли концерт в абсолютно «зимнем» помещении — полуразрушенная конюшня, двери, как ворота, и со стороны «зала» они сняты. Вьюгой намело снег. За кулисами печь из железной бочки, и около нее можно существовать.

После концерта обед и усиленные уговоры остаться до завтра. Играть второй раз в этом помещении мы не рискнули, да и хозяева сами понимают, что это немыслимо, а оставляют нас на ужин в честь 26-й год. Кр. Арм.

Но мы возвращаемся на сах. завод в Андрушки.

Вечер свободный. Нас всех приглашают на вечер и ужин по случаю годовщ. Кр. Арм. Идут желающие. Все кончается благополучно.

<Без подписи>

24 февраля 1944 г.

День свободный, вечером заключительный концерт.

<Без подписи>

25 февраля 1944 г.

После завтрака назначен отъезд в ДКА. Недоразумение с машиной — пока мы завтракали, одну машину разгрузили и угнали.

Добрались до Андрушевки, где и ночевали.

<Без подписи>

26 февраля 1944 г.

День свободный, вечером «Сани» — смотрит С. С. Шатилов. Неожиданно для всех после спектакля он со сцены, при зрителях, поздравляет нас с двухлетним юбилеем и зачитывает приказы командования (Ватутин, Крайнюков) о награждении нас часами. Часы получают двадцать два человека (весь состав этой поездки, за исключением «новеньких» В. Москвина и Д. Марковиной, плюс худ. рук. Орочко), не получившим часов, в том числе и не участвующим в данной поездке, выражается благодарность.

Кроме того, С. С. Шатилов всенародно со сцены говорит о том, что командование фронта возбуждает ходатайство о награждении личного состава Фронтowego филиала Правительственными наградами.

Не менее неожиданно в столовой ДКА торжественный ужин. Присутствует С. С. Шатилов, его заместители, редактор газеты «За честь родины» и другие военные товарищи.

За ужином С. С. Шатилов вручает нам часы.

Ужин кончается благополучно, несмотря на изрядное количество спиртного.

<Без подписи>

27 февраля 1944 г.

Состав «Свадебного» уезжает к танкистам генерал-полковника Рыбалко. Житомир — проездом.

Поздно вечером добрались до места и разместились кое-как на ночлег.

<Без подписи>

28 февраля 1944 г.

День пустой.

Исай ездил к нач. политотдела полковнику Капнику. Это тоже, как и Рыбалко, старый знакомый по прошлой зиме и по совместному пути от Кантемировки до Харькова.

Капник встретил Исайя очень приветливо и сказал, что теперь мы у них задержимся надолго. Что значит «долго» — еще неизвестно. Вечером спектакль «Свадебное» во 2-м эшелоне.

За оставшимися в Андрушевке ушла машина.

Н. Мозяйкин

29 февраля 1944 г.

В 9.30 подъем и приказ немедленно идти на завтрак, так как часть, при которой мы сейчас существуем, снимается и уезжает вместе со столовой. Быстро завтракаем и получаем продукты на остальной день, которые мы уже должны варить сами.

После завтрака обещанная баня, которую мы все с нетерпением ждем. Первые уходят мужчины, женщины должны идти через полчаса. Но не проходит и четверти часа, как новое распоряжение: идти в баню всем немедленно, так как баня тоже снимается. Спешим, бежим, так страшно не помыться! Баня великолепная: просторная, горячая с массой мягкой воды — одна беда, почти нету холодной! Шпаримся, обжигаемся, но моемся с упоением. Тем временем баня уже начинает сниматься. Уже сняли одни двери и еще что-то, торопят, стучатся уже в наши двери. В страхе, как бы не очутиться на улице, шпаримся еще сильнее, от пара уже ничего не видно, но домываемся благополучно, даже в последний момент, какой-то великодушный боец подбрасывает нам парочку ведер холодной воды, чем приводит нас в совсем хорошее настроение. Но жизнь не остановишь — не успеваем мы одеться, как уже летит кирпич, за ним другой, ломается печка, вынимают котлы, прощай баня! Спасибо тебе за хорошее мытье! Дома встречают нас тем, что через час—полтора мы тоже можем уехать. Быть готовыми, ждать машин, но... на всякий случай варить обед. Варим. Пилим, колем, рубим, топим, — в результате обед. Машин нет и вряд ли будут сегодня. наших остальных товарищей тоже пока нету. Подыскиваются пока им комнаты. Вторая половина дня проходит спокойно и тихо. Все отдыхают сообразно своим склонностям. Кто за книжкой, кто за преферансом, кто за вязаньем. Конечно, проверка времени занимает среди всего этого не последнее место. И те, у кого часы не ушли ни на полминуты, чувствуют себя счастливее тех, у кого за сутки на полторы минуты отстали.

Т. Блажина

P.S. Забыла написать, что весь день сильно бомбили какую-то станцию неподалеку от нас и обстреливали какой-то мост, тоже поблизости. Говорят, его обстреливают уже давно, но все время полтора км. недолет.

День закончился еще одним мероприятием — нас пригласили к себе в гости артисты армейского ансамбля и показывали нам свои номера. Это молодой ансамбль — они дали всего 5 концертов. Руководит ими талантливый музыкант, по профессии техник-рентгенолог тов. Гутман. Программа очень всем понравилась — не похоже на обычные ансамбли.

1 марта 1944 г.

Утро серое, туманное. Отъезд назначен на 8 утра, но уже 10 часов, а все мирно спят, ну, в общем, все как полагается, часов через 5 будут, может быть, машины. Наших все нет как нет. Наконец в 1 час дня приходят долгожданные машины, и мы быстро грузимся. Едем. Куда? Начались споры, предположения. Некоторые утверждали, что на Львов, некоторые — на Винницу, а другие даже предположили Червоницу и Одессу. Подъезжаем к шоссе, и волнительный момент — куда повернет машина. Поворачиваем на Шепетовку, на запад. По шоссе едем быстро и хорошо, но вот поворот направо, и счастье кончается — проселочная дорога. Мимо проходят танки, которым все дорожные неприятности ничего не стоят. Вот показались на дороге первые «утопленники» — цистерна, полуторка, и очередь доходит до нас. Стоим часа 3. Затем наша машина вырывается вперед. «Свечерело, дрожь в конях». Устали, подзамерзли, кругом поле, населенных пунктов незаметно. Но вот вдали появились желанные огоньки, и мы в деревне. Разместились довольно быстро, правда, без «комфорта» — в двух комнатах малюсеньких 15 человек, легли как дрова вповалку. Попили чаю, и жизнь сразу стала сносной. Завтра опять в путь.

В. Васильева

2 марта 1944 г.

Ночь дежурили у машины. Утром прибыли три отставших «Коломбины». Часов в 12 двинулись в путь. Переехали границу XIX в. и прокатились по бывшей Польше. Ничего особенного, только молодежь в особых картузиках и попался один ксендз, который нам почему-то откозырял. Днем прибыли на новое место. Весь день и всю ночь идут танки. Количество их огромно. Кое-как устраиваемся с ночлегом. О догоняющей нас группе ничего не слышно.

А. Граве

3 марта 1944 г.

Днем ничего особенного. В половине шестого назначен отъезд на новое место, это километров 12 отсюда, вперед на запад. Уложили вещи. Ждем. В восьмом часу Исай и Граве пошли в АХО получать продукты, т. к. столовая должна уехать. Дизи и я прилепились к ним, чтобы прогуляться, уж очень хороша погода. Дошли до шоссе, и тут нам попался навстречу зам. нач. ДКА армии, который должен был привести группу, оставшуюся в ДКА. «Привезли наших?» — «Да... они тут недалеко»... (Вид у него взволнованный, взъерошенный). «Где?» — «Километров 10 отсюда, они потерпели аварию... Перевернулась машина»... — «Все живы?» — «Да, только одному придавило руку». Ужасно взволновались, это не шутка. Недаром я так боюсь ездить на машинах, что всегда вызывает насмешки со стороны Моззя.

Хлопочут насчет высылки машины пострадавшим. (Наш отъезд по счастью задержался — нет машин). Наконец машину посылают. 9 ч., 10 ч., 12 ч. Засыпаем одетые в ожидании приезда. И уже в 3-м часу утра наконец приезжают наши бедняжки.

Бутырскову Юре сильно ушибло руку, она вспухла у него на плече. Асик делает ему перевязку, он стонет, чуть не теряет сознание от боли.

У Липского сильный ушиб поясницы. Тоже опухоль. Из наших больше, слава богу, никто не пострадал. Лейтенант, ехавший с нашими, получил сотрясение мозга и тоже ушибы.

Оказывается, шофер был пьян, дорога здесь очень узенькая, и он вертанул неудачно. Хорошо еще, что скорость была небольшая.

А. Данилович

4 марта 1944 г.

Очень хочется спать, но в нашем доме, куда нас привели сегодня в четвертом часу утра, поднялись уже «ансамблисты». Их 10 человек, нас двое, да и то «побитые» — Липский да ваш слуга покорный... А ансамблисты уже «спивают» и на баяне играют. Приходится вставать, т. к. я лежу у двери и все мимо меня спуют: и десять ансамблистов, и хозяйка, и две хорошенькие девочки — хозяйские дочки — Оля и Вера, одной 9 лет, др. 6, и Боря — 13-летний хозяин дома. А меньшей Вере очень интересно: что за дядька приехал. Еще она меня пробовала было будить, когда еще было совсем темно: поправляя одеяло тихо говорила: «Дядька, вставайте снадать», потом что-то пела, но я на провокацию не поддался и заснул.

Но делать нечего, спать нет мочи, приходится подыматься. Состояние наше неважное, как будто вою ночь пили, а потом нас били, — сказывается трехдневная дорога с падением. Подсчитываем с Липским синяки и шишки. Наконец после долгой дороги, горячий чай, лапша — в столовой, но поесть с аппетитом не дают, торопят — столовая, видите ли, снимается и уезжает дальше.

Поспать днем никак не удастся, играют все духовые и часть струнных, и все в одно время, как в Большом театре перед поднятием занавеса... А ребяташки наперебой показывают свои способности: мальчик вяжет на спицах из самодельной шерсти. Девочки оделись в вязаные костюмчики, жирные,

правда, но красивые, и кофточки, и юбочки со стрелкой — это связал мальчик. Он учит вязать какой-то новой вязкой Дизио.

Вечером «Свадебное», и «раненые», надо же им наконец показаться врачу (Юра и И. К.*), уехали дальше.

Поздно вечером оставленные здесь артисты пили чай и вспоминали вчерашний день с приключениями. Заболел Борис М., остальные чувствуют себя нормально. Ждем машины.

<Без подписи>

5 марта 1944 г.

Вот уже второй день после аварии мы вместе. За вчерашний день все отдохнули, отоспались. Котрелёв вчера не решился описать наши похождения, Мозяй обязывает меня описать наши злоключения. Когда это началось? Началось это к вечеру 1-го марта. Машина за нами пришла в четвертом часу. Ехать или нет? Товарищи предупреждают меня, что шофер навеселе — ехать опасно. Капитан, приехавший за нами, убеждает ехать скорее и ручается за шофера. Выезжаем в шесть вечера и к восьми (в девятом) приезжаем в Житомир. Красивый город, в садах, с глубокими оврагами и высокими горами. Красивые постройки. Ночуем в Житомире. Утром вместо шести утра, уезжаем в десять. Задержали поиски масла для машины. Благополучно приезжаем на то место, где должны быть наши, но, увы, их уже нет. Нет никакой записки, ни масла, ни бензина. Пока мы едим, кто что где достал, шофер добывает немного масла, и мы едем. Выезжаем на шоссе и едем мимо Барановки на Шепетовку. Дорогой выясняем, что на Шепетовку ехать нельзя (обстрел), и нам дают другой маршрут. Подъезжаем к намеченному месту стоянки — рядом аэродром, жел. дор. станция, прожекторная установка, и мы решаем проехать еще 10 километров. В темноте

* Липский И. К.

и грязи преодолеваем эти километры, ищем ночлег. Нашли хорошую комнату, но неудача: хозяйка, после того, как мы разгрузили все вещи, говорит, что у нее ночевали тифозные больные. Ищем другие комнаты и с трудом размещаемся. Отдыхаем ночью под шум проходящих танков. В середине ночи большинство наших домиков заполняется пришедшими на ночлег солдатами. Утром я не мог пройти через кухню, все было сплошь занято лежащими бойцами. Отъезд наш опять задерживается — шофер не может завести машину. Тем временем выясняется, что дальше по маршруту проехать нельзя — грязь непролазная. В 12 часов выезжаем обратно на шепетовское шоссе и едем на Шепетовку. Подъезжая к Шепетовке слышим артобстрел, но Шепетовку минуем вполне благополучно и едем на Славуту. Около Славуты стоим на перекрестке. Надо достать бензина и масла. Идем на пункт — неудача. Одни уезжают — другие не приехали, продуктов нет. Возвращаемся — опять неудача — есть и бензин и масло, но пропал шофер со старшиной. Проходит больше часа, пока они возвращаются — оба на веселе. Заправляем машину и едем. Шофер ведет машину с большой скоростью. Мы обгоняем все попутные машины, хотя майор и останавливает шофера. Мы шаркаемся об одну из попутных машин, чуть не сбиваем теленка на спуске с горы и делаем такие крутые повороты на закруглениях, что становится страшно. Около Острога машина чудом проскакивает через мост (был момент, когда казалось, что мы слетим с моста в воду). И неожиданно останавливаемся — вышел бензин. Кое-как добираемся до города и здесь достаем еще ведро бензина. До места остается не более 12 километров, полюбовавшись на город (замок, собор, костел и многие постройки очень красивы), трогаемся в путь, и тут-то и происходит авария. При выезде из пригорода шофер хочет обогнать мотоциклиста на спуске с горы. Машина делает резкий поворот влево, становится чуть не поперек дороги, потом вывертывается вправо и летит с шоссе вниз (насыпь шоссе не меньше двух метров). Никто не успевает крикнуть, как машина уже лежит на боку. Люди и ящики с левой стороны летят на людей, находившихся на правой стороне. Быстро выскакивает Асмик, за ней я с разбитыми очками. Коля

Лебедев лежит улыбаясь, но Липский и Бутырсков не могут пошевелиться. Наконец все выбираются из-под вещей. Больше всех пострадали — лейтенант, Бутырсков и Липский. Капитан и я пробуем уговорить проезжающие машины захватить их до санбата, но безуспешно. Наконец мне удается уговорить одного капитана на «виллисе» взять с собой нашего капитана. Он уезжает, а мы после безуспешных попыток поднять нашу машину, переносим в соседний дом наши вещи. Юмор возвращается к нам, и все начинают вспоминать смешные моменты аварии, причем больше всех достается мне — говорят, очень смешной имел я вид, половина разбитых очков на носу, вроде рогового моногля. Размещаем сначала больных, потом здоровых, я безуспешно ищу санбат — все переехали. Ночью, в 12 часов, за нами приезжает капитан, и мы благополучно добираемся до места. Это было 3-го вечером, а сегодня утром за нами приходит машина, и мы едем к своим. Узнаем, что они ночью до 3 часов тащили на гору свою машину. Размещаемся, обедаем, идем в баню, но неудачно. Один подполковник гонит нас из бани. Только я и Коля Лебедев несмотря на его запрет, раздеваемся и благополучно моемся. Остальные актеры обиделись и ушли, баню для наших назначают на завтра на 8 часов утра. Спектакля нет — все рано укладываются спать. Был у нас полковник К., рассказывал много интересного — начинается большое наступление.

Б. Королёв

6 марта 1944 г.

Ничего не написала Д. Марковина за свои дни 6 и 7 марта. Пропустила все сроки, а потом совсем отказалась писать.

<Без подписи>

8 марта 1944 г.

В связи с прорывом и наступлением на этом участке фронта, идут каждодневные передвижки, что и не давало возможности организовать в эти дни наших выступлений. Сегодня играем концерт во 2-м эшелоне, а завтра надеемся догнать 1-й эшелон и начать обслуживание частей, осуществивших прорыв и глубокое продвижение.

Концерт прошел, на мой взгляд, ниже среднего и по качеству, и по приему. Из-за большого перерыва что ли?

Н. Мозяйкин

9 марта 1944 г.

Плужное. Сидим без машин уже несколько суток. Дороги плохие. Без дела, без перспектив. Сегодня сказали, что ушедшие вперед машины застряли в дороге, значит, когда они придут на место, когда обратно пойдут за нами, — неизвестно. День, как и все, в этом месте дни, весьма скучный и без всяких обычных наших тревог. Завтрак, обед, ужин. Плохое от этого настроение. Ждем дела.

Р. Оболенская

10 марта 1944 г.

Продолжается ожидание машин. Судя по сводке, идут большие бои. Наша армия оторвана от нас километров на сто. Машин, которые идут за нами, застряли (дождь, снег, невылазная грязь), этим объясняется наша задержка в Плужном. Духом не падаем. На войне как на войне!

А. Ремизова

11 марта 1944 г.

Сегодняшний день ознаменовался тремя выдающимися событиями.

Первое. Приехал капитан от полковника узнать, как мы живем. Это уже приятно, такое не совсем забыли, есть надежда соединиться с армией.

Второе. Соревнование по вязанию свитеров, кофточек и джемперов, начатое 1-го числа, подходит к концу. Вероника первая пришла к финишу. Ее время 240 часов, из которых: 50 часов на сон, 45 часов на принятие пищи, 6 часов на производство (игра спектаклей), 5 часов на установление рисунка, 10 часов на примерки, 5 часов на спор, в одну нитку вязать или в две. Таким образом потраченное время на вязание безрукавки 119 часов. Рекорд!

Второе место оспаривают начинающие вязальщицы, не дающие больших надежд, Блажина Т. И. и Дизи, их время будет исчисляться в тысячи часов.

Весь подсобный материал в округе использован на спицы. Что будем дальше делать? Данчева вяжет чисто, необыкновенно пестрое, не всем нравится, наверное, будет распускать.

Третье. Прикрепление к столовой райпартактива. Столовая приличная и вкусно кормят, жить можно. Все эти дела проходят в ожидании машин, второй раз танкисты 3-й армии удирают от нас, но мы на них не в обиде, они дерутся на славу. Слава им!

П. Сентюлёв

12 марта 1944 г.

Рано начал резвиться предыдущий автор.

Сегодня в 7.30 утра обитатели нашего «коттеджа» были разбужены бархатным баритоном Н. Лебедева, который провозгласил: «Вставайте, вставайте, можем опоздать на завтрак!» Наивные обитатели «коттеджа», в том

числе и «генерал» (Москвин), быстро одевшись (даже не умываясь), побежали в столовую. Остались дома я и А. Лебедев. Через 15 минут возвратился Королёв с сообщением, что никакого завтрака не будет, обед под угрозой. Пришлось спешно подниматься с постели и готовить завтрак. Вернулись «генерал» с Н. Лебедевым и сообщили, что мы опять остаемся у старого корыта, ни с чем.

День сегодня проходит без всяких приключений. Ждем и ждем, когда нас вывезут. Это скучное занятие. Вяжем, читаем.

На площади этого местечка пленные немцы мирно копают землю, выравнивают площадку, сажают деревья.

Приходили к нашей хозяйке ее знакомые женщины, говорили о себе, о том, что они все пойдут пахать, кто сколько сможет, столько и вспашет, кто чем сможет, поможет — «это наша земля, немцев, слава богу, нет, мы сами теперь хозяева». Все это они говорили очень взволнованно, от души. У меня уже даже комок подступил к горлу.

А. Бархударова

13 марта 1944 г.

Сегодня всю ночь стучались и просились ночевать какие-то новые проходящие части. В остальном все по-прежнему — мертво. Живем в полном неведении всего происходящего... Живем предположениями и слухами. Например: днем проезжало мимо нас много понтонов, можно предположить, что уже форсируют Дунай. Утром пронесся слух, что убили или поймали Гитлера, сказала ночевавшая в Плужном докторша!

Среди дня было еще одно необычайное событие: пришел какой-то странного вида незнакомец, просит сыграть спектакль для конференции учителей. Все были сильно взволнованы... Несколько часов было прожито в страшном напряжении!!! Артисты вздрагивали от каждого стука... но никто от учителей так больше и не пришел — спектакль опять не состоялся... Горе! Горе!

Жизнь пошла по-прежнему, но мы бодры, потому что ведь «Капник о нас думает», как уверяет нас капитан Слеповронский. Мы бодры, но на всякий случай, точим свои ножи, так как ко всему, еще кругом рыщут банды бандеровцев. Боже, боже, что нас ожидает ...

Т. Блажина

14 марта 1944 г.

Все тоже Плужное... Утро началось несколько неудачно. Одеваясь, я обнаружила у себя в рукаве мышь, ну можно представить, что тут было... Все видели плохие сны. Несколько рассеяли мрачную атмосферу прелестные олады, приготовленные В. И. Данчевой, факт, который необходимо отметить в нашей однообразной во всех смыслах жизни. Затем все шло своим чередом: вязание, чтение вслух и про себя, грустные звуки баяна и страшные рассказы про бандеровцев. Все мрачней, все более сгущается атмосфера. Вскоре появился какой-то неизвестный человек и попросил сыграть концерт для колхозников. Все смотрели на него с недоверием и некоторым удивлением. Мы так отвыкли играть и все у нас так неудачно выходит с подобного рода предложениями, но на этот раз концерт состоялся, зрителей было много, колхозники и дети, случайно попавшие двое лейтенантов сидели на почетных местах в первом ряду и чувствовали себя генералами. Концерт прошел в хорошем темпе и с успехом. Липский сообщил приятную новость — взят Херсон. (А мы все в Плужном).

Домой идти страшно, темнота, грязь, слышны вдалеке отдельные выстрелы. Кто его знает, что с нами будет...

В. Васильева

15 марта 1944 г.

Наконец пришли долгожданные машины. Торопят с погрузкой. Половина народа уезжает без завтрака. Доезжаем до Каменки и два с половиной часа ждем ансамбля, с тоской вспоминая об оставленном в печке завтраке. Наконец тронулись. Машины набиты до отказа, сидим друг на друге. С трудом добрались до Шепетовки. Кончилось масло, сворачиваем в МТС. Заправляться. Из Шепетовки выезжаем в темноте, дорога ужасная, сплошные пробки. Рядом начинают бить зенитки. «Фриц идет!» Жахают фугаски, ближе, ближе. Пронесло! Включаем фары и дальше в путь. Дорога все хуже и хуже. Шофер, который двое суток не спал, все время клюет носом, и машина то и дело сонно сворачивает к кювету. Приходится все время будить уставшего водителя. Чтобы не заснуть опять, он начинает петь. Это нас успокаивает. В час подъезжаем к Староконстантинову. При свете фар видны груды немецких машин и танков на дороге, следы недавнего боя. Плутаем, плутаем. К двум часам добираемся до места, но квартир нет. Располагаемся в двух крохотных комнатках, из которых одна не топлена. Дрожим и засыпаем. Асмик уверяет, что во всем виноват перебежавший дорогу заяц! Но от этого сознания нам не легче.

А. Граве

16 марта 1944 г.

Сплю дольше всех, что вызывает у одних тайную, у других явную зависть. «Больше спишь — меньше грешишь».

Квартирмейстер и завед. сухим пайком Граве расселяют по хатам. Столовая (гоняться за которой стало нашей главной работой) не могла никак нас дожидаться и уехала вперед. На санитарной машине Граве, Спектор и Катриль едут вдогонку. Заодно и начальство повидают.

Есть-то ведь хочется, черт возьми, хоть ты уже 3-ю неделю почти ничего не делаешь. Война на желудке не отражается никак. Старый знакомый из хозяйства Семеки (главсанупр) сообщил, что Ватутин ранен бандеровцами в ногу. По этому случаю хочется перефразировать Гоголя: «Господи, и так на свете много всякой дряни, а ты еще и бандеровцев наплодил!» Сам Семека отвез командующего в Кремлевскую больницу.

День пасмурный, ветреный. По дороге без конца идут войска, обозы, машины. Низко над хатами проносятся наши «ястребки». Вечереет. В хату заходят бойцы, просятся на ночлег. Но, кроме как с собой в постель, их класть некуда. Приходится отказывать; но хат много, и ночлег они найдут.

За стеной охает и стонет больная старушка. Уютно мурлыкает песенку кот с классическим кошачьим именем Васька, ласково трется об мою ногу, подняв хвост трубой. Где-то далеко-далеко родная Москва, и все, кто остались в ней, дорогие, близкие...

10 ч. вечера. Наши все еще не возвращались. Тишина немая, нарушаемая изредка проходящей машиной да стонами бабки. Спать что ли?

Около 12 ночи вернулись наши «разведчики» с пустыми руками, голодные, злые. Им дали неверный адрес. Машина засела в грязи, горючее кончилось. Исходив километров 15 пешком, они на попутных машинах вернулись домой.

А. Данилович

17 марта 1944 г.

Сегодня день у меня какой-то смурной получился: ко сну отходил я дважды — в четыре, в десять ч. утра, но поспать толком так и не пришлось. Дело все в том, что 17 марта вышло боком для нас из-за 16 марта. А что же такое произошло 16 марта? Ничего не попишешь, придется написать и о вчерашнем дне, вернее о вчерашнем путешествии, окончившемся, как говорят, в ничью, то есть, дела мы не сделали, но хоть вернулись-то

целыми-невредимыми и довольно быстро — около трех утра... Поехали мы, что называется, за пропитанием для начинающих голодать артистов, во 2-й эшелон. Спектор должен был заехать в соседнюю деревню увидеться с т. Капником и договориться о нашей дальнейшей работе в этой армии. Граве и в. с. п., имея подмышкой с полдюжины мешков разных размеров, уже прикидывали, где и как производить дележку-раздачу сухого пайка. Возглавлял своего рода экспедицию капитан Сайко. Машину предоставил нам ст. лейтенант Васильев из Сан. упр.; он давно уже ищет 2-й эшелон, и случайно встретив его в Григоровке, мы и подбили его на данное путешествие. Он выручил нас из создавшегося тяжелого положения. Мы от души хотели помочь ему разыскать часть... Капитан Сайко вчера вечером еще узнал от кого-то, в какой деревне расположилось хозяйство и по своей большой фронтовой карте наметил маршрут. Итак, сверив часы-подарки, — это артисты, и проверив еще раз по карте путь следования, — это капитан, ст. лейтенант и водитель, мы ровно в три часа влезли в маленькую санитарную машину-ковчег, и тронулись... Карта у Сайко в левой руке, он сидит на каком-то узле и правой рукой держится за сиденье, напр. сидит т. Васильев... Спектор и в. с. п. уселись на лавочку. Граве — на бидон, и все трое уцепились руками за поручень в виде палки, проходящей вдоль машины у потолка, т. к. бросает нас из стороны в сторону страшно. Шоссе — свидетель, вернее плацдарм вчерашних боев, избито, исковеркано вдоль и поперек. На каждом шагу строения, черные, обгорелые скелеты немецких автомашин, бронетранспортеров и «тигров» и «пантер». Несколько дней назад это было в действии — сейчас, в лучшем случае, металлолом. Движение по шоссе, как по Садовой что ли: обгоняем машины, кавалерию, пехоту, нас обгоняют танки... Подбрасывает, мотает во все стороны, устали руки держаться... Скамейка под нами сломалась, бидон из-под Граве давно выскользнул — сидим на полу, только бы не укачало. Только Сайко упорно не расстается с картой — едем правильно. Проезжаем г. Красилов; Сайко уверен, что едем правильно, не останавливая машины, проезжаем город. Еще 10 км до Дубищенской Волицы — это наша цель, сворачиваем

на проселок, дорога еще хуже, разумеется. Подозрительно, что здесь нет следов автомашин. Въезжаем в деревню Дубица, это в 3 км от Дубищенской Волицы, машина застревает в грязи. Быстро сбегаются деревенские ребята, из окон наблюдают любопытные старухи... Как же, очень интересно: мы оказались первыми красными в деревне! Немцы здесь не стояли, но из соседнего села ушли пять дней тому назад; сюда приезжали за «яйками и млеком»... Это все рассказывает словоохотливый старик лет 60, остальное население на «эродроме робит». Ребята принесли лопатки. Провозились в липкой, мороженой грязи с полчаса, но вытащить машины не удалось... Кончилось горючее... Принимаем реплики, оставив с машиной водителя, идти скорее в Дубищенскую Волицу и прислать сюда машину и бензин. Быстро, бодро и весело огородами входим в деревню, но... село пусто — ни одного военного, ни одной машины! Ночью только прошел обоз, да позавчера в крайнюю хату зашел на ночевку солдат, но, оставив винтовку и шинель, скрылся в неизвестном направлении: «чи бандит, чи...».

Село большое, надо пройти его все... Собаки лают, гуси гогочут, из всех хат любопытно разглядывают пришедших... Выходим на высоту — видно шоссе, до Красилова напрямик 5 км... Порешили зайти в хату поесть и пешком в Красилов. Угостили нас рассказами, молоком, ячменным хлебом... Селян нашло полная хата, пошли расспросы, завязалась беседа, время восьмой час, надо засветло прийти в Красилов. Идем быстро, но уже не так весело... Марш в 5 км по огородам и полям пройден в минут 45... Бензину не достали, но где 2-й эшелон, узнали: еще 13 км, но в другую сторону... Темно и холодно, сыпет крупа... Что же делать? Обрато в Григоровку и на попутных машинах! Прошли по шоссе километра 2, но ни одна машина нас не посадила, впереди еще 25 км. Догоняет ЗиС, фары у него еле-еле светятся, лейтенант на ходу в него стучит по кузову изо всех сил — машина останавливается... Но ЗиС, оказывается, идет только 7 км, нам уж хоть бы немножко, но вперед. Залезаем все в кузов, где стоят две полные бочки бензина... Машина едет медленно, но что-то подозрительно: то влево к кювету, то вправо. Как только она к кювету, мы кричим — шофер

выравнивает машину. Но вот поворот, а машина прямо, мы кричать, тормоз, и мы над обрывом... Чертовски страшно! Проверяем шофера, он не пьяный, но видит плохо, т. к. фара еле горит. На крыло становится Сайко и кричит водителю: левее, правее, стоп, назад, прямо. Перегоняют и встречаются быстро мчащиеся машины с полным светом. Стоим на машине среди бочек, какие-то потерянные, замерзшие, того гляди опять лететь в канаву! Догоняем колонну «студебекеров» и со вздохом облегчения покидаем злосчастный вымотавший и взнервивший нас ЗиС... Повезло: подвезли до деревни... За деревней мост, у моста машины замедляют ход, здесь-то и решили ждать... Две машины проскочили не останавливаясь, и впрыгнуть в них никому не удалось, но третья нас подобрала и довезла до поворота с шоссе в Григоровку... Еще пройти 2 км и уже дом! 3 часа ночи, в девять должны выехать выручать застрявшую машину и за продуктами.

Поехали за продуктами Спектор, Королёв и Лебедев и меня оставили отдохнуть... Днем никаких происшествий, поздно вечером привезли продукты... С трех часов ночи поспать не удалось... В Григоровке остановилась на ночлег пехота... В каждой хате ночевало человек 10–15... Всю ночь стучали в окна и двери, заходили в хаты и ложились под столами, кроватями, в сенях на чердаке. Кошмарная ночь. Наша хозяйка сказала, что ночь была «форфоромеевская».

А. Котрелёв

18 марта 1944 г.

Вчера было решено, что утром приедет Спанко с машинами, и мы уедем в ДКА. Но Спанко приехал только к вечеру без машин, но с запиской в автобат, с приказанием доставить нас в ДКА. Вечером играем концерт для автобата. Концерт задержался из-за света, который не могли нам дать автобатовцы, несмотря на свои богатые возможности. Концерт принимали, как всегда, хорошо. После концерта ужин и затем просмотр фильма

«Джордж из Динки-джаза». Словом, артисты успокоились только в три часа утра, а завтра в 10 часов отъезд.

<Без подписи>

19 марта 1944 г.

Надежды наши на то, что машины опоздают и артисты смогут выспаться — не оправдались. Половина одиннадцатого, пришли машины, и все спешно стали грузиться. Многие вынуждены были оставить в печке недопеченный хлеб и недоваренный суп, а бедная Аня Данилович забыла свой чемодан со всеми своими продуктами и вещами. Дорога подсохла, и ехать гораздо лучше, чем мы ехали несколько дней назад. Солнышко светит и греет, мы любуемся «дугласами», низко летящими нам навстречу. Масса встречных машин. В три часа мы в Шепетовке. Вечером концерт, Граве едет обратно за забытым чемоданом, а я вперед, в ДКА предупредить о нашем приезде. Мне везет, и я быстро добираюсь до ДКА на «виллисе». Очень красивый, чистенький городок, мало разрушений. Сдаю наш аттестат, предупреждаю о нашем приезде, обедаю, и в обратный путь. Он гораздо тяжелее, мне приходится много «голосовать». Добирался на пяти машинах и в девятом часу вечера возвращаюсь к нашим с письмами. Все читают, некоторое время в комнате мертвая тишина, а потом оживленные разговоры о Москве и московских новостях. После концерта — ужин и сон.

Б. Королёв

20 марта 1944 г.

Ночь прошла благополучно, все спали в одной комнате на столах, на ящиках и на полу. Теснота и духота. Я, Липский и Котрелёв спали в комнате, где играли концерт, это все равно что на улице, ни одного стекла,

под утро очень замерзли. Бани никакой не устроили — одни разговоры. Как всегда, все в ожидании машин. На этот раз ждать долго не пришлось. Быстро погрузились, и в путь. Дорога чудесная — шоссе. Погода весенняя, греет солнце. До Славуты добрались в 40 мин. Очень хороший городок. Подъехали к столовой, разгрузились и настало мучительное время — расселение. С растерянными лицами ходят в поисках квартир Королёв и Котрелёв. Квартир нет. Время к вечеру, как всегда, расселяться будем в темноте. Но тут посчастливилось — квартиры, хоть и плохие, но найдены, все расселены. Обед, наконец мы нормально обедаем. До чего надоела эта самостоятельная готовка. Вечером все смотрим кинофильм новый, английский — «Повесть об одном корабле». Картина всем понравилась, все остались в восторге, с приятным чувством удовлетворения все разбрелись по квартирам на сон.

Д. Марковина

P. S. Вернулся Граве, чемодан Данилович не найден.

21 марта 1944 г.

Утром после завтрака — баня. Хорошо сходить в баньку после пятнадцатидневного перерыва. После бани приобретаешь ощущение физической легкости. Хорошо!

День у нас свободный. Посетили — ясное дело — базар. Ассортимент небогатый, но цены подходящие.

После большого перерыва читаем газеты, журналы — входим, так сказать, в курс дел.

Вечером «Свадебное путешествие». Играем в помещении местного городского театра. Очень приличное помещение. Зрителей полным-полно, принимают очень хорошо.

Завтра должно выясниться, что мы будем делать дальше. Есть слух, что мы поедем обслуживать население городов Западной Украины.

Н. Мозяйкин

22 марта 1944 г.

День свободный. Разные хозяйственные дела.

Ю. Бутырскова возили на рентген, и обнаружено, что у него полный перелом со смещением кости. Уже две недели, как он попал в аварию. В хозяйстве Рыбалко его осматривал врач, солидный — майор медицинской службы. Правда, было замечено, что от этого майора попахивает водочкой, но теперь ясно, что он был сильно пьян, если полный перелом он назвал сильным ушибом! Итак, Юрко наш пострадал от двух пьяных — шофер, опрокинувший машину, и этот врач, проморгавший перелом. Прошло две недели, а Бутырсков ходил без шины и вообще какой-либо перевязки.

Теперь срастить его перелом будет значительно сложнее. На днях Юре предстоит обратный путь в Москву. Год назад он заболел и остался в Чугуеве в госпитале. При втором занятии Чугуева немцами Юрко буквально на четвереньках уполз из Чугуева. Теперь ему опять лечиться в госпиталь.

Сергей Савельевич Шатилов еще в отъезде, и поэтому о нашей дальнейшей работе ничего неизвестно.

Н. Мозяйкин

23 марта 1944 г.

Славута. Ждем назначения. Утром смотрим плохую картину — «Секретарь райкома». Обедаем — и день, похожий на недавние дни, проходит тихо без событий.

Собираем Юру Бутырского в Москву — выяснилось, что у него все-таки серьезно с рукой. Было просвечивание и глупо пропущено врачами — перелом все-таки есть. Вечер проходит без спектакля — дома. Пишем в Москву письма. Юра уезжает, наверное, завтра. Плохая, занудливая, мокрая погода. Скоро и все хозяйство отсюда переедет дальше.

Р. Оболенская

24 марта 1944 г.

Живем в Славути хорошо, не считая неприятностей с Бутырским. Сегодня выяснили, что в таком состоянии его отправлять в Москву нельзя. Завтра будут накладывать гипсовую повязку, ставить кость на место и только через несколько дней он может уехать. Все занялись письмами. Вечером был спектакль — «Свадебное путешествие» в офицерском клубе. Хотели сыграть какой-нибудь другой спектакль, но прошлое «Свадебное» так понравилось, что было категорическое требование показать тот же спектакль тем, кому не удалось побывать на прошлом. Успех такой же. Попросят еще сыграть «Сани», не знаю, удастся ли, т. к. мы должны 25-го уезжать в часть.

А. Ремизова

25 марта 1944 г.

День начался волнением за Юрку. Сегодня ему должны поставить кости руки на место, а потом уже и в Москву.

После обеда собрались ехать в дорожно-эксплуатационный батальон, в котором отмечалась годовщина, со спектаклем «Свадебное путешествие». Все было готово к отъезду, как вдруг приезжает машина из танкового корпуса, майор Румянцев обещал тем и другим. Пришлось долго выяснять,

куда же ехать. Дорожники взяли верх. Очень долго, по приезде в Шепетовку утрясали вопрос, как быть, оказывается в программе юбилейного вечера не была предусмотрена художественная часть, в связи с этим чуть-чуть не пришлось ехать обратно. Но Спектор все-таки доказал, что можно посмотреть спектакль. Спектакль прошел очень хорошо. Всем понравился. Командир части благодарил от имени всех присутствующих. Присутствовавших на торжественном ужине, на котором зачитывались приказы по фронту о награждении часами и грамотами. После ужина были танцы — вечер прошел в дружеской обстановке. По приезде в Славуту получили письма.

Бутырскому руку выправить не удалось, образовалась костная мозоль, отправляют срочно в Москву.

П. Сентюлёв

26 марта 1944 г.

Наши приехали из Шепетовки ночью. С утра Королёв поехал в госпиталь за Бутырсковым. Машина из корпуса должна быть погружена в 1 ч. дня, отъезд в 2 ч. Привезли Юру, отправляют его с Черновой из ЦДКА автобусом до Киева, а дальше на поезде до Москвы. Пока все идет по расписанию. Вещи погружены, автобус подан. В 2 ч. отправляем Юру, у него очень расстроенный вид. Жалко парня, все шишки валяются на бедного Макара. В 2.30 выезжаем. Дорога до Шепетовки замечательная. Но зато дальше... это сплошной кошмар. Дорога, бывшая шоссейная, теперь представляет сплошное месиво из камней и грязи. В одном месте застряло машин, наверное, с десятка два – два с половиной, один трактор, пытая и кряхтя, по одному вытягивал их. Благодаря нашим «студебекерам» мы благополучно ползли и довыползли до Щаславля. Сыро, холодно, идет мокрый снег. Озябли. Город, вернее, северная часть города, очень пострадала, сплошные развалины. Проезжаем центр города. Хорошие дома, все новенькие, но, увы, все покалечено. Навстречу нам с песнями идут колонны бойцов.

На площади выстроились автоматчики, стоит военное начальство. Оказывается, сегодня устроен смотр войскам. Машина наша останавливается перед большим зданием с колоннами. Это местный театр на 1200 мест. Прекрасное помещение, с хорошей сценой и зрительным залом. Здесь нам играть, только вот беда — очень холодно. Обещали поставить печки. Относительно быстро нас разместили по квартирам. Сообщили: в 11 ч. веч. все приглашаются на ужин к комбригу.

Хочу отметить, что первый раз за все время нашего путешествия квартиры были приготовлены заранее. Нас здесь приняли очень ласково и тепло.

Ужин прошел в очень хорошей дружественной атмосфере (так пишат о дипломатических обедах).

А. Бархударова

27 марта 1944 г.

Для меня день катастрофический. Утро благополучное — даже приятное: около 10 час. разбудил капитан и сказал, чтобы шли завтракать. После вчерашнего вечера мы немножко заспались. Быстро встали, быстро пошли. Последнее время мы идем завтракать с особенным волнением — потому что за завтраком — сводка газет. По дороге всегда предположения, споры, что-то будет взято сегодня? Перейдем ли границу? Или остановимся? Что с Румынией? Что с Тарнополем? Этим живем сейчас все. После завтрака всей гурьбой идем в штаб, там висит большая карта, на которой заштриховано все наше продвижение. Очень интересно и все понятно, как ни на каком атласе. Любезные наши хозяева любезно объясняют нам все положение с подробностями. Около карты целая очередь. Наконец все удовлетворенные и довольные расходимся по домам. Казалось бы, все прекрасно. Дома нас ожидает приветливый боец тов. Чернов, который у нас вместо хозяина. Мы живем в нежилой квартире — вся семья из 10 чел. ушла с немцами. Добровольно или насильно — разобрать

трудно. Остался один красивый молодой человек в бархатной блузе, который иногда заглядывает в свою квартирку. Тов. Чернов охраняет ее, охраняет наши вещи, когда мы уходим, очень внимательно заботится о нас. Носит нам воду и топит печь. Вот тут-то и заковыка! Топит печь. Вчера, когда мы приехали, в квартире было очень холодно, и он так жарко натопил, что еще с вечера в трубе загорелась сажа, но так как кругом нашего дома масса часовых, они быстро заметили пламя, слезили на крышу и быстро привели все в порядок. Печь топить прекратили; казалось, все было хорошо. Но вот мы возвратились с завтрака. Исай по обыкновению читает нам вслух газеты, мы с Алекс. Исаак слушаем. Вдруг страшный грохот, как будто разорвалась, по меньшей мере, граната, треск и около печки обваливается потолок, вскакиваем, ничего не можем сразу понять! Трах-тара-рах! валятся кирпичи, горящие уголья, балки, штукатурка, обрушивается дальше потолок. Теперь уже ясно, что пожар. Все сразу черно от дыма, засыпает наши вещи на кровати. Выхватываем чемоданы, сапоги, которые мирно сушились. Чернов зовет на помощь. Помощь, сразу же человек 6, заливают водой сверху и снизу, перетаскивают все вещи в соседнюю комнату, потому что время от времени обваливаются куски потолка. Небольшая паника, момент трудноописуемый. Но вот все залито, больше ничего не рухнет, опасность миновала! Мы все черные, закоптелые, проверяем вещи. Обгорел один чемодан Алек. Исак. и — о, горе! один сапог Исая скрючился совершенно, один мой — наполовину. Потеря, конечно, серьезная, но мы очень веселимся, потому что могло быть гораздо хуже. Исай с утра все порывался поставить на это самое место свою кровать. Хорош бы он был сейчас! Отмываемся, отряхиваемся, прибираемся. На место катастрофы собралось уже масса народу — сочувствуют, радуются благополучному исходу. Тов. Чернов совершенно убит. Меньше всего огорчен хозяин, который не спеша приходит и говорит только: «Ах, как неудобно (!?) Вы еще можете подумать, что это нарочно (?) Вот тебе раз (!)» Но смех смехом, а жить в этой квартире больше нельзя. Нам идут подыскивать жилище, и к спектаклю мы наконец переселяемся. Тов. Чернов опять с нами, так как квартира опять без хозяев. Все

довольны. Нам очень хорошо с ним, да и ему, кажется, с нами неплохо. Вечером спектакль «Свадебное» в настоящем, большом театре на 1000 мест. Большая сцена, много света, только адский холод. Волнуемся. Очень хочется, чтобы хорошо прошел спектакль, уж очень гостеприимны и любезны наши хозяева. Народу — битком — в зале шумно — первая картина проходит пониженно, прием хуже обычного. Все встревожены, но уже со второй картины зал успокаивается, спектакль расходуется все лучше и лучше и заканчивается совсем отлично. Настроение очень хорошее.

Т. Блажина

P.S. Сапог Исая пришлось разрезать почти до самого низа, и он (Исай!!!) стал похож на мушкетера — по улице пройти невозможно — все помирают со смеха! Вот беда!

28 марта 1944 г.

В такие дни трудно что-либо писать, т.к. событий никаких особенных не произошло. Утром недомытые мысли в бане, получили большое удовольствие (лично я мылась 1 ч. 40). Вечером играли спектакль «Не в свои сани не садись». Зал был полон, спектакль прошел хорошо. Одно известие было очень приятным, это взятие г. Николаева, а Москва салютовала.

В. Васильева

29 марта 1944 г.

Утром «Свадебное», вечером — концерт. Наконец мы имеем достаточную нагрузку. Приятно работать в большом помещении с хорошим светом. Организаторы теперь держат зал в полном порядке, народу пускают точно по количеству мест, всем видно, все довольны, и нам легче работать.

«Свадебное» проходит хорошо, концерт тоже. В конце утреннего спектакля, случайно взглянув на колосники, обнаружили, человек 10 зайцев, которые сверху смотрели спектакль. К вечеру число «колосниковых зайцев» утроилось.

А. Граве

30 марта 1944 г.

Утром «Сани». Зал, как всегда, полон. Прием очень хороший. Не знаю, как зрители, а мы получаем большое удовольствие от работы здесь. Думаю, что это обоюдное чувство, т. к. отзывы хорошие.

Вечером в 7 ч. 30 м. «Свадебное». На сцене чуть не приключился пожар, от короткого замыкания загорелись провода. Но все быстро ликвидировалось. Опять полон зал. Во время 4-й карт., «колосниковые зайцы» оплевали Бо. Мефо., играющего профессора. А, может, у них просто потекли слюни во время сцены со спиртом.

Больше происшествий не было. Очень холодно на сцене. К этому привыкнуть никак не можем.

Взяли Черновицы.

А. Данилович

31 марта 1944 г.

Лидия Афанасьевна Юрова — фотокорреспондент ЦДКА, присланная к нам для съемок, много поработала сегодня днем на спектакле «Не в свои сани не садись». Жалко, что мало света для съемки в зале совместно с бойцами. Зрителей много — зал полон, в антрактах музыка, играет духовой оркестр. После спектакля у театра выстраивается часть — оркестр играет марш, и зритель удаляется. Солнце, фотокорреспондент тут как тут, — снижает выстроившуюся колонну. А вечером на концерт приходит другая часть

с другой стороны и оркестр другой. Идет концерт... Сегодня в театре за день побывало 1600 ч.

Завтра утром «Сани», вечером «Наш корреспондент».

А. Котрелёв

1 апреля 1944 г.

Утром зашла Дизи и сообщила новость: возможно, завтра поедем в ДКА. Естественное оживление: письма из Москвы, новости. Погода сразу изменилась: снег, пурга такая, как будто бы не апрель, а январь месяц. Непогода застала нас и наших хозяев врасплох. Сцена не утеплена, печки обещанной нет, в зрительном зале гуляет ветер! Трудно работать в таких условиях.

Вечером шел «Наш корреспондент». Спектакль прошел хорошо, слушали внимательно, но после спектакля пришел начальник п. о. и просил на завтра вместо «Корреспондента» — «Сани».

Любят красноармейцы веселые, жизнерадостные, комедийные спектакли!

Б. Королёв

2 апреля 1944 г.

Погода не изменилась, всю ночь выл страшный ветер, снег шел не переставая, утром дверь нашего дома невозможно было открыть, она до половины была занесена снегом. Кругом сугробы, ветер сбивает с ног. Утром в 9 часов Спектор должен был ехать в Д. К. А. В 10 ч. был концерт в связи с отъездом Спектора, шел без «Теплого ветра». В 6 часов шли «Сани». Зал был наполовину заполнен гражданским населением. Спектакль прошел хорошо. Из-за погоды Исай Исаакович не уехал.

Д. Марковина

3 апреля 1944 г.

Выходной день. Утром баня. Погода страшная, вьюга, снег. Гулять идти никуда невозможно. Все сидят дома, отдыхают, занимаются своим делом...

<Без подписи>

4 апреля 1944 г.

Утром ничего не было. День чудесный, солнце, голубое небо. Игорь Константинович нашел себе работу — чистил крышу от снега. После обеда мы все и наш гость В. А. Покровский отдыхали и загорали на крыше. Все тает, текут ручьи. Вечером в 7 час концерт с «Аз и Фертом», заключительный наш концерт, прошел он хорошо. Идут разговоры о нашем отъезде.

Д. Марковина

5 апреля 1944 г.

Работа кончилась, а отъезд «чи завтра, чи...» еще когда. Скучное положение. Хорошо хоть то, что второй день хорошая погода, все на душе веселее. Мы сейчас оказались в глубочайшем тылу и, очевидно, нам предстоит большой переезд в погоне за фронтовым ДКА. А в общем это и неплохо — прокатиться, вообще как — встряхнуться, а то мы давно крутимся в этом районе в радиусе 20 км.

Н. Мозяйкин

6 апреля 1944 г.

К стыду своему признаюсь, что ни одного раза не давали себе труда подробно ознакомиться с этими записями, которые мои товарищи аккуратно вносят в эту книгу — сегодня я это сделала, я прочла почти все — скучно и неинтересно стало самой участвовать в этом, как мне прежде казалось, большом деле. Пусть извинят меня товарищи, но я писать больше не буду. Считаю моим долгом сказать, что не все записи одинаково меня огорчили, но, к сожалению, — большинство.

Р. Оболенская

7 апреля 1944 г.

Наш радиус, как выразился автор записи за 5 апреля, тот же. ДКА никуда не уехал, т. ч. наше большое долгожданное путешествие не состоялось. Сидим, ждем назначения. Смотрели «Кутузова». Фильм нам всем очень не понравился. Все надумано, фальшиво. Ни актеры, ни режиссер, ни сценарист и ни оператор — не блеснули. Приезды в ДКА напоминают приезды домой: — письма, новости, кинокартины. И так, заканчиваю. Мне как всегда попадает день без происшествий.

А. Ремизова

8 апреля 1944 г.

Погода наконец установилась. Небо чистое, солнце греет, появились первые мухи на окнах. Завтра католическая Пасха. В некоторых домах идут бурные приготовления. Озеро, около которого мы живем, выходит из берегов. Утки по озеру плавают и рыба играет, хочется искупаться, но еще

вода холодная, но скоро это время настанет. Наше зимнее обмундирование скоро начнет тяготить. Майор Румянцев инкогнито убыл на машине в Москву, боясь, как бы ему не дали что-нибудь передать нашим родственникам — это уже второй случай, который всех возмутил. Вечером играли спектакль «Сани» в офицерском клубе. Спектакль прошел хорошо. Вечером узнали радостные известия о выходе наших войск на румынскую и чехословацкую границы. Может быть, и мы там будем. Обещанное очищение Украины к 1 мая должно сбыться, так как дела на фронте идут хорошо. Третий весенний Первомайский праздник обещает быть по-настоящему большим радостным праздником.

П. Сентюлёв

9 апреля 1944 г.

Прекрасная сводка: «Войска 1-го Укр. фронта вышли на государственную границу с Румынией и Чехословакией и овладели городом Серет». Каждый день с волнением ожидаем сводки, каждый день наши войска совершают замечательные подвиги.

Погода замечательная. Сегодня католическая Пасха. Жители Славуты празднуют в этом году пасху свободно на освобожденной от немцев земле, на своей родной земле.

Вечером в офицерском клубе «Свадебное». Через час после отъезда актеров в клуб, звонят из клуба в ДК просят прислать ботинки для профессора, которые Дизей были оставлены в ящике «Корреспондента» — еще от прошлого спектакля. Начинаются поиски, наконец находим и посылаем в клуб.

Летят немецкие самолеты, бомбят Шепетовку, бьют зенитки.

А. Бархударова

10 апреля 1944 г.

Только я собралась написать, что день прошел безо всяких событий, как прибежал Саша Граве и сообщил, что взята Одесса. Приказ Малиновскому. Москва салютует 24 залпами из 324 орудий.

Пошли ужинать. Ужин прошел с понятным шумом и оживлением. После ужина тов. Сучков на радостях организовал нам кино — «Веселые ребята». Вместе с нами смотрел Константин Симонов, который сегодня приехал с фронта (Тарнополь) на фронт.

Часть, которая собиралась увезти нас утром в Шепетовку и которая так живо нарисовала нашу жизнь в лесу в землянках, — за нами не приехала, что оказалось кстати.

Исай был в 12 часов у Шатилова, и тот ему сказал, чтобы мы туда не ездили, а что на днях мы поедем в Проскуров – Тарнополь. Завтра же он хочет посмотреть наш спектакль. Ну, вот и все.

Да простится мне, что день получился задом наперед.

Т. Блажина

11 апреля 1944 г.

Чудный весенний теплый день — первый за все время. Все как-то приободрились, побрились, постриглись. Я лично день провела в хоз. хлопотах. Вечером играли спектакль «Свадебное». Сначала публики было мало, все мы волновались, т. к. смотрели наши ответственные зрители. К концу 1-го акта зал набился битком и спектакль прошел хорошо. После окончания за кулисы зашли Шатилов С. С., Симонов и двое подполковников, личность которых не удалось выяснить. Спектакль им понравился. Оживленно побеседовали, завтра назначена встреча с Сергеем Савеличем у него дома, очевидно, выяснится наша дальнейшая работа, куда и когда поедем. Спектакль

ДНЕВНИК

еще смотрел член военного совета Крайнюков, который смотрит мрачно (очевидно, свойство его характера).

В. Васильева

12 апреля 1944 г.

День прошел без интересных событий. Намечалась беседа с генералом Шатиловым, но из-за его болезни отменилась.

Были в бане.

В. Васильева

13 апреля 1944 г.

Погода совсем весенняя. Вечером в школе «Вечер писателей» с участием К. Симонова, Безымянского, Первомайского, Френкеля и др. После вечера концерт. В программе «Аз и Ферт» и остальные наши номера. Концерт проходит хорошо, играют легко. Симонов оказался очень хорошим, непосредственным зрителем. Во время действия он распределяет роли в своей новой пьесе среди наших исполнителей. Хочется поскорее ознакомиться с этой пьесой. Обещали доставить ее на самолете из Москвы.

Ждем с нетерпением.

А. Граве

14 апреля 1944 г.

Утром беседа с С. С. Шатиловым. Едем в интересное турне: Проскуров, Одесса, Черновицы, Каменец-Подольский, Тарнополь, Станислав и в мае Львов. Затем домой. Обслуживать будем население; с нами едет Е. В. Яковенко, у него в Одессе осталась мать, и генерал отпустил его с нами (или нас с ним).

Вечером «Сани». Зрителей много, свет на сцене плохой, противно играть. Но прием хороший.

В половине двенадцатого ночи идем опять к Шатилову на просмотр заграничной картины.

А. Данилович

15 апреля 1944 г.

Выехать не удалось, весь день прошел в хлопотах и приготовлениях к поездке. Особенно поработать пришлось вечером: было роздано питание на 5 дней и дополнительный паек. Надо все уложить и распределить по авоськам и рюкзакам. Делили Граве, Данилович, Котрелёв, в столовой шум, хлеб, сало, консервы, чай, соль, печенье, сахар... Ведь ехать долго-долго, дней 8?!

Машины есть, бензин есть.

Завтра в 8 утра грузим казенное имущество, в 9 личные вещи, в 10 — отъезд. Интересно, в котором часу тронемся? На сколько часов будет опоздание?

Настроение с утра грустное, тяжелое — никак не можем свыкнуться с мыслью, что Ватутина уже нет, что командовавший нашим фронтом генерал умер...

А. Котрелёв

16 апреля 1944 г.

Освобожден Тарнополь. Едем в большую поездку. С утра начинаются сборы. Из газет узнаем о смерти Ватутина. Его очень любили на фронте, и все жалеют о его преждевременной смерти. После завтрака выезжаем. До Шепетовки едем хорошо, а потом начинаются бесчисленные объезды, тряска по ухабам. Добираемся до Староконстантинова и здесь решаем на авось заглянуть в Григоровку, а вдруг найдутся вещи Ани Данилович. С большим трудом добираемся до Григоровки. О, чудо! Не успела Аня зайти к себе домой, как увидела на девочке свою юбку. Саша и Исай со своими «те-те» вмешались и через 15 минут вещи были возвращены Ане.

Оживленно беседуя о сказочном событии, едем дальше и поздно вечером добираемся до Проскурова. Евг. Вас. идет в ДКУ и договаривается о ночлеге, в офицерской комнате тесно, кто на полу, кто на кровати размещаемся и засыпаем после тяжелого переезда.

<Без подписи>

17 апреля 1944 г.

Нас хорошо принимают в Проскурове, и мы договариваемся играть в местном театре три дня. Сегодня вечером «Сани». Размещаемся в гостинице, еще не оборудованной, с большими неудобствами. Спектакль прошел очень хорошо при переполненном зале. Вчера вечером город показался нам очень красивым, но днем он <...> (*Неразборчиво*), хотя больших разрушений нет, но в городе грязно и пыльно, домики больше старые и обветшалые. Расположен город очень красиво, много деревьев, пока еще голых. Наверное, хорошо здесь в мае!

Б. Королёв

18 апреля 1944 г.

Второй день в Проскурове. Сегодня днем «Свадебное», вечером «Корреспондент». Театр только что восстановлен, условия для работы трудные. Мне за углями для уюга приходится бегать за два квартала в пекарню. Днем все волновались, что не будет совсем народу, но к началу зал переполнился, большинство военные. Спектакль прошел удачно. На вечернем спектакле зал переполнен. «Корреспондент» прошел с громадным успехом. Прием был замечательный, несмотря на то, что большинство зрителей военные. Погода прелестная, греет солнце, как летом в июне. Все целый день гуляют. Говорят, здесь большой и недорогой рынок. После спектакля все идут ужинать и спать.

<Без подписи>

19 апреля 1944 г.

Сегодня последний день мы играем здесь. Живем так же, в гостинице. Страшно неудобно, кто спит на полу, кто на кроватях без пружин и без сеток, кто на столах. Днем «Сани» прошли хорошо. Вечером «Корреспондент» прошел тоже хорошо. Спектакль начали не в 7 вечера, а в 8 вечера из-за задержки света. Днем играли при дневном. Директор театра, здешнего, рассказывал много интересного про немцев. Наконец последняя ночь, скорей бы в дорогу, поближе к нашей цели.

Д. Марковина

P.S. Очень приятно вечером после спектакля во время ужина слушать по радио Москву. Позавчера слушали «Много шума». Получили громадное удовольствие. Много воспоминаний.

20 апреля 1944 г.

Встаем рано. Дан приказ к 7 часам утра принести все вещи к машинам. Казенное имущество еще вчера перевезли из театра, так что погрузка в общем занимает не много времени. Как всегда перед дорогой собираемся вместе, и Исай говорит напутствие. В этот раз напутствие было особенно «ценным». На машинах едем к столовой — завтрак и прощай Проскуров. В 8.40 движемся в путь на Одессу. Ближайший большой город на нашем пути — Винница.

Маленькая остановка в Летичеве. Второй завтрак на дешевом базаре (молоко 10 руб. литр, яйца 3 руб. шт. и т. д.).

Дорога не так чтобы хороша и не так чтобы плоха — «местами».

Два последних теплых дня сделали свое дело — серо-бурый пейзаж начал расцветиваться разными оттенками зелени.

Последние 30 километров перед Винницей дорога буквально завалена сожженными немецкими машинами. Сколько же их тут — сказать трудно, сотни, сотни.

Наш водитель заинтересовался кое-какими гаечками со сгоревшей машины, и пока он их отвертывает, обладатели автоматов «ППС» — Сентюлёв, Ситнов, я (Мозяйкин) упражняемся в стрельбе. Результаты приличные. Бьют автоматы очень крепко — мы поставили как цель немецкую каску и с расстояния 25 метров пуля пробила ее на вылет на месте изгиба, т. е. там, где можно было ждать рикошета. Стреляли не только эти трое, но и другие товарищи. Н. Лебедев, раз нажав на спусковой крючок, не мог отпустить судорожно сжавшегося пальца до тех пор, пока не опустел весь магазин.

Винницу мы видели мало, так как проехали ее краешком, но это настоящий город с асфальтированными улицами, трамваем (сейчас бездействующим), с большими хорошими домами. Не чета Житомиру.

Нам хочется проехать как можно дальше, ведь от Проскурова до Одессы 450–500 км, и мы едем, едем весь день, не делая больших

остановок. Километров за 12 от Винницы ужасный участок дорог протяжением километров семь. Эти семь километров съедают у нас добрых два часа, и мы уже затемно добираемся до местечка Немиров, где и останавливаемся на ночлег.

Недалеко отсюда по реке Ю. Буг проходила граница между «Великой Германией» и не менее «Великой Румынией». Завтра, следовательно, мы попадем в места, где хозяйничали румыны.

Как всегда бывает в дороге, мы оторвались от всего мира и не знаем даже сводок информбюро.

Н. Мозяйкин

21 апреля 1944 г.

Сегодня въехали в Румынию. Им досталась прекрасная, богатая земля, где до войны была сказочная дешевизна, где изобилие яблок, яиц, сахара, даже удивительно, как это немцы отдали им такую землю. Сейчас тоже, несмотря на все старания румын, им не удалось все уничтожить, проезжаем довольно сохранившиеся деревни и маленькие города. Это — Немиров, Брацлав, Тульчин и закончили Ольгополем.

А. Ремизова

22 апреля 1944 г.

Путь в Одессу все время сопряжен с большими трудностями, т. к. дороги не очень хорошие. Проехали 130 километров, но усталость адская от толчков и качки. Костина «Коломба» через каждые 10 минут закипает. Въехали за Буг «на румынскую территорию». Фашистские захватчики успели поделить неубитого зверя. Румыния получила в свое владение земли по реку Буг. Но когда наша армия начала гнать их, то они (румыны) все побросали

и убежали. Пришлось немцам и тут затыкать дыры. Вдоль всех дорог, особенно около Винницы, сплошное кладбище немецкой военной техники. Дорого им обходится украинская земля. Румынской же техники совсем не видно, они больше перевозят все на лошадях. Благополучно прибыли на ночлег в Петроверово, где и заночевали.

П. Сентюлёв

23 апреля 1944 г.

День сплошных неудач. Утром начался дождь, но решили все-таки ехать, дороги развезло. Отъехали всего полкилометра, как сломалась полуось у «Колумбины» (трехтонка), часть людей ушла снова в деревню. Шоферы ушли доставать сломанную часть. К 2 часам дня погода разгулялась, а к 6 часам вернулись шоферы и принесли полуось и, кстати, сменяли бензин на масло, в котором мы испытывали нужду.

К 9 часам вечера машина была приведена в полную исправность и приехала в деревню на ночлег. Машину охраняли добровольно В. И. Москвин и Н. М. Лебедев, в которой и спали всю ночь. Завтра надеемся выехать в Одессу.

П. Сентюлёв

24 апреля 1944 г.

Увы, под утро опять пошел дождь! Это опять сидеть и ждать погоды, но судьба нам улыбнулась. В 7 часов утра выглянуло солнышко, подул сильный ветер. Состоялось небольшое совещание с нашим «академиком» Никифором Ивановичем (шофер), решили выехать в 11 часов утра к следующей деревне, где наши, а оттуда в 12 часов двинуть всем вместе дальше. Надели цепи на колеса, начистили машину, расселись на своих местах и поехали.

В следующей деревне соединились с нашими, поехали по направлению к Одессе. Дорога подсохла. Несколько километров ехали по неплохой дороге, потом начались наши мучения. Надо было повернуть направо в гору, а мы поехали по косогору. Машина шла с большим креном на левую сторону. В одном месте было так страшно, что более нервные люди не вытерпели такого испытания и вылезли из машины и пошли пешком. Таких испытаний было несколько. Наконец выехали на гору и поехали по хорошей дороге. Открылся вид на лиман, странное ощущение — сказать «красиво» нельзя, потому что берега страшно унылые, а некрасивым также нельзя назвать — уж очень хороша окраска воды и ее даль. Поднялись еще выше на гору. Лиман скрылся из глаз. Почему-то сегодняшняя дорога кажется бесконечной. Наконец вдали показалась Одесса. Мы все всю дорогу волновались за Яковенко, который оставил в Одессе мать и переживал встречу с ней. Это ощущение теперь усилилось. Въехали мы в Одессу с задворок, через какие-то дворы, выехали на заводскую окраину. Все разрушено, кое-где еще догорают дома. Вот показались большие красивые дома, главные улицы — все цело. Подъехали к коменданту, который дал нам сопровождающего до гостиницы «Пассаж», где нас должны разместить. Эта гостиница называется теперь «Комнатой отдыха для офицеров». Света нет, воды также. В темноте нас размещают в нежилых комнатах, холодных, без постельных принадлежностей — но все это для нас ничего не значит, так мы устали и так хотелось спать.

Когда мы подъезжали к Одессе, кругом вспыхивали разноцветные ракеты. Москвин уверяет, что это вместо маяков, так как взорваны все маяки.

А. Бархударова

25 апреля 1944 г.

Весь день любовались Одессой. Красавец город! Работать начнем завтра.

Т. Блажина

27 апреля 1944 г.

Вчера вечером переехали в «Лондонскую» гостиницу, холод страшный, все окна выбиты, нет ни света, ни воды, ни канализации. Днем осматриваем город, вечером играем «Свадебное». Прием такой сильный, что к концу спектакля от хохота звенит в ушах. За кулисы заходят актеры местных театров, хвалят, расспрашивают о Москве, о театральном новинках, просят указать новые советские пьесы, рассказывают о трудностях своей работы и жизни в период оккупации, спектакли играли с трех репетиций под суфлера. Всем делом заправлял антрепренер Вронский. Играем мы в бывшем помещении ресторана-кабаре Лещенко. Говорят, пел он хуже, чем на пластинках.

А. Граве

28 апреля 1944 г.

В 10 часов утра концерт в театре для дивизии, которая брала Одессу. Это первое выступление для частей 3-го Украинского фронта. Волнительно. Зал переполнен. Концерт проходит с большим успехом. Очень жаль только, что плохой свет. Лица и под гримом кажутся серыми.

В 4 часа «Наш корреспондент» для «цивильных». Спектакль идет без особого подъема, но принимается зрителями очень тепло. Всех интересует! «Это тот Москвин?» — «Нет, это его сын». — «А-а-а!»

Холод гонит из гостиницы на улицу, но и там, несмотря на красоту моря, города, неуютно. Ветер. Дождь. Бродим до темноты, ходить по городу разрешено до 9 часов.

Заходишь в бывший дворец Воронцова. До оккупации и сейчас это дворец пионеров. Старик-сторож водит нас по комнатам. У румын был здесь штаб. Они увезли все отсюда, верхний этаж разрушен бомбой. Скоро здесь

опять зарезвится детвора, а пока ветер гуляет по огромным залам, да бродит седовласый страж.

Взрывы сотрясают дома и землю, это рвутся мины у берега. Порт весь взорван немцами при отступлении, а румыны удрали раньше. Отъезд наш зависит от бензина. «А бензина нет и неизвестно...».

А. Данилович

29 апреля 1944 г.

Одесса на наших глазах оживает. Открываются советские учреждения, начинает свою работу советская торговля, появляются вывески «ОПСов» и З. Р. К. Сегодня мы зашли в Одесскую оперу, очень жаль, что еще нет в городе электричества, осматривали здание при дневном свете. В зрительный зал открыли несколько дверей в бельэтаже и ярусах. На сцене светло, открыли окна. Работники одесской оперы не дождутся света, обещают 1 мая... так как сегодня спектакля нет, пошли в парк и на стадион. Везде следы вчерашних боев, доты и дзоты, землянки... К морю спуститься не пустили часовые, очевидно, еще не разминировали. Красавец-стадион на берегу моря — ни одной лавочки, все ободрано, поломано... Вечером, то есть в 4 часа дня, смотрели оперетту «Веселая вдова». Графа Данилу играл Анчаров — старый опереточный актер — играл хорошо, жаль, что уж нет у него голоса, говорят, ему 60 лет, двигается он прекрасно. Хороший балет в третьем акте. Бензина нет...

А. Котрелёв

30 апреля 1944 г.

Погода испортилась, холод, ветер, дождь. С утра было хорошо, а к вечеру стало холодно. Артисты свободны, спектакля нет. В середине дня на бульваре перед гостиницей появилось много пушек. В связи с этим всякие слухи: взят Севастополь и несколько других городов, будет салют. К концу дня пушек убавилось, переехали на сквер около «Пассажа». У нас в гостинице паника: каждый час то открывают, то закрывают окна — берегут стекла от салюта. Завтра должны быть одно или два выступления для Красной Армии. Бензина нет.

Б. Королёв

1 мая 1944 г.

Сегодня праздник, улицы Одессы украшены флагами, плакатами и портретами наших вождей. На улицах масса народу празднично одетых. Днем должны были играть «Свадебное» в какой-то воинской части. С утра ждали машин, далеко никуда нельзя было ходить, и поэтому целое утро любовались пушками на Пушкинском бульваре, которые поставлены для салюта в честь дня 1 мая. Салют должен состояться вечером в 8 часов. Машины так и не пришли, все свободны до 9 часов вечера. Гуляем по Одессе, смотрим ее ровные чистые улицы и красивые дома. Вечером часть людей отправляется в цирк, остальные идут в Оперетту, сегодня идет «Роз-Мари». К 8 часам вечера все собираются, кто в гостиницу на балкон, кто просто на бульвар к памятнику Пушкина. Ровно в 8 часов начинается страшная стрельба. В эту минуту стреляют Ленинград, Киев, Тбилиси, Харьков и наша родная Москва, в которой мы так часто смотрели эту стрельбу. Очень красивое зрелище, когда снаряды падают в море, на море поднимаются водяные столбы. 20 раз

просалютовала Одесса в честь нашего праздника. Вечером все пошли прогуляться перед сном.

Шумна и многолюдна Дерibasовская, гулянье в полном разгаре.

Д. Марковина

2 мая 1944 г.

Сегодня день свободный. Все расходятся по городу. Днем прошли слухи, что где-то обещали бензин, и завтра мы можем уехать. Сразу у всех стало веселей на душе, а то последнее время что-то потеряли надежды на выезд. Каждый день поездки приближает нас к Москве. Последний день в Одессе. Ходим, прощаемся с городом, с его прямыми улицами, красивыми домами, с Ришелье, Пушкиным и т. д. Повидали мы в Одессе спокойное море, видали и шторм. Все красиво и приятно, но отъезд и Москва впереди еще приятнее. Вечером собрание, отъезд назначается на 4 мая. Маршрут пока неизвестен.

Д. Марковина

3 мая 1944 г.

«Бензина нет и неизвестно». Это стало рефреном всех записей, начиная с 28 апреля. Плохо, что нет бензина, но еще хуже, что «и неизвестно». Яковенко сбился с ног в хлопотах, но все безрезультатно. Три раза его обнадеживали и три раза подводили. Единственное наше занятие — фланирование по городу, но сколько же можно фланировать?

Город оживает на наших глазах, но все еще мало людей. По сравнению с мирным временем это пустынный город. Улицы, бульвары безукоризненно чисты, но дома стоят еще с выбитыми окнами. Когда дует холодный ветер с моря, очень полезными становятся наши полушубки.

По всему городу идут работы. Первоочередная работа — это вставить стекла. Все телефонные колодцы, где разветвлялись подземные кабели, взорваны. Огромнейшая работа — соединить все эти концы на всех углах и перекрестках.

Я пишу сейчас, сидя на балконе третьего этажа гостиницы «Лондонская», прямо передо мной бульвар и дальше порт.

Бульвар пустынен, редко, редко пройдут два-три человека. А порт мертв. Уходя, немцы взрывали все причалы, все портовые здания, склады, элеваторы. Не успели взорвать правый (от меня) угол порта. Скоро месяц (10-го) как наши войска вошли в Одессу. Прямо против гостиницы до сих пор горят хлебные амбары. Когда дует сильный ветер, огонь усиливается. Все, что возможно было спасти — спасли, и сейчас зерно вывозят и пускают в дело. Поэтому хлеб во всех столовых Одессы немного пахивают дымком.

Сегодня в ковше порта весь день идут подрывные работы. С моторной лодки бросают глубинные бомбы. Через несколько секунд сине-зеленая вода вспухает белесой горкой, а затем фонтаном взлетает вверх. Если от детонации рвется еще и мина, то столб воды поднимается огромный. Долго еще на воде пенится белесый круг и сейчас же налетают чайки попользоваться оглушенной рыбой.

Бензина нет. Завтра будут принимать экстренные меры.

Н. Мозяйкин

4 мая 1944 г.

На мою долю вышло счастье написать долгожданную фразу: бензин есть. Яковенко появился изможденный, но сияющий. Отъезд назначен на завтра на 7 часов утра. Подвожу итог: Одесса прекрасный город, описанный достаточно подробно предыдущими писателями. Спектакли прошли очень хорошо, так что и мы не ударили лицом в грязь перед жителями этого города.

Итак, наша поездка продолжается. Конечная цель — Черновицы, а затем почти домой — во фронт.

А. Ремизова

5 мая 1944 г.

Дождь помешал выехать в назначений срок, в три часа дня выехали из Одессы. Заехали сделать прощальный визит ларьку с фруктовыми водами. Дорога, как ожидали, не оправдала себя, такая же плохая, как и была в Одессу. По дороге стреляли в двух зайцев. Одного Мозяйкину удалось убить, вернее подбить, а убил его я с двух шагов. Сегодня будем есть вареную зайчатину. Главным поваром избран А. М. Лебедев. Позднее вечером при луне стреляли еще по двум зайцам, но неудачно. Погода установилась замечательная. Костина «Коломбина» сильно отстает от «форда». Не доезжая 5 километров до Березовки, наша машина напоролась на строительный крюк и пропоролла шину. Пришлось заночевать в 5 километрах от Березовки. Все быстро легли спать. Отъезд на завтра назначен на 7 часов утра.

П. Сентюлёв

6 мая 1944 г.

Встали вовремя, но выехали в 7 ч. 30 м. Машина «Академика» запризначала. Приехали в Березовку, где стали чинить машину Кости Иванова, а из Березовки выехали в 11.30. Ехали по очень плохой дороге, которая на карте обозначена как хорошая. По некоторым причинам решили остановиться на ночь в райцентре Черново.

<Без подписи>

7 мая 1944 г.

Сегодня ехать тяжело. Солнце печет, душно, страшная пыль. Но мы все-таки едем до 10-го часа вечера, делаем около 100 километров. Едем обрывочками хороших дорог, ненавистными куяльниками, кошмарными выбитыми бывшими шоссе.

Ночуем мы уже на территории 2-го Украинского фронта. С 3-им уже распростились.

Ох, мотает нас по фронтам!

Т. Блажина

8 мая 1944 г.

7 часов утра. Как смертный приговор, звучат слова Б. М. Королёва: «Вставать быстро, машины готовы!» Как хочется спать, прямо нет сил, встаем, умываемся и опять, едем, едем. В машине мотает из стороны в сторону, невольно укачивает. Дорога идет вдоль железно-дорожного полотна, пересекаем его много раз. Природа становится замечательной. Вот въезжаем в селение, окруженное со всех сторон высокими скалами, а домики все в садах, которые цветут. Зрелище великолепное. Вот Днестр, а на том берегу большая Румыния. Дорога идет вдоль берега реки. Очень трудные спуски и подъемы, прямо дух захватывает, когда летишь с горы вниз. Костя «дает жизни». Едем без аварий, мелькают деревни одна за другой, по красоте не уступая друг другу. Жара, как летом. Стали постепенно разоблачаться, сначала полушубки, потом ватники и прочие кофточки, загораем, полимся, трясемся изо всех сил.

Наконец вдали Ямполь. Остановка у дорожного коменданта, получили продукты на продпункте. Вскоре выяснилось, что они могут дать бензина, но мы должны сыграть спектакль. Быстро соглашаемся, — сделка выгодная.

12-часовая езда дала себя знать. Язык заплетается, ноги дрожат, очень устали, спектакль понравился, бензин заработан. Завтра снова в путь.

В. Васильева

9 мая 1944 г.

Послав, но не выспавшись, трогаемся в путь. Прекрасная дорога, скорость 45–50 км в час. В 10 часов прибыли в Могилев-Подольский. Помещение театра занято, работать нельзя. Двигаемся дальше. Дорога хуже. Сбившись с дороги, переезжаем бывшую границу и попадаем в Бессарабию. Непонятный говор. Фетровые шляпы и стандартные бородки у мужчин. Возвращаемся через Днестр и находим правильную дорогу. Шоссе все хуже и хуже. После вчерашней жары сегодня мучает холод, едем в полушубках, опустив уши шапок. В 11 часов вечера прибываем в Каменец-Подольский и после длительных переговоров у коменданта, наконец располагаемся на полу в гостинице за древними стенами «Старого города». У всех только одно желание. Спать! Спать и спать!

А. Граве

10 мая 1944 г.

Погода прекрасная, на небе ни облака, тепло. Очень красивый город, оригинальный, своеобразный, гористый, весь в зелени. «Старый город» весь как вымер. Все дома разрушены (немцами, бомбами в начале войны), на развалинах цветы, трава. Едем в другую гостиницу, ближе к театру. Баня. Тело становится невесомым, смываются пуды пыли и прочего. Хорошо! Взят Севастополь, сегодня в час утра (ночи) Москва салютовала.

Завтра и послезавтра два спектакля. 13-го едем в Черновицы.

А. Данилович

11 мая 1944 г.

Сегодня большой трудовой день: два спектакля! утром «Свадебное путешествие», вечером «Не в свои сани не садись». Играли в городском театре. Театр большой — мест 800–900. Очень хороший свет (цветные стекла, реостат, рампа, выносные прожекторы). Удачно подобрали мебель и детали декораций. Обидно только, что на утренний спектакли было мало продано билетов, вечером же аншлаг. Публика исключительно военная, «цивильных» даже вечером было мало... «Сани» принимались хорошо, спектакль шел гладко, без накладок, часто прерывался аплодисментами.

А. Котрелёв

Сентябрь – ноябрь 1944

1-й Украинский фронт

4 сентября 1944 г.

Из Москвы выехали 26 августа 1944 г. Выехали не сразу. Вначале были взяты билеты на 23 августа, но в бесплацкартный вагон, и сесть всем в него не удалось. В вагон проникли шесть человек без багажа, и дело кончилось тем, что Спектор приказал всем остаться. Двое (В. Москвин и А. Лебедев) были втиснуты кое-как в вагон и уехали 23-го, чтобы в Киеве, соединившись с И. Мочаловым, уехавшим 22 августа, организовать нашу пересадку на Ровно.

После неудачи 23-го наша администрация, разлив бешеную энергию, добилась предоставления нам добавочного (и даже мягкого) вагона.

26 августа, уже с меньшим количеством провожающих в 22 часа мы были опять на Киевском вокзале. Посадка была легкая, но на этот раз нас постигло другое несчастье: при разгрузке подводы на абсолютно темной привокзальной площади у нас украли три вещевых мешка — Королёва, Васильевой и Покровского.

Ночь на 27-е, день 27-го и ночь на 28-е тихо, мирно и комфортабельно едем.

28-го рано утром в Киеве.

Здесь нас встречают наши передовые. Багаж уже здесь тоже. Нас обещают прицепить к Ровенскому поезду, отходящему в 23 часа.

В конце дня вдруг выясняется, что наш вагон из-за несоответствия сцепки не может быть включен в состав, идущий на Ровно. Нам выделяют новый вагон. Когда-то (четверть века назад) эти вагоны назывались четвертым классом. Вагон предоставлен нам целиком, и мы засветло, еще в вагонном парке, в него перебираемся.

Железнодорожная администрация превзошла самое себя и выдала нам всем постели. Устроились чудесно. Здорово устав от разных хлопот и переселения, мы (заперев все двери, но с открытыми окнами) мирно засыпаем. Часа в два ночи просыпаемся, так как в вагон проникли еще и другие пассажиры, и вот тут-то выясняется, что за небольшой промежуток нашего безмятежного сна, нас еще раз и здорово обокрали. Как проникли в вагон воры, неизвестно. Украден вещевой мешок Данчевой с постелью и другими вещами, мешок Габовича с сапогами и многими другими вещами, пальто Габовича и Мозяйкина, платья Данчевой и Бархударовой, сапоги Королёва и ботинки и пиджак (с часами в кармане) Габовича. Хуже всех положение у Алекс. Марковича — у него нет ни пиджака, ни пальто и совсем нет обуви. Такого количества пропаж у нас еще не было ни в одну поездку. Мысли самые мрачные. Разговоры о том, что — «уж третьего раза не миновать», и так далее.

29-го вечером в Ровно. Выгрузились и сидим на площадке у разрушенного вокзала. Наученные горьким опытом, окружаем вещи сплошной стеной. Почти полная луна помогает охране.

Спектор и Королёв в городе в Управлении дороги хлопочут о дальнейшем пути.

Единственное, что нам здесь могут предложить, это вагон № 5150, приписанный к Ковальской железной дороге. Вагон пригородного движения и малюсенький, малюсенький, как и вообще все вагоны железных дорог с более узкой колеей воссоединенных областей.

Оси расширили до нашей колеи, но все остальные размеры вагона, к сожалению, остались старыми.

На вагоне указано, что он имеет 53 сидячих места, нас 26 человек, да трое проводниц (собственно проводниц две, но перед отъездом одна из проводниц встретила сестру, которая была в Петях все три с гаком года войны).

Итого нас 29 человек и буквально вагон и маленькая тележка багажа. От Ровно уже нет регулярного пассажирского движения и вещи (более 25-ти огромных мест) из багажного вагона должны перекочевать в наш пригородный игрушечный вагончик. И перекочевали. Три места багажа прикрутили веревками на крыше вагона. Что делалось внутри вагона, как мы там уместились и разместились, невозможно описать и представить, не видя всего этого воочию.

И этой жизни было три дня и четыре ночи. Некоторые товарищи, не имея возможности отоспаться ночью, досыпали днем, но уже на крыше рядом с привязанным багажом. К этим миленьким внутренним «прелестям» присоединились и все прелести нерегулярного движения со случайными эшелонами.

В среднем семь восьмых суток (21 час) уходило на стоянки.

Мало того, что бесперспективные стоянки вообще муторная вещь, стоянки-то эти приходится на разъезды, где, конечно же, нет продпунктов, а наши запасы иссякли. Все мы находимся «в рассуждении, чего бы покушать». И чем дальше, тем больше «рассуждения» и меньше покушать.

Очень серьезно обсуждается полезность «постного» дня один раз в неделю; но все сходятся на том, что месячная норма целиком и подряд вещь не такая уж неприятная.

Наконец в ночь с 1-го на 2 сентября 1944 г. мы доехали до одной из сортировочных станций Львова.

Второго сентября днем мы перекочевали на другую, а потом и на третью сортировочную.

Начальство в городе, а все остальные — в вагоне, у вагона, на вагоне. Нужно сказать, что когда нет пыли, а поезд идет умеренным ходом и пейзажи

живописные, то на крыше вагона ехать одно удовольствие (особенно, когда в вагоне некуда даже ноги поставить).

Во второй половине дня из города возвращается Б. Королёв и ведет всех нас в город. Все вещи с дежурными остаются в вагоне, до приискания машины, а личный состав пехом идет до центра города. Это не так далеко (по московским масштабам), по дороге видим, что город изрядно поковырян бомбежкой и артобстрелом, но разрушений и пожарищ вроде харьковских или киевских, нет.

Пересеченная местность, очень извилистые улицы и переулки, протяженностью иногда всего в один-два дома и солидные, хорошие дома делают город очень живописным. Много памятников, но все очень невыразительные.

Центральные улицы очень оживленные, движение транспорта незначительное — трамвай пока еще не ходит, местный транспорт на лошадях немногочислен, и машин, в виду отдаленности фронта, тоже немного.

Натурально, глазеем с любопытством по сторонам, отмечая все необычное и непривычное для нашего глаза.

Думаю, что самым необычным для всех являются монахи и монашки в разнообразнейших по цвету и фасону костюмах и в замысловатейших головных уборах.

Расселяемся в двух гостиницах — «Жорж» и «Народная».

Несколько дней назад начал работать водопровод. Свет есть не везде, так как станция восстановлена только частично.

В первый же день встречаем знакомых по фронту. Узнаем, что за нами уже приходили машины дня четыре-пять назад. Ехать на машинах нам еще 250 километров.

Итак, нам предстоит несколько дней прожить во Львове в ожидании машин. Состав этой поездки в основном тот же, что и в последних двух-трех поездках.

Вместо покойного Александра Михайловича Голубева с нами новый баянист А. В. Кирюхин, и кроме того, Надя Голубева — дочь Александра Михайловича, играющая на аккордеоне. Снова выехал А. М. Габович, а А. И. Ремизова

осталась пока в Москве и приедет попозже. Опять поехала «Софа» — С. В. Вейрейкина, так что с костюмами будет все благополучно. Вместо Юры Бутырскова, у которого рука еще не в порядке после катастрофы в прошлой поездке, едет Ваня Марчишин.

Командировочное предписание у нас выписано до 10 ноября с/г., но, как всегда, этот срок, наверное, будет намного продолжен.

Н. Мозяйкин

5 сентября 1944 г.

Вчера вечером во Львове, проездом обратно в Москву, появился фронтовой филиал Малого театра.

Они работали на 1-м Украинском фронте около одного месяца.

Мы было вознамерились уехать на машинах, которые привезли их, но этот вариант отпал, так как их привезла всего одна машина (у них значительно меньше людей и маленький репертуар). Нам же нужно обязательно две машины.

Затем среди дня вдруг нашлись четыре попутные машины, и мы даже хотели уехать сегодня во второй половине дня, но пока собирали народ, то, да се, и отъезд отложили на 6 часов утра на завтра.

Н. Мозяйкин

6 сентября 1944 г.

Выехали из Львова около 8 часов утра. Дорога хорошая, машины исправные, едем быстро и хорошо.

Километрах в восьмидесяти от Львова переезжаем пограничную линию и вскоре затем город Перемышль. Останавливаемся, но на продпункте нет обедов, и мы двигаемся дальше.

В селах и местечках двухцветные (бело-красные) флаги, в одном месте висят флаги всех союзных стран. На улицах милиция с двухцветными повязками на рукавах.

Ярослав — порядочный городишко. Здесь останавливаемся и обедаем на продпункте.

В городишке масса малюсеньких магазинчиков, в которых можно купить нитки-иголки и другие подобные мелочи, а также помидоры, яблоки и так далее. Здесь ходят и рубли, и злотые в одной цене рубль – злотый. Проезжаем Жешув, теперь нам недалеко. Сначала заезжаем в автополк, откуда наши машины, получив разрешение от командира, едут к месту назначения. На дороге встречаем Никифора Васильевича — водителя, с которым мы в прошлый приезд ездили в Одессу и обратно. Еще немного и мы в городе Соколув в ДКА. Здесь нас встречает масса старых, добрых знакомых. Приятно, приехав, найти старых знакомых, сразу чувствуешь себя свободно, как будто мы уехали отсюда несколько дней назад.

Вопреки традиции, расселяемся во временные помещения еще засветло. Затем ужинаем в столовой ДКА, где так все знакомо и неизменно — и личный состав и меню. Майор Сучков приходит и говорит, что Сергей Савельевич* может принять Спектора сейчас, а потом он должен уехать на несколько дней.

Исай идет к генерал-лейтенанту, а мы все расходимся на ночлег.

Н. Мозяйкин

7 сентября 1944 г.

Утро проходит в расселении. Наши первые заграничные квартиры, к сожалению, удивительно неопрятны. С хозяевами тоже трудности: они нас «не разумеют», а мы их. Объясняем при помощи выразительных жестов

* Шатилов С. С.

и сожалеем об отсутствии русско-польского словаря. (У Мозяйкина имеется польско-русский). В течение дня знакомимся понемножку с городком — он маленький, очень запущенный и бедный со множеством мелких лавчонок, в которых ничего нету, кроме плохих яблок, помидоров, груш, дешевеньких бус и браслетов и каких-то малопригодных мелочей. Для нашего глаза картина странная: заходишь в такую лавчонку и тут же открыта дверь в другую комнатку, а там, напр., сидит за столом вся семья и играет в карты, словом тут же они и живут, тут же и подторговывают кое-чем. Выглядит это жалковато. Но я отвлеклась — с 2-х часов начинается мытье в бане; часам к 6 отмываемся и спешим на собрание в клуб, где будет и репетиция музыкальных кусков «Где-то в Москве». Исай рассказывает нам о своем посещении Сергея Савельича, который на днях будет смотреть наш новый спектакль, после чего мы репетируем, ужинаем в небезызвестной столовой ДКА и расходимся по домам на отдых. Кто пободрее идет в кино на «Серенаду солнечной долины». Я не из их числа. Сердце сжимается от дурных предчувствий. Ночь обещает быть блошиной.

Т. Блажина

8 сентября 1944 г.

Живем в том же городке при ДКА. Спектакли еще не играли. Была большая репетиция «Где-то в Москве». Впечатление благополучное. Актеры все помнят. Вечером репетировали музыкальные номера «Свадебное путешествие».

Больше событий никаких не произошло.

А. Габович

9 сентября 1944 г.

Играли первый (в этой поездке) спектакль «Св. пут.». Для Автоуправления фронта. Выехали часа в 4. Очень плохая дорога. Ехали 20 с лишним километров. Играли на природе. К середине спектакля стало темнеть, но электрическая лампа весьма большой силы прекрасно осветила сцену и артистов. Спектакль, как обычно, принимался зрителями очень хорошо. Оценивая же его с художественной точки зрения, следует сказать, что спектакль шел не очень хорошо. Особенно это относится к первой половине. Актеры не живут по существу. Много лишних ненужных красок, из которых некоторые стоят на грани вульгарности.

Трудно делать замечания о спектакле, который прошел 199 раз, но еще раз становится ясно, что не нужно забывать о самых простых вещах. О том, что (нужно) трудно играть сквозное действие, что нужно жить активным выполнением своих задач, что нужно играть, а не свои сольные номера, что нужно верно оценивать сценические события и определять свое отношение к ним и т. д. Это звучит очень примитивно, но когда это улетучивается, появляются штампы, не стоит до этого доводить. Опасность этого существует. Очень плохие реквизит и буафория. Это делает внешний облик спектакля бедным и невеселым. Нужно принять меры.

А. Габович

10 сентября 1944 г.

Утром репетиция музыкальных кусков «Где-то в Москве». Днем отправляемся играть фронтową премьеру этого спектакля в автополк. Начало в 5 ч. Сцену сделали нам замечательную, из четырех семитонных «бюсингов»; зрительный зал с амфитеатром из составленных полукругом грузовиков. Народа масса. Ветер борется с нашими декорациями, а мы с ним.

Играть очень трудно, место открытое и приходится сильно напрягать голос. Слушают и принимают очень хорошо. Спектакль на фронте явно прошел и прошел с успехом.

Больше всего достается Александру Васильевичу — нашему баянисту, ему все время приходится играть в самых замысловатых и неудобных позах из-за тесноты на сцене, но он героически борется с неудобствами. Интересно как пройдет этот спектакль в других частях. Хочется поскорее сыграть его еще раз.

Обратный путь все время освещают ракеты близлежащих аэродромов.

А. Граве

11 сентября 1944 г.

Утром замечания по вчерашнему спектаклю и репетиция музыкальных кусков концерта и из «Свадебного». Потом «Они бродят по городу».

В 3 ч должна быть машина, чтобы ехать за 3–4 км в Инженерное управление играть «Свадебное путешествие». Торопимся обедать, спектакль назначен на 5 ч. Но машина приходит в 4 ч.

По приезде на место выясняется, что спектакль назначен на 7 ч., т.к. зрители все заняты.

Дождь. Холодно.

Сцена сооружена на славу! С подмостками, наверху щиты, закрытые маскировочными сетками. В зрительном зале построены скамейки, посредине даже воздвигнута «ложа правительства» из досок и разукрашенная хвоей.

В ожидании спектакля, кто сидит в хате, кто спит, кто что. Недалеко от театра крестьянка босая, но под зонтиком, пасет двух коров на цепочке. Европа!

В половине седьмого приезжает хозяин, генерал-лейтенант Галицкий, имя которого мы часто слышали в приказах, со своей супругой, и мы начи-

наем спектакль. Зрителей много, около самой сцены, как воробьи, расселись ребятишки. Ничего не понимают — но интересно!

Несмотря на холод и на то, что за шиворот обильно течет, спектакль принимается очень хорошо. Так заразительно, от души смеются.

После спектакля грузимся и едем домой.

А. Данилович

12 сентября 1944 г.

В часов одиннадцать стало известно, что сегодня в 17.00 в клубе Политического Управления ответственный спектакль «Где-то в Москве», — общественно-фронтальной просмотру, так сказать. Весь день, разумеется, был заполнен подготовлением к спектаклю.

Неудобное, необжитое, неуютное помещение клуба (кстати сказать, бывшая полуразрушенная синагога), с картонными щитами вместо стекол — надо было превратить в театр в течение пяти-четырёх часов. К пяти часам все было готово; актеры загримированы, декорации поставлены, реквизит разложен и даже свет установлен! Два движка, — пять точек на сцене. Зрительный зал полон, все места заняты, кроме первого ряда, предназначенного для особо важного зрителя.

Актеры волнуются, особенно занятые в картине «театр», так как в зале сидит бригада Московск. театра оперетты во главе с Новиковой.

Приехал генерал-лейтенант Галицкий с супругой, ему вчера понравился спектакль «Свадебное путешествие», и он «не решился пропустить сегодняшней премьеры». Итак, все готово, послали доложить «хозяйину» и пригласить его. Так как клуб стоит у самого шоссе, и шум проносающихся ежеминутно машин заглушает артистов — приказ коменданта: — Путь перекрыть! Машины идут в объезд, через две улицы. — Неприятность: начало задерживается, «хозяйин» занят, будет в 18.00... Публика расходится, движки

выключили — свет погас, актеры волнуются, друзья приходят за кулисы и как могут, подбадривают...

Но без двадцати шесть, совершенно неожиданно, на двадцать минут раньше, вдруг публика, курившая на дворе, мигом заполнила зал — пришел Сергей Савельич с генерал-лейтенантом Кальченко. Монтер ДКА от неожиданности и волнения запустил движки и что-то не так соединил, и все пять ламп на сцене перегорели! В наших условиях мало сказать «не везет», это просто несчастье: перегорели и наши две лампы, больше у нас нечем светить, а работа только начинается...

Каким-то магическим образом спектакль удалось-таки начать в 18.00. Работники ДКА проявили быстроту и собрали четыре лампы, но свет уже был не тот: передние фонари, заменяющие нам и рампу и софит, горели тускло; передний план освещен ужасно...

Спектакль прошел нормально, генерал-лейтенант Шатилов вызвал нас к себе, где мы беседовали с ним 1 час 45 минут.

А. Котрелёв

13 сентября 1944 г.

Вчера еще было объявлено, что сегодня свободный день.

Наша администрация весь день в хлопотах по оформлению прикрепления к нам двух машин, на все время работы. Если это выйдет, то это замечательно; из-за отсутствия машин мы часто теряли много время.

Вечером огромное большинство нашего народа едет смотреть концерт группы актеров Моск. оперетты, во главе с Новиковой. Отчет об этом концерте, надеюсь, даст завтрашний бытоописатель, так как я не еду смотреть.

У нас завелась такая традиция, что в поездке кто-либо страдает флюсом. Монополию в этом отношении держал Граве, а в этот раз припух я и вот сижу дома.

Хочу сказать несколько слов о своих ощущениях «заграницы». Городишко Соколув — это Галиция, когда-то эти места входили в состав лоскутной Австро-Венгрии, а с 18-го, кажется, года — это Польша. Следовательно, это без сомнения «заграница». А вот ощущения этой заграничности-то у меня и нет начисто. И говор тут непонятный, и люди внешне несколько иные, чем наши, и флаги двухцветные, а нет у меня ощущения, что это что-то другое, «не наше».

Сiju я вот сейчас во дворе дома «заграничного» крестьянина галицийского поляка и не вижу существенной разницы между этим двором и двором моего деда в Поволжском селе за тысячи километров отсюда. Так — разница в незначительных мелочах. А плуг да борона у моего деда куда лучше, так что мы здесь еще и еще раз получаем доказательство несостоятельности понятия «заграничное» как нечто более высококачественное, чем наше отечественное. Примеров тому много, не только эти плуг с бороной.

Насколько я мог наблюдать, и самый склад жизни здесь во многом схож с жизнью наших крестьян, вот и нет у меня ощущения, что я за границей. А то, что говор непонятный, так этим в нашем многонациональном союзе не удивишь. И вроде как я в одной из наших союзных республик. И почему бы это не так?

Н. Мозяйкин

14 сентября 1944 г.

С утра о машинах. Королёв и Мочалов уехали в Автоуправление за получением двух обещанных машин.

После некоторых формальностей (получения справки о прикреплении, путевок и т. д.) нам выдали два «форд-б», довольно приличных и в хорошем состоянии машин, с тентом.

В три часа эти машины уже были в ДКА — Соколуве, готовые к работе.

Пронеслась весть, что должен быть спектакль «Где-то в Москве», но потом отменили.

Вечером коллектив собрался для беседы с корреспондентами.

Коллектив рассказал о своей работе на фронте, об условиях работы, о своем творческом росте.

Очевидно, что-нибудь напишут о спектакле, о театре, а может быть, и опять не напишут.

На этом день и кончается.

Хочется высказать несколько общих и лирических мыслей — но это в следующий «мой день» дневника.

А теперь, хотел бы этот дневник раскрыть 14/IX 1945 г. и просмотреть его как далекую милую историю.

И. Мочалов

15 сентября 1944 г.

Выехали рано, часов в 8 утра из ДКА. Дорога хорошая, машины теперь свои и, проехав легко и удобно, мы прибыли по назначению. Место интересное во многих отношениях. До взятия нашими войсками, здесь было убежище генералов и всякой крупной немецкой сволочи, постройки большие и удобные, бараки, гаражи, театр, умывальни, столовые, уборные, все в полном порядке. И, видимо, тщательно и продуманно эти удобства воздвигались для лица, жившего здесь продолжительное время. Лес маскирован. Это место и все как было, так и осталось. Кроме всего, нам рассказали, что поляки, которые строили эти коттеджи, все до одного были расстреляны немцами и живущие поблизости тоже уничтожались, дабы сохранить в тайне свое логово. Ну, а теперь здесь все наше и цветы, и дома, и деревья. Офицеры, к которым мы приехали, встретили нас, как обычно, тепло и радостно. Вечером же играли «Свадебное путешествие». Артисты не ах как сыграли, но принимался спектакль хорошо. Ужин. Барак. И день закончился весьма благополучно.

Р. Оболенская

16 сентября 1944 г.

День начался с бани, причем в этой бане была нагрета вода, а температура воздуха настолько низкая, что многие не решились раздеваться первыми, и ушли сначала погреться на солнце, но, несмотря ни на что, вымылись все. Нужно отметить, что вода исключительной мягкости.

Днем были репетиции по концерту и спектаклю «Не в свои сани не садись». Вечером был спектакль «Где-то в Москве». Спектакль прошел хорошо. Из бесед с командиром выяснилось, что спектакль всем понравился.

Ночью была в лагере тревога по случаю пожара в госпитале, но многие из нас, в том числе и я, так крепко спали, что ничего не слышали. Погода стоит изумительная. Солнце греет, днем все сидим и греемся на солнце, запасаясь теплом к предстоящим холодам.

П. Сентюлёв

17 сентября 1944 г.

После тревожной ночи так не хочется вставать, да и в комнате, к тому же, адский холод. Наш «аргус» что-то сегодня щадит наш сон и не приходит ни подметать, ни топить.

Правда, некоторые товарищи, например, Надя Голубева, проснувшись, с удивлением узнала, что ночью была тревога, пожар и сильная, хотя и далекая артиллерийская стрельба. (Мы в 15 километрах от Вислы и в 30 от фронта). Также был удивлен и Спектор, особенно, когда узнал, что, будучи по тревоге разбужен, Бор. Мефод., оказывается, даже сделал ряд распоряжений. (Коллектив не будить! Никого не беспокоить! Всем спать!) И первый свое распоряжение выполнил. Еще кое-кто из тов. показали свое умение спать при всевозможных обстоятельствах. Но, как

ни не хочется — вставать надо: в половине десятого завтрак, а у некоторых в 10 уже концерт в госпитале. В час же концерт в театре. Встаем. Воздух еще с ночи очень холодный, но солнышко уже греет, и день обещает быть опять великолепным!

Концерт в госпитале переносится на половину шестого, концерт в театре составляется и проходит так хорошо, что просят и завтра днем, вместо назначенного спектакля «Сани» — дать концерт!

Репримант неожиданный!

Интересно, как пройдут и примутся вечерние «Сани»?

Затрудняюсь оценить вечерний спектакль. Здесь настолько плохие сценические условия, что самочувствие актеров отвратительное. Играть здесь исключительно тяжело и неприятно. По нашим предположениям это помещение было приспособлено для кабаре и какая-то тяжесть немецкого духа царит здесь до сих пор.

Но принят зрителями спектакль был вполне хорошо, а генерал присутствовавший на спектакле, сказал, что этот вечер он чувствовал себя «как будто бы в Москве».

Т. Блажина

18 сентября 1944 г.

Живем там же. Днем был концерт. Здешний зал очень труден для спектаклей, а для концерта еще труднее. Поэтому требования к актерам могут быть несколько снижены. Несмотря на это, нельзя сказать, что концерт шел на должном уровне. Его постигла та же беда, что и «Свад. пут.», — т. е. страшное засорение основного рисунка всех номеров весьма безвкусными красками. Это создает налет провинциальности на всем концерте. Так что восторг, который высказало здешнее командование в отношении концерта, разделить нельзя. Нужно принять меры к его исправлению.

Вечером играли «Сани» — второй спектакль. Спектакль прошел очень хорошо и очень горячо и серьезно принимался аудиторией. Жаль, что он очень бедно оформлен. Это явный пробел в подготовке к поездке. Остаемся здесь еще на один день.

А. Габович

P. S. Кроме спектаклей и концертов было обслужено несколько госпиталей.

19 сентября 1944 г.

Последний день в этом мрачном лагере.

Днем играли выездной концерт, который по рассказам актеров, прошел очень хорошо.

Вечером играли последний спектакль для этого хозяйства «Где-то в Москве». Спектакль принимался с большим воодушевлением. После спектакля артистам был дан банкет, скромный и очень радушный. Завтра возвращаемся в ДКА.

А. Габович

20 сентября 1944 г.

Утром артисты собираются к завтраку, несколько сонные и томные после вчерашнего банкета. После завтрака выезжаем в ДКА. Провожают нас очень хорошо. Говорится речь, и играет духовой оркестр. По дороге на привале И. И. Спектор сообщает артистам, что им принято решение впредь принимать весьма решительные меры по поднятию дисциплины в коллективе (штрафы, снижение в окладе и т. д.). Коллектив принимает это заявление к сведению и даже раздаются одобрительные возгласы. Приезжаем в ДКА

часа в 2. Румянцев говорит, что спектакля сегодня здесь не будет, потому что командующего нет. Но все получилось не так, как он сказал. Поехали мы на наших машинах обедать на питательный пункт километров за 6–7 от ДКА. В разгар обеда прибывает на автобусе А. М. Лебедев и сообщает, что сегодня на вечер назначен спектакль для командующего и нужно немедленно к нему готовиться. Едем обратно. К началу спектакля выяснилось, что командующий быть не сможет, но пришли члены Военного Совета. Спектакль шел немного пониженно, но принимался прекрасно. После спектакля была беседа членов Военного Совета с коллективом. Я познакомился с ними впервые, но для коллектива это старые знакомые. Спектакль снова получил весьма высокую оценку. После этой лирической беседы отправились ужинать в ДКА. Но ужина не оказалось. Потом его организовали, и на этом закончился день.

А. Габович

22 сентября 1944 г.

Завтракаем по обычному для «дековского» меню. Грузимся и отправляемся в путь. Ехать довольно далеко, но дорога все время прекрасная — асфальт. Около 11 ч. прибываем в Жешув, где делаем небольшую остановку. Обедаем в продпункте, осматриваем город. Городишко не из красивых, так себе городишко — пыльный, крикливый и безалаберный. Довольно много фруктов, не очень дорогих и кислых, как уксус. Через час снова трогаемся в путь и вскоре прибываем на место. Обедаем, осматриваем клуб, ждем обещанной бани, которая в конце концов не состоялась. Завтра спектакль для Военного совета армии и офицеров.

Расселяемся в бывшем немецком госпитале — мрачный, темный барак, неплохо оборудованный внутри. Место вообще скучное, мрачное, фронт километров на 12 от нас и все время слышен его далекий рокот.

<Без подписи>

23 сентября 1944 г.

Днем одевание сцены и приготовление к спектаклю.

Вечер. В клубе торжественная часть, командарм Курочкин вручает ордена отличившимся генералам и командирам; цветы, оркестр.

В 9 ч. начинаем «Где-то в Москве». Спектакль, по-моему, идет хорошо, актеры в приподнятом состоянии. Зрители очень тепло принимают, аплодируют среди действия.

На этой сцене приятно играть. Хороший свет.

Завтрашний отъезд в корпус отменяется, на 6 часов назначен спектакль «Сани».

А. Данилович

24 сентября 1944 г.

Хорошая здесь баня — чистая, большая; шайки из оцинкованной жести, вода мягкая, в предбаннике натоплено — настоящие «Сандуны».

Актер любит баню и редко кто пропускает ее возможность; больные на сегодняшний день (Васильева и Липский) — вы многое потеряли: это, кажется, первая настоящая баня за все наши многочисленные поездки, уступающая «Сандунам» лишь из-за отсутствия парилки... После бани завтрак (суп, чай, водки не было).

«Не в свои сани не садись» сегодня назначены на шесть часов вечера; спектакль начали с небольшим запозданием, прошел он ровно, успех средний — занавес после первого и второго акта подняли, вернее раскрыли, по одному разу, после конца — два раза. Побаловали актеров газированной водой (трофейной, немецкой, в маленьких 250 гр. бутылочках), целый ящик подбросили, бутылочек 50! Это здесь очень кстати, т. к. с водой плохо, ее привозят за три километра (водопровод лагеря, в котором мы

живем, немцы взорвали при отступлении) и пить приходилось идти в столовую за 700 метров.

Вечером преферанс в одной комнате, репетиция — ввод Оболенской на роль комендантши в «Свадебном путешествии» вместо больной Васильевой — в другой... В остальных комнатах воцарился покой.

А. Котрелёв

25 сентября 1944 г.

С утра хмурая погода. Перемежающийся дождь. С вечера было известно, что мы должны ехать на работу в один из корпусов, километров за 40. Выезд сразу после завтрака, но вдруг следует приказ — повременить с погрузкой вещей. — Из Политуправления фронта от С. С. Шатилова пришла телеграмма — мы должны срочно выехать на два дня в другую армию. Следовательно, корпус отпадает, но отъезд в новое место задерживается, так как нет еще человека оттуда, чтобы нас проводить, а из местных — дороги никто не знает.

Успеваем пообедать и трогаемся в путь в 15 часов. Ехать предстоит 70 километров. До р. Вислы. Дорога — асфальт а дальше (20 км) проселок. Едем по асфальту быстро. Нужно сказать, что здесь хорошие дороги, несколько уже наших, почти половина дорог обсажена деревьями. На поворотах внешний край дороги приподнят, как вираж на треке.

Едем. Идет меленький дождик, и машины закрыты брезентами. Пятиминутная остановка в каком-то городишке и дальше Висла. Размером она с нашу Москву-реку, вальяжно течет между низких берегов с большими, песчаными косами. Хорошая дорога кончилась. Едем проселком. От дождя дорога скользкая, хотя большой грязи еще нет. Мы едем на двух машинах — на одной имущество и шесть человек, а на второй еще двенадцать (двое едут на легковой нашего проводника). На одном узком и крутом повороте левое колесо соскальзывает с грязной дороги и машина валится с насыпи

на бок. Скорость была маленькая, а потому и перековыр машины происходит плавно и сравнительно медленно. Настолько медленно, что есть достаточно времени, чтобы понять, что мы падаем. Сентюлёв успевает вытянуть ноги навстречу ящикам, падающим на него с другой стороны машины. Несколько секунд он, лежа на спине, на ногах держит ящик. Это вроде, как в цирке. Из-под меня ящик выскальзывает, я пытаюсь его задержать, но полностью это мне не удается. Все же я его затормозил. Снимаем ящик с ног Пети и выходим из машины. Исай, ехавший в кабине, спрашивает как дела, — отвечаем, что все благополучно. Спешу сфотографировать эту картину. Подходит вторая наша машина. Из нее выскакивают наши товарищи. Вид лежащей на боку машины их пугает больше, чем успели испугаться мы — ее пассажиры.

Артелью ставим машину на все колеса — она стоит на откосе насыпи, и ее надо поддерживать. Вторая машина берет ее на буксир и с помощью народа машина оказывается на ровном месте. Все это не заняло и десяти минут, и мы трогаемся дальше.

Что называется, отделались испугом. Будь скорость чуть повыше, могло быть гораздо хуже. Вспоминаем катастрофу под г. Острог, когда Юрке Бутырскому сломало ящиком руку. Из участников той катастрофы, в этой машине Котрелёв и Н. Лебедев. Естественно, этот переворот мы приписываем их «везучести» и проектируем в дальнейшем возить их на отдельном прицепе. Вспоминаем и предсказание некой цыганки, напророчившей Ник. Лебедеву смерть на чужой земле.

Дорога становится песчаной и не скользкой. Лес. По всем приметам здесь должны водиться грибы, и Сентюлёв, заядлый грибник, тоскует, что не может пойти их собирать. Осень раскрасила лес. Березы стоят рябенькие, оранжево-зеленые. Подъезжаем к парку с помещичьим домом.

Как часто бывает — нас хоть и ждали, но наш приезд вроде как и большая неожиданность.

Играть — пожалуйста, ночевать вроде и места нет — «может быть, достанем соломы».

После общения с главным начальством, положение меняется. Дом в парке принадлежит ни мало, ни много, как какому-то из Радзивиллов. Конечно, хозяев никого нет, но дом носит следы их недавнего пребывания. Старый дом с массой лестниц, переходов, темных закоулков. Внизу высокие, большие парадные комнаты, наверху — жилые, низкие. На стенах висит масса гравюр, литографий, картин. Многое множество портретов разных Радзивиллов — и гравированных, и писанных маслом и фотографических.

Все это обилие картин и картинок повешено совершенно безо всякой системы. На одной стене рядом висят и гравированные портреты, и современные литографии, изображающие всевозможные национальные танцы, опять портреты, затем старые раскрашенные гравюры маскарадных «национальных» костюмов, потом фотографии, а под ними раскрашенные гравюры вроде как Гаварни. Тут же гравюра, изображающая капитуляцию Данцига в какую-то из войн, и японская гравюра. Японщины много, но все японские гравюры распределены по всем комнатам — «чтобы не обидно было».

Многие наши, бродя по этим комнаткам, никак не могут представить себе, что это одной семьи, может быть, даже, одного человека и высказывают предположение, что это «музей».

В одной из больших нижних комнат — библиотека. Шкафы полны книг. Интересно бы посмотреть, что это за книги, но нет времени, да и темно уже. В соседней с библиотекой комнате заседают все генералы этой армии и другие командные лица. Они только что перебрались в эту комнату из другой, большей по размеру, в которой мы сейчас готовим сцену для «Свадебного путешествия».

Во время перерыва неожиданно встречаем старого знакомого генерал-майора Сухарева.

Ездившие на Калининский фронт (в мае 1942 года) его очень хорошо помнят. Он был тогда полковым комиссаром и комиссаром дивизии Чистова.

И сколько бы еще ни прошло времени, мы всегда будем вспоминать теплый, радушный прием, оказанный нам во время работы в дивизии Чистова.

Командир дивизии, комиссар, начальник штаба и другие командиры дивизии, все три дня нашей работы у них и завтракали, и обедали, и ужинали вместе с нами, создавая обстановку одной большой семьи, в которую мы приехали в гости. У ген.-майора Сухарева узнаем, что Чистов командует корпусом на одном из фронтов.

«Свадебное» идет хорошо и с хорошим приемом. На этом спектакле рекордное количество генералов (тринадцать человек).

Вместо заболевшей Васильевой играет Оболенская. У нее была одна маленькая репетиция, но все идет хорошо. Она хоть и волнуется, но не тережится, даже все приемы зрительного зала переживает.

После спектакля опять поговорим с ген.-майором Сухаревым. Он здесь член Военного Совета Армии. Натурально, хочет задержать нас побольше. Вспоминаем Калининский фронт. Он хорошо нас помнит по той встрече. Затем легкий ужин, и едем на ночлег за четыре километра. «Может быть, найдем соломы» отпало, и, по распоряжению высшего начальства, нас устраивают на время нашего пребывания в этой армии, в помещении госпиталя, благо раненых очень мало. Госпиталь этот размещен в доме еще одного из Радзивиллов. Этот Радзивилл убит немцами при вторжении их в Польшу в 1939 г. Жена его при немцах была какое-то время в концентрационном лагере. Сейчас она с детьми живет в соседней деревне.

В госпиталь позвонили по телефону о нашем приезде заранее, и нас быстро размещают на ночлег.

Привидение, которое, безусловно, имеется в этом старом «замке», нас не тревожит, очевидно оттого, что мы очень плотно заполняем отведенные нам комнаты и ему просто не пройти.

Так прошел день, довольно богатый разнообразными впечатлениями. Думаю, что нам могут позавидовать в этом отношении товарищи, оставшиеся в Дембицком лагере. В колготе этого дня мы забыли, что исполнился месяц нашей поездки.

Н. Мозайкин

26 сентября 1944 г.

Ночевали в госпитале. Утром выехали за 8 км и на открытом воздухе играли «Свадебное путешествие». Принимали нас хорошо, народу было много. После спектакля обед на солнышке и опять 8 километров обратно.

День прошел без особых событий. Вечер. Ужин. Сон.

Р. Оболенская

27 сентября 1944 г.

В 10 часов утра поехали в дивизию играть спектакль. Зритель уже нас ждал. Играли в помещении рядом с разрушенным костелом, помещение необычное — в середине огромный столб, сцену пришлось выгораживать углом. От столба занавес раздвигался под прямым углом. В 8 кв. метрах разместились все и плюс несколько миллионов мух, от которых не было никакого спасения. Буквально было все черно от мух. Пришлось отменить выпивку в финале, так как в бутылки с водой набились мухи. На спектакле присутствовал ксендз. Сидел в первом ряду. Спектакль имел большой успех. Предполагавшийся спектакль для совещания отменился.

Поехали в следующую дивизию, которая брала Полтаву, Кременчуг. Сцену устроили из 12 столов. Начали вместо предполагавшихся 6 часов — в 8 часов вечера. К концу спектакля приехал генерал и сообщил, что Шатилов приказал срочно вернуться в 60-ю армию. Вечерний спектакль прошел, как всегда, хорошо. После спектакля скромно поужинали и в 11 часов приехали в госпиталь, где еще раз ужинали. Вот и весь наш трудовой день.

П. Сентюлёв

Р.С. Пропустил один факт, который необходимо зафиксировать. Приезжал за нами представитель из армии Молюшенко, которому нас обещал

член Военного Совета Крайнюков, но генерал Шатилов им в этом отказал. Это хороший признак нашей популярности на 1-м Украинском фронте.

28 сентября 1944 г.

Просыпаемся, не ведая, что нам предстоит: либо сразу же после завтрака — отъезд, либо спектакль для госпиталя.

С одной стороны у нас — распоряжение Шатилова не задерживаться больше и возвращаться сегодня же к Курочкину, с другой — не хочется отказывать гостеприимным хозяевам, у которых прожили целых три дня, и которые очень просят сыграть для персонала и раненых.

За завтраком узнаем, что решено: сыграть в 11 часов «Свадебное», после чего сразу же пообедать и сразу же возвращаться, так сказать, домой.

Спектакль организуется на веранде госпиталя, зрители рассаживаются на площадке в саду. Состав зрителей — разнообразный: тут и тяжело раненые бойцы, из носилок которых состоит первый ряд, тут и сама княгиня Радзивилл-Потоцкая с семейством. Начало спектакля задерживается, потому что Исай и Саша Граве уехали за бензином, но наши зрители терпеливо ждут, греясь на осеннем солнышке.

Но вот наконец Андрей и Костик возвращаются — чрезвычайно довольные, так как теперь у нас заправлены полностью обе машины — и мы начинаем.

Занавес открыт — на нас смотрят сотни жадных глаз.

Идет спектакль без особо сильных реакций, потому что раненые — слабы, чтобы громко смеяться, а поляки, которых много набралось в этот вольный зал, хотя и смотрят с большим удовольствием и интересом, — плохо понимают и то и дело спрашивают своих соседей: «цо?», «цо?», а пойдя объясни им всю путаницу «Свадебного». Но все равно они вполне удовлетворены зрелищем, тем более, что оно бесплатное. (Кстати, все бесплатное для поляков

настолько необычно, что они даже после перевязок спрашивают: сколько им платить?) Нам рассказывали, что немцы устраивали иногда для населения театральные зрелища, но драли за это бешеные деньги.

В антракте княгиня Радзивилл, беседуя с женой начальника госпиталя, рассказывает ей, как она разыскала могилу своего убитого немцами мужа и как поменялась с ним обручальными кольцами. Теперь она совсем спокойна — она непременно после смерти встретится с ним. «А вы верите в бога и загробную жизнь?» — спрашивает она свою собеседницу и, получив отрицательный ответ, добавляет с чувством: «Как мне вас жаль! Вы несчастные люди!»

Но вот спектакль кончается, как и все на этом свете, начальник госпиталя горячо благодарит нас, а медсестры подносят нам много-много букетов, которые мы тут же, сойдя в зрительный зал, раздаем раненым.

Прощальный обед, теплые слова, небольшое количество граммов русского спирта и польского рома, и мы уезжаем...

Бездомные кочевники, в свое кратковременное пристанище мы возвращаемся с чувством несколько похожим на чувство, с каким возвращаются в родной дом.

Т. Блажина

29 сентября 1944 г.

В 10.30 выезжаем в стрелковый корпус, где командующий — Герой Советского Союза Г. М. Тармышный. Едем километров 20. Встречают нас очень горячо, чувствуется, что очень ждали. Эта зона совсем прифронтовая. Населения нет — все выселены. Замаскированные минометы и т. д. Играть должны в доме помещика. Домик небольшой и небогатый. Маленький зал без сцены, даже не зал, а большая комната. На стене висит большой плакат. Смотрим и читаем: «Горячий фронтовой привет дорогим Вахтанговцам». Этот лозунг всех волнует. Начинаем первый спектакль ровно в 2 ч. Проходит

спектакль хорошо, всем очень нравится. Нужно сказать, что в спектакле появляются некоторые признаки улучшения. Актеры изо всех сил стараются вернуть былые, милые качества этого спектакля. Но сил этих явно не хватает, и спектакль идет ниже того уровня, который можно допустить для Вахтанговского фронтового театра. Это очень жаль, потому что аудитория последнего спектакля заслуживает лучшего. Это та аудитория, ради которой и посылают бригады на фронт. Многие из них по 3 года не видели театра. Много народа с переднего края. Настоящие боевые зрители. После спектакля обедаем и в 6.30 начинаем второй спектакль «Сани», который тоже проходит очень хорошо.

Чрезвычайно жалко, что зал мал и не может вместить всех желающих. Но, очевидно, в осеннее время это неизбежно. Выезжаем часов в 9 и в 11.30 прибываем в наш СС-овский лагерь.

А. Габович

30 сентября 1944 г.

Утром выезжаем в казачью пластунскую дивизию. Играем в сарае «Свадебное», очень тесно, но прием хороший. Зрители устраиваются даже на стропилах под самой крышей. После спектакля нас приглашают в столовую, вся хата декорирована внутри зеленью, сидим как в гроте. Роскошный обед, гостеприимные хозяева, веселые, теплые разговоры. Эта дивизия особенно ненавистна и страшна для немцев, пластуны проявляют чудеса храбрости, и немцы зовут их «Сталинскими эсэсовцами». Например, один из снайперов вчера за полчаса снял восемь фрицев. Пластуны блестяще владеют кинжалами, на 40–50 шагов они без промаха попадают ножом в голову врага. После обеда едем к артиллеристам. Лес, землянки, фанерный барак — клуб. Опять «Свадебное», механик у движка оказался старым знакомым, он видел нас еще в Харькове, в дни освобождения города на одной из батарей. После спектакля прощаемся с этим корпусом и домой. Машина все время

буксует, и наш шофер Саша совершенно с ней замучился. Ужасно хочется спать. Приехали поздно, а завтра в 7 ч. 30 м. баня. Спать, спать.

А. Граве

1 октября 1944 г.

Сегодня выездов нет. Баня зато есть. В час дня — концерт для госпиталя в помещении клуба. Задержка на полчаса из-за отсутствия света.

Наконец «да будет свет», и мы начинаем.

До начала концерта у Исаея с начальником тыла, генералом, состоялась «задушевная» беседа. На вечер назначено «Где-то в Москве», «тыльный» же генерал заявляет, что он этот спектакль видел и желает смотреть «Сани». Исай возражает, мотивируя тем, что большинство не видело «Москвы». Но генералу нет дела до других. Он хочет.

Дальше-больше. На установку декораций нужно часа 2. Опять возражение: «И 15 минут хватит. Вы что, артист что ли? Вы еще меня будете учить, я за свою жизнь больше видел спектаклей, чем вы их сыграли.» И, сняв фуражку, похлопал себя по лысине.

Но такие «индивидуи» попадают, слава богу, редко.

Вечером наперекор всем играем «Свадебное».

Спектакль шел средне. Зрители устали от длительного собрания, артистов разморило от чрезмерно натопленной печки, да еще в 10-й раз подряд этот спектакль...

А. Данилович

2 октября 1944 г.

Весь день моросит мелкий, осенний дождичек. Но не холодно... Днем «Где-то в Москве», вечером «Не в свои сани не садись», между спектаклями два концерта в госпитале — и все на месте, никуда не ехать, никаких погрузок, работаем в клубе, удобном для спектаклей, хороший свет и не тесно за кулисами, и зрителей полтысячи. После спектакля «Где-то в Москве» любители спорта отправились в спортзал — большой, светлый, высокий барак с бетонным полом. Турник, брусья, городки, кегли... Жаль, что нет мяча: прекрасные волейбольные площадки, сетки натянуты, да и в футбол бы сыграли... Завтра поедем в Дембицу.

А. Котрелёв

3 октября 1944 г.

С утра едем в один из корпусов. День пасмурный. Ехать недалеко — в городишко Дембица. Дембица — ближайший тракт к Кракову. Город пуст — все население отселено в тыл, во избежание лишних жертв, да и вообще, чтобы под ногами не путались. Здесь проходит передовая. На очень близкие лесочки указывают как на немецкие.

Белый домик, где нам предстоит играть. Слезаем с машины и слышим где-то близко разрыв артснаряда.

Так целый день они и рвутся с большими промежутками.

Где-то дальше атакуют пулеметы. Для передовой очень тихо. Давно уже мы не слышали так близко «входящих».

Откровенно говоря, за последние две-три поездки, если определять точно, мы стали ближне-тыловым театром. Давно прошли времена, когда мы месяцами жили и работали на передовой, как на Калининском фронте или на Курской дуге у Москаленко. Это зависит от обстановки. Когда армия

стоит в обороне, нам можно работать и на переднем крае, как сегодня. Днем идет концерт, а вечером «Сани». Блажина нездорова и играет Оболенская. Помещение маленькое и забито битком. Сцены нет, просто занавес отделяет часть комнаты — это и есть сцена. Зрители сидят совсем рядом. После первого акта даже пришлось их немного потревожить. Актерам очень трудно работать в такой обстановке. Построить «четвертую стену» невозможно из-за недостатка места, даже для самого эфемерного сооружения.

Стемнело. Также, изредка бухает «входящий», и занавеска на сцене, закрывающая разбитое окно, при «выбухах» вздрагивает. По горизонту — ракеты. Коротко такают пулеметы: наши — звук повыше, немецкие — побасистее и реже.

Кончили спектакль, и нас приглашают на ужин с хозяевами. Ужин проходит мило и весело.

Опять на машине и «домой» в бывш. СС-овский лагерь. Идет мелкий-мелкий дождь.

Н. Мозяйкин

4 октября 1944 г.

Очередной выезд в дивизию. Остаются здесь на основной «базе» я, Королёв, Габович и заболевшая Блажина.

С утра и до самого позднего вечера непрерывно хлещет мелкий, осенний и холодный дождик.

Кругом темный сосновый лес, в нем черные деревянные построенные немцами бараки. В одном из них живем мы. Холодно, сыро и мрачно.

Вечером поздно вернулись все наши, несколько оживленные после хорошего банкета.

И. Мочалов

5 октября 1944 г.

Погода дождливая, и в бараке холодно, в силу ли этого осеннего колорита, или оттого, что для некоторых товарищей наших вчерашний день закончился не совсем благополучно, но настроение у многих ниже среднего. Мне даже кажется, что хозяйство, в котором мы сейчас живем, не ласковое и не гостеприимное, впрочем, это вероятно, мое личное ощущение. Сегодня никуда не едем, играем здесь «Сани». Больна Таня Блажина, играю я, сегодня мне уже легче — третий спектакль мой. Народу много, прием хороший, и все проходит весьма благополучно.

Ужин, а на завтра отъезд.

Р. Оболенская

6 октября 1944 г.

Надоедливый дождь за ночь унялся, с утра, хотя и пасмурно, но уже приятней, чем вчера. Позавтракали традиционным картофельным супом и двинулись в путь, обслуживать последний корпус Н-ской армии. Представитель из ДКА, как всегда все представители ДКА, знал дорогу только на словах, а на деле оказалось наоборот, проехали много лишнего и вернулись обратно и с большими трудностями доехали, хотя не обошлось без подталкивания машины. У самой деревни накануне самоходная пушка сломала мост, сама тоже угодила в речку, и нам пришлось форсировать эту речку на машине. Наш шофер Саша Бритвин героически провел эту операцию, за что и получил похвалу всего коллектива.

Концерт начался через полчаса после приезда, играли в сарае, а зритель был на улице, зрителя было больше тысячи человек. И во время концерта все подходили и подходили целые подразделения. Некоторые пришли к последнему номеру, такое очень огорчило.

После концерта обедали, долгое время не подавали ложек и смельчаки стали есть суп из котелков без ложек.

В обратный путь через речку переправили машину пустую и сели на том берегу. Надо сказать, что место, где мы играли, видно с немецких позиций. В расположение корпуса нас вел знакомый нам офицер, с которым мы ездили по Курской дуге летом 1943 года, все его сразу узнали, а он нас.

Вечером играли концерт в сарае, где больше половины сарая было забито соломой. Страшно не везло со светом, часто тух, а один раз был выключен умышленно, т. к. немецкий самолет долго кружился над нами. За ужином долго беседовали с генералом, Героем Советского Союза. Он оказался москвичом.

Доехали домой благополучно.

П. Сентюлёв

7 октября 1944 г.

Утром выезжаем в дивизию. Погода сегодня прекрасная. Концерт на открытом воздухе. Амфитеатром располагается один из полков дивизии. Вчера этому полку был вручен орден Боевого Красного Знамени за взятие Львова. Основной зритель сегодня — боец.

Концерт проходит хорошо. В середине концерта у Оболенской, ведущей концерт, началось головокружение и она, идя на сцену, упала в обморок, но на общий ход концерта это не повлияло и публика не заметила этого. После концерта осматривали «Ставку Гитлера». Огромный железобетонный тоннель длиной в 800 м, из которого выходит ветка железной дороги. Весь район оцеплен колючей проволокой, склоны гор утыканы дотами и бронированными гнездами наблюдателей — часовых. Говорят, что в этом тоннеле стоял вагон-штаб Гитлера, другие говорят, что здесь была стартовая площадка самолетов-снарядов. Третьи говорят, что здесь был военный завод. Всюду проведено электричество. Какие-то трубы тянутся вдоль стен.

Под тоннелем огромное газозубежище. Прощаемся с хозяевами, через час они уходят на передовую, это 2–3 км от места концерта, и трогаемся в путь.

Не доехав до дома, остановка — бензин кончился. Кто-то ночью высосал весь бензин из запбака. Спектор возвращается в Речицу на поиски бензина. Через час бензин найден, и мы благополучно достигаем своих кроваток.

А. Граве

8 октября 1944 г.

Днем в 3 часа были на обеде у начальника Политотдела армии. Вечером состоялся последний концерт в этой армии. Присутствовал командующий и все члены Военного совета. После концерта несколько актеров были приглашены на ужин к командующему. В последний день пребывания в этой армии нам оказывают всяческое внимание.

А. Габович

9 октября 1944 г.

В 12 часов дня состав концерта и «Свадебного» едет в Ропчицу.

Передовики — Королёв, Габович и Мочалов уехали в Жешув для устройства спектаклей и приискания квартир. Быстро мчим по хорошему шоссе «с ветерком». Вот и Ропчица. Постановочная часть уже разгуливает по городу. Они уехали раньше. Въезжаем во двор сельхоз института, здание которого наполовину превращено в госпиталь. Кругом разрушенные оранжереи. Слышится звонок, и студенты и студентки, просто, но элегантно одетые, с портфелями взбегают по лестнице.

Выясняется, что концерт будет не в 2 часа, а в 5, а спектакль в 8 часов. Времени свободного много, идем на базарчик и заглядываем в магазины. Ничего интересного.

В 3 часа обедаем в Военторг-столовой. Обед из 5 блюд, стоимостью 10 р. — очень вкусный и сытный.

Клуб в госпитале — крошечный. Жара, духота. По словам Софьи Васильевны, на сцену можно было подавать веник.

Гримировались в палате (готовой принять раненых), на двери которой написано «Бедро».

Концерт прошел в «поте лица». Играть было трудно, но принимался он зрителями очень хорошо.

К 8 часам приехала Таня Блажина, и мы начали второй тур. Опять нестерпимая жарища. Теряемую влагу пополняли пивом. Спектакль принимался соответственно атмосфере — очень тепло.

Наконец рабочий день кончен; в диком мраке ящики грузятся на машину. Темно, хоть глаз коли; ручные фонарики на секунду вспыхивают, освещая грузящих, майор включает фару своего мотоцикла, но в воздухе все время слышится рокот фрицев и часовые истошно кричат: «Гаси! Воздух! Гаси, и трам-та-там!»

Начинается лирика. Ужин с командованием, присутствует Курочкин.

Поздно возвращаемся домой и засыпаем под близкую бомбежку и орудейный грохот, от которых сотрясается наш барак.

А. Данилович

10 октября 1944 г.

Утром баня, без происшествий, разве только то, что холодной воды не хватило и нескольким бедным товарищам пришлось долго ждать, чтобы остыл кипяток... Работы сегодня нет, день отдыха? Но прошел он как-то бес толково, скучно... Весь день грохочет артиллерия, иногда — очень сильные взрывы, дом наш вздрагивает; эта «симфония звуков» раздражает, наводит уныние что ли...

А. Котрелёв

11 октября 1944 г.

Утро пасмурное. Позавтракав, уезжаем из быв. СС-овского лагеря в г. Жешув. По дороге заправляемся бензином. Начинается дождь, и очень сильный. Он сопровождает нас всю дорогу до Жешува.

В городе нас встречают уехавшие вперед Королёв, Мочалов и Габович. На житье размещаемся по частным квартирам, где для нас поставили койки, взятые в одном из госпиталей.

Сегодня мы играем в 8-м полку, который размещен в казармах. Сцена сделана в манеже. Манеж огромный, и сцена теряется в одном конце.

Обедаем в столовой одного из батальонов. На стенах, как полагается, всевозможные лозунги. После обеда оборудуем сцену. В 20 часов спектакль «Сани». Идет очень хорошо. Вопреки ожиданиям, слышно по всему манежу очень хорошо.

После спектакля — на ужин в ту же столовую.

На одной из стен над цитатой из Суворова — новый плакат: «Красноармейский привет работникам искусств». Нас, натурально, трогает такое внимание.

После ужина по домам — спать.

Н. Мозяйкин

12 октября 1944 г.

Жешув — город. Небольшой. Как наш уездный. И, безусловно, отличный от наших городов. Магазины, лавочки тянутся по всей улице от начала до конца. На углах улиц — корзинки, лотки. Хотя народу и немного, тем не менее, шумно и оживленно. Одеты все в пестрое, яркое — вернее более светлое, чем наши одежды. Кругом торговля, торговля... Продают все, что осталось от истощенной войной и ограбленной немцами Польши.

За исключением фруктов, пожалуй, нет ничего интересного и существенного. Не очень необходимые мелкие предметы домашнего обихода. Щетки для полов, фасонные гвозди для обуви, оставшаяся после бомбежек стеклянная и жестяная посуда, бумага в рулонах для туалета и прочее, прочее... И, наконец «Жечь посполита» — польская газета, которую разносят мальчишки, усиленно предлагая прохожим.

Итак, торговля без конца. Продают все: и мальчишки с босыми ногами, и дамы с модными прическами, и мужчины в шляпах и с трубками в зубах — кто же покупает? Кажется, что только мы, приехавшие сюда, и разоряемся.

Характер торговли меновой: продукты с/хоз-ва на товары ширпотреба. Сыграли в Н-ском полку спектакль «Где-то в Москве».

И. Мочалов

13 октября 1944 г.

Все еще в Жешуве. День как обычно в таких городках прошел. Все бродили по магазинам, рынку. Город и народ плохой. Неприветливое население со своим непонятым неприятным говором, и развлечься, покупая какие-нибудь интересные вещишки, — не пришлось, так как цены нагло высокие. Все раздражало в этих угрюмых лицах Жешува.

Вечером в довольно большом городском театре был спектакль «Где-то в Москве». Вот здесь-то мы вздохнули. В начале спектакля переводчик долго и подробно объяснял публике содержание пьесы, а потом, когда открыли занавес, то взрыв восхищения был нам наградой за волнение, которое мы испытывали перед спектаклем, так как угрюмость, повторяю, здешних людей не обещала хорошего приема. Ну, а уж когда заиграли артисты, аплодисменты и смех публики окончательно успокоили нас. Итак, представление удалось. Весело и радостно провожала нас публика, несколько раз вызывая на прощание. Кончился спектакль, поехали

ужинать, и домой. Завтра мы еще пробудем здесь, будем играть концерт и «Не в свои сани». Послезавтра, кажется, отъезд.

Р. Оболенская

14 октября 1944 г.

Жизнь в губернском польском городе Жешув довольно скучная, и, если бы не работа, которая занимает большую часть времени, можно умереть от тоски. В час дня играли концерт для запасного офицерского полка, а после — спектакль «Не в свои сани не садись». На вечерний спектакль было приглашено польское население во главе с магистром города. Перед спектаклем было прочитано либретто на польском языке, но оказывается, что поляки хорошо понимают русский язык. Остался один день нашего пребывания в скучном городе Жешув. Время проходит быстро и приближается конец нашей командировки, насколько еще продлится???

П. Сентюлёв

15 октября 1944 г.

Воскресенье. Жешувцы отдыхают как положено отдыхать в Польше. Даже не торгуют. Спущены все жалюзи в лавочках. Все направляются в костел... По праздничному приодетые, побритые, причесанные гуляют по улицам.

Женщины отдыхают, а мы работаем. У нас сегодня 2 последних спектакля для населения: в 3 ч. идет «Где-то в Москве», в 6 ч. «Свадебное». Первый спектакль проходит очень хорошо и благополучно. Вечером же число желающих войти в зрительный зал настолько превышает возможности, что положение становится угрожающим. Кульминацией является приход 9-ти не совсем трезвых партизан во главе со своим командиром, во что бы то ни стало желающих войти в зал.

Происходит бурная сцена, кончающаяся временным поражением партизан. У театра свалка — собирается толпа, за кулисами тоже волнение. Но вот начинается спектакль, и все 9 партизан во главе со своим командиром оказываются в зале.

Молодцы! Нет таких крепостей...

Зал набит до отказа. Спектакль, как и предыдущие, принимается великолепно. Поляки, такие холодные и неприветливые на первый взгляд, превращаются на спектакле в горячих и восторженных зрителей.

Вот уже почти 3 года, как мы работаем на фронте, но до сих пор настроение зрительного зала горячо волнует и трогает нас. Правда, трудно оставаться равнодушным к такому разнообразному и интересному зрителю, с которым нам приходится сталкиваться. Этому зрителю мы обязаны тем, что, несмотря на количество сыгранных спектаклей, несмотря на большую усталость, мы никогда не позволяем себе играть небрежно, халтурить, и тем самым не портимся как актеры.

Т. Блажина

16 октября 1944 г.

День прошел без всяких особых событий. Вечером играли «Свадебное путешествие» для запасного полка в благодарность за его хорошее к нам отношение.

А. Габович

17 октября 1944 г.

По приказу Политуправления возвращаемся на один день в армию для обслуживания конференции. 60 км на машинах, и мы опять в знакомом нам госпитале. Вечером играем «Где-то в Москве». Играть очень трудно, усталость

дает себя знать; почти месяц непрерывной работы, по два выступления в день — солидная нагрузка. Спектакль кончен, прощаемся со знакомыми, зашедшими за кулисы. Поглощаем совершенно холодный ужин и отходим ко сну. Завтра опять в Жешув.

А. Граве

18 октября 1944 г.

Возвращаемся в Жешув. В Ропчице остановка. Получили разрешение на получение бензина и Граве с машинами едет за 4 км. Наконец бензин получен, и мы трогаем дальше. Вот и Жешув.

Сегодня выступлений нет, и каждый проводит свободные часы, как ему «заблагорассуживается».

А. Данилович

19 октября 1944 г.

19 октября «санитарный» день: утром баня, днем свободны, вечером тоже. Дождь осенний, слякоть, холодно... Пошли все-таки несколько артистов бродить по городу, зашли в городской парк, посидели на скамейке с еще не облупившейся надписью: «только для немцев». Ни одного прогуливающегося поляка, мало даже прохожих, мокрой курицы не видно... Но слышна то там, то здесь, бодрая солдатская песня — русская, украинская, польская.

Проходят ежеминутно воинские части — русские, польские — они занимают строем. Вдруг целое подразделение бежит по улице, а где-то раздаётся: «Ура!», «Здравия желаю...» К вечеру иногда невзирая на погоду, пролетает самолет, иногда постреливают зенитки...

А. Котрелёв

20 октября 1944 г.

День прошел, и слава богу. Засиделись мы в Жешуве. Трудно играть по два спектакля, но, кажется, еще труднее ничего не делать, да еще в таком «милом» месте, как Жешув.

Н. Мозяйкин

21 октября 1944 г.

Приехал из ДКА К. П. Сучков. Сообщил, что они переезжают на новое место. Рекомендовал остаться нам в Жешуве и приезжать в ДКА уже на новое место, что мы и делаем, т. е. ждем нового адреса. Сегодня сыграли «Свадебное» в запасн. полку. Пытаемся обслужить окружающие нас части летчиков. Идет непрерывно осенний дождь, дороги развезло, слякоть, грязь.

И. Мочалов

22 октября 1944 г.

Живем мы в этом городе скучно, последние дни — как-то выжидательно. Вчера приезжал из ДКА Сучков, сказал, что они переезжают, и мы вот ждем, чтобы сразу же поехать на новое место. Сегодня играем «Где-то в Москве». Приятно это, потому что вечера в Жешуве нестерпимы: некуда пойти, кроме столовой, сидим в доме с коптилками, иногда нас развлекает Алек. Вас., играя на рояле, а чаще — мы тоскуем и от отвратительной погоды и от безделья. И день сегодняшний прошел так, что о нем даже нечего написать, как-то все, что я ни вспомню о нем — скучно и плохо, вот только спектакль идет хорошо, и зритель доволен, и нам приятно.

Р. Оболенская

23 октября 1944 г.

Днем Спектор поехал в ДКА, но, к сожалению, ничего оттуда не привез и даже писем. Вечером играли спектакль «Не в свои сани не садись». Свет был слабый, начали с опозданием на полтора часа.

Пора переезжать в другую часть?

П. Сентюлёв

24 октября 1944 г.

Весь день ждем вестей из ДКА. В 5 часов неожиданный сюрприз: приезжает Ремизова с критиком Гурвичем, которых, оказывается, привез с собой на самолете из Москвы Шатилов. Мы уже потеряли надежду на их приезд, так что он был особенно приятен. А к тому же, письма, свежие газеты, новости, рассказы! Рассказы!

Уезжаем играть к летчикам «Не в свои сани». Абрам Соломонович Гурвич в первый же день знакомится с нашей работой. После спектакля там же на авиационном заводе ужин с командованием. Хозяева очень скромные и симпатичные.

Домой возвращаемся рано, и снова прерванные рассказы о Москве, о театре, обо всем — засыпаем поздно! На утро — долгожданный отъезд из Жешува!!!

Т. Блажина

25 октября 1944 г.

Приехали в ДКА. Вечером играли «Где-то в Москве». Смотрели Шатилов, А. С. Гурвич, А. И. Ремизова. В первый раз играли «Где-то в Москве» не на эстраде, а прямо на полу. Спектакль прошел несколько слабее, чем обычно, но актеры выдержали очередное испытание с достоинством.

А. Габович

27 октября 1944 г.

Живем там же. Выезжаем к летчикам 2-й Воздушной армии, где играем подряд 2 спектакля «Свадебное путешествие». Второй спектакль смотрит А. С. Гурвич. Первый спектакль начали в 4 часа, второй в 7 часов. Ночью возвращаемся в ДКА. Плохая дорога. Холодно.

А. Габович

29 октября 1944 г.

Вечером играем «Сани» для комсомольского актива Политуправления. Смотрят С. С. Шатилов, А. С. Гурвич (второй раз Б. Полевой) и др. Спектакль начинается средне; в первом акте происходит авария со светом, после исправления актеры начинают играть с подъемом, и спектакль этот проходит весьма хорошо. Особенно следует отметить В. И. Москвина, И. А. Соловьёва, который задал тон спектаклю Т. И. Блажину.

У А. С. Гурвича после второго спектакля «Саней» уже складываются некоторые впечатления об актерах.

А. Габович

30 октября 1944 г.

Выезжаем в Особый отдел фронта. Играем в бывшем деревенском ресторане. Условия плохие. Долго не начинаем из-за отсутствия света. Второй раз играем «Где-то в Москве» почти на полу. Тем не менее спектакль проходит хорошо, и А. С. Гурвичу нравится больше, чем в первый раз. Ужинаем и возвращаемся обратно.

А. Габович

31 октября 1944 г.

Выходной день. После спектаклей в холодных помещениях часть коллектива скисла. В том числе и я. Лежу на соломе, пью порошки и читаю «Закономерность» Николая Вирты. Поговаривают об отъезде в армию, но точно день отъезда пока неизвестен.

А. Граве

1 ноября 1944 г.

Без сожаления покидаем блошино-клопное царство. День выдался на славу, солнечный, теплый. Одна машина Пети Сентюлёва уезжает после завтрака, а отъезд нашей задерживается, т. к. надо съездить за бензином.

В 3 часа, пообедав, уезжаем. Дорогу обещали очень скверную, поэтому она нам кажется опасной, а порой оказывается хорошей: шоссе. Проезжаем много городишек; сегодня католический праздник Всех Святых (памяти усопших) и разодетые пани, с панями и паненками, с цветами, огромной толпой устремляются на кладбище. Там оживление, на каждой могиле

горят плошки, и с наступлением темноты зрелище становится очень интересным. В костелах звонят колокола, католики усиленно молятся.

Погода портится, начинает накрапывать дождь.

Машина наша уподобляется погоде, также портится, стреляет, и наконец один баллон выпускает дух. Останавливаемся около колонны машин, именуемых «собачьими ящиками», и просим домкрат, оказываются наши старые знакомые, армейский ансамбль из хозяйства Рыбалко. Домкрата у них нет, и машину ставят на весу над канавой. Наконец все готово и движем дальше.

Вечереет. Дрожь в ногах. Стужа злее на ночь.

Вот и Тарнобжег! Тут на КПП Исай получает записку от Бо. Мефо., они проехали здесь в 6 часов вечера, а сейчас начало восьмого. Что с ними случилось? Они давно должны были быть здесь. Едем дальше. Указывают госпиталь, где расположились наши. Въезжаем в ворота, встречаем Бо. Мефо. Это 2-ой эшелон, отсюда до места километров 20. Ночуем в госпитале, огромная, холодная комната на 50 коек. В стороне печка. Усиленно топим. Дымит.

Машина первая испортилась в пути, произошла задержка. Ужинаем, ложимся одетые. Где-то постреливают. На улице светло, как днем. Полнолуние. Коля Лебедев взволнован близким соседством с А. С. Гурвичем. Коля, как известно, обладает даром громкого вещания во сне. Что-то будет?

А. Данилович

2 ноября 1944 г.

Холодно было спать. Утро, и проснулись — мороз. К великому сожалению, ехать дальше не можем: у водителя машины Кругликова вчера лопнула ресора, отправили ее в починку в мастерскую. На машине Бритвина, не разгружая ее, Спектор, Королёв, Марчишин и ваш слуга покорный, — поехали на место назначения передовыми. Холодно. Переехали Вислу. Дорога плохая — грунтовая. Через час приехали: грязная, большая польская деревня.

Квартирьер наш присяжный Королёв обходил много домов, но чистых, более или менее, две только комнаты. Грязно, спать на полу холодно, блохи и пр., вот удел наш на сегодняшнюю ночь... Спектор в три часа уехал на разгруженной уже машине, за артистами, гуляющими в Тарнобжеге, чтоб возвратившись в пять – в шесть вечера, в десять начать «Свадебное». Ждать-пождать, пять, шесть, семь, восемь; темно, хоть глаз коли; Б. М. придумал тысячу комбинаций развода и размещения людей по «квартирам». В девятом приходит лишь машина Бритвина, а только что починенная машина, не дойдя до нас 5 километров, застряла в грязи — расплавился подшипник. Там остались Липский, Мочалов, Москвин, Лебедев. Через двадцать минут приказано выезжать на спектакль. Размещаемся по «квартирам» в темноте страшной, луна еще не показывается. Комнаты в разных концах деревни. Личных вещей много, надо разнести еще вещи оставшихся с машиной товарищей. Шум, гам, колгота... В десять поехали-таки на спектакль. Моросит дождь... Проезжаем поля, горы, леса, деревни, какой-то полуразбитый город. Фары освещают разрушенные дома, магазины, щебень, обломки. Въезжаем в парк и подъезжаем к дворцу! Красивый дом, постройки 2-й половины XIX в. За сорок минут оборудовали в зале сцену и без десяти двенадцать занавес взвился, то бишь раздернулся <...> (*Не-разборчиво*) тепло, электричество, вода горячая, вода холодная. Много книг французских, польских, английских; как раз гримируемся в библиотеке. Газеты центральные, за 28/X — речь Черчилля... Спектакль смотрит генерал-полковник Пухов. К сожалению, усталость актерская дает себя знать: спектакль идет понижено.

А. Котрелёв

3 ноября 1944 г.

Котрелёв сделал вольт и оборвал записи о вчерашнем дне на двадцати четырех часах ноль ноль минут. А наш вчерашний день к этому астрономическому рубежу достиг только середины.

Около двух часов ночи закончился спектакль. Как уже отметил предыдущий хроникер, спектакль шел пониженно. Зрители принимали тоже пониженно. За день подустали, очевидно, и те и другие, отсюда и все качества.

После спектакля быстро собираем свое имущество. Нас приглашают ужинать. Огромная столовая, отделанная, как полагается дубом. Хороший ужин, потом еще танцы. В результате всего этого в обратный путь отправляемся часа в четыре ночи. Скорее в машину, скорее «домой» на неизвестные еще квартиры. Дремать в машине мешает плохая дорога. Приехав в деревню, где мы размещены, мы вдруг обнаруживаем, что торопясь домой, мы оставили В. Покровского там, где играли. Это первый такой случай в нашей жизни. Он приехал к нам днем на попутной машине. Разошлись по хатам, но большинству выспаться не удалось. Хозяевам и другим посторонним сожителям нет дела до того, что мы легли спать в шестом часу, они начинают свой шумный день часов в восемь утра. Поэтому весь день проходит с головной болью.

Организовали отправку в ремонт испорченной машины. Там серьезные повреждения.

Вечером отправляемся играть все то же «Свадебное путешествие». Играем в каком-то большом сарае с огромными столбами в середине. Один такой столб торчит у самого занавеса, порядком мешая и раздражая актеров.

Перед самым началом спектакля приезжает ген.-полковник Пухов. Его ошибочно информировали, что у нас идет другой спектакль. Досадная неувязка.

Спектакль и идет, и принимается несравненно лучше вчерашнего. После спектакля нас благодарит кто-то от имени зрителей, а зрители подтверждают и усиливают эту благодарность дружным «ура».

Домой попадаем нормально — около часа ночи, следовательно, сегодня выспимся.

Н. Мозяйкин

4 ноября 1944 г.

Итак, окончательно выясняется, что остаемся как бы на основной базе в дер. Буково, где разместился ДКА армии Пухова (генерал-полковник).

С утра нач. ДКА Терещенко еще не знает, где мы должны давать выступление; и вообще еще нет плана обслуживания. Съездили в штаб армии — запаслись горючим.

Вечером спектакль «Сани» в небольшой хате.

И. Мочалов

5 ноября 1944 г.

Попытки переместиться в один соседний госпиталь не завершились успехом.

Живем в деревне, разместившись в ней с одного конца до другого, откуда и выезжаем в части (корпус и дивизия).

И. Мочалов

6 ноября 1944 г.

Подъехали к месту спектакля (большой сарай), как уже бойцы, ранее знавшие о нашем приезде, бегут занять места в этом помещении. Сарай полуоткрытый, маленькие подмости, где и даем концерт. Актеры уже начинают под легкие платья и костюмы надевать шерстяные свитеры; — си-неют носы, дрожь перед выходом, а некоторых прошибает слеза (от холода).

После концерта домашний обед («передовой» кухни), а с 6 часов вечера настраивался приемник в теплой комнате большого дома польского помещика.

Незадолго до 7 — знакомые позывные станции Коминтерна и не менее знакомый голос Левитана: «Торжественное заседание, посвященное 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции...»

7 часов. Включен микрофон. Заседание, открытие его и наконец долгожданный, всем нам знакомый голос Сталина. Вечером в другом месте за 2 км — «Свадебное».

Поздней ночью вернулись домой.

И. Мочалов

7 ноября 1944 г.

Рано утром, отдохнув несколько часов, едем в Тарнобжег в авточасть и даем концерт. День в части нерабочий. С утра гармошка, и прямо во дворе танцы.

Обед, по 100 граммов водки (больше нельзя — вечером спектакль) и, этим «обидев» хозяев, уезжаем домой.

Вечер. Замок графа Межловского (кажется) — большой дом, в стиле польском, на большой горе, где сейчас разместился дом отдыха части.

В одном из залов — сцена и зрит. зал, рядом в библиотеке — гримировальная. Спектакль кончился во втором часу. Командарм Пухов был очень доволен спектаклем и приходил благодарить нас.

И. Мочалов

8 ноября 1944 г.

День пасмурный и холодный. Утром играем «Сани» в очень плохом маленьком помещении, за 15–18 километров от места, где живем. Дорога грязная, трудная. Около крошечной сцены комната, где живут эвакуированные три семьи — там мы гримируемся и одеваемся. Больная женщина на сложенных в углу вещах, плохо и беспорядочно в этой комнате. Тут же корыто с бельем, тут же собака, тут девочка топит печь и разбитая стена — видимо, ожесточенные хозяева этой квартиры не хотят приложить минимального усилия, чтоб хоть немного улучшить свое жилье — любопытно и недружелюбно смотрят они на нашу колготу — приготовления к спектаклю, и неслучайно их недружелюбный глаз везде, где бы мы ни были. Поляки улыбки, милы внешне, а неприязнь их мы ощущаем все же — «не разумеют» они, если у них что-нибудь вежливо попросишь, и «разумеют» тогда, когда им предлагаешь что-нибудь. Боязливы, скрытны, озлоблены. Такое впечатление, что им все обидно. Спектакль прошел хорошо. Перед спектаклем Исай Спектор приветствовал и поздравлял публику с праздником и также мило поздравил генерала с присвоением ему звания генерал-лейтенанта. Последний встал к сцене и пожал Исаю руку. После спектакля ужинаем в избе рядом и часов в восемь выехали домой.

Р. Оболенская

9 ноября 1944 г.

Время до обеда прошло в ожидании распоряжения о вечернем спектакле, т. к. предполагался прощальный спектакль для Военного совета 13-й армии. В 4.30 я и Спектор поехали смотреть помещение. Из-за грязи, в которой завязла машина, пришлось с километр идти пешком. После долгих обсуждений и торгов о зале мы все-таки одержали верх, и после согласования с Военным советом нам разрешили играть в том зале, где предполагали заблаговременно поставить столы для обеда. Позвонили по телефону, чтобы выезжал состав «Саней» и имущество. В 6 часов приехали все. Оборудовали сцену, и к 8 часам были все готовы, но начали на 45 минут позднее. На спектакле присутствовали: командарм Пухов, член Военного совета Козлов и еще 7 генералов, командующих корпусами и дивизиями, среди которых 2 героя Советского Союза. Спектакль прошел хорошо. После спектакля пригласили на прощальный ужин. На ужине присутствовали все те же генералы и несколько полковников. Ужин прошел в хорошей, дружеской обстановке. Пели, танцевали и в час ночи поехали домой. Ночь была страшно темная. Доехали благополучно. Последний час я захватил из другого дня. Да простит меня Татьяна Ивановна.

П. Сентюлёв

10 ноября 1944 г.

А Татьяне Ивановне до вас, милейший Петр Иванович, никакого дела нет, могли бы еще часика два-три захватить, и никто бы вам дурного слова не сказал, а я бы только поблагодарил... Что же, собственно, произошло 10 ноября? Какие события взволновали бродячих артистов? Бог, дай память. День был трудный, смурной, образно выражаясь, бестолковый, я бы сказал, настолько бестолковый, что тетрадку эту, по просьбе П.К., я положил

в свой чемодан утром, а передать ее Т. Ив. сумел только 11 числа. Приходится теперь писать мне, вспоминая.

События разворачивались с утра. После вчерашнего ужина на завтрак явились, конечно, не все, но приказ последовал: «Грузиться, личные вещи собрать, подъехать к домику-столовой к 14.30, обед – отъезд». Но объявить этот приказ было некому: Ник. Мих. — наш глашатай — на завтрак не прибыл, на розыски его были отправлены Липский и Лебедев 2-й... Да, самое главное, шел со вчерашнего вечера еще снег пополам с дождем, грязь страшная, передвигаться по деревне можно только огородами. Пока собирали личные вещи, машины застревали в грязи...

К 16 часам пообедали, в 16.15 поезд, состоящий из двух груженных людьми и пр. «фордов», тронулся по ужасной дороге, напоминавшей нам дороги Украины прошлой осени. До шоссе 6–8 километров тряски, болтанки, частых остановок вынужденных и по требованию... Но иногда, в трудные минуты Мельпомена что ли приходит к нам из сострадания на помощь: встречаем высланные за нами 2 (!) машины. Люди расселись, вздохнули посвободнее и, правда, в темноте, но все-таки доехали до места назначения (госпиталь)... Разгрузились и в 22 часа начали-таки «Свадебное путешествие».

А. Котрелёв

11 ноября 1944 г.

С утра — баня. В нашей суровой жизни баня — это вроде праздника. А тем более с такой отличной, мягкой водой. Но описывать баню, как известно, мастер Котрелёв, и я не берусь с ним соревноваться. Одно можно сказать: моемся с большим удовольствием. Но не всем дана и эта радость; Спектор, Королёв и Мочалов уезжают в Тарнобжег по делам: ремонт машины, бензин и пр.

Возвращаются к концу обеда с успешным результатом дел и с подарками! В Военторге нам продали по куску туалетного мыла, по полпачки табаку и по 2–3 с половиною конфеты!

В 8 часов — спектакль «Сани», в том же клубе, что вчера «Свадебное» — в большой землянке. Только сегодня зрителей набивается, по-моему, ровно вдвое больше, чем полагается, дышать нечем совершенно! Но желание зрителей увидеть спектакль настолько горячо, что их не пугают даже печки: эти большие бочки, которые стоят около сцены, облеплены бойцами. Вот сидит один, совершенно весь в поту, но лицо его выражает такое удовольствие, как будто он сидит не на полу у горячей печки, сжатый со всех сторон такими же распаренными товарищами, а, по крайней мере, в первом ряду партера в Большом театре.

Хотя, разве там когда-нибудь увидишь такое откровенно счастливое лицо! Да! Замечательные у нас зрители.

Т. Блажина

12 ноября 1944 г.

Утром концерт для раненых. Прием хороший. Пообедав и с полчаса посидев в нашей землянке, под проливным дождем отправляемся на концерт в Тарнобжег. Концерт в помещении гимназии, очень холодно, но хороший яркий свет. К концу концерта за кулисами появляется Виктор — наш второй водитель, который только что привел из ремонта свой «форд». Он десять дней не мылся и стал абсолютным мавром. Концерт кончается, нас благодарят, и мы благополучно отправляемся домой.

А. Граве

13 ноября 1944 г.

Сегодня юбилей нашего театра. Когда-то, в мирное время, этот день отмечался всеми: и юбилярами, и неюбилярами. Наверное, и сегодня в Москве наши товарищи празднуют 23-летие театра.

А у нас, фронтовиков, после завтрака назначен отъезд. Назначен, да, но не значит, что он может состояться. Одна машина Виктора Кругликова не заводится, а другая — Саши Бритвина, которая может завести ее своим ходом — безнадежно застревает в грязи. Положение безвыходное. 12 часов, 1 час дня. Без перемен.

На вытаскивание машины, кроме наших актеров, прибывает большая группа бойцов. Не помогает. Перерыв на обед. Сидим на вещах. Наконец машину вытаскивают, грузим вещи. И другая, из солидарности, заводится ненадолго. В 4 часа машина Бритвина, во главе с Исаем, трогается в путь. Половина товарищей остается здесь, в госпитале; Саша Бритвин отвезет нас и вернется.

Едем км 20. Холодно. В половине шестого приезжаем в ДКА. Письма. Встречи. А жить негде. Как всегда с расселением очень плохо. Я совсем скисаю. Температура 38. Очень нездоровится. Пока кого-то выселяют, сидим с Ритой Оболенской у бабушки-бобылки в крошечной хатке. Тишина, только мыши скребутся, да изредка не то бомбят, не то артиллерии разговаривают. Наконец в 9-м часу и нас расселяют.

А. Данилович

14 ноября 1944 г.

Все хорошо, что хорошо кончается, А кончилось все благополучно. К обеду приехали оставленные в госпитале наши товарищи, на двух машинах наших, причем вторая машина Виктора, пришла своим ходом; Виктор

уверенно говорит, что «завтра починим». К вечеру оказались все расселенными... Погода способствует нашей задержке: подморозило и по деревне легче стало передвигаться, чтоб дойти до столовой, надо пройти километра полтора, как в Россоши. Все заняты письмами, новостями из далекой Москвы. Отдохнуть, правда, трудно, ибо большинство живет в хатах, вместе с хозяевами, а семьи большие — четыре–шесть человек.

К концу поездки научимся-таки говорить по-польски.

А. Котрелёв

15 ноября 1944 г.

Мерзейшая погода. Сильный, порывистый ветер бросает в лицо дождь и снег. На дороге слякоть несусветная. Километровый путь до столовой по этой жиже, да еще в худых сапогах — удовольствие маленькое и поэтому многие не ходят, а им приносят обед домой те, кто отваживается на это путешествие. Ужинать и совсем мало народа собирается. А после ужина в помещении местной школы — кино. Идет «Зоя». Многие тоже решают отсидеться дома.

Здесь есть перемены — Сергей Савельевич Шатилов, наш здешний начальник, переходит на другую работу. Почти два года работы на этом фронте под его эгидой прошли плодотворно и, надо сказать, быстро.

Мы взаимно привыкли друг к другу, и нам жалко с ним расставаться, хотя мы и рады за него, так как новая работа у него более интересная и, так сказать, с повышением положения.

Н. Мозяйкин

16 ноября 1944 г.

Утро. Снег валит хлопьями и почти сразу смешивается с землей, и под ногами жижа. Бутафорские сапоги без стелек и почти без подметок сразу намокают, снег облепляет одежду, и уже в столовой сижу весь мокрый. Неизменная картошка столовой ДКА и... не хочется идти обратно... Кто-то (кто это?) высказался посмотреть картину. И действительно тут же в столовой на сцене — «Ураган». Англ. картина, длинная, сугубо демократическая, с островами, морями, красивой героиней...

Не уходя домой, обед. И снова под снегом два километра до дома.

Таков вынужденный день отдыха.

И. Мочалов

17 ноября 1944 г.

Все еще в ДКА. Но уже объявлено, что переезжаем в Дембу, в штаб фронта, где должны играть в офицерском клубе.

И. Мочалов

18 ноября 1944 г.

Переехали в Дембу... Расселились еще засветло. В семь часов в офицерском клубе «Где-то в Москве». Спектакль смотрел маршал Конев. Артисты волновались, но играли неплохо.

<Без подписи>

19 ноября 1944 г.

Утром «Свадебное», вечером «Где-то в Москве»... Живем в Дембе, играем в офицерском клубе в лагере.

А. Котрелёв

20 ноября 1944 г.

Долго ждали завтрака, долго ждали бани. Женщины мылись 40 минут. Через каждые 5 минут Борис Мефодьевич стучал в дверь бани и торопил нас. «Бегом» вымылись — «бегом» домой — «бегом» обедать. Вечером играли «Где-то в Москве», хорошо прошел спектакль, принимали замечательно. За ужином выпили по сто грамм спирту — и разошлись по своим хатам. Погода холодная, деревня неприветливая, но работаем здесь хорошо и много.

Р. Оболенская

21 ноября 1944 г.

После завтрака пошли сразу на дневной концерт для солдат. Концерт прошел очень хорошо. После концерта небольшая группа пошла смотреть артиллерийскую выставку. Но к большому нашему огорчению, выставка уже снялась и уехала, а ведь очень интересно было бы посмотреть, там было собрано все, что находится на вооружении у артиллеристов и минометчиков. Обед был с пивом. Вечером играли спектакль «Не в свои сани не садись». Спектакль прошел хорошо, на спектакле присутствовали несколько генералов.

По слухам, завтра будет ответственный спектакль. Скорей бы! Народ утомился ждать. Липский смотрел спектакль, все волновались.

П. Сентюлёв

22 ноября 1944 г.

День начинается, как обычно, с завтрака. После завтрака идем все в театр — там назначена беседа с Абрамом Соломоновичем Гурвичем, которую мы все давно ждем. Он рассказывает нам свои впечатления о нашей работе, останавливаясь главным образом на работе актеров.

Первый раз за время существования нашего филиала мы слушаем о себе серьезную и внимательную критику. Как хорошо, если бы это было не последний раз. Этим нашим горячим пожеланием и заканчивается эта интересная беседа. После, здесь же в клубе кинокартина «Зоя». В 5 часов обед. В 6 еще одно собрание, на котором Спектор сообщает нам, что сегодня в 9 часов последний спектакль «Свадебное» и, что послезавтра мы уезжаем домой — в Москву. Общая радость. Вечерний спектакль проходит с подъемом. Зрители настроены очень тепло. Приехали наши друзья из ДКА проститься с нами, так как мы едем прямо отсюда. После спектакля горячие объятия, поцелуи, пожелания скорее приезжать опять.

Возвращаемся в свои неуютные пристанища. Холодно. Морозит.

Ночью необычайное движение: без конца идет и идет пехота. Радость отъезда домой немножко омрачается: такое ночное передвижение войск — обычно предвестник наступления.

Т. Блажина

23 ноября 1944 г.

Весь день проходит в подготовке к отъезду и административных хлопотах: бензин, командировочные, получение и раздел сухого пайка. Вечером отдых (спектакля нет) и уничтожение пайкового чистого спирта.

А. Граве

24 ноября 1944 г.

Покидаем Дембу. Заправляемся бензином и — на Львов. Едем. Едем. Погода хорошая, морозно. Вот и Жешув. Остановка. Едем дальше. Темнеет. Проезжаем Ярослав. 8 часов вечера. Перемышль. Опять остановка, что-то с машиной. Думается мне, что просто шоферы устали! Ждем у здания комендатуры. Дождь моросит. Сидим с Граве в машине и ужинаем, чем эхо послало. Все ушли греться. Вдруг рядом раздаются крики на польском языке, какая-то свалка, ничего не разберешь, это продолжается минут 10, сопровождается выстрелами из револьвера. Крики: «Полковник, полковник!», опять свалка. Ни патрулей, никого нет. Как бы и нам не попало! Наконец все кончается трагично. Опять ор, выстрелы, крик раненого. Все разбегаются и посередине улицы кто-то лежит и стонет. Это оказывается начальник патруля, его ранил пьяный полковник, с которым не смогли справиться, и он удрал. Раненый, лежа на животе в грязи, отдает распоряжение о поимке полковника, требует перевязку. Подъезжает наша машина, пострадавшего кладут на плащ-палатку, переносят в машину, и Виктор отвозит его в госпиталь. В это же время патрульные во главе с Граве находят полковника, который, бросив револьвер, на другой улице спрятался за дом. Полковник (русский, но в польской форме и с русскими орденами) сопротивляется, патрульные боятся его схватить, хотя кто-то сгоряча уже разукрасил ему физиономию. Ведут в комендатуру, а оттуда его увезут на «виллисе» в свою часть.

ДНЕВНИК

Тревожно как-то ночью на чужой территории. Отвозят нас в замороженную гостиницу, где нам предоставляют горячий чай и холодные постели. Ночь проводим в дрожащем состоянии. Холодно.

<Без подписи>

25 ноября 1944 г.

В 9 часов подъем, чай и продолжение поездки. Вот и граница. Ничего отличительного от КПП. 3 казака проверили у нас документы. Только полосатые столбы по бокам дороги и надпись «Погранзастава». Прощай Польша, вот мы и на своей родной земле. Въезжаем во Львов. Расселяемся в гостиницах, тепло, хорошо. Здесь бригада Гаркави, они собираются в Москву. В Москве, говорят, 12 градусов мороза. Уедем, наверное, послезавтра, поезд отходит в 9 часов утра.

<Без подписи>

26 ноября 1944 г.

Граве и Мозяйкин сегодня уезжают передовыми в Киев, а мы завтра, уже есть плацкарты. Это очень хорошо. Вечером небольшая группа посещает Львовский драм. театр. Опять та же пьеса, которую я видела в прошлый приезд во Львов, «Их звор» (их четверо), но я смотрю с удовольствием, очень хорошие актеры, а пьеса ерундовская. Завтра уезжаем в Киев.

А. Данилович

VII

Февраль – июнь 1945

1-й Украинский фронт

7 февраля 1945 г.

Вчера в 23.05 с Киевского вокзала уехали в Киев. Едет 23 человека. А. Граве и А. Лебедев уехали вперед 4 февраля.

<Без подписи>

8 февраля 1945 г.

Вчера весь день ехали нормально. Сегодня под самым Киевом поезд набрал несколько часов опоздания, но нам это даже удобнее — приехать, когда уже светло.

Под самым Киевом поезд задержался, и А. Граве пришел с вокзала к нам.

Жел. дорожное начальство, как всегда, идет нам навстречу, и в этот раз нам разрешили уехать, не выгружаясь, в парк, и там же перегрузиться в львовский состав. Если все произойдет, как запланировано, то это будет блестяще.

Все идет очень хорошо. Днем еще мы уже были в львовском составе и в 21 час 30 минут тронулись в путь.

А. Бархударова и Б. Королёв выразили желание опять участвовать в писании дневника. Приветствую их по этому поводу.

Н. Мозайкин

9 февраля 1945 г.

Поезд наш идет, да не идет, а просто бежит, бежит бойко, остановки короткие. А ведь совсем недавно, кажется, ехали мы по здешним местам на крыше маленького польского вагончика так медленно: двое суток, а сегодня уже в одиннадцатом часу подъехали к главному Львовскому вокзалу.

Темнота, хоть глаз выколи. Встретил нас передовой Саша Лебедев. Все в порядке. Машины ждут, гостиница к вашим услугам. Долго идем в темноте кромешной по перрону, тоннелям с вещами, спотыкаемся, наконец выходим на площадь, вокзал уже заметно подремонтирован. Посадка в машину: кто же едет первым? Всех сразу машина не увезет. Женщины садятся с администрацией. Оставшиеся мужчины ждут, сидя на чемоданах. Погода здесь уже весенняя, снега почти нет. В час ночи все в гостинице «Варшава». Тепло, горит электричество, но нет воды.

Б. Королёв

10 февраля 1945 г.

День во Львове. Всевозможные организационные дела — осмотр сцены ДКА, перевозка туда имущества, дела питательные и т. д. и т. п. Погода здесь ранневесенняя, сравнительно тепло, сыро. Валенки, видимо, будут лишней обувью.

Н. Мозайкин

11 февраля 1945 г.

С утра легкий морозец и ясное небо. Солнце. Дневной спектакль отменен. Вечером играли в ДКА «Где-то в Москве».

И. Мочалов

12 февраля 1945 г.

Еще день во Львове. Утром отменили спектакль. Прошел завтрак, прошел обед, прошел у некоторых рынок и кончился день. Вечером играли в ДКА «Свадебное», говорят, хорошо принимали. Завтра начнут репетировать новую пьесу. Ничего о дальнейшем нашем пути еще неизвестно. Вечером будем играть «Сани». Львов неприветлив.

Р. Оболенская

13 февраля 1945 г.

Продолжается жизнь во Львове. Спектакли идут с большим успехом, живем очень хорошо (в бытовом смысле). Город такой интересный и необыкновенный, что жаль уезжать. Сегодня прошли «Сани» в новом, очень хорошем оформлении Граве. Его авторитет художника еще больше утвердился после этой работы. Хотя некоторые знатоки и находят, что у художника недостаточно развито ощущение единства стиля. Первая картина, вторая — Граве, а третья — Левитан.

Ну, бог с ними, со знатоками — в общем очень приятно смотреть на них, т. е. на декорации. Вот это и все приятные события этого дня. Плохого ничего не было.

А. Ремизова

14 февраля 1945 г.

После завтрака группа в 5 человек осматривали Оперный театр, построенный в 1900 году. На 1700 мест. Театр ярусный, с позолотой и расписным потолком с 10-тью музами. Очень оригинальная, хотя и простая люстра, а вообще освещение зрительного зала разрешено праздничное, как иллюминация.

Кресла, обитые красным плюшем, расставлены не как обычно, а с расчетом, чтобы зритель не видел затылки впереди сидящих зрителей. Очень хорош первый вестибюль, и вообще вся зрительная часть театра разрешена с максимальным удобством для зрителя и с большим художественным вкусом. Сцена из себя ничего не представляет, за исключением световой аппаратуры. Достаточно сказать, что один горизонтный софит дает 117000 свеч. Механизированная смена светофильтров дает возможность перехода с одного света на другой непосредственно из регулятора не путем включения и выключения фонарей, а путем смены стекол. Эта новинка у нас в театрах еще не получила своего применения.

Днем была репетиция «Верочки». Вечером спектакль «Где-то в Москве». Спектакль прошел с большим успехом, в числе многих генералов присутствовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант Беляков, который передал через Спектора свою благодарность.

Н. Мозайкин

15 февраля 1945 г.

С утра очень плохая погода, мокрый снег, дождь. Весь день лежим читаем, кое-кто репетирует «Верочку».

Вечером последний спектакль «Сани». После «Саней» дирекция ДКА пригласила коллектив на чашку чая. Свободные от спектакля смотрели в польском театре спектакль «Моя сестра и я». Прекрасный спектакль, замечательные актеры. Это музыкальная комедия, играют очень легко и непринужденно, поражаешься легкости перехода от речи к пению. Особенно меня покорила актриса, играющая главную роль, (к сожалению, не знаю ее фамилии). Да, собственно говоря, все играют замечательно, есть чему поучиться, так что не все наши охотно смотрели польские спектакли.

А. Бархударова

16 февраля 1945 г.

В течение дня уточнялся наш отъезд на фронт. К 3 часам все определилось. Завтра в 8 утра выезжаем на 2 машинах — одной открытой, одной закрытой. Едем через Краков. Немножко жалко даже уезжать из Львова, так хорошо мы прожили здесь.

Вечером поклонники львовского театра идут в последний раз на спектакль. Сегодня идет американская комедия «Целый день без вранья». Чудесный спектакль, чудесные актеры — учиться и учиться такому мастерству.

Т. Блажина

17 февраля 1945 г.

Утром выехали из Львова. Дорога знакомая. Границу проехали без особых осложнений. Волнения в коллективе улеглись. Места все знакомые. Перемышль, Ярослав, <...> (Неразборчиво), Дембица.

После Дембицы начались уже незнакомые нам места. Проехали бывшие немецкие позиции под Дембицей, с которых нас обстреливали несколько месяцев тому назад. И к вечеру, проделав более 280 км, остановились в Марнове на ночь, разместившись на полу в польском отеле. Хозяин был очень любезен, но содрал дикую сумму за ночлег.

А. Орочко

18 февраля 1945 г.

3 года тому назад, 18 февраля 1942 года выехали мы из Омска, и кто бы мог думать, что 18 февраля 1945 г. мы будем в Кракове! Где-то мы будем еще через 3 года? Но-но, не надо.

Итак, около часу дня приехали в Краков, остановились на главной площади. Исай и Граве ушли к военному коменданту, который помещается во дворце магната Потоцкого. В ожидании начали глазеть на гуляющих поляков (сегодня воскресенье) и осматривать ближайшие достопримечательности.

Вторая машина задержалась, она опять потерпела аварию, на них налетел «студебекер», левый передний угол машины поломан, к счастью, обошлось без жертв.

Размещение в «Гранд Отеле».

Комендант города оказался нам знакомый по армии Курочкина. Принял очень хорошо, просил нас сыграть здесь спектакли. Умывшись и переодевшись, идем обедать и осматривать город. Город не то чтобы красивый, а самобытный, занятый. Огромные старинные крепости на берегу Вислы. Зашли в главный костел. В городе много итальянцев, французов, попадают шотландцы; бывшие военнопленные ходят в полосатых халатах и штанах, как каторжники. Цены дорогие. Пока я сидела на машине, еще какой-то человек, хорошо одетый, подошел ко мне и попросил хлеба. Очень любезно поблагодарил и стал тут же жадно его есть.

Французы и итальянцы ходят в беретах и на груди у них красуются маленькие национальные флажки, шотландцы в военной форме. Поляки тоже украшают себя лентами национальных цветов, а девочки завязывают ими косы. Главный осмотр города переносится на завтра, сейчас уже поздно, темнеет. По городу ходить можно по местному времени до 7, по московскому до 9 вечера.

А. Данилович

19 февраля 1945 г.

Еще день провели в Кракове. Сегодня были на торжественном открытии театра им. Словацкого. Театр является противоположностью Львовскому, все здесь чрезвычайно натуралистично, актеры почти все без грима, ни одной острой мизансцены, разговаривают спокойными ровными голосами, но все это выглядит некоторой претензией, чтобы все было как в жизни. Внутреннего действия и настоящей правды переживаний у актеров нету. Очевидно, здесь есть влияние раннего МХАТа. Во всяком случае, все это очень культурно, и актеры солидные и хорошие. Говорят, что в Кракове собрались сейчас лучшие актеры Польши. Так что наши выступления здесь будут очень ответственными, завтра будем первый раз играть.

А. Данилович

20 февраля 1945 г.

С утра экскурсия в Вавель — старинный замок польских королей. Мы посетили костел в замке и самый замок. В костеле находится много уникальных памятников, так что теряешься, о чем писать, что упомянуть. Хочется сказать обо всем: и о часовне под землей XI столетия <...>

(Неразборчиво) дань катакомбам. В этой часовне находятся гробницы ряда польских королей, и там же гроб Адама Мицкевича и Пилсудского. Много памятников скульптурных в самом костеле. Многие памятники закрыты в деревянных ящиках от бомбежки. Горы песку, аккуратно сложенного в мешках и на стеллажах. Живым памятником явился профессор, водивший нас по костелу и замку. Человек с большой эрудицией, владеет 12 языками. Вавель еще закрыт для осмотра, но кроме нас туда просочилась группа не то англичан, не то американцев и два английских солдата, бывших в плену в Африке. Вообще Краков сейчас интернационален. Кроме поляков, собравшихся сюда со всей Польши, вы можете встретить здесь людей почти любой национальности: румыны, англичане, итальянцы, американцы — хорошо одетые и одетые в рубища, только что вышедшие из концлагерей в арестантской одежде с надписями на спинах.

Мы видели бесчисленное количество комнат в замке. Многие вывезены, многие перестроены и переставлены немецким губернатором Гансом Франком и его сворой. В замке много осталось следов от фашистов, начиная от разрушенной часовни в костеле и кончая фашистской библиотекой Франка.

Вечером был спектакль для населения: «Где-то в Москве». Нам пришлось восстанавливать славу советского искусства, подпорченную выступлениями в Кракове различных бригад и ансамблей. Это сказалось и на неполном зрительном зале. Но успех был большой, теплые высказывания во время антрактов и в конце спектакля. Перед спектаклем нас тепло приветствовали перед занавесом местные артисты.

Б. Королёв

24 февраля 1945 г.

Передали сегодня мне эту тетрадку с большим пропуском: сегодня 24/II, а последний день записи 20/II, обидно, что пропуск попал на 21, 22, 23 февраля: 21 февраля мы играли в Кракове два спектакля «Где-то в Москве». Спектакли играли в 5 ч. и в 8 по московскому времени, не разгримировываясь в перерыве. Второй спектакль смотрели освобожденные угнанные в неметчину русские и украинские девушки. 22 утром выехали из Кракова, а 23 вечером приехали в ДКА в хозяйство Румянцева. Проехали много городов польских и немецких, переехали не один десяток рек, «форсировали» Одер. Впечатлений очень много, ехали быстро, останавливались лишь поесть, подождать отставшую вторую машину... Разместились в двух домах немецкой деревни. Населения почти нет. Несколько оставшихся немцев живут отдельно. Днем была встреча с Румянцевым. Вечером спектакль не состоялся.

А. Котрелёв

25 февраля 1945 г.

День проходит в разнохарактерных занятиях. Каждый, как говорится, по своей стезе. После обеда ставили нашу сцену в помещении бывшей пивной. Помещение большое, из-за нехватки стекол в окнах, холодное. Пока мы оборудовали сцену по дороге мимо проходит огромная колонна французов. Большинство бывшие военнопленные, но есть женщины и глубокие старики — из числа угнанного гражданского населения. Французов несколько сот человек. Они держат путь на восток. Где-то там есть сборные пункты, откуда они поедут на родину.

ДНЕВНИК

В 20 ч. назначен спектакль «Где-то в Москве». В 20.45 он начинается. Смотрит наш новый начальник Политуправления ген.- майор Ящечкин. Спектакль идет средне. После спектакля г.-м. долгое время разговаривает с нами. Так закончился этот день.

<Без подписи>

26 февраля 1945 г.

Наконец устроились с жильем в этом новом месте — немецкой деревне. День проходит в ожидании назначения спектакля, который так и не состоялся.

И. Мочалов

27 февраля 1945 г.

Утром ездили в город Литниц. Это очень красивый большой город, совершенно пустой. Около города Любен висит указатель: «Берлин 266 км». По приезде в Гимендорф, на свою базу, мы все были срочно вызваны в столовую, где начальник ДКА майор Румянцев торжественно прочел нам «Приказ войскам 1-го Укр. фронта» за подписью маршала Конева о нашем награждении. Награжден весь коллектив. Сразу же по машинам и отправились на концерт. Все очень взволнованы огромным событием этого дня.

<Без подписи>

28 февраля 1945 г.

Утро в ДКА. Вечером выехали за 25 км играть спектакль «Где-то в Москве». Нас встретили наши старые знакомые и несмотря на то, что большинство из них в прошлую поездку видели этот спектакль, все равно принимали очень радушно и весело. Потом ужин, и обратно в ДКА.

Р. Оболенская

6 марта 1945 г.

Пропущенные дни свидетельствуют о халатном выполнении, добровольно взятых на себя обязанностей, писания дневника.

6 марта 1945 года — исторический день для всего фронтового филиала, в 23 часа 30 минут получает первый орден Отечественной войны II степени Соловьёв И. А. Вручает ордена и медали Начальник Политуправления генерал-майор Яшечкин, от имени награжденных выступили Спектор, Граве, затем выступил с поздравлением генерал Яшечкин. Волнение всех награжденных отражалось на бледных лицах, но все прошло очень торжественно и гладко. Продолжение праздника опишет Асмик.

П. Сентюлёв

7 марта 1945 г.

Петр Иванович забыл отметить, что когда нас награждали, присутствовали корреспонденты: Полевой и др., которые всегда интересуются нашей работой на фронте, знают каждого актера и любят наш театр. Во время награждения нам «салютовали» зенитки (которые били по немецким самолетам). После состоялся ужин, был ген. Яшечкин, полковник

Пирогов и др. Очень не хватало Серг. Савельевича, каждый из нас это очень ощущал. Мы очень уж с ним дружили и много хорошего видели от него, много внимания, забот. Вернулись домой в 6-м часу. Весь день отсыпались, вечером в редакции «За честь Родины» был устроен вечер для женщин — сотрудниц редакции, на котором мы выступали с маленьким концертом. После концерта начальник редакции Корунов пригласил нас на ужин. Вечер прошел очень мило, Корунов всех нас обворочил своим умением развлекать гостей. Сегодня канун международного женского дня.

А. Бархударова

8 марта 1945 г.

Сегодня хотя и международный женский день и праздник, но день прошел в труде и совершенно буднично. С утра готовились к переезду. В 10 часов уехало все ДКА, вслед за ними тронулись и мы. Отведенные нам холодные, неблагоустроенные комнаты через какой-нибудь час-другой, были уже нами устроены и обжиты, у нас выработалась блестящая техника в этом деле. Столовая развернулась тоже в прекрасном темпе и накормила нас вкусным обедо-ужином. Вечером работы никакой нету. Пишем письма в Москву: завтра утром уезжает Румянцев.

Т. Блажина

9 марта 1945 г.

Живем на новом месте. Называется Грос-Попель. Вечером Спектора вызвал Крайтоков. Коллектив был весьма заинтересован. Разговор с Крайтоковым был общего порядка, вообще о жизни коллектива. Больше событий никаких не произошло.

И. Мочалов

10 марта 1945 г.

Погода паршивая — слякоть, мокрый снег, ветер. Ждем направления для работы в армию. Смотрим немецкие книги. Вечером в столовой ДКА праздничный вечер для женщин в честь прошедшего 8 марта. Приглашены также и мужчины. Вечер прошел очень весело и просто. Ужин, после ужина танцы и кино «Сердца четырех», досмотреть не удалось — кончился бензин, и движок спал, и слава богу.

А. Граве

11 марта 1945 г.

События сегодняшнего дня по праву должен описывать Алеша Котрелёв, но очередь писать моя. Прошу у него извинения. Событие — это устройство бани, коллективное, индивидуальное, и пр., и др. День прошел в очистке помещения и в мытье. Завтра уезжаем в армию.

А. Данилович

12 марта 1945 г.

Утром погрузка. Все старательно помогают, выносят ящики, затем личные вещи, утренняя зарядка, так сказать, для артиста... Погрузились, как в «Аристократах» говорилось, сказочно... Погода пасмурная, холодно. Машины нагружены основательно, выехали на асфальт и быстро промчались 60 км, проехав Одер и много немецких городков, сел, местечек, приехали в Дауглиц под Бреслау. Здесь должны пробыть десять дней и обслужить город.

Разместились в большом особняке, человека по 4, по 2 в комнату... Не успели оглянуться — надо ехать на спектакль. Играли «Где-то в Москве» в Леутене в 5 км от нас.

Спектакль прошел хорошо. Хорошо прошел и ужин, повар хороший. Приехали домой в третьем часу.

<Без подписи>

13 марта 1945 г.

Все разбрелись (кроме больных москвичей) по городу. Сегодня первый весенний день, солнце, тепло, <...>

(Дальше совершенно не понятно — карандаш стерся)

<Без подписи>

14 марта 1945 г.

День самый обыкновенный. После некоторых словопрений между Исаем и майором Жак. (нач. армейского ДКА) начинается наш трудовой день.

Едем опять в Леутен, где играем днем концерт, затем актеры едут обедать в Дейтше-Лиссу, а Спектор и Сентюлёв едут в Бреслау подыскивать помещение для спектаклей.

В 19 ч. играем «Свадебное». Больна Данилович и в концерте играли Данчева («Маляр») и Блажина («С теплым ветром»). «Свадебное» Аня играла сама. Болен Москвин. Что с ним, неизвестно, но он сильно температурит.

Н. Мозяйкин

15 марта 1945 г.

Едем в Бреслау со «Свадебным путешествием». Частично перед самым городом едем по автотрассе Берлин-Бреслау. Весьма усовершенствованная дорога, исключая встречу машин даже на перекрестке.

Подъезжаем к городу, слышна редкая перестрелка. Нет ни одного целого дома, все побито снарядами. Спектакль смотрело командование 6-го х-ва.

И. Мочалов

16 марта 1945 г.

В 11 ч. утра выехали со спектаклем «Где-то в Москве» в Бреслау. Принимали спектакль хорошо очень, зрители заполнили весь большой зал. Начальство несколько раз приходило за кулисы и просило нас дать им еще спектакли. Странное было ощущение — быть в городе, где за две-три улицы немцы, и не то чтобы страшно, а как-то беспокоино, тяжело знать, что совсем рядом бой и бой за этот город, где мы уже играем. Город разбит, трупы людей, лошадей на улицах, и на всем следы большого человеческого горя, и грустнее, чем всегда, сознание гибели стольких

людей! Жители наши в Москве, в тылу никогда не испытают и не поймут всей тяжести, всего ужаса войны, всего настоящего горя — не по-видав эти города, не ощутив себя так близко от этой бойни, вид которой — боль для каждого сознания.

Р. Оболенская

17 марта 1945 г.

Продолжаем работы в Бреслау. Игнали концерт на передовой в квартире, в которой пробиты две комнаты, образовался зал — народу пришло невероятное количество. Концерт прошел очень хорошо. Вечером в радиостудии игнали «Где-то в Москве». О том, как интересно, волнительно играть в городе, который еще у немцев, почти на одной улице с ними, писали уже много предыдущие товарищи, могу к ним присоединиться. Должна сказать, что играть для людей, которые держат «кольцо», — ощущение необычайное и до сих пор еще нами не ощущаемое. Завтра едем опять в Бреслау. Играть в радиостудии — это удобно. Прекрасный большой зал.

А. Ремизова

18 марта 1945 г.

Прошел еще один день нашей работы в гор. Бреслау. Днем игнали концерт для вновь пришедшего пополнения, перед концертом на улице проходил митинг, на котором выступал командир дивизии Герой Советского Союза — полковник. Во время концерта я ездил в город смотреть помещение для завтрашнего дня. Завтра будем играть за шлагбаумами где написано: «Стой! Линия фронта». Нам пришлось сойти с машины и добираться пешком дворами. Метрах в 300 идет уличный бой.

Вечером играли спектакль «Свадебное путешествие». Спектакль прошел очень хорошо. После спектакля выступил подполковник и благодарил коллектив и аккордеон. После спектакля состоялся товарищеский ужин. После ужина на глазах некоторых наших товарищей был сбит немецкий транспортный самолет, кстати, их сбивают каждую ночь по несколько штук.

П. Сентюлёв

19 марта 1945 г.

Едем опять в Бреслау. Холодно, идет небольшой снежок. В 2 ч. дня концерт в помещении радиостудии. Масса бойцов, наш майор волнуется, что всех не разместить. Концерт прошел хорошо, надо отметить прекрасную акустику этого зала. Звук летит свободно, можно говорить и петь в полголоса, везде слышно прекрасно.

Вечером спектакль «Свадебное» на передовой. Играет Васильева в первый раз. Мы почти в центре линии фронта. Метрах в 300–400 от немцев. Странно, совершенно нет ощущения страха. Дома разбиты, с улицы видно комнаты с обстановкой, стены, на которых висят картины. В одном доме снарядом сделана большая амбразура, и видно, как пол верхнего этажа свисает со всей мебелью над комнатой нижнего этажа; кажется, довольно малейшего колебания почвы, чтобы все это рухнуло. Спектакль прошел хорошо. Командир полка почти все время разговаривал по телефону и отдавал приказания (его полк сейчас воюет).

Опять несчастный случай — в зрительном зале раздался выстрел. Суматоха, волнение. Выяснилось: случайный выстрел из автомата, который не был на предохранителе, ранило бойца в ногу.

К 10 часам вечера начинается безумная пальба, бьют зенитки, минометы, пулеметы. Чувствуется напряжение, и уже более ощутимо — война.

После спектакля нас ведут ужинать. Слышно, как ведут агитацию наши агитаторы по радио. Выходим за шлагбаум, на котором написано: «Стой. Линия фронта». Кто-то сказал: «Вот мы и в тылу». Действительно, сразу вроде стало легче. Это, конечно, психологическое явление. Приехали домой в 2 ч. ночи. Надо отметить: Васильева играла очень хорошо для первого раза.

А. Бархударова

20 марта 1945 г.

После дней напряженной работы в Бреслау сегодня день выходной. Баня.

Спектор, Королёв и Мочалов уезжают на фронт, так как срок нашего пребывания в этой армии кончается. Так же как и срок данных в наше распоряжение машин и людей. Вечером по их возвращении маленькое собрание-информация. План уточняется — в апреле возможна Москва. А пока на Бреслау летят немецкие самолеты, и их встречает бешеный огонь наших зениток, от которых содрогается весь наш ветхий домик.

Т. Блажина

21 марта 1945 г.

Живем в том же месте. Вечером выезд недалеко. Играем 2 концерта подряд. Оказались старые знакомые, которые видели «Свадебное» за Вислой.

А. Габович

22 марта 1945 г.

Днем выезжаем со спектаклем «Где-то в Москве» во вчерашнее хозяйство. Играем в помещении бывшего военного лагеря летчиков Бреславского аэродрома. Помещение очень хорошее. Хороший свет. Спектакль проходит с подъемом. Благодарят за спектакль. Обедаем и возвращаемся домой. Вечером очередная сходка на машинах, наблюдаем работу наших зенитчиков, сбивающих немецкие транспортные самолеты, идущие на Бреслау. В ночь сбивают до 12 самолетов.

А. Граве

23 марта 1945 г.

Обслуживаем тыл. Концерт и «Свадебное путешествие». Играем в небольшой комнате, натопили печку, радушные хозяйева, народу очень много: и актеры, и зрители еле дышат. В третьей картине Рита, играющая комендантшу, не пришла, и Катриль* подавал женским голосом ее реплики из-за кулис. Конечно, мы все потеряли серьез.

После «Свадебного» товарищеский ужин. Едем домой, ночь ясная, лунная, дорога хорошая, и Сережа катит нас с ветерком. Под Бреслау зарево. Бьют зенитки.

А. Данилович

* Котрелёв А. Н.

24 марта 1945 г.

Завтра уезжаем в армию Рыбалко, и сегодня заключительный концерт.

Днем играем в госпитале, где лежит Володя Москвин. После окончания зал пустеет, и только в дальнем углу остается один раненый, лежащий на носилках. Подходят к нему, он ранен 17 числа в Бреслау, ранение тяжелое: в ногу, в руку и в живот. Говорит: «Устал немножко, но приятно, отвлекся я от своих ран и дум». Спрашиваю: откуда? — «Из Одессы». Говорю ему, что мы там были, рассказываю про город. Зовут обедать, прощаюсь. Вечером, в 6 ч., в особняке рядом с нами играем концерт, потом для нас выступает армейский ансамбль. Очень приятные, талантливые ребята.

Скромный ужин в ДКА и «наблюдение за небом». Фрицы рвутся, бомбят, но их встречает заградительный огонь.

А. Данилович

25 марта 1945 г.

Почти весь день провел в машине. Сегодня переезд из Дойч Лисс почти к Бунцлау. Ночью и все утро в Бреслау усиленная канонада. Очевидно, идут решающие бои. Обидно уезжать из Бреслау накануне его взятия. В 11 часов погрузили машину и поехали. Со мной, кроме шофера Седрежи, Саша Граве и Боря Савельев. Должны найти Капника, подготовить квартиры и отправить обратно машину за остальными. Решаем ехать по автостраде. Это дальше, но дорога лучше. Подъезжая к Канту, видим надпись: «Дорога закрыта» (дорога, ведущая к автостраде). Вполне понятное волнение: а вдруг автострада закрыта для проезда! Едем в Кант. Кругом воинские части, самолеты, зенитки, средние пушки.

В Канте видим надпись: «На автостраду 1 км». Ну, значит, ехать можно. Выезжаем на автостраду. Около моста, пересекающего автостраду много бойцов, часто ухает пушка, причем совсем рядом. Сережа выходит из машины и спрашивает у регулировщицы, свободен ли проезд. «Километров на семьдесят ехать можно», — говорит регулировщица. А нам как раз это расстояние и надо проехать. Двинулись. Движения мало, Сереже ехать легко и приятно. Едем все время со скоростью 75–85 км. Вдруг лицо Сережи нахмушивается, и он начинает выглядывать из кабинки и смотреть куда-то под машину. Остановка: масло бьет из картера. Сережа лезет под машину, чтобы выпустить излишек масла. Но масло очень горячее, и он не может держать пробку. «Ведро, скорей ведро», — кричит он. Пока доставали ведро и пристраивали его, почти все масло ушло. Едем потихоньку, спрашиваем, где «Техпомощь». По дороге встречаем трактор, смотрим пустой, масла нет. Но вот километров через 15 указатель: «Техпомощь». Заехали, с трудом достали масла и поехали дальше. Дорога чудная: две широкие ленты автострад и через каждые 2–3 км мост — поперечное движение. Проехали мимо Легницы. Вот и конец, Кретбау. Поворачиваем направо и через 2 км по проселку приезжаем к Капнику. Несмотря на то, что он болен, он просит зайти, любезно принимает, расспрашивает о всех. Квартиры приготовлены, даже белье послано. Оказывается, Собко утром выехал за нами с двумя машинами. Решаем ждать до 6 часов вечера и, если наши не приедут, ехать навстречу. Шесть часов, а наших еще нет. Выезжаем навстречу и в Легнице, совсем случайно, сталкиваемся с нашими. Приехали, разместились, поужинали, завтра работать.

Б. Королёв

26 марта 1945 г.

Итак, мы у наших старых друзей. В четвертый раз приезжаем мы в эту славную армию, если считать приезд наш на Переяславский плацдарм за Днепром, где мы почти ничего не застали.

На этот раз, кажется, будет у нас здесь работа. В двенадцать часов весь коллектив на приеме у Капника. Оживленная беседа, вспоминаем боевое прошлое. Капник интересно рассказал о последнем наступлении армии, международное положение, экономика Германии сейчас — вот темы интересной беседы... Только что построенная в большом сарае сцена оказалась удобной, просторной, тщательно выструганные доски, любовно приготовлено полотенце для гримирования и одевания. Внимательное, радушное, я бы сказал, отношение к нам Собко, Капника очень приятно. Играли вечером «Где-то в Москве». Спектакль прошел средне, если так можно выразиться, но успех имел большой. После ужина Сентюлёв, Ситнов, Савельев, Мозяйкин и ваш слуга покорный поехали за 4 км оборудовать сцену для спектакля. День 26-й закончен 27-го в 2 часа. Луна, тепло, где-то на западе стреляют, но далеко-далеко, видны только вспышки и редко-редко долетает звук. Иногда пролетит самолет, разрезая тишину... Принимаем решение ложиться спать.

А. Котрелёв

27 марта 1945 г.

Утром, после завтрака — баня. Очень хорошая, к слову сказать. До обеда занимаемся разными бытовыми и хозяйственными делами, а после обеда едем за четыре километра играть спектакль.

Маленькая деревенская гостиница на перекрестке. Она же и пивная; зал для принятия пива огромный, двухсветный, со сценой. Накануне

ночью мы уже приготовили сцену к спектаклю. Весь зал заставлен длинными узкими столами (только вчера сделанными армейскими столярами и плотниками). В зале полным-полно военных. Идет разбор последних боевых операций. Командиры корпусов и бригад докладывают и каются в своих ошибках. Главный критик — командующий армией Рыбалко. Говорят, очень жестокий критик и, наверное, сегодня многим попало.

Разбор этот происходит при закрытых дверях. Мы гримируемся в комнате, которую только вчера пристроили к сцене. Разбор закончился выступлением командующего. Затем зал и сцену привели в порядок и начинаем «Где-то в Москве».

Принимают хорошо, но спектакль идет средне. Кончили спектакль, и нас приглашают на ужин. Ужин в этой же зале. Интересно было посмотреть на этот зал. Больше двухсот пятидесяти человек военных всех рангов, начиная от гвардии генерал-полковника. Если подсчитать все ордена всех присутствующих, то получится не менее тысячи. Такого блестящего собрания я еще не видел.

Ужин (блестящий по качеству) был, слава богу, не очень продолжительным по времени. В один прекрасный момент, командующий легонько кивнул кому-то головой, и все встали из-за столов и стали уезжать по своим частям. Поехали и мы восвояси.

Лунная теплая ночь, и еще долго мы не могли уgomониться — не хотелось уходить спать.

Н. Мозяйкин

28 марта 1945 г.

Два выступления в корпусе: «Свадебное» и концерт. Живем в обычной немецкой деревне с островерхими крышами из красной черепицы, где и должны жить, как на основной базе на все время обслуживания армии Рыбалко.

Весна. Ходим в одних летних костюмах. Уже пробивается зелень окружающих полей. Деревья набрали почки, в садах они уже раскрылись. Прилетели скворцы, взлетают жаворонки, пробуя свои весенние голоса.

Зайцы и козы дикие, спугнутые грохотом войны, перебегают с места на место. Все пришло в движение, во всем чувствуется пробуждение природы, органичной, могучей, дышащей свежестью и силой.

На земле весна.

И. Мочалов

29 марта 1945 г.

Утром выехали на концерт. О приеме говорить нечего. Всегда все проходит весьма удачно, и даже концерт слушают с радостью. И сегодня так же. Потом обильный обед, и вечером «Свадебное путешествие», и тоже спектакль прошел с успехом. Дорога домой на своих машинах. Дом. Сон, и на завтра та же колгота.

Р. Оболенская

30 марта 1945 г.

В Милау утром «Где-то в Москве». Полный зал зрителя. Дважды Герой Советского Союза Архипов, аплодируя, встал, приглашая всех последовать его примеру, и несколько раз открывался занавес на поклон наш, и долго звучали приветствия, и много хороших слов нам было сказано на прощанье. Вечером «Свадебное» в другом месте, и поздно вечером наши вернулись домой.

Р. Оболенская

31 марта 1945 г.

Опять с утра выезд в один из городов, лежащих в 18–19 километрах от нашего жилища Витктдорф. Солнечное, но ветреное утро, холодно на машине, и мы очень устали: день и вечер, день и вечер. У нас спектакли и все в разъездах. Настроение неровное, вернее, взнервленное у всех: либо это приближение Москвы, либо просто все измучены, потом, большинство сегодня больны. Концерт прошел тихо, даже «Маяр», и тот был сдержанно всеми принят. После обеда немного соснули, встали не отдохнувшие и играли «Где-то в Москве». Народу много, зал шумный — верно, нравится им.

Р. Оболенская

1 апреля 1945 г.

Нормальный рабочий день. Правда, число обязывает обманывать, чем все усиленно и занимаются. Играли концерт и «Свадебное». Концерт шел со сценой из «Где-то в Москве». Прошла очень хорошо сцена на балконе. Да и весь концерт прошел лучше, чем когда бы то ни было. Так бывает всегда, когда включаются новые номера и старые подтягиваются. «Свадебное» прошло тоже хорошо. Завтра в этой части играем еще раз и переезжаем в следующую.

А. Ремизова

2 апреля 1945 г.

На сей раз наша работа в 3-й проходит очень продуктивно, т. к. армия стоит на отдыхе, но это, кажется, последние дни, может, и недели такого отдыха. Повсеместно видна подготовка к решительному, и по всей вероятности, последнему штурму ненавистой фашистской Германии. Уже многие нас приглашали в Берлин, и мы уверены, что если не мы, то кто-нибудь из советских артистов будет развлекать наших героев в Берлине.

Днем играли концерт на окраине Липница. Концерт прошел очень хорошо, народу было много — человек 800. На обратном пути остановились в Липнице. Осмотрели достопримечательности города, но интересного ничего не обнаружили.

Вечером играли спектакль «Свадебное путешествие». На спектакле присутствовал командующий корпусом. Спектакль принимался исключительно хорошо. После спектакля командующий пригласил на ужин, домой приехали в 3 часа ночи.

Завтра банный день.

П. Сентюлёв

3 апреля 1945 г.

Сегодня наш выходной день. Были в бане, прекрасная баня. Не успели отдохнуть от бани, позвали на концерт армейского ансамбля. Очень хорошая танцовщица Липницкая, которая раньше была в ансамбле и ничего не делала. Здесь развернулась, все пляски поставлены ею, хор слабый и поют не чисто, мало голосов. Хороши кларнетисты и ударница.

Вечером приехал Борис Мефодьевич, который ездил за Москвиным и в ДКА, привез Москвина и сообщение, что нас хотят оставить до 10-го

мая! Спектор собрал коллектив и сообщил всем об этом. Завтра он поедет к Ящечкину и окончательно выяснит этот вопрос: «Что день грядущий нам готовит?»

А. Бархударова

4 апреля 1945 г.

Все свободны до половины пятого. В половине пятого уезжаем на спектакль к летчикам, которые стоят в Легнице. Исай с утра уехал во фронт к Ящечкину выяснять усложнившийся вопрос с нашим отъездом. Выезжаем в город, в котором бывали уже неоднократно, ищем клуб, и вот на доме громадными буквами надпись: «Вахтанговцы», и стрела приглашает нас завернуть в переулок, едем дальше — «Вахтанговцы здесь» гласит еще одна надпись. Помещение — бывший кинотеатр — очень большое, но неудобное, сцена высоченная и звук уходит неизвестно куда. Но самое неприятное, как всегда, со светом. Начало объявлено в 7 час, но, как полагается, свет тухнет, моргает, пропадает совсем, начинается ужасная канитель, раздражающая и актеров, и зрителей, гримируемся в темноте, потом появляются площадки, едут за движком. Чего-то подключают, переключают, короче говоря, вместо 4 ч. 30 м. начинаем в десятом часу. Генерал уже успел рассердиться и уехать — это уже 2-й случай. Начинается спектакль тяжело, но потом и актеры, и зрители разогреваются, и «Где-то в Москве» делает свое дело. Все довольны, но вот появляется и Исай, все с волнением ждут сообщения, но, увы, ничего определенного. Ящечкин сообщит о своем решении послезавтра. Спектакль окончен — едем, как обычно, ужинать. И как обычно, летчики выделяются из всех других родов войск. Благодаря их невнимательному отношению — день от <...> (*Неразборчиво*) выходной. Тем лучше — пораньше попадем домой. Все устали, а завтра с утра — работа. В полном молчании едем домой. На улице стужа — темень. Даже не верится,

ДНЕВНИК

что были жаркие весенние дни. Все небо в тучах, изредка накрапывает дождь, дует ледяной ветер. Все сжались под своими плащ-палатками и каждый думает свою думу. Вероятно, большинство думает о том: «А что скажет послезавтра Ящечкин???»

Т. Блажина

5 апреля 1945 г.

Спектакль «Свадебное путешествие» в одной из танковых бригад. Спектакль прошел с очень большим успехом, не совсем заслуженным. До сих пор неизвестно, задерживают нас на фронте или нет. Завтра в Политуправлении должны дать ответ.

<Без подписи>

9 апреля 1945 г.

Утром выехали для работы в Легниц. Расселились в огромном доме командования немецкой артиллерийской школы. Электрический свет, но очень холодно. Вечером играем «Где-то в Москве». Огромный зал, хорошая сцена, хороший свет. Прием хороший. По окончании спектакля полковник зачитал приказ по войскам 3-го Белорусского фронта о взятии Кенигсберга, и громовое троекратное ура пронеслось по залу. Большая победа, большая радость.

А. Граве

10 апреля 1945 г.

День летний, солнечный. Утопаем в цветах. Здесь было садоводство, и вот на грядках цветут нарциссы многих сортов, гиацинты, тюльпаны и пр. Весна в полном разгаре.

В 1-м часу дня играем «Где-то в Москве». Спектакль принимается зрителями очень бурно.

В 10 ч. вечера «Не в свои сани не садись».

А. Данилович

11 апреля 1945 г.

Решающий день. Остается коллектив до мая или едет в Москву? Утром с Исаем уезжаем во фронт решать этот вопрос. Яшечкин вторично не принимает Исаю — поручает все решить Пирогову. Тот советует остаться, и мы остаемся. В Москву уезжают только те, кто свободен в связи со снятием «Саней» из репертуара. Благополучно достали пропуск и бензин для машины во Львов. 14-го утром группа поедет в Москву. Вечером был спектакль «Сани». Вернулись мы поздно, по окончании спектакля.

Б. Королёв

Один спектакль вечером. Играли «Сани» в последний раз в эту поездку. Вл. Ив.* , несмотря на слабость — плод изнурительной, тяжелой, продолжающейся еще малярии — играл хорошо. Спектакль хорошо принимали,

* Москвин В. И.

лучше, во всяком случае, чем вчера. После спектакля, который играли для части п/п Тетушкина, горячо благодарили артистов зрители долго несмолкаемыми аплодисментами, криками ура, свистками.

А. Котрелёв

13 апреля 1945 г.

Ошеломляющее известие о смерти Ф. Рузвельта. Весь день идут у нас разговоры об этом. Отразится ли, и как, эта смерть на политике США — вот что нас (наверное, и не только нас) волнует и интересует.

Театрально-поездочные наши дела идут своим чередом. Вечером играли «Свадебное» для офицерского запасного полка.

Едущие в Москву охвачены предотъездной горячкой, остальные пишут в Москву письма и готовят кое-какие посылочки домой.

Н. Мозяйкин

14 апреля 1945 г.

Наконец-то посылочки готовы, накачиваются баллоны у «фордов», приготовлено горючее, и мы (едущая группа) вроде закончили поездку. До скорого свидания.

И. Мочалов

15 апреля 1945 г.

С утра провожаем наших товарищей, отъезжающих в Москву. Машина Исаев едет вперед, с заездом во фронт, вторая уходит час спустя.

За кулисами агит-машины В. Данчева.

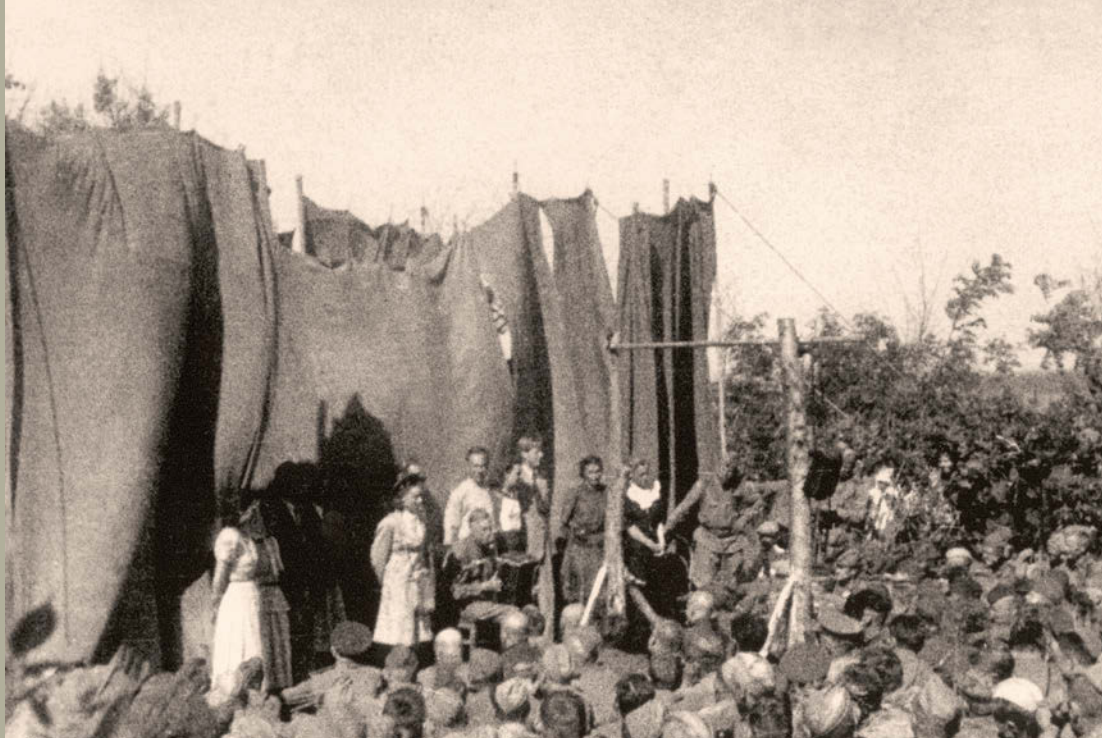
ед популарен агитационен материал
я Данчева правилно
културни, изредна през
ав - ...

В Московской дивизии

Фронтая гримерная

Концерт у танкистов

Спектакль «Где-то в Москве». В. Данчева, И. Мочалов

За кулисами

**КЛУБ
НАРКОМАТА ВМФ**
Пушечная, 4

Смерть немецким оккупантам!

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Клуб Наркомата ВМФ и Дирекция Гостеатра им. **Евг. Вахтангова** приглашает Вас в понедельник 21/ХІІ—1942 г. на общественный просмотр премьеры спектакля—фронтowej группы театра им. Вахтангова

ЛЕВИН и МЕТТЕР „НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ“

Пьеса в 3-х актах, в 5-ти картинах

НАЧАЛО в 19 час. 30 мин.

Просмотр состоится в клубе Наркомата ВМФ, Пушечная ул., 4

Зак. 323

Типография Главного Политического Управления ВМФ

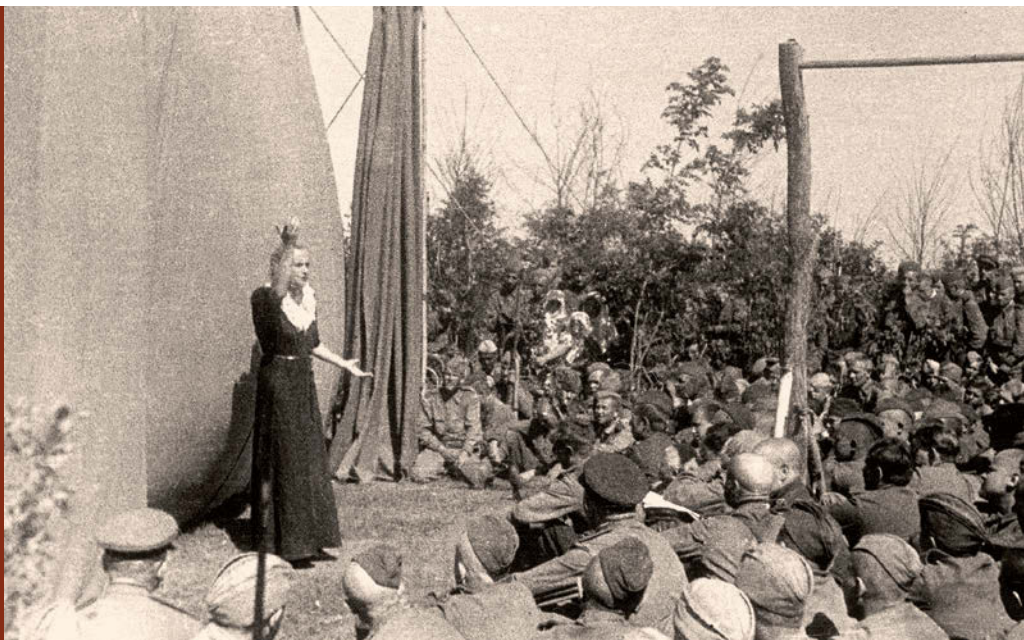
В пути. На заднем плане А. Данилович, В. Данчева,
на переднем плане В. Покровский, Р. Оболенская, А. Орочко, А. Габович

Вахтанговцы играют для раненых

С генералом Шатиловым

Концерт у танкистов. Читает Орочко А.А.

Маршал Рыбалко П.С. среди актеров

После чаепития

Когда яблоку негде упасть

«Свадебное путешествие». Б. Королёв, И. Спектор, И. Соловьёв

«Добро пожаловать». И. Соловьёв, А. Граве, И. Липский

Концерт. Читает А. Лебедев

Минута отдыха

Обед после спектакля

«Где-то в Москве». На сцене И. Соловьёв, А. Граве, В. Васильева, Р. Оболенская

Афиша в лесу

Наша публика

Отдых между спектаклями

Звучат слова благодарности

Едем дальше...

«Где-то в Москве». На сцене И. Соловьёв, А. Граве, А. Данилович, Б. Королёв

Спектакль «Добро пожаловать». А. Лебедев, А. Граве

Публика собирается

Кому лизе, раз заходят пр
За сменой стави мрамори
и сн. в сн. маршалов

Группа фронтового филиала театра в Берлине

Обед поиграли сущим же
Ваня Фанчева правдивее
госа кумитарии. Изрезка пр
ом с переделкой и рассказыва
годе дла. Работы мит, вет
и. Ужест мабичи раснофрешн

Счастливым путем, товарищи! Вечером играем заключительный концерт.

За нами уже приехали две машины и «виллис».

<Без подписи>

16 апреля 1945 г.

Капитан, приехавший во главе группы (за нами), торопит: «Скорее, скорее!» Едем. Мелькают города, деревушки. Опротивела неметчина. И весна какая-то здесь психическая: день — тепло, 3 — холодно. И птицы не по-нашему поют: ну и их, вообще-то. Приехали. Расселились в одном домике. Сегодня выступлений нет.

<Без подписи>

17 апреля 1945 г.

Днем выступление «Где-то в Москве». Товарищеский обед с полковником. Он очень любезен, радушен. Празднуем день рождения Николая Никитича Мозяйкина.

<Без подписи>

18 апреля 1945 г.

Днем концерт в клубе. Вечером в том же клубе «Где-то в Москве». Спектакль проходит и принимается очень хорошо. Новые исполнители принимаются очень тепло. Даже больше.

<Без подписи>

19 апреля 1945 г.

Утром концерт здесь же, в клубе, недалеко от нашего дома. Концерт длинный, но зритель доволен, принимает хорошо. В 4 ч. обед. После обеда неприятность, приехал какой-то начальник и всех нас выселяют из нашего уже обжитого дома в дом, где ничего не устроено, Саша Граве сбился с ног и никому не смог доказать, что в сущности — перед вечерним выступлением не должны же люди переселяться, таскать чемоданы и сидеть около неустроенного дома до концерта, все возмущены, но тащимся. Вечером в этом же клубе концерт, хотели играть новый скетч «Покинутая». Вряд ли теперь это можем сделать, одним словом нам нахамили. Ждем возвращения Исаея из Москвы. Устали и намаялись очень. Много всего пережито в эту самую интересную, но и трудную поездку.

Р. Оболенская

20 апреля 1945 г.

<...> (Начало записи неразборчиво)

Зрителей было очень много. Началось массовое обслуживание, и так будет каждый день. Сердце радуется, когда видишь тысячную аудиторию от генералов до бойцов.

Концерт прошел очень хорошо. После концерта пообедали с командованием бригады, очень тепло нас провожали до самого дома несколько офицеров, по дороге наломали цветущей черемухи и завалили весь кузов машины.

П. Сентюлёв

21 апреля 1945 г.

С утра неважная погода. В 6 ч. должен быть концерт в части, а машины пришли в 11 ч. утра. Пришлось отослать обратно. Небо все больше и больше хмурится. Сегодня опять концерт, только без «Солдата», Соловьёв заболел ангиной. В 3 ч. пришли машины. Начался дождь, а играть надо на открытой площадке. Ничего не поделаешь. Народу собралось очень много, сидели под дождем, кто под зонтами, кто под палатками, а для начальства в первом ряду воткнули в землю два огромных, пестро-размалеванных зонта, которые закрывали сцену от зрителей, сидящих в 3–4 рядах. Сердце Игоря Константиновича не выдержало такого эгоизма, и он подошел и выдернув, унес эти зонты. Несмотря на дождь, бойцы просидели 2 часа и были огорчены, что так быстро прошел концерт. Надо сказать, что очень трудно сейчас работать на открытых площадках. Воздух очень сырой, ведь только апрель, и земля еще не просохла по-настоящему. Можно легко простудиться, уж не говорю о связках, которые особенно чувствительны к таким вещам.

Концерт прошел очень хорошо. Надо сказать, не знаю, какая причина, что за последнее время очень сильно подтянулся концерт. Всегда проходит бодро, в хорошем ритме (это мое мнение).

А. Бархударова

22 апреля 1945 г.

Дни здесь все как один. К четырем приходит машина, в 6 выступление. Сегодня опять концерт и опять без Соловьёва, и без Бархударовой. Идет «Шел солдат» с Граве, «Теплый ветер» и «Где-то в Москве». Надо сказать,

что эти замены и перестановки нисколько не снижают концерта, наоборот даже, это повышает у актеров чувство ответственности и дает нужный нерв. Концерт прошел с особым успехом.

Т. Блажина

23 апреля 1945 г.

День занят отдыхом и ремонтом машин. Из сводки узнаем, что наши войска достигли Берлина и завязали на окраинах бои. Мечтаем о поездке в Берлин. В четыре, как всегда, приходит машина на концерт. Играем в сарае при электрическом свете. Концерт проходит нормально. Благодарят, ужинаем и направляемся домой. Завтра Исаю ехать в Авиауправление продлевать машины. Продлят ли? Что нам готовит завтрашняя сводка? Обсудив все эти вопросы на скамеечке около дома, отходим ко сну.

<Без подписи>

24 апреля 1945 г.

Утром выезжаем в ПТРБ, километров за 18. Едем опять мимо огромного автозавода и аэродрома. Огромное количество побитых и взорванных немецких самолетов. В 1 ч. начинаем в клубе концерт. Зрители — летчики и танкисты. Концерт принимают очень тепло, благодарят. После обеда возвращаемся домой.

Исай вернулся из Автоуправления с хорошими вестями: машины продлены до 15 мая, значит мы не расстанемся с нашими друзьями, с Сережей и Мишей.

Вчера Москва трижды салютовала маршалам Жукову и Коневу за прорыв в Берлин, на улицах которого наши войска ведут бои, и Еременко за взятие в Чехословакии города.

Вечером в корпусе для начальства играли «Свадебное».

А. Данилович

25 апреля 1945 г.

Холодная погода последние несколько дней, — весна задерживается. Плодовые деревья, успевшие расцвести, стоят жалкие, сиротливые. Под утро заморозок даже. В нашем домике холодно спать. Сентюлёв поставил печку, затопил, но через минут десять, как только печка разгорелась, трубы, оказавшиеся из олова, рассыпались, и печь, полная огня, жара — осиротела. Побежали за трубами. Пожар не состоялся... После обеда поехали играть «Свадебное» в часть, где третьего дня угощали нас сливками. Несмотря на страшную духоту, жару, спектакль принимали очень хорошо! После спектакля опять чудесный ужин, сливки... За ужином был поднят тост за «окруживших Берлин» (только что передали по радио приказ Верховного Главнокомандующего Жукову, Коневу, № 342).

А. Котрелёв

26 апреля 1945 г.

В газете корпуса, где мы сейчас работаем, «Сталинский боец» сегодня напечатана небольшая статья гвардии капитана М. Ляховского «Оружием искусства», это, так сказать, рецензия на нашу работу в подразделениях этого корпуса.

Завтра, видимо, мы заканчиваем работу в этом хозяйстве.

Куда поедем дальше? Этот вопрос всех очень интересует, но генерал-майор Яшечкин молчит.

Н. Мозайкин

27 апреля 1945 г.

События на фронте грандиозные, начинаешь верить, что конец действительно близок. Хотели в Берлин — ждем решения, Исай уехал утром в ДКА. Была прекрасная баня, помылись, вздохнули потому, что погода тоже замечательная, и на душе стало легче от предчувствия скорого дня, когда кончится эта бойня. Вечером приехал Исай, точного решения еще нет. Куда мы поедем? Играем «Где-то в Москве». Прощальный спектакль в этой части. После спектакля ужин. На завтра мы еще остаемся здесь.

Р. Оболенская

28 апреля 1945 г.

<...> (Чернила расплылись)

Спектакль прошел очень хорошо, после чего ужинали вместе с хозяевами. Как и в те два дня, нас приняли очень хорошо, и неизменные сливки были финалом ужина. Повеселились и уехали домой. Все было хорошо, еще не раз мы вспомним хозяйство подполковника Пузырева.

П. Сентюлёв

29 апреля 1945 г.

<...> (Чернила расплылись)

Нам сообщили, что нас ждут, но на деле оказалось, что мы на них свалились, как гром среди ясного неба. Долго пришлось ждать, пока нас устроили. Немецкие пленные убрали от всякого мусора целый дом. По дороге в гор. Зарау идут на восток нескончаемые вереницы людей со всяким скарбом. В гор. Зарау пленные немцы ходят без всякой охраны и исполняют все возможные работы. Теперь собирают жатву, посеянную в 1941 году.

П. Сентюлёв

30 апреля 1945 г.

Канун 1 Мая. Заранее знаем, что проведем плохо, так как с утра холодно. В 1 ч. дня концерт для раненых. В этом хозяйстве. Нас направили сюда для обслуживания госпиталей, а этого никто не может как следует организовать и использовать нас. Такое впечатление, что мы сами им навязываемся. Одним словом, очень плохо. Днем приехал Королёв, это нас всех оживило, тем более, что он привез всем письма, рассказал московские новости. В 6 ч. второй концерт. Поехали на место концерта, оказалось, приехали рано. У них еще ничего не готово и даже не начали торжественной части. Попросили дать небольшой концерт для отделения, послали туда четыре номера: Кирюхина (баян), Васильеву (детские стихи), меня (пение), Данилович и Лебедева («Маляр»). Опять ничего не организовано. Граве расставил стулья, постепенно стали приходиться больные. Концерт прошел хорошо, но больные были огорчены, что мало номеров. Вернулись в клуб в 8 ч. 30 м. — ни души. Решили поехать домой поужинать. Вернулись в 10 ч. Только началась торжественная часть. Наконец в 11 ч. вечера, при весьма плохом освещении (плошки и две-три лампы) начали концерт, который кончился в 12 ч. 30 м., повели ужинать в мрачную вонючую комнату, накормили шрапнелью с каким-то

маслом и отпустили домой. Вот и все, но нас развеселил Игорь Константинович, который всю дорогу острил по этому поводу, и мы приехали домой в хорошем настроении.

А. Бархударова

1 мая 1945 г.

День тяжелый для коллектива. Два выступления с бесконечным томительным ожиданием, с тяжелыми, беспокойными зрителями. Жаль, что нас так неудачно использовали на праздники. Домик наш стоит у большой дороги — мимо наших окон весь день бесконечным потоком движутся люди всех национальностей и возрастов. Зрелище поразительное, кажется, что мир похож на громадный растревоженный муравейник.

Т. Блажина

2 мая 1945 г.

Утро свободно, вечером — концерт по увеличенной программе. Концерт проходит при сильном и дружном приеме. Перед концертом узнаем о капитуляции Берлина. Наконец-то! Представляю, какое ликование в Москве. После концерта ужин и спать.

А. Граве

3 мая 1945 г.

<...> (Карандаш стерся, совершенно. Запись А. Данилович)

4 мая 1945 г.

Утром выяснилось, что вчера мы договорились о работе с другим госпиталем: вместо Буковского с госп. Букова. Исай едет в МСП и возвращается с решением играть 3 концерта (оказывается, артисты решили сами играть 3-й концерт). Обедаем необычно рано — в 2 часа, и в 3 часа начинается первый концерт, в 5 часов в том же помещении — 2-й, а в 7 ч., в соседнем госпитале — 3-й! Актеры 6 часов подряд сидят в гриме, а некоторые по 2–3 раза перегримировываются. Нагрузка очень тяжелая. Исай вечером едет во фронт и возвращается только к ужину. На встречу с союзниками едет только фронтовой ансамбль. Мы переезжаем обслуживать второй эшелон, к Шлихтеру. Это наш большой друг.

Б. Королёв

5 мая 1945 г.

Погода холодная, ветрено. Едем к «репатриационникам» играть концерт на открытом воздухе. Приехали в час дня (г. Зарау), на эстраде, в тенистом саду натянули занавес, задник... Но пока организовали гримерную и прочее, когда артисты загримировались и начали концерт, пошел дождь. Правда, небольшой, но скоро-таки разошелся. Ехали домой под дождем очень долго, так как дорога забита пленными немцами и возвращающимися домой поляками, французами, русскими... Вечером никаких происшествий не было.

А. Котрелёв

6 мая 1945 г.

Из Зарау переехали в Заган обслуживать Управление тыла. Езды было всего 14 км. По дороге обычное зрелище — огромные колонны пленных и вереницы репатриированных.

Сегодня идут пленные, какие-то как на подбор старые — так и представляешь их себе в ночном колпаке, воющих с клопами, как на рисунках В. Буша.

В Загане мы будем играть в огромном зале пивной. Сцена большая. Этот зал — новое помещение, пристроенное к старой пивной, которая построена, если верить дате над дверью, в 1759 году. Во втором этаже этой старой халупы мы размещаемся жить. Можно поверить в возраст дома: столько сырости можно накопить только за 200 лет. Вечером играем (при очень скверном освещении) «Свадебное путешествие».

Н. Мозяйкин

7 мая 1945 г.

Заган. День прошел без выступлений. Были свободны, была баня, отдохнули. Вечером «Где-то в Москве» тут же, в этом же доме, где живем. На спектакле были знакомые: Токарская и Холодов, они все еще не могут найти выхода из своего положения и явно льнут к нам, надеясь, что мы им поможем. Спектакль шел очень хорошо. После спектакля неожиданность — приехали Лебедев Коля и Мочалов. Мы никак не ожидали их приезда. Причем они успели побывать в Берлине. 2-го они выехали из Москвы, и сегодня они у нас. Приезд их нас и озадачил, и огорчил, вначале посмеялись даже, а потом этот факт принял более серьезный оборот, мнение всего коллектива, что этот неверный их

поступок может принести нам много огорчений. Долго обсуждали, не ложась спать, и очень огорчались. Не знаю, какое вынесет решение Исай, но во всяком случае, все это весьма печально.

<Без подписи>

8 мая 1945 г.

<...> (Начало совершенно невозможно прочесть, расплылись чернила)

Борис Мефодьевич и Исай дежурили у радио-приемника и <...> (Неразборчиво) все сведения при <...> (Неразборчиво) из заграничных источников, которые подтверждали случившийся факт. В три часа ночи — это по нашим часам начали раздаваться одиночные выстрелы на улице — это стреляли офицеры, узнавшие от Левитана, что Германия капитулировала.

<...> (Неразборчиво) небо было буквально все исчерчено стрелами светящихся пуль и снарядов, и так продолжалось до восхода солнца. Кто мог улежать в постели в такую ночь? Мы всем коллективом вышли на улицу в германском городе Загане и наблюдали это неожиданное зрелище, но падающие осколки нас заставили уйти в парадное, дом наш содрогался от стоявших рядом тяжелых зениток. После этого торжественного момента пришли домой и выпили за здоровье всех, кто сделал эту победу, но спать так и не удалось, ибо улицы были шумные и стрельба не прекращалась. В этот день мы играли концерт, который прошел с большим успехом, ибо настроение было у всех праздничное и люди почувствовали, что вот конец этой кровавой войне пришел. Пришел долгожданный мир. Представляю, что делается в нашей дорогой Москве.

<Без подписи>

9 мая 1945 г.

Кончилась война. Нет слов передать, какое это счастье. Закончился сегодня большой этап нашей работы, начавшейся более трех лет тому назад. В 2 ч. 30 м. ночи было передано по радио из Москвы сообщение о капитуляции Германии. Мы уже слышали об этом днем из заграничных передач. В 3 ч. ночи были разбужены стихийно начавшейся пальбой из всех видов оружия. Это было потрясающее зрелище. Ни один московский салют не мог сравниться с этим зрелищем. Целый день бойцы и офицеры ликовали по поводу праздника, выпивали и веселились. Вечером играли «Где-то в Москве» довольно веселой публике. «Романтика» остается с нами.

А. Бархударова

10 мая 1945 г.

Выходной день. Вечером нас пригласили на концерт бригады Новиковой, которая сегодня приехала сюда поработать. Большинство присутствовало на концерте. Меньшинство — отдыхало у себя дома. Некоторые — гуляли. Стоят чудесные летние дни. Днем жарко, пора домой! Довольно фронта. Тем более, что его больше не существует!

Т. Блажина

11 мая 1945 г.

Утро проходит в купании и загорании. На реке толпы весело купающегося народа. Только сегодня на реке, глядя на этих людей, я ощутил, что война действительно кончилась! Вечером «Свадебное». Жара, духота. Трудно и нам, и публике. Спектакль проходит, как всегда. Ужинаем и спать.

А. Граве

12 мая 1945 г.

День, как все дни здесь: «Нынче как вчера, а завтра как сегодня».

Погода установилась чудесная, вместе с победой пришло лето.

Вечером играем «Москву» для наших старых знакомцев, для хозяйства полковника Чернова. Несмотря на то, что в зале и на сцене стоит такая духота и жара, что все, как «в воде», — принимают очень тепло, дружно. Все время аплодируют. А после спектакля полковник устраивает нам сюрприз: на легковых машинах едем за 6 км ужинать.

В сосновом лесочке накрыты столы, яркий электрический свет, играет духовой оркестр. Кончена война, мы можем снова жить по-человечески.

Ужин проходит в очень дружественной, теплой обстановке, после один из офицеров читает лирические стихи, посвященные старой боевой подруге — шинели. Полковник Чернов рассказывает нам о своей поездке в Прагу. А над нами тишина и небо черное, как бархат... ХОРОШО!!!

А. Данилович

13 мая 1945 г.

С утра волнение: приходят солдаты, просят сдать одеяла и наволочки — хозяйство уезжает. Идем проверять: никто не знает наверное, многих уже нет. Исай едет в ПУ и возвращается ни с чем — полная неизвестность, куда ехать! В Дрезден, в Берлин или в Москву. Вечером спектакля нет. Выясняется, что переезд отложен.

Б. Королёв

14 мая 1945 г.

Весь день сидели в машинах: ехали в Дрезден... В 11 ч. приказ — готовиться к отъезду. Грузились, работа трудная, очень жарко, душно. Половина первого выехали. До Баутцена было все хорошо, ехали быстро, «с ветерком». Дорога хорошая, особенно после Гёрлица: широкая, ровная, одним словом — Германия! По обочине шоссе — груши, яблони, у домов сирень вся в цвету, слева вдали горы синеют, зеленеют... Баутцен — красивый город, весь в зелени, много разрушенных домов... Проезжаем город, выезжаем на грунтовую дорогу, сразу пыльно и тряско. Солнце светит с другой стороны, горы уже справа... Шофер нашей машины заволновался: едем обратно на восток, это ясно! Передовая машина, ведущая, так сказать, тоже замечает, что едем не туда, разворачивается, мы за ней, и через пять минут опять Баутцен! Б. М. вынимает карту, спрашивает у прохожих, выясняет, машина ведущая разворачивается, мы за ней, и едем опять на восток! Едем быстро, несмотря на грунтовую дорогу. Пыльно, жарко, выезжаем в горы, небольшие, правда... Едем то с горы, то на гору, то влево, то вправо, но направление ясное — на восток — солнце не обманет. Пять, десять минут, начинаем волноваться, ждем поворота на запад, но передовая машина лихо

мчится вперед, не догонишь. Начинаем нервничать, как же, едем обратно на восток... Наконец шоссе впереди, то самое шоссе, по которому часа два тому назад мы ехали в Баутцен... указатель: «Баутцен 15 км». Едем уже знакомой дорогой, снова Баутцен, снова грунтовая дорога, но едем тише, направо поворот, сворачиваем и в сумерках въезжаем в Дрезден. Дрезден, самая западная точка наших путешествий за три с лишним года. Пригороды Дрездена очень красивы, много сирени всех сортов... Город разрушен фугасками союзников, центр напоминает развалины Воронежа... Долго ездим по городу и окраинам, наконец нашли таки наше хозяйство, и в двенадцатом часу, голодные и грязные, кое-как разместившись в одном доме, легли...

А. Котрелёв

15 мая 1945 г.

Встали часов в одиннадцать, столовая наша не приехала еще, голодно-вато, на этот раз мало у кого есть что в н. з. Пока выяснилось, что и как — гуляли в окрестностях этого загородного места. Очень красивые особнячки с садиками, тщательно разделанными. Погода прекрасная, солнце, масса цветов, цветут каштаны... По шоссе ведут пленных, очень много, тысячи... К двум часам наконец выясняется, что переезжаем в ДКА на другой конец города, садимся в машины, они еще не разгружены, к счастью, и едем через Дрезден. В ДКА нас все встречают, только столовая еще не работает. Размещаемся по коттеджам. В восемь ч. вечера поехали на другой конец города, вернее на третий, обедать в столовую ДКУ. Всю ночь играли патефоны, радио, сон беспокойный.

А. Котрелёв

16 мая 1945 г.

Сегодня мы свободны и устраиваем экскурсию по Дрездену. Мы живем на правом берегу Эльбы, а центр города — на левом. На этом берегу много разрушений и пожарищ, но то, что мы увидели на левом берегу, в центре, превзошло все, что мы до сих пор видели. Нам попался толковый гид — местный уроженец, работающий в «пожарном управлении». «Венская улица». Гид говорит, что это одна из главных улиц города. Мы, собственно, видели только место, где эта улица проходила. Расчищена узенькая дорожка только-только проехать одной машине, а по бокам груды щебня, изредка кусок уцелевшей стены. Все здания на этой и соседних улицах рухнули. Нельзя и представить себе, как они выглядели. На других улицах в лучшем случае остовы, да и те не целые. Чистая работа, ничего не скажешь. И все это за три налета. Первый был в десять вечера 13 февраля этого года, второй — в двенадцать ночи и третий — в двенадцать дня 14 февраля. Чистая работа. Площадь, где находится Дрезденская картинная галерея, оперный театр и какие-то соборы, пострадала меньше других районов. Здесь можно понять, как все это выглядело до бомбежки. Гид нам говорит — вот в той части здания помещалась Сикстинская мадонна — вот собственно и все, что сейчас можно сказать о галерее. Она, конечно, была куда-то эвакуирована.

Проезжаем еще несколько улиц. Мосты через Эльбу разрушены, это было сделано немцами перед вступлением в город наших войск. Бесмысленный поступок, только сами себе работы прибавили. Ведь 6 мая, когда наши входили в город, было уже и так ясно, что война кончилась.

Едем на гору на правом берегу. Там есть ресторан, с балкона которого открывается вид на весь Дрезден. Дымка — марево, как говорят у нас — мешает разглядеть город как следует, да и лучше бы делать это, сидя за сервированным столиком, а то запустение этого ресторана не способствует созерцательным настроениям.

Едем домой. Это пригород Дрездена в 7–8 километрах от центра. Здесь нет никаких разрушений, и вечером горит электричество и работает водопровод. Живем мы в коттеджах, утопающих в садах. Прямо скажу, приятное местожительство. После ужина идем на концерт бригады Немировского. Вот и день кончился.

Н. Мозяйкин

17 мая 1945 г.

Спектакля нет. Живем в двух домах-коттеджах. Просторно: я и Ник. Мих. Лебедев даже удостоены по одной комнате-мансарде каждому. Нельзя не отметить колоссального количества зелени и древонасаждений. Я не видел ни одного клочка земли, где бы не было что-нибудь не посажено. Рядом с нами живет мистер Гопкинс, английский подданный, на его доме развевается свой флаг, выезды в город совершает тоже с флажком на велосипеде и на рукаве.

И. Мочалов

18 мая 1945 г.

Оказался свободным днем, и мы, как и уславливались на этот случай, выезжаем в так назыв. Саксонскую Швейцарию. Долго разыскивали нашего пожарного гида и едем за город.

В 30 километрах пути совершенно неожиданно перед нами выросли отвесные каменные горы. Шоссе упирается в несколько домиков с рестораном под самым обрывом 240-метровой высоты. Дальше дороги нет. Вылезаем из машин. Идем тропинкой, обнесенной перилами, и входим на площадку <...> (Неразборчиво) кв. метров шириной, обнесенную железной решеткой. Это самая высокая точка — камень, выдающийся

над обрывом. Внизу, почти под нами плавно течет Эльба. К краю — перилам — подходить страшновато, но все идут. Слева от нас идет гряда гор, образующая ущелья и отвесные обрывы над рекой, вдали виден пик — чехословацкая граница с Германией — зрелище поистине красивое и живописное. Такие горы я видел на открытках с видами Швейцарии. Идем узким проходом, среди камней по-русски надпись: Небольсин, Кригер и две фамилии неразборчивы. Сожалеем, что еще не работает ресторан и нет пива — уезжаем домой.

И. Мочалов

19 мая 1945 г.

Смотрели разрушенный Берлин. Центр разбит, дома просвечивают насквозь, стоят свидетелями страшной бомбежки, некоторые улицы завалены еще камнями. Кое-что из архитектуры уцелело. Но все в большом беспорядке, и только отдаленно можно представить себе здания в прежней их красоте. Улицы прямые, дороги ведут в Рейхстаг, а там разруха, но все же красиво. После этого поехали в Потсдам, где смотрели дворец Ф. В.* Изумительный парк, видимо, был, а теперь разбит. Дворец внутри сохранился и богат мастерами.

Р. Оболенская

* Фридрих Великий

20 мая 1945 г.

Сегодня воскресенье, да еще какой-то немецкий праздник. Все утро звонили в колокола и народ шел в кирху. В нашей жизни за день существенных изменений не произошло.

П. Сентюлёв

21 мая 1945 г.

Никаких изменений за сегодняшний день не произошло.

А. Бархударова

22 мая 1945 г.

Утром позавтракали, выехали в армию, к обеду были на месте. Приняли нас приветливо, хотя, как водится, ничего не было готово. Часок через один, другой, расселились. Все в одном домике, теперь мы уже избалованы жильем, и нам тесновато. Какой бы роскошью нам показалось это в начале войны.

Работать начнем завтра. Погода испортилась — холодно.

Т. Блажина

23 мая 1945 г.

Утром моемся в бане и отдыхаем. Постановщики ставят оформление «Москвы». Вечером в 10 час спектакль, присутствует все командование армии. Спектакль проходит вполне хорошо. Концовку спектакля пришлось переделать в связи с окончанием войны. Ужин и спать.

А. Граве

24 мая 1945 г.

После завтрака выезд в корпус с «Москвой» за 20 км. Дождь. Очень красивые места, очень живописно. Горки, много цветов, некоторые из них кажутся просто бутафорскими. Переезжаем опять границу и попадаем в Чехословакию. На всех домах развеваются национальные флаги. Проезжаем курортные места (забыла название). Удивительно красиво.

Играем, конечно, опять в пивной, где устроена сцена. Постановочная часть мучается с оформлением, гвозди и дранки выпирают со штукатуркой вместе. Наконец все налажено. Спектакль принимается очень тепло, хорошо. Обедаем и едем домой. Вечер свободный.

А. Данилович

25 мая 1945 г.

Сегодня после завтрака должны были уехать со спектаклем. Представитель опоздал, и мы выезжаем только в 2 часа. Едем опять в Чехословакию, опять прекрасные места, пожалуй, еще более красивые, едем далеко, за 50 километров, в какое-то местечко за Ческой Липой. Прага в 72 километрах. Заманчиво! Приехали. Обед. Спектакль «Свадебное»,

ужин, и мы мчимся обратно. Сергей торопится привезти нас засветло. Два раза по дороге видим диких коз, совсем близко от дороги. Приехали. Второй ужин, радио — последние известия и сон.

Б. Королёв

26 мая 1945 г.

Итак, поездка, очевидно, близится к концу! Остаются считанные денечки... если еще не уедем в следующую армию... Утром, днем занимаемся кто во что горазд, как говорится: шахматы, прием различных передач по радио, прогулки по кладбищу города Ириттау, во всяком случае, репетиций не было ни по вводу, ни по текущему репертуару, ни по новой пьесе «Верочка»... Кстати сказать, что-то про «Верочку» и в шутку не вспоминаем. А вечером состоялся-таки спектакль «Свадебное путешествие» где-то на окраине Ириттау в большом <...> (*Неразборчиво*). Спектакль прошел как всегда, и никаких происшествий, в общем, и не случилось...

А. Котрелёв

27 мая 1945 г.

Сегодня у нас два спектакля «Где-то». Играем в помещении одного из кинотеатров гор. Циттау. Кино «Паласс». Для такого маленького городка кинозал чересчур хороший. Таких у нас и в Москве два-три, не больше. Здесь есть и театр, но почему-то там играть не разрешают. В фойе немцы продают пиво по 35 пфеннингов пол-литра. Мы удивляемся: это же пиво в Военторговской столовой 5 марок $\frac{1}{2}$ литра — дороже на 1000%. После вечернего спектакля окрестности оглашаются канонадой зениток и треском зенитных пулеметов. Трассирующие пули и разрывы шрапнелей усеивают небо. Самолетов не слышно. В чем же

дело? Только вернувшись домой, мы узнаем, что эта канонада боевыми снарядами была по случаю дня именин нач. штаба этой армии ген.-майора Рогачевского. Сюжетец для Салтыкова-Щедрина.

Н. Мозяйкин

Р. С. Исай уехал во фронтовой ДКА.

28 мая 1945 г.

Утром баня, затем несколько человек отправились в гор. Циттау в 3-х км от нас. К вечеру приехал из Дрездена Исай. Новостей особенных нет. Сюда, в армию, пришла телеграмма с приказом немедленно нам выехать в Прагу. Вечером играем «Свадебное».

Н. Мозяйкин

29 мая 1945 г.

Часов в одиннадцать выезжаем в Прагу. Первая половина дороги до городка Ческа Липа, нам уже знакома, но мы все же с удовольствием едем по этим живописным местам. За Ческой Липой местность постепенно переходит в более равнинную. Переезжаем Эльбу и вскоре подъезжаем к Праге, одна из машин остается у заставы, а другая едет... в город к коменданту за пропуском.

Ожидая возвращения машины, мы не скучаем — нас окружает масса народа — взрослых и ребят, и мы с ними заводим разговор. Привозят пропуск, и мы едем в город. Большой, живописный и очень оживленный город. Всюду флаги, флаги, флаги — национальные и союзных стран. Улицы разукрашены по-праздничному. Главное же украшение города — это приветливые, веселые лица, везде, всюду, кругом, куда ни взглянешь.

Заехав пообедать на продпункт, мы едем за город, в хозяйство ген.-лейтенанта Кожухова.

Н. Мозяйкин

30 мая 1945 г.

Утром выехали в Прагу, смотреть город. В городе был парад. Входили, вернее возвращались войска, их встречала праздничная, радостная толпа — приветственные крики, толпа с цветами. Окна, балконы, лестницы, крыши были полны возбужденным веселым народом. Ехали машины и ответное их приветствие, и взволнованные лица все это было грандиозно, и думалось о Москве, о своих, о том, как там будет так же радостно скоро и празднично. Потом осматривали город, с нами в машине поехал человек, знающий хорошо город и его достопримечательности. Красиво здесь, я <...> (*Неразборчиво*) не видела более нарядного и интересного исторически города. Вернулись домой к обеду. Вечером играли «Где-то в Москве». Устали мы и замучились очень. Завтра последний здесь спектакль.

Р. Оболенская

31 мая 1945 г.

В 10 часов утра поехали вторично осматривать Прагу. На сей раз без гида. На наше счастье попался случайно молодой человек, знающий русский язык — сын русских эмигрантов, который нас и водил по городу. Осмотрели народный театр, очень похоже на Львовский, были на кладбище, где похоронены лучшие люди Чехословакии — писатели, художники, композиторы. Красоту города уже описали предыдущие товарищи, город действительно красивый. Вечером играли спектакль «Где-то

в Москве» у генерала Краснокутского — нашего старого знакомого с февраля 1944 года. Завтра едем в ДКА.

П. Сентюлёв

1 июня 1945 г.

Едем в ДКА. Кажется, кончается наша работа! Ехали по очень красивым местам. Переваливали за Богемские горы, очень большие перевалы, машине трудно подниматься в гору, на одном спуске загорелись тормозные прокладки, еще немного, и могло бы окончиться катастрофой. По приезде в ДКА нам сообщили приятную новость, что отъезд наш в Москву назначается на 5 июня. Вечером показывали картину, но мы так устали с дороги, что не пошли смотреть. Все наши радиолюбители включили свои аппараты, так что впечатление получается, как на какой-то нестройной большой оркестровой репетиции, это очень утомительно.

А. Бархударова

2 июня 1945 г.

Последний рабочий день на фронте. Днем складываем вещи, под аккомпанемент чудесных радиоприемников. В промежутках наслаждаемся замечательной дрезденской природой. Лето в разгаре. Созрела черешня, клубника, зреет крыжовник, смородина, груша. В нашем саду все буйно цветет и растет.

Вечером спектакль «Свадебное» у наших старых друзей в автополку. Спектакль на открытом воздухе, после спектакля последний прощальный банкет. Как всегда, все устроено с особенным вкусом. На столе все дары раннего лета: свежие огурцы, салат, клубника и много-много

красных роз, после банкета полковник Чернов обещал показать нам трофейные кинокартины, но не тут-то было. Нас внезапно вызывают домой в ДКА. Концерт для маршала — говорит по телефону <...> (*Неразборчиво*) с сожалением прощаемся с милыми хозяевами и взволнованные уезжаем. Дома — неизвестность. Через час новая команда: можно ложиться спать! Ох, и беспокойная наша жизнь, даже вместо последней точки, получилась, какая-то невнятная закорючка!

Т. Блажина

3 июня 1945 г.

День для нашей администрации весьма хлопотливый. А мы занимаемся упаковкой вещей.

Благодаря хлопотам Исаея, Холодов и Токарская получают разрешение на въезд в Москву, вечером Граве ездил за специальной бумагой для них, и они также поедут с нами. Могу себе представить их радость, когда они узнают об этом!

День прошел без каких-либо интересных событий.

А. Данилович

4 июня 1945 г.

Утром собрание предотъездное. В половине 12-го Граве уезжает вперед на одной из машин, а всего у нас 4 грузовых и 4 легковых. Вперед за бензином, за Холодовым и Токарской, за продуктами и пр. Мы должны завтра встретиться с ним в Глейвице, т. е. проделать 500-километровый путь, где он должен приготовить нам ночлег. Отъезд назначен на завтра в 6 ч. утра. День проходит в упаковке и переупаковке вещей.

А. Данилович

5 июня 1945 г.

Отъезд в Москву! Хотели выехать в 6 ч. утра, но из-за документов и всяких предотъездных дел уехали в 11 ч. Целый эшелон — три грузовых, одна легковая, Граве с грузовой в Загоне, две легковых в Дрездене. Диспетчерская! Проехали Баутцен, Герлиц, Бунцлау и выехали на автостраду. По ней до Брига. Дальше дороги нет. Грузовая с Саней Лебедевым отстала. Отправляю машины в Глейвиц, а сам остаюсь на повороте ждать Сашу Лебедева. Полчаса — нет, час — нет, и только через два часа, почти в 10 часов вечера они приехали. Ночью едем дальше и в 2 часа ночи приезжаем в Глейвиц. Ни Граве, ни Исяя нет. Утро вечера мудренее. Спать!

Б. Королёв

Четыре встречи

Борис Полевой

Как известно, фронтовые дороги обязательно пересекаются. Простившись с боевым другом в мерзлом окопе под Мурманском, можно было неожиданно встретить его где-нибудь на маленьком, только что отвоеванном у врага плацдарме в днепровских низовьях или в Берлине, в Тиргартене, вырубленном артиллерийской канонадой. С фронтовым филиалом театра имени Вахтангова в годы войны мне приходилось встречаться часто и всегда неожиданно, на самых разнообразных участках гигантского советско-германского фронта, и в горькие дни отступлений, и во время направленных оборонительных боев, и в счастливое время гигантских наступательных операций, широких, могучих и неудержимых, как вешнее половодье, и в часы великого торжества победы над германской землей, куда театр пришел вместе с войсками, честно пронеся через всю войну свое славное оружие сценического искусства.

Я расскажу только о четырех встречах с «боевыми вахтанговцами», происшедших в разные сроки, на разных фронтах, при совершенно разных обстоятельствах.

Встреча первая

Мы познакомились ранней весной 1942 года. На Калининском фронте это была тяжелая весна. Неожиданно грянувшая распутица развалила дороги, парализовала движение. Не получая из-за отсутствия транспорта подкреплений, снабжались только по воздуху. Армия генерала Лелюшенко героически отбивала огромные по своим масштабам атаки немцев, стремившихся тогда расширять так называемый «Ржевский язык». В распоряжении у немцев были целый железнодорожный узел и два шоссе. Борьба шла неравная, и только героизм и несравненная стойкость солдат и офицеров, стоявших насмерть на своих полных вешней воды укреплениях, давали возможность держать здесь фронт.

Темной апрельской ночью в районе знаменитой в те дни деревни Космарихи, которую солдатская молва окрестила «Кошмарихой» за то, что в борьбе за нее полегло тут много и наших, и немцев, мы пробирались в штаб полка, придерживаясь за стремяна коней, едва вырывавших ноги из грязи. За сеткой холодного дождя дрожали огни немецких осветительных ракет, и сквозь шелест воды, чмокание грязи с близкой передовой доносились звуки резких автоматных очередей. Мы прошли совершенно снесенную немецкой артиллерией мертвую деревню и вдруг замерли на дороге, пригвожденные к месту такими необычными в те тяжелые дни да еще в районе передовой звуками. Из длинного темного здания, силуэт которого то вырисовывался в свете ракеты, то исчезал, растворяясь во мраке непогожей холодной ночи, слышался смех, смех, раздававшийся взрывами, смех дружный, богатырский, смех бодрый и заразительный.

Потянувшись на этот смех, мы вошли в замаскированные плащ-палатками ворота сарая. Он был битком набит солдатами и офицерами. Они сидели, поджав ноги, прямо на полу так тесно, что нельзя было меж ними пройти. Они стояли вдоль стен, сидели, как воробьи, на потолочных перекрытиях. В конце здания на нескольких поставленных на ящики из-под мин воротах была устроена сцена, и на ней шел спектакль. Спектакль в деревне

«Кошмарихе», в нескольких сотнях метров от передовой, на участке, где в те дни шла самая острая борьба! Это походило на хороший сон, приснившийся утомленному фронтовику. Но мы бодрствовали.

Спектакль шел задорный, яркий, увлекательный, в хорошем мастерском исполнении, которое невольно заставляло забыть и резкий рокот пулеметов, доносившийся с передовой, и едкий махорочный дым, повисший в сарае, и шелест холодного дождя, и кислый запах намокших шинелей и переносило в Москву в зрительный зал хорошего театра.

Смотрели спектакль бойцы батальона, который утром должен был пойти в атаку. И нужно было видеть их веселые, увлеченные зрелищем лица, слышать их дружный смех, и аплодисменты, и невольные реплики, и дружный одобрительный гул, заполнявший перерывы.

По стилю спектакля, несмотря на то что играли тогда не бог весть какую мудреную пьесу — «Свадебное путешествие», по мастерству и увлекательности игры сразу было видно, что это не любители и не провинциалы. Я спросил стоявшего рядом со мной батальонного комиссара, кто играет, и он с настоящей гордостью, с какой командир части говорит о каком-нибудь своем удачливом снайпере или героическом пулеметчике, ответил:

— Вахтанговцы из Москвы. Знаете, какой это театр! Они у нас уже недели две. Чудесные ребята. До самых что ни на есть передовых доходят со своими концертами... Тише... тише, начинают... — и комиссар застыл, встав на цыпочки, хотя, по собственному признанию, видел он этот спектакль уже пять раз.

Мы с жадностью, с какой изголодавшийся человек прикасается губами к холодному источнику, досмотрели этот спектакль. Эта встреча со столичным театром ночью, в тяжелые дни кровопролитных боев, в районе передовой была одной из самых ярких фронтовых встреч тех дней, и я записал себе в записную книжку фамилии актеров-энтузиастов, которые принесли свое светлое, жизнерадостное искусство сюда, под Ржев, в район передовых у деревни Кошмарихи, где в те дни шла жестокая и напряженная борьба. Вот эти фамилии: директор, он же один из ведущих актеров

спектакля И. И. Спектор, художественный руководитель А. М. Габович, артисты Т. И. Блажина, В. И. Васильева, А. К. Граве, А. М. Данилович, В. И. Данчева, А. М. Лебедев, Н. Н. Мозайкин, И. А. Соловьёв, Н. П. Яновский и балетист А. М. Голубев. Эти фамилии сохранились у меня в записной книжке вместе с именами героев тех дней — пехотинцев, снайперов, пулеметчиков, умевших стоять насмерть, защищая родную землю.

Встреча вторая

Прошло много месяцев. Отшумели сражения на Волге, у Великих Лук, на Курской дуге. Новые грандиозные впечатления, казалось, совсем загроздили в памяти эту неожиданную встречу с актерами-энтузиастами, под Ржевом. Но вот на Сумской улице Харькова, только что освобожденного войсками Степного фронта, нам бросилась в глаза большая, наспех написанная афиша: «Фронтowej филиал театра имени Вахтангова в помещении Театра русской драмы дает спектакль». Я помню, как удивленно переглянулись мы с Миколой Платоновичем Бажаном, тогда полковником, увидев эту афишу. Окраины Харькова еще горели. Трупы не были убраны с улиц. Немцы, уцепившиеся за Холодную гору, то и дело забрасывали оттуда центр города минами, Москва только что «отстреляла за Харьков», а тут эта афиша.

Но это было так. И стоило ли удивляться, что просторный зал театра был не переполнен, а именно набит до отказа, как московский трамвай в часы пик. Наверное, ни один самый лучший театр, выступая с лучшей пьесой своего репертуара, не встречал такого приема, какой встретил этот спектакль фронтовых вахтанговцев тогда в Харькове. Публика бешено аплодировала не только в конце акта. Аплодисменты врывались в само действие, сопровождая отдельные реплики. Шла пьеса «Наш корреспондент». Для харьковчан это было больше, чем спектакль, это было символом включения их в советскую действительность после более чем

двухгодичного пребывания в фашистском рабстве. Отважные актеры, игравшие в городе, находившимся под артиллерийским обстрелом, были не только мастерами искусства, но и умелыми политработниками.

Во время этого спектакля случилось происшествие, чрезвычайно характерное для «боевых вахтанговцев», как называли актеров филиала в воинских частях. Немцы начали интенсивный артиллерийский обстрел города. Все кругом загудело, заухало, посыпалась штукатурка, зазвенели стекла, и поднятая ужасом публика интенсивно ринулась к проходам. Но актеры продолжали играть. Они только переждали, пока смолкнут отзвуки разорвавшегося поблизости снаряда, и продолжали действие как ни в чем не бывало... И эта их самоотверженная работа загипнотизировала слушателей. Они отхлынули от дверей и понемногу заняли свои места. Спектакль продолжался под обстрелом.

Я помню, как это поразило одного из моих коллег, ныне покойного. Он долго потом по дороге в деревню, где мы жили, восторженно восклицал:

— Какая выдержка! Нет, какая выдержка, товарищи... Я все смотрел на эту актрису в кудряшках. Ведь девочка! И хоть бы побледнела, хоть бы голос дрогнул... Откуда это у них?

И он вспомнил чье-то старое стихотворение о том, как оркестр, продолжая играть в охваченном пожаром театре, спасает публику от паники и ее последствий.

Потом я узнал, откуда эта боевая закалка у вахтанговцев. Вместе с частями Красной Армии совершили они тяжелый путь отступления через Валуйки, Россошь, Богучары, до самой Волги, иногда покидая города с самыми последними частями, непрерывно работая, поднимая дух бойцов своими спектаклями и концертами. А потом они прошли тот же путь в дни победного наступления до Днепра, с первыми же войсковыми эшелонами входя в освобождаемые города, и тут, среди горящих развалин, под аккомпанемент канонады, а то и пулеметной стрельбы, давали спектакли для победителей и освобожденных жителей, концертируя в госпиталях и на бивуаках.

Встреча третья

А третья встреча с «боевыми вахтанговцами» произошла уже за границей освобожденной Родины в маленьком польском городке Соколув, недалеко от знаменитого Сандомирского плацдарма, с которого был совершен исторический прыжок Красной Армии на землю врага.

Спектакль шел в городском торговом клубе, бывшем при немцах конюшней квартировавшего здесь полка немецких гусар, и превращенном нами во временный Дом Красной Армии.

Я сидел тогда далеко от этого города, на полевом аэродроме, готовился лететь через фронт к повстанцам Словакии, поднявшим знамя восстания против немцев в центре Карпат.

Узнав о гастрольях старых знакомых, не утерпел и поехал в Соколув. К началу спектакля запоздал. Когда вошел в зал, поразила необычайная тишина. Шла пьеса «Где-то в Москве», и, хотя поставлена она была ярко, весело, с присущим «боевым вахтанговцам» задором и великолепным юмором, у многих офицеров я увидел на глазах слезы. Силой своего искусства актеры переносили офицеров и бойцов отсюда, с фронта, в далекий тыл, в родную Москву. Спектакль не только освежал, отвлекал от боевой обстановки, он звучал как привет с далекой родины, по которой тоскуешь все больше, по мере того как война уводит тебя все дальше и дальше от границ родной земли.

Сюда, в польский городок, и дальше, на Вислу, на завислинский плацдарм, на котором в те дни копились силы для удара на Германию, вахтанговцы принесли простенькую, проникающую в душу песенку о Родине, привет родной Москвы, привет героического тыла. Вот чем объясняется, не считая, конечно, исполнительского мастерства, тот огромный успех, неизменно сопровождавший этот спектакль вахтанговцев в частях 1-го Украинского фронта, занятых в те дни напряженной подготовкой к наступлению. После этого спектакля мы возвращались домой с одним очень крупным боевым генералом.

Это был человек начитанный, понимающий искусство, хорошо разбирающийся в душе солдата. Я сказал ему, где доводилось мне встречаться с фронтовым филиалом вахтанговцев.

— Я тоже их поклонник со стажем, — хрипел в ответ генерал. — Видел их и в театре, и просто на площади, и в балагане на передовой, куда пули залетают. И вы знаете, что у них особенно хорошо? Блюдут честь своего театра, не делают скидок на фронтовые условия, на неудобства. Вот хоть сегодня. Сцена не больше бильярдного стола. Приспосабливали ее меньше часа. А смотрите — спектакль. Да хоть в Москве его показывай. И будет иметь успех... А как у них все роли отработаны! Человек за всю пьесу два слова сказал, а уже с другим не спутаешь. В этом и прелесть их работы.

Потом, когда я узнал, с каким успехом эта постановка театра прошла в Москве и как тепло ее встретили москвичи, я вспомнил слова генерала. Да, сила этой небольшой группы актеров-энтузиастов, всю войну ездивших по самым активным фронтам и игравших в самых невероятных условиях, именно в том и состояла, что всегда и везде — и под дождем, и под бомбами, и на сдвинутых на площади грузовиках, и на полянке, и в лощине в районе передовой — они оставались вахтанговцами, они не мельчали, не приспособливались, как это, к сожалению, порой бывало с актерскими коллективами и бригадами, гастролировавшими по фронтам. Они играли для фронтовиков в полную меру своего актерского дарования, во весь свой голос, играли творчески, с огоньком, несли на фронт настоящее, большое искусство.

Кто-то из «боевых вахтанговцев» сказал мне, что порой им приходилось за сутки выступить по четыре-пять раз.

«Самый ранний наш спектакль мы начали в восемь часов утра. Это был спектакль для бойцов, которые в одиннадцать ноль-ноль должны были идти в наступление. Самый поздний спектакль мы начали в два часа тридцать минут ночи. Все уже спали, но нас разбудили и сказали, что командующий и член Военного совета фронта просят нас сыграть для группы генералов. Мы догадывались, что в этот день заседал Военный совет, на котором

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

решались большие вопросы наступления. И вот теперь участники Военного совета хотят посмотреть наш спектакль. Мы вскочили, и через полчаса в избе члена Военного совета уже раздвигался импровизированный занавес, несмотря на то, что многие со сна не успели умыться, — все мы в этот раз были в ударе. Раскатистый смех и улыбки на усталых лицах полководцев были нам лучшей наградой за этот неожиданный ночной спектакль».

Могут сказать, что трудно, почти невозможно играть творчески и с душой по четыре раза в день или вот так, вскочив со сна среди ночи. Трудно, но не невозможно. «Боевые вахтанговцы» это прекрасно доказали. Величайшие военные события, не только очевидцами, но и участниками которых они были, уважение к героям-воинам, для которых они играли, и, наконец искренняя и непосредственная восторженность фронтовой аудитории — все это вдохновляло и творчески возбуждало их, позволяло им в невероятно трудных условиях давать великолепные спектакли и высоко держать на фронте славу своего театра.

Встреча четвертая

Четвертая встреча с «боевыми вахтанговцами» состоялась на Нейсе, в немецкой деревушке в центре Саксонии, на землях врага, куда театр пришел не только вместе, но и в составе победоносной Красной Армии. Это были дни наших великих побед, о которых вахтанговцы мечтали в дождливый и холодный весенний день в сарае после спектакля в несуществующей уже деревне «Кошмарихе» под Ржевом, в разговоре с нами, фронтовыми журналистами, которых случайность привела на их спектакль.

Мы встретились в помещении, зал которого был наскоро приспособлен для торжественного заседания. Для театра это был особый день. Военный совет фронта наградил весь его коллектив боевыми орденами и медалями.

Один за другим выходили на наскоро сколоченную сцену режиссеры, актеры, обслуживающий персонал и получали награды из рук генерала. Один за другим прошли перед нами работники этого славного, единственного в стране полностью награжденного театрального коллектива. Каждого в тот вечер присутствовавшие в зале офицеры приветствовали дружескими долгими аплодисментами. И не случайно награды им вручили на фронте, не случайно каждый из них, получая награду, вытягивался перед генералом и по-военному отвечал:

— Служу Советскому Союзу.

Они были все годы войны солдатами искусства, они были хорошими, дисциплинированными, искусными солдатами, делавшими все, что было в их силах, для войны, для победы.

А потом новый отряд орденосцев и медаленосцев в том же маленьком зале показал свой спектакль «Не в свои сани не садись». Это был лучший ответ «боевых вахтанговцев» на награждение. Великолепный этот спектакль, вопреки предсказаниям скептиков и всяческих сухарей, утверждавших, что на фронте Островского смотреть никто не будет, прошел в наступающих частях с триумфом. Летчики смотрели его на аэродромах, откуда летали бомбить и обстреливать Берлин. Танкисты видели его в только что занятом Дрездене. Пехота смотрела его на марше, на открытых сценах, в глухих, скучных немецких селах, на берегах рек с мудреными названиями. И везде спектакль доходил. Везде встречался бурей аплодисментов. Островский, отлично донесенный вахтанговцами до сердец солдат, с особой силой звучал на чужой земле.

В этот радостный для театра день за дружеской чаркой много говорилось о работе театра во фронтовых условиях. Как водится, «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Кто-то из офицеров неудачно выразился, сказав, что если для творческого роста эти годы из-за невероятно тяжелых условий и не сыграли большой роли, то это искупается большим значением миссии, которую выполнял театр на фронте. Боже, как на него накнулись за эти слова

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

и актеры и зрители! И в самом деле, хотя это, может, и покажется невероятным, сорок месяцев, проведенных на фронте, и восемьсот пятьдесят спектаклей и концертов, данных театром в частях, при всех тяготах и неудобствах скитальческой солдатской жизни были временем полнокровного и быстрого творческого роста всего состава исполнителей. Годы, проведенные на фронте, были для них великой школой, углубившей их понимание жизни и творчества.

Давно уже окончилась война. Члены этого маленького коллектива, которых когда-то на фронтах величали «боевыми вахтанговцами», вернулись в свой театр, включились в общую творческую работу.

Но когда мы, встречавшие этих мужественных и самоотверженных актеров на разных и всегда самых активных участках фронта, видим их теперь в общих спектаклях театра, мы следим за ними, как за нашими боевыми товарищами, и искренне радуемся их новым творческим успехам.

Приложение

Материалы и документы

ФРОНТОВОЙ ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА

С 18 ФЕВРАЛЯ 1942

ПО 13 ИЮНЯ 1945

СОВЕРШИЛ

10 ВЫЕЗДОВ НА ФРОНТ,

ПРОБЫВ:

в 1942 г. – 200 дней

в 1943 г. – 265 дней

в 1944 г. – 255 дней

в 1945 г. – 130 дней

ВСЕГО ФИЛИАЛ
ПРОБЫЛ НА ФРОНТЕ

850 ДНЕЙ

И ДАЛ ЗА ЭТО ВРЕМЯ

1650 ВЫСТУПЛЕНИЙ

(СПЕКТАКЛЕЙ И КОНЦЕРТОВ)

ТРУППА ФРОНТОВОГО ФИЛИАЛА ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА

Художественный руководитель

ОРОЧКО Анна Алексеевна

Директор и актер

СПЕКТОР Исай Исаакович

Режиссеры

РЕМИЗОВА

Александра Исааковна

ГАБОВИЧ

Александр Маркович

Актеры

БАРХУДАРОВА Асмик Мирзоевна

БЛАЖИНА Татьяна Ивановна

ВАСИЛЬЕВА Вероника Игоревна

ГРАВЕ Александр Константинович

ДАНИЛОВИЧ Анна Михайловна

ДАНЧЕВА Валентина Ивановна

КОРОЛЁВ Борис Мефодьевич

КОТРЕЛЁВ Алексей Николаевич

ЛЕБЕДЕВ Александр Михайлович

ЛЕБЕДЕВ Николай Михайлович

ЛИПСКИЙ Игорь Константинович

МОЗЯЙКИН Николай Никитич

МОСКВИН Владимир Иванович

МОЧАЛОВ Иван Алексеевич

ПОКРОВСКИЙ Владимир

Александрович

ОБОЛЕНСКАЯ Рита Николаевна

СОЛОВЬЁВ Иван Андреевич

ЯНОВСКИЙ Николай Павлович

Концертмейстеры

ГОЛУБЕВ Александр Михайлович

ДИТРИХ Ирина Александровна

КИРЮХИН Александр Васильевич

Заведующий постановочной частью

СЕНТЮЛЁВ Петр Иванович

Гример

СИТНОВ Дмитрий Ильич

Костюмер

ВЕРЕЙКИНА Софья Васильевна

Электрик-осветитель

БУТЫРСКОВ Юрий Владимирович

РЕПЕРТУАР ФРОНТОВОГО ФИЛИАЛА

«СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» — май 1941 год

Комедия В. А. Дыховичного

Режиссеры А. И. Ремизова и А. М. Габович

«НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ» — декабрь 1942 г.

Пьеса Л. Левина и И. Меттер

Художественный руководитель А. А. Орочко и А. И. Ремизова

Режиссер А. М. Габович

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» — май 1943 г.

Водевиль А. Штейна и З. Аграненко

Постановка А. И. Ремизовой

Художник Л. Н. Силич

Музыка Б. И. Фомина

«НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ» — январь 1944 г.

Комедия А. Н. Островского

Постановка Ц. Л. Мансуровой

Режиссер В. И. Москвин

Художник А. К. Граве

«ГДЕ-ТО В МОСКВЕ» — сентябрь 1944 г.

Комедия-обозрение В. Масса и М. Червинского

Постановка А. И. Ремизовой и А. М. Габовича

Художник А. К. Граве

Музыка Н. Богословского

ДВЕ КОНЦЕРТНЫХ ПРОГРАММЫ

ОТЗЫВЫ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА.

Приезд фронтовой группы театра им. Евг. Вахтангова в части действующей Красной Армии свидетельствует о тесной дружбе фронта и тыла. Мы чувствовали в ваших выступлениях большую любовь и заботу советских людей о нас — бойцах Красной Армии. Каждое ваше выступление воспринималось нами не только, как выступление профессионалов, а как выступление наших близких, родных друзей за жизнь и счастье которых, мы ведем борьбу.

Из отзыва Нач. Политотдела Армии Бриг. ком. Королёва (Бр. ф-т)
14 ноября 1942 г.

Приезд актеров в нашу часть показывает, как крепка связь Красной Армии, борющейся с немецкими оккупантами, со своим тылом, с Советским народом. Нет сейчас мирных профессий. Борется весь народ.

Из отз. части, где ком. подп. Туркин. (Бр. ф-т) 18 ноября 1942 г.

Шуткой и смехом вы помогаете бойцам легче переносить невзгоды боевой жизни.

Гвардии ст. лейтенант Семеновых 12 янв. 1943 г. (Вор. ф-т)

Фронтовая группа вполне оправдывает свое назначение: актеры не требовательны к обстановке и способны играть в любых условиях предоставляемых фронтовой жизнью.

Из отзыва Н-го танкового соединения
И. о. нач. политотдела кап. Зайцева (В. ф-т) 14 янв. 1943 г.

Коллективу фронт. группы Моск. т-ра им. Евг. Вахтангова Россосанский РК ВКП/б/ выражает Вам глубокую благодарность за участие в организации культурно-политической жизни нашего города после освобождения его от немецко-итальянских оккупантов. Вы пришли к нам вместе с доблестной Красной Армией и вновь принесли населению нашего города советскую культуру, которая была уничтожена во время господства фашистов.

Секретарь РК ВКП/б/ Друзь
Февраль 1943 г.

Фронтальная бригада артистов Моск. Гос. т-ра им. Евг. Вахтангова художественно обслуживала бойцов, командиров и политработников армии ген.-майора т. Рыбалко в период наступательных боев.

В сложной, суровой фронтальной обстановке, не считаясь с трудностями и рискуя жизнью, бригада выступала с концертами на всем пути продвижения армии до Харькова.

Из приказа по Политуправлению Воронежского ф-та от 10 марта 43 г.

Вернем счастливую жизнь, подходя к полуразрушенному сельскому клубу, мы улыбались, зная — вдоволь повеселимся. И не ошиблись. «Свадебное путешествие» — так называется комедия, которую здесь ставили артисты! Беспрерывно, с начала и до конца спектакля все смеялись.

Улыбку, смех, широкое русское веселье принесли вы, дорогие гости, к нам на передний край. Вы напомнили нам о мирной довоенной жизни, когда каждый из нас работал, веселился. Фашисты нарушили наш покой, загнали радость, возбудили ненависть. Но эта ненависть — смерть врагам. Мы вернем прежнюю жизнь, а с ней радость, и счастье, и веселый смех.

Сержант В. Старостин
Красноарм. газета «Сталинский удар».
7 июня 1943 г.

Ваш самоотверженный фронтальной труд, Ваше высокое мастерство ширят и укрепляют популярность театра им. Вахтангова в массах фронтального зрителя, умеющего ценить и Ваше искусство, которое вы несете из столицы на фронт и народную заботу о Красной Армии, одним из проявлений которой является ваше пребывание здесь.

Из отзыва ген.-майора Панкина
Комиссара Шпакова
19 авг. 1943 г. (Вор. ф-т)

ОТЗЫВ О ВЫСТУПЛЕНИИ В ЧАСТЯХ Н-СКОГО ФРОНТА ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА.

Филиал Московского театра им. Вахтангова, в период с 26 мая по 8 июля 1943 г. работал в частях нашего фронта. Коллектив дал 77 концертов и спектаклей, из них значительное число для частей переднего края, в трудных фронтовых условиях.

Артисты театра принимались бойцами и командирами с теплотой и благодарностью. Представленный коллективом репертуар идейно-содержательный, актуальный, был преподнесен с подлинным художественным мастерством. Творческая работа коллектива значительно помогла командованию и политорганам в укреплении боевого духа бойцов, командиров и политработников.

Отмечая большую творческую работу филиала театра им. Вахтангова в частях фронта, выражаю благодарность:

Художественному руководителю,
заслуженной артистке —
А. А. ОРОЧКО

Артисту и директору театра —
И. И. СПЕКТОРУ

Артистке — А. М. БАРХУДАРОВОЙ

Артистке — Т. И. БЛАЖИНОЙ

Артистке — В. И. ВАСИЛЬЕВОЙ

Артисту — А. К. ГРАВЕ

Артистке — А. М. ДАНИЛОВИЧ

Артисту — Б. М. КОРОЛЁВУ

Артисту — А. Н. КОТРЕЛЁВУ

Артисту — А. М. ЛЕБЕДЕВУ

Артисту — Н. М. ЛЕБЕДЕВУ

Артисту — И. К. ЛИПСКОМУ

Артисту — Н. Н. МОЗЯЙКИНУ

Артисту — И. А. МОЧАЛОВУ

Артисту — В. А. ПОКРОВСКОМУ

Артисту — И. А. СОЛОВЬЁВУ

Артистке — В. И. ДАНЧЕВОЙ

Артистке — Р. Н. ОБОЛЕНСКОЙ

Зав. пост. ч. — П. И. СЕНТЮЛЁВУ

Режиссеру — А. И. РЕМИЗОВОЙ

Концертмейстеру — И. А. ДИТРИХ

Реквизитору — Е. Л. ОРОЧКО

Костюмерше — С. В. ВЕРЕЙКИНОЙ

Баянисту — А. М. ГОЛУБЕВУ

Электротехнику — Г. В. БУТЫРСКОВУ

Зам. нач. Политуправления Фронта гвардии полковник

/А. Писаренко/

9 июля 1943 года

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ПЕРВОГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА

№ 100/п

7 ноября 1943 г. Действующая армия.

СОДЕРЖАНИЕ: О работе фронтового театра им. Вахтангова.

Отметить, что фронтовой театр им. Вахтангова за одиннадцать месяцев непрерывной работы по художественному и политическому обслуживанию частей нашего фронта проделал исключительно большую и полезную работу.

Театр прошел с частями фронта весь путь напряженных наступлений от Воронежа до Киева, от Дона до Днепра. Только в частях передней линии театр дал больше пятисот спектаклей и концертов.

Театр за свою самоотверженную и высокохудожественную работу стал самым любимым коллективом среди бойцов, сержантов, офицеров и генералов фронта. Выполняя эту работу, коллектив много раз проявлял при этом мужество и самоотверженность.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Фронтовой театр им. Вахтангова считать постоянным театром Политического Управления фронта и впредь его именовать — фронтовой филиал театра им. Вахтангова — при Политическом Управлении Первого Украинского фронта:

2. Всему коллективу фронтового театра им. Вахтангова при Политическом Управлении Первого Украинского фронта:

ОРОЧКО А. А.,
заслуженной артистке РСФСР,
художественному руководителю
СПЕКТОРУ И. И.,
артисту и директору
РЕМИЗОВОЙ А. И., режиссеру
БЛАЖИНОЙ Т. И., артистке
БАРХУДАРОВОЙ А. М., артистке
ВАСИЛЬЕВОЙ В. И., артистке
ГРАВЕ А. К., артисту
ДАНЧЕВОЙ В. И., артистке

ДАНИЛОВИЧ А. М., артистке
КОРОЛЁВУ Б. М., артисту
КОТРЕЛЁВУ А. Н., артисту
ЛЕБЕДЕВУ А. М., артисту
ЛЕБЕДЕВУ Н. М., артисту
ЛИПСКОМУ И. К., артисту
МОЗЯЙКИНУ Н. Н., артисту
МОЧАЛОВУ И. А., артисту
ОБОЛЕНСКОЙ Р. Н., артистке
ПОКРОВСКОМУ В. А., артисту

СОЛОВЬЁВУ И. А., артисту
ГАБОВИЧУ А. М., режиссеру
ГОЛУБЕВУ А. М., баянисту
ДИТРИХ И. А., аккордионистке
СЕНТЮЛЁВУ П. И.,
зав. постановочной частью

БУТЫРСКОМУ Г. В.,
электроосветителю
ВЕРЕЙКИНОЙ С. В.,
костюмерше
СИТНОВУ Д. И., гримеру

ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

Командир Фронта генерал армии /Н. Ватутин/
Член Военного Совета Фронта генерал-майор /К. Крайнюков/
Начальник Штаба Фронта генерал-лейтенант /С. Иванов/

С подлинным верно:

Начальник общей части ПУ старший лейтенант /ПЕТРОВ/

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДВАРЯ ДНЕВНИК

Вместе с армией. А. Габович, И. Спектор	5
Три с половиной года. Н. Мозяйкин	27

ДНЕВНИК ФРОНТОВОГО ТЕАТРА

I. Ноябрь 1942. Брянский фронт	33
II. Декабрь 1942 – март 1943. Воронежский фронт	49
III. Май-июль 1943. Курская дуга Воронежского фронта	111
IV. Август-ноябрь 1943. 1-й Украинский фронт.	169
V. Январь-май 1944. 1-й Украинский фронт	203
VI. Сентябрь-ноябрь 1944. 1-й Украинский фронт.	281
VII. Февраль-июнь 1945. 1-й Украинский фронт	339

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Четыре встречи. Борис Полевой	395
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ	405
-----------------------------	-----

Вахтанговский фронтной театр

Фронтные дневники

В оформлении переплета и книги использованы фотографии Н. Н. Мозяйкина из фондов Музея Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова
На обложке — актеры в дивизии П. С. Рыбалко
Фотографии для книги подготовлены Мясниковым В. Л.

Редакторы	М. Р. Литвин М. Б. Маликова И. Л. Сергеева
Художник	А. Б. Осенева
Компьютерная верстка	В. Ю. Лунин
Предпечатная подготовка	Д. В. Морозов
Корректор	В. М. Козлова

Подписано в печать 15.04.2015
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Вкладки — бумага мелованная
Гарнитура FranklinGothic
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 87

ISBN-13: 978-5-902492-33-7

Т
т е а т р а л и с

Издательство «Театралис»
105082 Москва, ул. Б. Почтовая, д. 5
Тел. (495) 640-79-26 (многоканальный)
www.teatralis.ru
e-mail: teatralis@yandex.ru

Л. Левин и И. Меттер

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ

Пьеса в 3 действиях, 5 картинах

Малолетков Владимир Николаевич, журналист А. К. Граве
Алеша Горшенин В. И. Васильева
Настя, его няня А. М. Данилович
Председатель Радиокomiteта Б. М. Королев
Вера, его дочь Т. И. Блажина
Клавдия, шофер Радиокomiteта Р. Н. Оболенская
Кириллов, зав. хлебным магазином В. И. Данчева
Кириллова, его жена И. К. Липский

Березкин Р. Н. Оболенская
Лейтенант Рогов А. И. Ремизова
Майор Цомаев В. А. Покровский
Тимохин, ефрейтор, герой Советского Союза Н. М. Лебедев
Кашкин И. А. Мочалов
Барсуков А. Н. Котрелев

Бут, повар А. М. Габович

Режиссер А. М. Габович
Художественные Руководители спектакля:
Заслуженная артистка РСФСР А. А. Орочко
А. И. Ремизова

Концертмейстер И. А. Дитрих
Баянист А. М. Голубев
Художественный руководитель Фронтального филармонического ансамбля
Заслуженная артистка РСФСР А. А. Орочко.

А. Штейн, З. Аграненно

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Комедия-водевиль в 3 действиях

Свят Святецкий, начальник дома отдыха И. А. Соловьев
Леночка, культработник В. И. Васильева
Жмых, старый боцман Н. М. Лебедев
Маруся, подавальщица В. И. Данчева
Гришкин, шофер И. И. Спектор
Катков Николай, капитан В. А. Покровский
Капков, капитан И. К. Липский
Петрухин, капитан И. А. Мочалов
Ушаков, лейтенант Н. Н. Мозяйнин
Зоя Цветкова Т. И. Блажина
Бумберг-Думсберг А. Н. Котрелев
Венецанова А. М. Данилович
Лютик } краснофлотцы А. М. Лебедев
Зайчиков }

Режиссер А. И. Ремизова
Художник Л. Н. Силич
Музыка Б. И. Фомина
Текст песен А. К. Граве

Текст песни Каткова В. Дыховичного
Танцы поставлены Н. Н. Соколовым

„ГДЕ-ТО В П

комедия-обозрение в 3-х д

Мельников, лейтенант
Коваленко, Степан Афанасьевич
носильщик
Н ю р а
Смирнов, пожилой рабочий
Пелагея Ивановна, его жена
Анна Петровна Смирнова, архит
Смирнов, ее муж
Анна Петровна Смирнова, зени
Анна Петровна Смирнова, актри
Анна Петровна Смирнова, стару
Клеопатра Ивановна, сотрудни
ресного стола
Зав. адресным столом
Режиссер театра оперетты
Паклан, актер
Н а д я, зенитчица
Зенитчик
Пассажир на вокзале
Его жена
Милиционер
Постановка А. И. Ре
Художник А. К. Грав
Песня о Москве — музыка композ
Танцы — Е. М. Берсене
Спектакль ведет Н. Е
Концертмейстер — А. Е
Зав. постановочной ча
Художественный руководитель
А. А. Ор
Директор — И. И. Сне

Л30674

8XII-44 г. тир. 300

Масс, Мих. Червинский
МОСКВЕ

действиях, 9 картинах

- ... А. К. Граве
 ... И. А. Соловьев
 ... Т. И. Блажина
 ... В. А. Шорговский
 ... В. И. Данчева
 директор М. Н. Оболенская
 ... В. И. Москвин
 ... В. И. Васильева
 ... В. И. Данчева
 ... А. М. Данилович
 ... А. М. Данилович
 ... Б. М. Королев
 ... И. К. Липский
 ... И. А. Мочалов
 ... А. М. Бархударова
 ... Д. И. Ситнов
 ... Н. Н. Мозяйкин
 ... А. М. Бархударова
 ... А. Н. Котрелев
 ... мизовой и А. М. Габович
 ... атора Никиты Богословского
 ... ва
 ... И. Мозяйкин
 ... В. Кирюхин
 ... астью—П. И. Сентюлев
 ... ль—заслуж. арт. РСФСР
 ... очко
 ... стор

... 2953 ... тни. Советского РПТ

А. Н. Островский
**„НЕ В СВОИ САНИ
 НЕ САДИСЬ“**

Пьеса в 4-х картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Максим Фелотыч Русаков, богатый купец ... В. И. Москвин
 Авдотья Максимиовна, его дочь ... Т. И. Блажина
 Арина Федотовна, его сестра ... Р. Н. Оболенская
 Бородин, молодой купец ... В. И. Данчева
 Сильвестр Поталыч Маломаляский, содержатель трактира ... Н. М. Лебедев
 Анна Антоновна, его жена ... И. А. Соловьев
 Виктор Аркадьевич Выхорев ... А. М. Данилович
 Баранчевский, его друг ... А. К. Граве
 Степан, слуга Вихорева ... В. А. Покровский
 Половой в трактире ... А. М. Лебедев
 ... И. Н. Мозяйкин

Постановка Народной артистки РСФСР
 Ц. Л. Мансуровой

Режиссер В. И. Москвин

Художественный руководитель фронтового филиала
 Заслуженная артистка РСФСР А. А. ОРОЧКО.

Комитет по делам Искусств при СНК СССР
Всероссийское Театральное Общество

1944 г.

1944 г.

**Смотр
 фронтовых
 театров**

**Фронтальной Филиал Государственного Театра
 им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА**

Понедельник

Эта книга создана на основе подлинных дневников, которые ежедневно в течение трех с половиной лет, с ноября 1942 по май 1945 года, вели участники фронтового филиала вахтанговского театра. Они вместе с 1-м и 2-м Украинскими фронтами прошли весь боевой путь от Ржева до Берлина.

Театр впервые полностью публикует этот эксклюзивный материал, все это время бережно хранившийся в его музее.

И сегодня, в канун семидесятилетия Великой Победы, руководство Театра посчитало необходимым издать книгу.

В ней собраны документы о будничном подвиге, который вместе со всей страной совершили вахтанговцы.

Книга проиллюстрирована фотографиями, сделанными во время выступлений бессменным участником фронтового филиала, артистом Мозяйкиным Н.Н.